

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

9-10 (428)

2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен 3

Александр Титов. Кот Марс. Повесть 208

ПОЭЗИЯ

Олег Дозморов. «Кофе, бисквит, пирожок европейский...» и др. 192

Феликс Чечик. «В чистом виде поэзия – без...» 197

Марина Палей. Из цикла «Слова исключения» 200

Алексей Александров. «Как нас накрыло летом и повело...» и др. 220

Анастасия Усачева. «Там хороший ветер...» 223

ДЕБЮТ

Илья Быков. Разговор над покойником 226

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Вячеслав Лопатин. Борисов-Мусатов–2010: ступенчатый колорит 232

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Анна Голубкова. Отложенное признание 283

Андрей Пермяков. Стихи на асфальте 286

Сергей Трунев. Продолжение достоинств 289

Алексей Колобродов. Большой Довлатов в малой серии 290

Виктор Селезнев. «Всё наше! Всю Россию потребуем!» 294

КИНООБОЗРЕНИЕ

Иван Козлов. *Три попытки влиться в мэйнстрим* 297

© «Волга», 2010

Алексей СЛАПОВСКИЙ

БОЛЬШАЯ КНИГА ПЕРЕМЕН

Перемена империи связана с гулом слов,
с выделеньем слюны в результате речи,
с лобачевской суммой чужих углов,
с возрастанием исподволь шансов встречи
параллельных линий (обычной на
полюсе).

И. Бродский

Предисловие

Я писал эту книгу сквозь другие свои романы, повести, пьесы и сценарии, одновременно с ними, параллельно, вдоль и поперек. Они будто назначили здесь свидание друг другу своими тенями, голосами и отголосками – как и герои определенного типа, к которым любой писатель цепляется всю жизнь, почему-то предпочитая их другим. Следовательно, книга еще и о том, как изменились эти герои.

Во многих местах я сам увидел явные переклички и отметил их, в других не разглядел, если кто-то отыщет – на здоровье. Но особого внимания обращать на это не нужно: в книгах, как и в жизни, сходства имеют формальное значение, и нет ничего, что было бы абсолютно похоже на другое. В этом и интерес.

А.С.

1. ЦЯНЬ. Творчество*

_____
_____
_____
_____
_____
_____

Испытание вы выдержите.

Илья Немчинов, один из ведущих сотрудников сарынской информационно-развлекательной газеты «Свободное время», пришел на работу, в редакционный полуподвал, по обыкновению,

**Названиями глав служат отрывки из древнекитайской «Книги Перемен» («Чжоу И»), которые удивительным образом совпали с рассказанной современной историей – и именно в последовательном пронумерованном порядке. (Здесь и далее – примечания автора).*

Алексей Слаповский родился в 1957 году в селе Чкаловское Саратовской области. С 1968 по 2000 год жил в Саратове. Автор множества романов, пьес, теле- и киносценариев. Наиболее полная и достоверная информация о писателе на сайте http://www.slapovsky.ru/ Живет в Москве.

раньше других. Ему нравилось это, как в детстве нравилось, особенно зимой, прийти затемно в школу и почувствовать себя первопроходцем нового дня в странно пустых коридорах, обычно наполненных криками и беготней; было что-то в этом приятно-одинокое, школа казалось неприкаянной и грустной, как покинутый корабль.

В утренней тишине хорошо думалось – не о чем-нибудь конкретном, а вообще.

Но сейчас подумать и насладиться тишиной не дали: зазвонил телефон, мужской голос спросил нетерпеливо:

– Редакция?

Было еще в этом голосе приготовленное раздражение – будто звонящий не надеялся попасть с первого раза, куда надо. И это ожидание неизбежной ошибки характерно для жителей нашей таинственной Родины, где от века любимый обычай – путать с неизвестной целью адреса, номера телефонов и кабинетов; а особенно невозможно доискаться, кто именно должен ответить тебе на тот или иной вопрос, ибо первая реакция любого должностного лица на входящий звонок или входящего человека – онтологический испуг, неприязнь и желание зарыться в бумаги, как ящерица пустыни мгновенно закапывается в песок.

Об этом успел подумать Немчинов за тот крошечный промежуток времени, пока звучал голос.

И не только об этом он успел подумать. Недаром жена Люся с ласковой горечью называет Илью лунатиком, инопланетянином: он не может привыкнуть к элементарным вещам, на которые другие не обращают внимания. В частности, Илья не устает удивляться нелюбви русских людей к правильному русскому языку – это и грамматики касается, и интонаций.* Мы почему-то поголовно не умеем и стесняемся говорить прилюдно или с кем-то незнакомым. Среди своих и в родных стенах все получается легко и привычно: не надо себя урезать и урезонивать. Стоит же обратиться к кому-то чужому или что-то произнести для нескольких людей, голос делается неестественным и напряженным. Водитель маршрутки, например, выкликает с нарочитой неразборчивостью: «Следща Втора Садова!» – и слышно, с каким отвращением он это выговаривает, как тяготит его эта обязанность, как виснут в середине и в конце фразы тягостные пустоты вместо обычных матерных связок.

При этом, говоря нецензурно или неправильно, многие это вполне понимают. Но соблюдать правила, выкаблучиваясь, будто диктор телевидения, означает пойти против себя, против своих привычек, и в этом гнездится одно из основных ментальных противоречий русского человека: поступая, как не надо, он часто знает, как надо (последствия всеобщей грамотности, пусть и весьма худой), но, если будет чистоплюйствовать – засмеют окружающие. Вынужденный говорить грамотно и без мата где-нибудь в присутственном месте, в конторе, в учреждении, наш человек становится угрюмым, ему неуютно, он оглядывается на дверь, хочет побыстрее на свободу, к простым и ясным словам, чиновники это давно поняли и вовсю пользуются, решая дела в своих интересах.

У многих же народов, по мнению Немчинова, никогда, заметим, не выезжавшего за границу, жизнь катится легче, без надрыва, потому, что, когда они говорят и поступают неправильно, им в голову не приходит, что это неправильно, значит, нет постоянного стресса и раздраженности. Короче, не впрок умен наш человек, мысленно не раз вздыхал патриот Немчинов.

Итак, мужской голос произнес, неотесанно комкая окончание:

– Редакц'а?

– Да, здравствуйте, – очень вежливо ответил Немчинов, намекая, что собеседнику тоже не

** Ср: «Они»: «Но тогда мы все оккупанты, приходит он тут же к выводу, ибо все плохо говорим и еще хуже пишем на собственном родном языке, понимать же мы его часто совсем не понимаем». Или – «Война балбесов»: «Миссионерской идеи Андрей Ильич не нес, хотя русский язык любил до тошноты. Это не для оригинальности выражения сказано. Когда он видел неправильно написанное слово, его действительно и в прямом смысле физически тошнило. С каждым годом это обострялось, и он знал, что рано или поздно придется бросить учительство».*

помешало бы поздороваться. Но тот проигнорировал.

– Илью Васильевича Немчинова можно услышать?

– Вы его слышите.

– Ага. Я тогда подъеду к вам. У вас адрес, как в газете?

– А по какому вопросу?

– Сейчас подъеду, расскажу.

И минут всего лишь через пятнадцать появился высокий мужчина в голубых джинсах и красной футболке, облегающей мощный спортивный торс, сел, протянул через стол руку:

– Петр Чуксин.

– Очень приятно.

Чуксин положил на стол книгу и спросил так, будто предупреждал, что отпираться бесполезно:

– Ваша?

Да, это была книга Немчинова о сарынском просвещенном купце Игнате Постолыкине, который к старости устыдился своего богатства, построил два приюта и больницу, а оставшиеся деньги роздал, пустив в результате собственную семью по миру, сам же ушел жить отшельником в пещеру под городом Хвалынском. Немчинов работал над книгой восемь лет. Закончив, предлагал ее в известное издательство «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей»), но ему сказали, что Постолыкина никто не знает. Немчинов возразил: ваша серия про замечательных людей, а не знаменитых, Постолыкин же намного замечательнее многих известных персон, кому вы, не жалея бумаги, посвящаете толстые тома. Не убедил, пришлось издать книгу в местном издательстве на деньги меценатов. Деньги-то они давали, но с таким видом, будто Немчинов хочет с каждого их кровного рубля украсть полтинник. Зато книга получилась неплохая, в красивом переплете и с фотографиями. Тираж – тысяча, но за два года почти всё разошлось.

– Моя, – сказал Немчинов, не понимая, что заинтересовало этого человека. Может, он потомок? Но потомков у Постолыкина в России вроде бы не осталось.

– Ага, – кивнул Чуксин. – Такое дело: мы тоже книгу хотим.

– Кто?

– Я и Максим Костяков. Для нашего брата Павла, Павла Витальевича Костякова, ему пятьдесят пять будет зимой. Вот мы и хотим ему к юбилею книгу.

Немчинов знал, конечно, и Павла Витальевича Костякова, предпринимателя и депутата, очень большую и уважаемую фигуру в сарынском масштабе, и его младшего брата Максима Костякова, одного из заместителей Председателя Правительства Сарынской губернии. Вспомнил Илья и о том, что у них есть двоюродный брат, вот этот самый, значит, Петр Чуксин. В народе об этом клане говорили разное – о тернистом и не всегда праведном восхождении братьев к нынешнему высокому положению, но Немчинов подробностями не интересовался, в журналистике его привлекало тихое краеведение, писал он также о событиях местной культуры, хотя часто с иронией, от злободневных же общественных тем его давно печально отвратило. В советское время Илья, кухонно диссидентствуя, хвастался тем, что отделил себя от государства. А теперь государство без всякого хвастовства, молча отделилось от Немчинова, видя в нем только будущую пенсионную обузу.

– Значит, хотите книгу? – уточнил Илья с тончайшей, постороннему уху не слышной, иронией.

– Да.

– А почему не фильм? Многие снимают. Вехи жизненного пути в документальной или художественной форме. Или еще проще: пригласите на день рождения какого-нибудь знаменитого певца или актера. Кого он любит?

– Это мы, само собой, позовем, кого надо, без проблем. Но книгу тоже хотим. Тут в чем дело: Максим увидел эту книжку у Павла...

– Он ее читал?

– Ну.

Черт побери, подумал Немчинов, это приятно. Пусть Павел Костяков, возможно, бывший бандит и теперешний коррупционер, а все равно приятно. Да, кстати, может, не такой уж он был и бандит, да и сейчас не такой уж коррупционер? Как легко и быстро мы готовы осудить человека!

– Он ее читал, – втолковывал Петр, – и она ему понравилась. И он говорит: вот, говорит, люди не только пишут о полководцах там и других там, типа актеров, а вот, про купца книгу человек написал. Максим это услышал и мне говорит: если эта книга Павлу так понравилась, сделаем ему подарок, пусть про него тоже напишут.

– Кто?

– Вы, кто же еще?

– Постолыкин жил давно и умер. А ваш брат жив, – сказал Немчинов.

– Ну и что? Мне вот лично по фигу, что там после моей смерти будут писать. Я-то все равно не прочитаю. А при жизни было бы интересно!

Немчинов уже принял решение, он знал, что не согласится. Не хватало ему испортить себе репутацию, позориться, как навсегда опозорился Кеша Шушварин, создавший в соавторстве с ректором Сарынского гуманитарного университета Харисовым книгу-альбом о предыдущем губернаторе – в фанфарном стиле, чуть ли ни стихопрозой, с глянцевыми фотографиями, увесистую, как кирпич. Губернатор был доволен и дарил ее высоким гостям, а вскоре его уличили в масштабных злоупотреблениях, согнали с губернаторского места и сослали в Москву руководить каким-то второстепенным, но сытным департаментом. Шушварина презирали, посмеивались над ним, а потом как-то замялось, потускнело: народ в Сарынске забывчивый в силу нравственной лени. Но Немчинов, встречаясь с ним, до сих пор испытывает гадливое чувство, старается не вступать в разговор и уклоняться от рукопожатий.

Однако Немчинов хотел получить удовольствие сполна, немного поиграть в наивность и простодушие, что у него неплохо получалось (так он считал, будучи при этом и без всякого наигрыша довольно-таки наивным и простодушным человеком).

– Понимаете, – сказал Илья, – о Постолыкине книга – беллетризованная биография.

– Какая?

– Беллетризованная. То есть биография, облаченная в форму художественного повествования.

Петр очень старался – хотел понять.

– Нет, но я читал тоже, там ничего художественного нет. Как жил, детство, женился, семья и все такое, чем занимался. Это же вы не придумали?

– Это не придумал. А диалоги?

Немчинов взял книгу, раскрыл, полистал.

– Вот:

«– Больше ничего не хочу слышать, – сказал Постолыкин.

– Что же ты с нами делаешь! – возопила Анна Феоктистовна.

– Не зычь, не пожар! – сурово пресек Игнат Тарасович».

Немчинов прочел с удовольствием, вспоминая, как славно работалось над этой книгой, как он нащупывал язык, умеренно вставляя архаичные сочные словечки вроде вот этого: «не зычь», сиречь не кричи громко, зычно.

– То есть этого не было? – спросил Петр.

– Было, но я же там не присутствовал. Что-то в таком духе, возможно, говорили. Но не обязательно именно так. Это художественная реконструкция.

Петр был озадачен. Он достал телефон – наверное, хотел позвонить более образованному брату. Но, не позвонив, положил телефон на стол. Его озарило:

– Так еще легче! – сказал он. – Там вы придумывали, а тут будет все по правде! Мы вам расскажем, а вы запишете. И диалоги эти самые, и все остальное. Короче, вопрос в чем: сколько будет стоить?

Немчинов усмехнулся:

– Вообще-то прейскуранта нет, смотря кто пишет. Кто-то и за двадцать тысяч рублей согласится, а кому-то двадцати миллионов мало.

– А конкретно? – спросил Петр, почувствовав себя увереннее: торговаться было его стихией, хотя он и не имел понятия о предмете торговли. – Мы узнавали, десятка, например, приличная цена. Десять тысяч, в смысле. Долларов.

– Прежде, чем говорить о деньгах, я должен понять, о ком я пишу и с какой целью, – сказал Илья, скромно наслаждаясь ситуацией.

– Ну, вы странный какой-то! – удивился Петр. – О нашем брате, сказано же! А цель – к дню рождения подарить.

– Но я о вашем брате ничего не знаю.

– Весь город знает, а вы нет?

– Только в общих чертах.

– Ничего, расскажем.

– Хорошо бы еще какой-нибудь семейный архив, какие-нибудь записи. Для создания полноценной книги на документальной основе нужен обширный фактический материал. Я Постолыкиным восемь лет занимался. И потом, как вы отнесетесь к тому, что я могу наткнуться на нежелательные факты? Или вам нужен только позитив?

Чуксин, судя по тому, как напряженно он морщился, все меньше понимал Илью.

– Какие еще нежелательные факты, к дню рождения книга, ничего нежелательного быть не может!

Тут Илья откинулся в кресле, помолчал, постучал кончиком ручки о стол и сказал с сожалеющей улыбкой:

– Извините, это не ко мне. Вам нужно в Москву обращаться, там писателей полным-полно. Или хотя бы к местным настоящим писателям, знаете, к тем, которые еще не забыли, как соцреализмом занимались, это ближе к вашим запросам.

– Ясно, – сказал Петр. – Триста тысяч рублей мало, так я понимаю?

– Да не в деньгах дело!

– А в чем?

– В том, что я привык следовать фактам, писать правду, а вы мне предлагаете дифирамбы петь в жанре романа. Я дифирамбы петь не умею.

– Какие еще дифирамбы, не свадьба! – сказал Петр. – Пишите правду, кто против? Только правду нормальную, хорошую, к дню рождения книга все-таки. Полмиллиона устроит?

– Нет.

– Почему?

– Я же сказал – дело не в деньгах.

– А в чем?

– В формате. Я в таком формате не работаю.

– Формат какой-то. Причем тут формат? А деньги хорошие. Вряд ли вам тут такие платят, – Чуксин оглядел дешевые редакционные столы на металлических ножках, старенькие компьютеры, расшатанные кресла с протертыми сиденьями и спинками, желтый линолеум на полу с высветленными белесыми тропками, где чаще ходят, а в иных местах и с дырами.

– Да, хорошие, да, тут таких не платят. Все понимаю, но – увы, – Илья развел руками.

Чуксин взялся все-таки за телефон, набрал номер.

– Макс, – сказал он, глядя на Немчинова, как на посторонний объект. – Он не хочет. Говорит, не его формат. Полмиллиона давал.

После этого Петр выслушал указания двоюродного брата, отключился и сказал:

– Миллион.

Немчинову даже жарковато стало. Но не от жадности, а от гордости, от чувства собственного достоинства. Может быть, солдаты на войне, совершая подвиг, пусть даже не вполне разумный с

обыденной точки зрения, чувствуют что-то подобное.

– Нет, – твердо сказал он. – Извините. Я своих решений не меняю.

– Тогда я пас, – сказал Петр. – Не хотите, как хотите. А больше заплатить не сможем.

– Я и не прошу.

– До свидания.

– Всего доброго.

Они расстались в противоположных чувствах: Петр так и не понял Немчинова и был собою недоволен, а Немчинов, наоборот, очень себя уважал.

Вошла Ольга Грушева из отдела рекламы, оглядываясь и недоумевая.

– Это не Петр Чуксин был?

– Петр Чуксин, – подтвердил Илья.

– А чего он хотел? Не рекламу же дать? Мы для него все равно, что стенгазета.

– Нет, по другому делу.

– По какому?

Илье очень хотелось похвастаться, но он удержался. То, что узнает Грушева, к вечеру будет знать весь город. Это ни к чему.

– Просто перепутал, искал учреждение какое-то.

– А...

Этим объяснением Грушева вполне удовлетворилась: ее вообще успокаивали разочарования. Увидев, например, на моднице Танечке Лавриненко новый наряд, она восклицала:

– Ох, красота! Сколько стоит?

Танечка, балованная дочь обеспеченных родителей, называла цену – как правило, не меньше месячной зарплаты Грушевой, и у той сразу же пропадал интерес, все равно неподъемно. Так же и с рекламой: уговаривая потенциальных заказчиков, Лида, получив отказ, равнодушно клала трубку:

– Не хотите, как хотите.

А если вдруг кто-то соглашался, она с тоской начинала собираться в дорогу.

– Засели на окраине, а сами приехать, видите ли, не могут! Тащись теперь из-за ста рублей!..

2. КУНЬ. Исполнение

——— ———
——— ———
——— ———
——— ———
——— ———
——— ———

Трудитесь усердно.

Валерий Сторожев, услышав звонок домофона, удивился: он никого не ждал, а у Наташи свои ключи. Вышел в прихожую, где был экран камеры наблюдения. Увидел: Илья Немчинов. Один из последних, кто сохранил провинциальную привычку заходить в гости без предупреждения, без телефонного звонка, явочным порядком, хотя ведь болтыхается в кармане мобильник, как и у всех, разве трудно достать и нажать пару кнопок?

Сторожев и Немчинов были одноклассниками. Немчинов стал журналистом и краеведом, а Сторожев после мединститута получил направление в новую поликлинику на окраине Сарынска, трудился там невропатологом, попутно занимаясь входящей в моду психотерапией. Дали квартиру как молодому специалисту, человеку семейному, с женой и ребенком. Сторожев прожил там пятнадцать лет, иногда неделями не выезжая в город, как здесь говорили местные, имея в виду центр. Привык к своей поликлинике, быстро заросшей по самую крышу тополями и облупившей-

ся, будто ей уже полвека, к сотрудникам, к скромной зарплате, к жене Лидии тоже привык, хотя женился не по любви, а по недоразумению. В подобных случаях говорят: как честный человек не мог не жениться – Лидия забеременела. Через пять лет после рождения дочери Ксении родили еще и сына Михаила. Как бы для комплекта: есть дочь, ну, пусть будет и сын. В общем, все шло своим чередом, а потом в поликлинике появилась выпускница мединститута красавица Илона и влюбилась в Сторожева, что вполне объяснимо – он мужчина видный, высокий, волосы волнистые, глаза карие, выразительные. Сторожев, кстати, и до этого периодически блудил, но осторожно, а тут все сразу началось всерьез и безоглядно.

Илона, яркая, энергичная, так подействовала на Сторожева, разбудив его честолюбие, что он за короткий срок коренным образом изменил жизнь. Закончив соответствующие курсы, стал модным массажистом, ставил еще и иглы, и пиявки, а потом перешел в наркологи, облегчал от алкоголизма и выводил из запоев обеспеченных людей – клиентуру поставляли родители Илоны, представители сарынской элиты. Сторожев торопливо, словно боясь раздумать, развелся с Лидией, женился на Илоне, появилась дочь, которой дали причудливое имя Сана, но через три года Сторожев понял, что совершил ошибку, что, пожалуй, скучает по Лидии и не очень-то, кажется, любит, увы, Илону, несмотря на все ее достоинства. Очень уж тяжелый оказался характер, сроду не дождешься от нее улыбки, вечно брюзжит по мелочам. А Сторожев уже крепко стоял на ногах, купил целое крыло в двухэтажном старом здании, в центре Сарынска, отремонтировал, оформил частное лечебное предприятие, завербовал приходящих врачей (в основное время они трудились в государственных клиниках) и несколько постоянных, неплохо зарабатывал. При этом тяжелую свою работу нарколога по вызову (и не только для богатых) не бросал – не то, чтобы она так уж ему нравилась, но всякому нормальному человеку необходимо чувствовать, что он исполняет некий долг, а не только зарабатывает деньги.

И вот однажды, оставив все имущество Илоне, он ушел. Пару лет снимал жилье, а потом построил, удачно внедрившись на начальном этапе, просторную квартиру в новом доме бизнес-класса – с подземным гаражом, с камерами наблюдения, с охранниками в подъездах. И зажил в свое удовольствие. Женщин к себе впускал и приводил редко, опасаясь наступить на те же самые грабли, которые ему уже дважды попадались. Но вот вместо ушедшей в декретный отпуск сотрудницы-администраторши в клинику устроилась на работу Наташа. Женщина молодая, милая, одинокая. Принимая ее на работу, Валера с удовлетворением отметил, что она не вызывает в нем никаких эмоций. Однажды они остались в клинике вдвоем, был вечер, Сторожев по какому-то поводу слегка выпил (или по поводу желания выпить), предложил и ей, она не отказалась, сидели, разговаривали. Потом он, как джентльмен, решил проводить ее до дома, но почему-то оказались возле дома Сторожева, он пригласил выпить еще по чуть-чуть, она отказывалась, пришлось уговаривать. Уговорил.

Утром Наташа сказала, что любит Сторожева с первого дня знакомства, но пусть его это не напрягает, она навязываться не привыкла. Сторожев даже может ее уволить, если чего-то опасается.

И ведь понимал Валера, что именно надо бы уволить, но почему-то не смог.

Однако и отношения не продолжились.

Наташа вела себя предельно корректно, никаких намеков ни словом, ни взглядом. Но Сторожеву все равно казалось, что за этим спрятано тихое страдание. И он не утерпел, зазвал опять в гости. А потом еще. При этом Валера честно объяснял Наташе, что жениться он никогда больше не собирается. Что привык жить один. Что эгоист, ценит свою свободу. Он даже спать ни с кем не может в одной постели, вот до чего заодиночился.

Наташа отвечала, что ее все устраивает.

Но как-то так вышло, что задерживалась (по просьбе Сторожева) на два-три дня, на неделю, а потом Сторожев предложил ей остаться насовсем, то есть на неопределенное время, то есть не предложил, а само так получилось, и она живет с ним вот уже четвертый год на правах гражданской жены. И даже спать стали вместе.

В общем, Сторожев сумел убедить себя, что он сам сделал этот выбор, что живет он хорошо и правильно, и пусть сам не очень любит, зато дает другому человеку возможность любить, а это дело доброе. Отдельно Валеру устраивало то, что Наташа после давнишнего студенческого аборта не могла забеременеть. Нехорошо этому радоваться, но он, впрочем, и не радовался, а принимал как фатум. Тайно грело Сторожева и то, что он был для Наташи благодетелем: у нее пожилые и больные родители, младший брат – тихий инвалид, она никогда не жила так комфортно и обеспеченно. Сам же Валера, оглядываясь назад, не раз изумлялся: надо же, что делает судьба с человеком – и как быстро! Пятнадцать лет он жил почти в нищете, и не забылось еще время, когда остатки макарон, сваренных на ужин, служили завтраком – если обжарить с луком и яйцом (и весьма, если вспомнить, вкусное блюдо!), не помышлял о переменах. И вот, оглянуться не успел, у него уже и машина приличная, и квартира с двадцатиметровой кухней-холлом и спальней, где окна от пола до потолка – эркером. Он уговорил Наташу бросить работу, она согласилась, что вместе в клинике неудобно, но совсем ничего не делать скучно, поэтому устроилась в благотворительный патронажный фонд, разносила еду и лекарства пожилым одиноким людям.

До поселения в этом доме Сторожев почти не виделся с Немчиновым. Класс, образовавшийся при слиянии двух школ, не успел подружиться, традиции встречаться, как у других выпускников, не возникло, все разбрелись, кто куда. И тут выяснилось, что Немчинов живет в старой пятиэтажке по соседству, встретились, обнялись, обрадовались, и дружество возобновилось, вернее, наладилось набело.

Немчинов, в отличие от Сторожева, был одноженец и своей Люсе, скорее всего, никогда не изменял. Да и трудно представить его в роли изменщика: вот он входит, неприглядный, волосики остались только над ушами, потный череп тускло блестит, рубашонка защитного цвета, с грязноватыми катышками на воротнике (видно из-за его тощей шеи), жеваные дешевые брюки, которые, наверное, все лето носит, босоножки, под которыми черные носки, и никто ему не скажет, лоху, что эта обувь потому и называется босоножками, что надевают ее на босые ноги.

Сам Сторожев, кстати, босиком – обожает ходить голыми ногами по чистому полу, Наташа это знает и старается, убирает каждый день.

– Я на пять минут, – сказал Немчинов. – Посоветоваться. Ты ведь Костякова знаешь? Павла Витальевича?

– Еще как. Проходи, чаю выпьем, – пригласил Валера.

Немчинов разулся и прошел, до обидного равнодушно пропуская мимо глаз окружающее, не замечая и не оценивая простора, уюта и красоты квартиры, которой Илья до сих пор не устал гордиться и любоваться. Но что делать, такой уж человек, он и на себя-то внимания не обращает.

И пить чай ему все равно из чего – из фарфоровой чашки, которую предложил ему Сторожев, или из какой-нибудь треснувшей фаянсовой кружки с цветочком на боку и с серо-желтым полуовалом по краю в том месте, где прикасались десятилетиями губы пьющих – эти пятна, наверное, уже не отмываются. И Валера из таких когда-то чашек пил, и не замечал. Быстро, быстро все меняется...

– А что тебе Костяков? – спросил Сторожев.

– Да братья его, Петр и Максим, хотят, чтобы я о нем книгу написал.

– Как это?

Немчинов начал рассказывать о визите Петра Чуксина, прихлебывая чай и макая в него овсяное печенье, которое всегда было у Сторожева. Он любил это печенье за то, что в нем вред нейтрализуется пользой: сдоба вредна, овес – полезен. Невольно усмехнешься этой кондитерской метафоре, дескать, вот и вся жизнь моя такая: попытки найти в плохом хорошее.

Сторожев быстро уловил суть и, зная привычку друга излагать долго, нудно, с обилием ненужных деталей, слушал вполуха. Павел Витальевич Костяков, глава клана, был ему хорошо знаком. Можно сказать, приятельски знаком. Человек деятельный, неуемный во всем, Павел Витальевич регулярно впадал в запои и стал постоянным пациентом Сторожева шесть лет назад. Это знакомство оказалось выгодным: новая клиентура, новые возможности. Павел Витальевич помог найти

и за сходную цену купить помещение для клиники, а всяческие контролирующие организации по пустякам Сторожева не беспокоили. В среднем раз в полгода Сторожева находили близкие Павла Витальевича, где бы он ни был, просили приехать. Костяков-старший, уходя в активное забытье, как он это называл, не слушался никого – ни братьев, ни детей. Жены (она погибла в автокатастрофе несколько лет назад) стеснялся, каялся перед нею, винился, но и ее просьбы перестать решительно отклонял, в крайнем случае исчезал из дома. А вот врачей в белых халатах боялся с детства. И Сторожев приезжал, надевал белый халат, говорил с больным строго, укладывал в постель, заставлял глотать таблетки, делал инъекции, ставил системы, сидел с ним, дожидаясь, пока Павел Витальевич уснет, потом дремал сам, при пробуждении Павла Витальевича опять занимался с ним – и в течение двух-трех дней приводил Костякова-старшего в порядок. Потом Павел Витальевич еще денек-другой отлеживался – и опять был бодр, энергичен, везде успевал и обещал себе больше не притрагиваться к этой гадости.

В сложные дела Костяковых, связанные с бизнесом и политикой, Сторожев не вникал и не собирался этого делать, знал только, что братья стоят друг за друга горой. Было их, родных, трое, но средний, Леонид, очень заметный в свое время сарынский общественный деятель, трагически утонул на реке Медведице, где ловил с братьями рыбу. Ходили туманные слухи, что это не просто несчастный случай. Леонид был политический романтик, торопивший события и перешедший будто бы дорогу родным братьям, мешая воплотиться их нечистым помыслам, вот они его будто бы и убрали. Слишком мелодраматично, чтобы было похоже на правду. Имелась и другая версия: якобы жена Павла Ирина влюбилась в Леонида и была готова уйти к нему от мужа. В общем, история темная. Старший Костяков о брате не упоминал даже в состоянии алкогольного беспамятства, другие тоже не касались этой семейной тайны, а Сторожеву хватило ума не любопытствовать. Валера не верил, что Павел Витальевич смог взять на душу смертный грех братоубийства. Он человек жесткий, может, даже жестокий, когда касается дела, но лирик в душе, любитель творчества Эрнеста Хемингуэя. По следам писателя побывал и в Памплоне на бое быков, и на горе Килиманджаро, и на Кубу летал. Правда, везде портил себе впечатление тем, что срывался от переполнявших чувств в запой и его, бесчувственного, возвращали на родину.

Париж он оставлял на сладкое, но боялся, что там, при изобилии вина, изящных парижских женщин и травящей душу аккордеонной музыки, начнет пить сразу же. И тут ему пришла в голову идея. Он позвал Сторожева, который к той поре второй год состоял при нем личным наркологом, и предложил смотаться в Париж вместе. За его счет, естественно. Сторожев согласился. Полетели. Два дня Павел Витальевич держался. К тому же, его сильно разочаровали парижские женщины, аккордеонной музыкой тоже никто на улицах не услаждал слух. Маловато как-то вообще было поэтического духа, зато слишком много выходцев из бывших французских колоний. Зато Костяков обошел все кафе, бистро и кабачки, в которых якобы бывал Хемингуэй. И в одном из этих заведений сказал:

– Все, Валера, не могу! Быть в Париже и не пить, это дичь какая-то. Извини, но я поехал.

И он поехал. И началось. Сторожев по утрам надевал белый халат, ругался с Костяковым, дозировал опохмелку, в обед заставлял есть, принуждал принимать таблетки, в течение дня Павел Витальевич кое-как держался на подсосе (и очень радовался своему состоянию), вечером неукоснительно напивался, утром все начиналось сначала. Так неделю и веселились, а потом благополучно добрались домой. Павлу Витальевичу очень понравилась эта поездка, он уговаривал Сторожева повторить ее с какими-нибудь двумя приятными интеллигентными девушками, потому что Париж без любви не Париж, но Сторожев отговаривался занятостью. Да и у Павла Витальевича в последние годы перерывы между загулами становились все продолжительнее – здоровье не позволяло уходить в разнос так часто и надолго, как раньше.

– Ну, что скажешь? – спросил Немчинов, закончив свой рассказ.

– А чего говорить, ты же все решил.

– Нет, но подход какой! Этот Чуксин был просто уверен, что со мной не будет проблем!

– А что тебя смущает?

– Ты чем слушал? Я сказал ему, что привык следовать фактам, а мне предлагают хвалебную оду спеть в жанре романа! А он мне говорит: вы пишите правду, только, говорит, хорошую. Понимаешь, как мозги у него устроены? Он уверен, что есть правда хорошая, а есть плохая! Говорит, у каждого человека, есть разные в жизни моменты, но в целом наш брат замечательный человек. Я говорю: моменты моментам рознь – кто-то в детстве рубль украл, а кто-то конкурента убил!

Немчинов слегка добавлял к тому диалогу, что был между ним и Чуксиным, но только ради наглядности. Он как бы восполнял пробелы, те места в разговоре, где мог бы выразиться удачнее, просто не успел.

– Так и сказал? – спросил Сторожев.

– Ну, почти так. Он, естественно, обиделся.

– Еще бы.

– Короче, попыхтел, посопел и говорит: нет, говорит, больше миллиона предложить не могу. Посоветоваться надо. И ушел.

– Отлично! – сказал Сторожев. – Действительно, зачем тебе деньги? Живешь с семьей в целой двухкомнатной квартире, кухня аж шесть метров.

– Пять с половиной.

– Красота! А дочь у тебя школу закончила?

– В прошлом году.

– Поступила куда-нибудь?

– Нет. В платные заведения – деньги нужны, а на бюджетные у нас знаний не хватает, – сказал Немчинов с отцовской печальной досадой.

– Люся что делает?

– Ты же знаешь, в колледже преподает. Прибаливает – ноги у нее. Варикоза вроде нет, что-то на уровне нервных окончаний, что ли. Врачи сами не поймут. Ноги горят, ничего не помогает. Ты бы, кстати, посмотрел при случае.

– Посмотрю, хотя, наверно, все-таки сосуды. Если просто полежать, лучше становится?

– Да, легче немного. В этом и дело – работа стоячая.

– Значит, – подвел черту Сторожев, – тебе предлагают деньги, за которые можно улучшить жилье, устроить дочку учиться и полечить жену или хотя бы позволить ей бросить работу, чтобы она отлежалась, так? И ты отказался. Я правильно понял?

– Правильно, – подтвердил Немчинов. – Потому что...

– Да нет, – перебил Сторожев, – все ясно. Действительно, тоже деньги – миллион!

– Я вижу, ты не одобряешь? – спросил Немчинов.

– Причем тут – одобряю, не одобряю. Ты решил.

– Я не могу этого сделать. Я терпеть не могу эту братию, я почти их ненавижу: отмыли руки от крови, а теперь маникюр им делай. Я не маникюрша!

– Вот именно. Это я им клизмы ставлю и кровь полирую. Скурвился совсем, – Сторожев сокрушенно покачал головой.

– Не надо, Валера, ехидничать.

– Да никакого ехидства. Я уважаю твою позицию.

– Правда?

– Конечно.

– Ты пойми: если другие прогибаются, это не значит, что я буду тоже прогибаться!

– Не прогибайся, в чем вопрос?

– Нет, но ты бы его видел! Абсолютная тупая уверенность, что я сразу соглашусь, никаких сомнений! Ты не представляешь, как это противно. Или они привыкли, что за деньги любой человек на всё согласен? Ну, а теперь узнают, что не любой и не на всё! Я тоже, конечно, не идеал, но есть вещи, на которые я пойти не могу ни при каких условиях.

– Не иди, кто спорит?

– Пусть бы он сказал: давай, опиши все, что с нами было, только честно, а мы посмотрим,

как это со стороны выглядит, тогда бы я подумал. Это была бы даже интересная задача: открыть людям глаза на их собственную жизнь. Но они же этого не захотят!

– Тогда и нечего загоняться.

Немчинов резко поставил чашку на блюдечко, нервно звякнув ею, и посмотрел в глаза Сторожеву.

– Валера, а ты ведь издеваешься надо мной, да? Да?

Немчинов явно нарывался на ссору, Сторожеву этого не хотелось, он сделал серьезное, уважительное лицо и сказал:

– Я не издеваюсь. И вообще, это я обижаться должен: ты так все выставляешь, будто я у них в прислужниках, а ты ангел.

– Я не...

– Можно договорю? Если обо мне, то всё просто. Меня зовут к заболевшему, я иду. А кто заболел, бандит, школьный учитель, богач, бедняк, мне в определенном смысле все равно. Это работа по вызову, по заказу. Тебе тоже предлагают заказную работу. Ну, с чем сравнить? Допустим, пишет Лев Толстой «Войну и мир». Сам придумал, сам сочиняет. Для себя. То есть для читателей, но в первую очередь для себя. Никто не может ему сказать: нет, Лев Николаевич, пиши не так, а так. Правильно?

– Ну.

– Ты сам, когда писал о своем Постолыкине, по собственному желанию это делал?

– Конечно.

– Вот. На свой страх и риск. Не ради денег. Ты их, вроде, и не получил?

– Ни копейки.

– Логично. То есть не логично, но так наша жизнь устроена, ты это делал для удовольствия, а за удовольствия у нас не платят. Только проституткам, любящим свою профессию. А представим другую ситуацию: тебе заказали бы книгу о Постолыкине его потомки.

– У него их не осталось. Вернее, за границу все уехали после революции, никаких следов, я искал.

– А если бы не уехали, если бы заказали? Ты работал бы иначе. Взял, к примеру, аванс, начал писать. Они посмотрели: не то, не нравится. Начинают тебя кособочить по-всякому. Ты либо соглашаешься, либо упираешься. Договорились – работаешь дальше, нет – отказываешься, аванс при этом оставляешь у себя.

– Я понял. Ты мне предлагаешь заранее сжульничать? Взять аванс, начать писать книгу, но знать при этом, что наверняка ее не напишу?

– Почему? Видишь ли, Павел Витальевич Костяков – человек своеобразный. Правдивый по-своему. Прямой. Ему лакированная книга про себя вряд ли понравится.

– Но он же ничего про нее не знает! Они ему сюрприз хотят преподнесли!

– Можно так сделать, чтобы узнал. Хочешь?

– Ничего я не хочу! Правду он все равно не позволит писать.

– Приболела тебе эта правда. Никто ее полностью не знает, в том числе и о себе, как профессиональный психолог говорю, – улыбнулся Валерий, пытаясь смягчить разговор.

– Слышали! – язвительно среагировал Немчинов. – Черное не есть белое, а на самом деле только другая форма белого, а белое не есть черное, а только форма черного. Толерантность и плюрализьм! – Немчинов нарочно исковеркал слово.

Сторожев слегка разозлился.

– Ладно. Ты хочешь правды, ты ее получишь. Знаешь, почему ты не берешься за эту работу?

– Почему?

– Объясняю. У меня есть одна знакомая семья. Муж, жена – под пятьдесят лет им уже, дочь – двадцать с чем-то, сын – около тридцати. Уже там внуки маленькие копошатся. Пьют все почерному, страшно пьют. Никто не работает, чем живут – непонятно. А мама главы семейства, его тоже Валерой зовут, как меня, живет в отдельной квартирке, но неподалеку. Сын у нее появляется

иногда – денег занять. Каждый раз врет, что надо за квартиру заплатить, ботинки купить, есть нечего. И каждый раз мама верит. И каждый раз он эти деньги пропивает. Еще там хахаль дочки живет, тоже пьющий. Веселятся: то жена Валеру бьет, она здоровая у него кобыла, то Валера с зятем дерется, то зять с Валериным сыном валтузятся – ад кромешный. А в квартире вонища, на полу матрасы полосатые, уссатые, грязь... Валера мне сто раз жаловался, когда я его откачивал: сбегу, говорит, на хрен от греха, не то или я кого-нибудь убью, или меня убьют. А мать Валере постоянно предлагает: иди ко мне жить. Вставим дверь металлическую и никого не пустим. И он, когда пьяный, соглашается, слезы льет. Пойду, говорит, мама, прощусь с семьей. Уходит – и остается там. Привычка! Страшная сила – привычка. Жить там страшно, невозможно, а что-то поменять – еще страшнее.

– Ты меня с этим Валерой сравниваешь? Тоже живу в грязи и не хочу ничего менять?

– Ну, зачем ты? Я просто попытался объяснить тебе настоящую причину отказа. Это отказ не от денег, Илья, это отказ от перемены участи.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

– Хорошо иметь настоящего друга, – с горечью сказал Немчинов, вставая из-за стола. – Все тебе объяснит, все расскажет. За тебя подумает. Мне-то, дураку, казалось, что я, типа того, о принципах думаю, а, оказывается, я боюсь. Не желаю богатым быть. Не желаю получить столько, за сколько в газете пять лет надо работать!

– Ага, все-таки подсчитал?

– Да шел бы ты! – в сердцах отмахнулся Немчинов.

– И ты туда же, – добродушно отозвался Сторожев. – Не бери в голову, жизнь шире.

– Это я слышал. Шире, длиннее, пестрее! Удобная у тебя позиция: раз лечить всех надо, то, получается, и деньги можно брать у кого угодно за что угодно?

Валера окончательно рассердился.

– Знаешь что, – сказал он. – Это тебя просто не приперло по-настоящему. Работа не денежная, но есть. Жена болеет, но не смертельно. А вот если бы, как у Лили Соломиной, не дай бог, конечно, я бы тогда посмотрел на тебя, как бы ты отказался!

– Не сравнивай.

– А если ты такой ангел, заработай денег и выдели ей на лечение. В позу вставать легко, а когда ты у нее был последний раз, ангел?

– Тогда же, когда и ты, давно, – буркнул Илья.

Они помолчали. Оба чувствовали себя неловко.

– Свиньи мы, конечно, – сказал Сторожев. – В самом деле, давай съездим к ней? В субботу, например?

– Хорошее дело. Давно пора.

И чувство общей вины помогло им проститься вполне дружелюбно.

3. ЧЖУНЬ. Начальная трудность

⚊ ⚊
⚊⚊⚊
⚊ ⚊
⚊ ⚊
⚊ ⚊
⚊⚊⚊

Будьте терпеливы, прислушайтесь к советам женщины.

Только несведущие люди думают, что в провинциальных городах все друг друга знают и часто встречаются. Можно забиться в какой-нибудь микрорайон «Перспективный», куда районное

начальство, по слухам, предпочитает летать на вертолете, и все, пропал ты для общества, для бывших друзей и одноклассников, можно не увидеться годами и десятилетиями.

Лиля Соломина жила поближе, но тоже на отшибе, в окраинном поселке по прозванию «Водокачка», где два десятка деревянных домов издавна гнездятся на краю обрыва над Волгой – именно на этой великой реке стоит вот уже полтысячи лет город Сарынск, начавшийся с пограничной крепости и превратившийся в среднестатистический российский город, о котором так и хочется сказать: «особых примет нет».*

Лиля появилась в последний школьный год, и тут же трое друзей, Илья Немчинов, Валера Сторожев и Коля Иванчук, бросив свои прежние привязанности, образовали вокруг нее компанию. Так было везде, где она училась, переезжая вместе с отцом, администратором-самородком из сельских управленцев, которого все повышали и повышали. Лиля, легкая, без зубрежки, отличница и спокойная, без похвальбы, красавица, сразу же становилась королевой класса, но королевой в изгнании, никуда при этом не деваясь: с девочками не дружила, к мальчишкам относилась благосклоннее, но тоже слишком близко не подпускала. Однажды сидели после уроков на партах, болтая ногами и умничая, то есть они, Илья, Валера и Коля умничали, а Лиля слушала и посмеивалась. Немчинов тогда имел репутацию начинающего и уже непризнанного гения, ходил на факультатив по литературе и писал стихи в школьную стенгазету, у Валеры была слава удачливого ухажера, а Коля Иванчук считался умником-универсалом. Вот и соревновались перед девушкой. Зашла речь о будущем, Илья отмолчался, Валера точно знал, что пойдет учиться в медицинский, по стопам отца, а Коля, как обычно, натарабарил всего столько, что не разберешь: он и геологом хочет, и в местное театральное училище не прочь поступить, и литература его, как и Илью, манит, хоть он и не написал ничего, но если уж напишет, это будет сразу нечто! В этом и смысл, рассуждал Коля, не готовиться, а сразу делать что-то. То есть учиться, да, но уже себя как-то проявлять.

В общем, обычная школьная болтовня. Спросили заодно и Лилю о планах на жизнь. Лиля, улыбаясь, ответила:

– Не знаю.

– Что же ты, совсем ничего не хочешь? – спросил кто-то.

– Ну, почему... Жить.

– Что значит – жить?

– Ну... Не знаю. Выйду замуж за обеспеченного человека. И чтобы поменьше дома был и не мешал. Дети... Нет, дети не сразу, потом. А можно и обойтись.

– А работать?

– Не хочется.

– То есть ты просто хочешь ничего не делать?

– Скажем так: просто наслаждаться жизнью. Вы разве не хотите?

Естественно, друзья тоже хотели наслаждаться жизнью. Но они были дети своего времени, когда, хоть и принято было посмеиваться над гражданской позицией, но одновременно было положено ее, хоть какую-то, иметь. Вот с точки зрения этой гражданской позиции они и ответили:

– С ума сойдешь, если ничего не делать.

Лиля пожала плечами.

– Я не сойду. Нет, я бы работала как-то – чтобы одна. А то ведь обязательно вокруг всякий народ... Это не моё. Я вообще людей не люблю, особенно когда их много.

– Ты только себя любишь? – обвиняющее спросил Илья.

– Ты прямо как на собрании, – осадил его Коля. – Все себя любят, это нормально.

**Ср. «Я – не я»: «В нем нет Летнего сада, Патриарших прудов, памятника дюку Ришелье, но, если поискать, найдутся не менее примечательные достопримечательности, однако я люблю его как раз за то, что он похож на множество других российских городов, попадая в которые, чувствуешь себя так, будто никуда не уезжал: те же остатки старины в центре, то же унылое многоэтажие окраин, та же толкотня в таких же троллейбусах и автобусах, такой же пьяница обратится к тебе на углу, как к родному брату, лучшему другу, давнему корешу, прося выручить и добавить на выпивку...». И т.д.*

– Но не только же себя, – рассудил Сторожев. – Папу, маму. У меня кошка еще есть, – добавил он, чтобы не выглядеть слишком серьезным и не насмешить этим Лилю.

– Нет, – сказала Лиля. – Я только себя. Папу и маму – постольку, поскольку. Папа у меня крестьянин, мама тоже, честно говоря, не интеллектуалка. У меня с ними общего языка нет совсем.

– Ага. Они тебя выучили, и у тебя теперь с ними нет общего языка? – как бы негодовал Илья, на самом деле любуясь Лилей, ее откровенностью, на которую сам был не способен.

– Вот именно, – кивнула Лиля.

Друзья не могли понять, то ли она дурачит их, то ли правду говорит. Лиля ускользала, а узнать ее лучше было трудно: после уроков она почти всегда сразу же шла домой, от общих классных мероприятий откровенно отлынивала, никто не ходил к ней в гости, и она ни к кому не ходила.

Однажды был разговор о ней – без нее.

– На такой девушке жениться нельзя, – сказал Коля Иванчук. – Она всю кровь выпьет.

– А если бы она согласилась, ты бы первый женился, – сказал Валера Сторожев.

– Может быть, – не стал спорить Коля.

– Как это? – не понял Илья. – Сам говоришь – нельзя жениться, а сам...

– Если я говорю, что нельзя, это не значит, что я не могу это сделать, – многозначительно изрек Коля.

– Такие девушки – на раз, точно вам говорю, – веско сказал Валера.

Его мнение приходилось уважать, он единственный из компании был человеком с опытом: летом у него была неделя отношений с замужней женщиной на даче, с которой он встретился в какой-то рощице, где она собирала грибы, пела и была немножко пьяной, поэтому всё вышло легко. А потом встречались, рассказывал Валера, уже по-настоящему, и она творила такие чудеса, что приятно вспомнить. Осенью же к Валере прибилась соседка-пэтэушница, регулярно забегавшая повозиться в постели, страстно пыхтя – без проблем, как чаю попить. Она, по словам Валеры, ему уже надоела, но друзья не верили: они тогда не могли представить, что такие вещи могут надоесть. Им казалось, что они могли бы возиться в постели с кем угодно сутками напролет. Валера их не разубеждал.

– Лиля выделывается, конечно, но чтобы девушка на раз, это ты загнул, – возразил Илья. – С чего ты взял?

– Опыт. Много строит из себя, а на самом деле... Была у меня одна гимнастка из спортивной школы. Двоюродный брат у меня там футболом занимался, сейчас бросил. Ну, познакомились. Оля ее звали. И она тоже вот так говорила все время: хочу богатого, красивого, с машиной, а остальные в минусе, ни с кем не буду принципиально. Один раз захожу в раздевалку, она там. И больше никого.

– Там общая раздевалка, что ли?

– Нет. Общий коридор и двери налево и направо. В их раздевалку дверь была открыта, я заглянул, она там, – достоверно объяснил Валера. – Захожу, ну, что-то там сказал, не помню, потом еще всякие разговоры, потом обнял ее так, ну, нежно... Деликатно зажал, в общем. Короче, мы там закрылись – и всю ночь. Девочка оказалась, я скажу, еще та. Вся хрупкая, а так ногами сожмет, что все трещит просто.

Валера рассказал не свою историю, а историю двоюродного брата – как свою. Ему верили: имея в запасе достоверные факты, он мог спокойно врать и выдумывать новые. Верили и завидовали: каждому хотелось бы остаться на ночь с гимнасткой, и чтобы она так сжимала ногами, чтобы все трещало.

Не показывая, однако, этой зависти, Коля завелся:

– Если тебе так кажется – попробуй! Попробуй, зажми ее! В раздевалке!

– Зачем? И почему обязательно в раздевалке?

– Но она же тебе нравится?

– В общем-то да.

– А я в нее влюбился, ребята, – всерьез сказал Илья.

Сторожев рассмеялся, но тут и Коля заявил:

– Я тоже. Предупреждаю.

– Это как? – не понял Валера. – Морду, что ли, будешь бить, если я к ней подойду?

– Может, и буду.

– Надо по-честному! – сказал Илья.

– Монетку кинуть? – спросил Валера.

– Дурак ты. По-честному это так: прийти к ней и сказать, – предложил Илья.

– Ага. Все трое припремся? – хмыкнул Валера.

– Зачем? По очереди. Чтобы все открыто. А кто каким пойдет, вот тут можно как раз монетку бросить. Нет, нас трое. На спичках. Тянуть будем.

И они тащили спички. Длинная, короче, еще короче.

Первому выпало идти Валере.

Он волновался. Его опыт, по сути, ничего не стоил. Да, была полупьяная женщина в околодачном мусорном леске, почему-то в одном купальнике и мокрая, с венком полевых цветов на голове, которая вышла из кустов, увидела Валеру (он рыл червяков для наживки) и спросила:

– А где я?

– Тут наша дача. Вон там. А там Волга, пляж.

– Замечательно. Вы здесь никто не говорите: «река», вы все говорите: Волга. Почему?

– Не знаю. Потому что Волга.

– Ну и что. Я живу на речке Дубне, это под Москвой. И когда мы идем купаться, мы говорим: пойдем на реку. И никогда: пойдем на Дубну! Загадка.

Женщина села рядом, чуть не упала, оперлась о его плечо.

– Хожу тут пьяная, опасно, – засмеялась она.

– Да нет, – успокоил Валера. – Тут народ нормальный.

– А тебе сколько лет?

– Шестнадцать.

– А я думала, восемнадцать. Пусть будет восемнадцать, ладно?

– Как это?

– Молчи.

Все было довольно неловко, жарко, потно, бестолково, после чего женщина сказала:

– Быстро иди отсюда, и ты меня не видел.

Никаких повторных встреч и чудес, конечно, не было.

Да и с некрасивой конопатой пэтэушницей, существующей в рассказах как голубоглазая блондинка, вышло заурядно: зашла спросить книгу, узнала, что родителей дома нет и будут нескоро, спросила:

– А ты целоваться умеешь? Мне с парнем завтра встречаться, а у меня не очень с этим. Опыта мало.

– Умею, конечно.

– Научи.

Учил и учился сам. Потом возня, торопливость, ерзанье. Пэтэушница наладилась ходить чуть ни каждый день, Валера ее еле отвадил, в этом он не врал.

Но с Лилей совсем другой случай.

И вот Валера пришел к ней.

Лиля удивилась, провела к себе в комнату, Валера успел отметить линолеум на полу с рисунком «под паркет», ковры на стенах, золотистые обои в завитушках – сбывшиеся мечты советского выдвиженца и его верной супруги. В комнате Лили тоже были и завитушки на обоях, и ковер с пестрым узором, а также стол с идеальным порядком на нем, а еще кровать, белый тюль на окнах...

Валера намеревался предпринять какие-то конкретные действия – сесть рядом, взять за руку и т.п. Все-таки кое-что он умел. Но как сядешь рядом, если Лиля устроилась, будто учительница,

за столом, стоявшим передом к двери, крутила в пальцах карандаш, смотрела с улыбкой, а Валера либо сидел у стены в низком кресле, нелепо выпирая вверх коленками, либо ходил, как в классе перед доской. Что-то говорил, Лиля слушала, потом сказала:

– Интересно за вами наблюдать.

– За кем?

– За вами. Вы все похожие. Хотите одного, а говорите про другое.

– И чего я хочу?

– Ну, наверно, сказать, что я тебе нравлюсь.

– Нравишься – и что?

– Ничего.

Валера сел на кровать и сказал:

– Иди сюда.

– Зачем?

– Я не могу так разговаривать. Я нормальный мужчина, – сказал Валера, холодея животом, – я привык, чтобы женщина рядом была. Когда говорю.

Лиля рассеялась.

– А, ну да. Ты же, говорят, страшный бабник. И как ты это делаешь?

– Иди сюда, расскажу.

– Я хорошо слышу. Нет, правда, у тебя есть женщина?

– Есть, – признался Валера.

– Сколько ей?

– Ей? Тридцать. Или около того.

– Ого. Такая старая?

– Она моложе тебя выглядит, между прочим.

– Красивая?

– Да. И стройная.

Лиля продолжала допрашивать: цвет глаз, цвет волос, умная ли, о чем говорят.

– Ты ее любишь?

– Ну, как... Вообще-то я тебя люблю, – решился Валера.

– Да? А почему тогда с ней?

– Она меня любит. И вообще, это просто... Ну, физические отношения. Ей нравится, мне тоже.

– А со мной, как ты считаешь, могут быть физические отношения?

На этот раз в животе Валеры стало жарко.

– Еще как могут, – сказал он, встал, подошел к Лиле и попытался ее обнять. Обнимать сидящую за столом девушку страшно неудобно. Валера стоял, скособочась, прижимаясь сверху головой, а Лиля сидела и ждала, что будет дальше. Он потянулся губами к ее щеке, Лиля отодвинула Валеру рукой.

– Ладно, хватит. Видно, что ты можешь. Хотя и стесняешься. Ты вообще красивый, высокий, в моем вкусе, – сказала Лиля.

Живот Валеры крутило, как центрифугу – натурально, без метафор. Ему хотелось в туалет, но опозориться он не мог. Терпел.

– Тогда в чем дело? – спросил он.

– Ни в чем. Если кто-то нравится, надо обязательно – что? В кино ходить, вместе уроки делать? Целоваться?

– Хотя бы.

– Нет, скучно.

– Ты прямо как старуха говоришь, – обвинил Валера.

– Вообще-то я иногда хочу побыстрей состариться. И выйти на пенсию. Чтобы ничего не делать на законном основании. И чтобы никто не надоедал.

Валера решил, что она просто издевается над ним. И проявил гордость.

– Ладно, с тобой все ясно, я пошел.

– Иди. Только одна просьба. В школе, где я перед этой училась, один дурак, он тоже, как ты, то есть ты не дурак, но он тоже пытался. А потом начал всем рассказывать, что у него все со мной было. Отомстил, идиот. Ты не будешь глупостей рассказывать?

– За кого ты меня принимаешь!

– Вот и хорошо. На самом деле мне все равно, но вдруг дойдет до моих родителей, начнут расстраиваться, очень надо.

Валера выскочил на улицу, побежал к котловану, где строили дом, поскользнулся на снегу, скатился вниз, кинулся в угол ямы, радуясь, что уже сумерки. Снял штаны, сел и даже застонал от облегчения. И тут на крыльцо строительного вагончика-бытовки, обращенного дверью к котловану, вышла женщина в телогрейке. Выплеснула из кастрюльки что-то на землю, увидела скукожившегося Валеру.

– Это что ты там делаешь, паразит?

– Я не нарочно! Живот схватило, – сказал Валера тонким голосом подростка – чтобы казаться младше.

– До дома не мог дотерпеть?

– Не мог!

– Все, вставай и иди!

– Не могу!

Женщина рассмеялась.

– Ладно, сиди, все равно навалял уже. Только песком присыпь потом, вон там в бадейке песок!

– Хорошо!

Друзьям Валера рассказал, что все прошло удачно. Он признался, она, конечно, впрямую ничего не сказала, но намекнула, что он ей очень нравится. Можете спросить, если не верите. Но, похоже, не распечатанная, рассказывал Валера, а у него принцип: нетронутых не трогать.

– Почему? – спросил Илья.

– Опасно. У кого девушка первая, она в того сразу влюбляется, – пояснил Коля Иванчук, который, не имея практического опыта, все понимал силой проницательного ума.

Результат похода Валеры не отменял дальнейших планов.

Отправился к Лиле Илья Немчинов.

Он сказал ей, что такие девушки ему в принципе не нравятся. Она хищница, она слишком материальная, она думает только о себе и о своем удобстве. Эгоистка.

Лиля поддакивала:

– Еще циничная.

Илья разозлился.

– Да никакая ты не циничная! – сказал он. – Ты только притворяться умеешь, больше ничего.

– Конечно, – сказала Лиля неожиданно серьезно.

Илья насторожился.

– То есть ты нарочно? То есть ты на самом деле другая?

– Я такая, какая есть. А вам хочется про меня что-то придумать. Придумывайте, если охота, только я тут ни при чем.

– Ты просто не понимаешь себя, – попробовал подсказать Илья.

– Все я понимаю. А вам даже завидую.

– Кому?

– Да хоть тебе. Я же вижу – ты брюки гладил, ботинки чистил. То есть тебе чего-то очень хочется, это хорошо. А мне ничего не хочется. У меня и так все есть. Хотя, все равно смешно, – вдруг сказала Лиля, оглядывая Илью.

– Что?

– Ботинки почистил, а ногти грязные. И пальто у тебя ужасное, Илюшечка. Что, у твоих родителей совсем вкуса нет?

– У них денег нет, – грубо сказал Илья. – Мать одна живет, со мной, в смысле, и с сестрой младшей, зарплата сто сорок. А пальто тридцать пять стоит, она хотела дороже, я не согласился. Ясно?

– Ты не обижайся. Я же тебе лучше хочу сделать. Поймешь, какая я неприятная, и перестану тебе нравиться. И все, ты свободен. Пойми, Илюшечка, я никого не люблю, я свободна, и прекрасно себя чувствую.

Первое, что сделал Илья, выйдя из дома Лили и свернув за угол, – снял с себя и выкинул это уродское, в самом деле, пальто, куцее, фисташкового девчачьего цвета, с грязно-бурым клокастым воротником. Дома маме сказал, что был в спортшколе на тренировке (он тогда играл в настольный теннис), из раздевалки украли вещи, в том числе его пальто. Мама возмущалась, хотела идти разбираться, еле отговорил. На следующее утро, дрожа в осенней курточке, побежал к тому месту, где бросил пальто. Его не оказалось, кто-то взял. Так и пришлось проходить в куртке до весны. Мама хотела купить другое пальто, но Илья отказался: хорошего она все равно не купит (были в ту пору модные, долгополые, с талией, с двумя рядами пуговиц, но стоили аж девяносто рублей), а плохого ему не надо. Он уверял, что зима теплая, что в куртке ему хорошо, надевал по два свитера, один из которых украдкой снимал в школьной раздевалке. (Может, так и образовалась привычка приходить раньше всех?)

Валере и Коле Илья сказал, что Лиля говорила с ним очень долго и сказала в результате, что он ей нравится. Можете проверить.

– И ты нравишься, и Валера, не понял! – сказал Коля.

– У женщин это бывает, – объяснил Валера. – Она еще не решила. Она и тебе скажет, что ты ей нравишься.

– Мне такие фокусы не нужны, – сказал Коля.

– А какие нужны?

Коля не ответил.

Он сам приготовил фокус, он задумал поразить Лилю экстравагантным поступком. Коля ведь понимал, что, явившись третьим со словами о любви, будет выглядеть смешным. А смешным быть не хотел. Поэтому, оказавшись с Лилей наедине (она все так же сидела за столом), Коля сказал:

– Вот что. Я подумал и понял, что нам надо пожениться. Не сейчас, позже. У меня большое будущее. Стану знаменитым и богатым. Заранее вижу. Я вообще все вижу заранее. Всегда знаю, когда меня вызовут отвечать, так ведь?

Это было почти правдой, он умел угадывать. На самом деле штука нехитрая: Коля следил, с какой частотой появлялись отметки в классном журнале, знал, когда примерно могут его вызвать, подавал взглядом учителям знаки, когда они высматривали жертву, а те и рады были вызвать того, кому пора заработать оценку. Ну, и некоторое чутье, наитие тоже было, которое проявлялось и в последующей жизни, правда, принесло мало пользы.

– Мы подходим друг другу, – убеждал Коля. – Я страшно умный, не урод, талантливый. Рядом со мной должна быть блестящая женщина. Я для тебя все сделаю.

– Приятно, конечно, – сказала Лиля. – А вы что, нарочно решили по очереди ко мне ходить? Или все сразу в меня влюбились?

– В общем-то да. Влюбились.

– Надо же.

– А ты в самом деле сказала им, что они тебе нравятся? – спросил в свою очередь Коля.

– Это они тебе наврали так?

Валера понял, что чуть не предал друзей, и уклонился:

– Да нет, намекнули. То есть, я догадался. То есть, показалось.

– Врать не умеешь, – сказала Лиля. – А у тебя девушки не было никогда?

– У меня женщины были, – ответил Коля.

– Да? – заинтересовалась Лиля. – Расскажи.

– Долгая история.

– А кто куда спешит?

– Ну... Мои родители поехали в гости. В село. Родственники у них там. Свадьба. Я тоже поехал. Лето, погода отличная. Народу полно было, все напились, а спать можно только дома, село на реке, комаров полно. Нет, кто пьяный, им все равно, они где кто валялись. Прямо на траве некоторые. А я в чулане каком-то устроился. Тут кто-то ползет. Прямо на меня. Я подвинулся. Молчим, главное. Потом я руку протянул – девушка. Тихо так говорю: «Привет». Она тоже. Ну, начали обниматься, потом, ну, обычные дела.

– Половое сношение? – спросила Лиля.

Эти медицинские слова из брошюрки «Что надо знать взрослым мальчикам и девочкам» Колю чуть не сбили с настроя. Он глянул на Лилю. Она не улыбалась, внимательно слушала.

– Можно сказать и так... А утром я рано проснулся, ушел. Еще темно было. На речку пошел купаться.

– А она?

– Весь день ее искал. К вечеру опять все напились, а потом танцы. Я начал ее на ощупь искать. То есть танцевал и узнавал. И нашел. У нее вот тут такая была родинка, то есть даже бородавка, в общем-то.

– Где?

– Тут, – показал Коля, загибая руку назад, к пояснице.

– Покажи на мне.

Лиля вдруг встала, вышла из-за стола, повернулась спиной и приподняла кофточку.

– Вот тут, – дотронулся Коля до ложбинки, где золотился шелковый пушок.

– И большая?

– Ну... Как смородина.

– Ужас какой.

Лиля одернула кофточку и села на место.

– И что дальше? Она оказалась страшной?

Вообще-то в той истории, которую Коле рассказал сосед по подъезду, двадцатилетний бездельник Олег Морев, именно так все и заканчивалось: Морев, захлебываясь слюной, рассказывал, как на чужой свадьбе он в темноте кого-то поимел с большим аппетитом, весь день искал, нашел, узнал – уродина! Но Коле не хотелось так заканчивать.

– Нет, – печально сказал он. – Она оказалась красивой. Даже очень. Но она оказалась моя двоюродная сестра.

– Ничего себе! Да, влип ты.

– И она тоже. Нельзя же, потому что...

– Кровосмешение.

– Ну да. И матери наши не дружат. Даже ненавидят друг друга. Короче, помучились, расстались.

– Прямо трагедия, – сказала Лиля.

Коля посмотрел на нее, она неприятно усмехалась.

– Чего? – спросил он.

– Да того. Все вы одинаковые. Скачете друг перед другом и врете. И девушки ваши, наверно, тоже. Зачем?

– Ничего мы не врем.

– Без разницы, – махнула рукой Лилия. – Даже если не врете, все равно врете. Скучно с вами.

Тем и кончилась эта смешная история тройного жениховства. *

После школы Коля учился в местном театральном училище, догадываясь, что актером не станет, и дар предвидения не подвел, не стал, зато его пригласили диктором на местное телевидение с совмещением функций корреспондента. Коля был узнаваемым в городе человеком, жил весело, выпивал, гулял направо и налево. Но карьеру при этом строил, стал даже заместителем главного редактора редакции информации, процветал. Пришли времена ломки, которую тогда называли перестройкой, Коля с горячностью, с удовольствием бросился делать новое вольное, демократичное телевидение. Но активность его не понравилась руководству, которое билось теперь не только за идеи, но за появившиеся живые деньги. Они опасались конкуренции и от Коли избавились примитивным образом: уволили. Коля решил, что больше не вернется в профессию, взял взаймы у знакомых кооператоров, занялся коммерцией, розничным спекуляжем: в одном месте купить, в другом продать. Предложили крупную выгодную сделку, наитие шепнуло: «Берегись, надуют!», – но Коля ответил наитию: «Ничего, не такой я дурак!» Наитие оказалось право: надули. Коля потерял вложенные деньги, да еще попал под следствие, получил три года условно. Единственное, что успел за годы коммерции, – купил трехкомнатную квартиру в новостройке, в центре. Оказавшись на мели, Иванчук сдавал квартиру жильцам, а сам ютился в комнатке старенькой своей тетки. А потом переехал к Лиле – и это уже другая история.

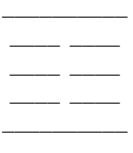
Все это время Иванчук старался держать Лилю в виду. Отец ее скоропостижно умер совсем еще молодым, мать, погоревав, вышла замуж за военного пенсионера. А в Лилю влюбился боевой товарищ этого пенсионера, гостивший в Сарынске москвич, генерал, руководитель какого-то материально-технического подразделения при Министерстве обороны. Лиля уехала с ним в Москву, жила так, как хотела, то есть читая книги, задумчиво прогуливаясь, дожидаясь мужа со службы. Обедов при этом не готовила и квартиру генеральскую не убирала – на то была домработница. А потом генерала оклеветали, обвинили в материально-технических злоупотреблениях и, невзирая на боевые заслуги, впаяли ему пять полновесных лет общего режима. Лиля еще несколько лет жила в Москве неизвестно как и неизвестно с кем, потерянная для всех бывших знакомых, а потом умерла ее мама, Лиля вернулась в Сарынск с дочкой Дашей, похоронила мать, продала ее квартиру, купила домик на «Водокачке», куда и явился Коля, чтобы после долгих лет разлуки возобновить свою любовь и восторжествовать. Выяснилось, что Лиля больна – и довольно тяжело. Тем не менее Коля остался при ней. То есть в каком-то смысле достиг своего, в отличие от Ильи и Валеры, добился если не взаимности, то нахождения рядом.

И вот они живут уже довольно давно втроем, Лиля, Коля и выросшая дочь Даша, которая с подросткового возраста работает, а Коля является фактически сиделкой, но не ропщет, а посмеивается в своей обычной манере: «Любовь наказуема!»

Все это Илья Немчинов и Валера Сторожев знали от самого Коли, с которым пересекались раз в три-четыре года, а вот саму Лилю не видели даже страшно сказать, как давно...

**Для сравнения см. пьесу «Женщина над нами»: тоже поочередные хождения троих мужчин к одной женщине. Смысл, конечно, в другом, однако есть почти дословные совпадения: «ОЛЬГА. Вам очень трудно допустить, что я хочу вообще быть одна? Без вас, без кого-то вообще? Одна, сама по себе? Вы можете позволить мне существовать без вас – и вне вас? Я хочу быть чужой, вы разрешите мне это? Я имею на это право?»*
Видимо, навязчивый женский образ. Либо слишком часто встречавшийся...

4. МЭН. Недоразвитость

Побольше времени уделяйте общению с детьми.

Яна Немчинова, лежала, слушала музыку, ждала отца, чтобы поговорить сразу и с ним, и с матерью.

Она очень хотела в Москву, куда позвали ее проветриться друзья Семен, Нина и Ростик.

Но нужны деньги, это первое. Конечно, надоело просить, но пока приходится. Даже на сигареты клянчишь. То есть она просит как бы на другое – на сигареты не дают. С тем, что курит, смирились, уже не пилят, а на сигареты не дают. Где логика?

Нужно еще, чтобы элементарно разрешили. То есть это первое на самом деле.

Что бы им сказать, думала она.

Я им скажу: родители, меня друзья, очень приличные ребята, приглашают съездить в Москву, как вы на это смотрите?

Спросят: зачем?

Я скажу...

Что им сказать?

Отец уважает, когда у кого-то есть увлечения и интересы. Он знает, что Яна в последнее время увлекается ретро-блюзом (это Ростик ее подсадил, он продвинутый). Надо сказать, что в Москве какой-нибудь сумасшедший концерт, который бывает раз в сто лет. Группа Efrat Gosh, кстати, как раз в Москву приезжает, на иврите блюз поет, смешно, но интересно: блюз на иврите!

Но мать иронично скажет: девочка моя, мало тебе тут твоей бессмысленной музыки, ты за ней еще и в Москву потащишься?

Не годится.

Может, сказать совсем просто – поеду отдохнуть? Точно. Родители, можно я съезжу отдохнуть?

Мать: от чего отдохнуть, капелька моя?

Отец: вот именно!

И разговор окончен.

Или сказать, что там есть интересные предложения насчет работы, надо посмотреть лично.

Не поверят.

Тьфу, блин.

Ладно, причину потом можно придумать. Но все равно ведь вопросы будут задавать.

Мать спросит: а где вы там остановитесь?

Я скажу: у тетки подруги Нины, родная тетка у Нины в Москве живет.

Потому что не скажешь же им, что на самом деле они остановятся у старшего брата Семена, в смысле, у Семена старший брат в Москве, приличный человек, дилер, вроде того. Или мерчендайзер. Или брокер. Или девелопер. Каких только нет профессий с туманными названиями... Родители сразу подумают неизвестно что, а какое может быть неизвестно что? – брат живет в однокомнатной квартире, да не один, а с подругой. Нет, если у кого фантазия извращенная...

Яна отвлекается и с долей юмора предается извращенным фантазиям. Улыбается. Это все смешно, но не заводит. Нормальный секс – это да, учитывая что с парнем, к которому хорошо относишься, то есть с Ростиком, а представить, что и еще кто-то рядом копошится, да ну на фиг. Противно даже.

Пожалуй, воспитание родителей все-таки сказалось, она слишком нормальная. Но это поправимо.

Так.

Остановимся у Нининой тетки. Едем завтра.

Тут же начнется: почему раньше не могла предупредить?

Я: потому что мне предложили только вчера.

Родители: что это за молодые люди, которые вот так вот могут сорваться и поехать? Какой у них вообще моральный облик? Приведи их в гости немедленно, будем знакомиться!

Я: вы мне не верите? Вы считаете, что я дружу с какими-то уродами, потому что я сама уродка?

Они: кто тебе сказал, что ты уродка, Яночка, лапусик, опомнись, ты просто сама себя уродуешь, вся в пирсинге своем дурацком, в одежде своей дурацкой, нет бы юбочку надеть или хотя бы нормальные джинсы, не черные, почему у тебя все черное?

Я: я же вам не указываю, как вам одеваться, отец вон бомжем ходит, я молчу.

Они: как тебе не стыдно, отец тратит на тебя последнюю копейку!

Я: она же первая и единственная!

Они: ах, вот ты какая! Может, ты еще и употребляешь вредные наркотики и занимаешься половым сексом с безответственными юнцами, дочка?

Я: да, папа и мама, я употребляю вредные наркотики и занимаюсь половым сексом с безответственными юнцами! И мужцами. И старцами.

Они: ты нас убила, мы связывали с тобой надежду всей нашей жизни, что ты закончишь высшее заведение учебное по классу истории или филологии и прославишь нашу семью на ниве просвещения!

Я: нет, не хочу прославлять семью на ниве просвещения, а мечтаю подохнуть под забором со шприцем в вене и с любовью в глазах к любимому безответственному юнцу!

Они: мы сейчас зарежемся от отчаяния!

Я: нет я зарежусь!

Они: нет, мы!

Они хватают нож, и я хватаю. Кто вперед. Папа режет сначала маму, потом себя, но не успевает, я уже зарезалась. Приезжает милиция и «скорая помощь». Три трупа. В газетах пишут – коллективное самоубийство на почве нищеты и гордости. Ростик пьет с горя водку и икает, он прошлый раз выпил и икал три часа. Нина скажет: дура. А Семен скажет: жаль, не успел я ее. Нина: что??? – и в глаз ему вилкой, вилкой, вилкой, а он ее разбитой бутылкой в грудь, в грудь, в грудь, которой она так гордится, грудь отваливается, Нина пытается приставить, никак, она тогда хватает Ксюшу и кричит: отдай мне свою грудь, Ксюша тоже кричит, тут кто-то включает музыку, и все начинают плясать на поминках.

Яна смеялась так, что мама постучала в дверь, открыла. Увидела дочь в наушниках и сказала:

– Надо же, какая бывает веселая музыка!

Потом пришел отец.

Яна выждала, пока они поужинают, и решила: пора.

Вошла скромно в кухню – чаю попить. Сама себе налила, на стульчик села. И загадочно молчит.

Но родители ее необычного поведения не оценили, не заметили. Они вели принципиальный и серьезный разговор. Они не как некоторые, кто шепчется тайком от детей, они дочь свою уважают. Показывают, что считают ее взрослой. Так и считали бы во всем, а не только в том, что им удобно.

Отец говорит про какую-то книгу, которую ему предлагают написать.

Мама, не поймешь, то ли отговаривает, то ли наоборот. Это ее прием: я считаю примерно то-то и то-то, но ты поступай, как хочешь. И в результате отец поступает не так, как хочет, а как считает мама.

– Это фактически роман, – говорит мама. – Выдумка. Можно выдумать и плохое, и хорошее.

Объективности все равно не будет.

– Особенно, когда не я решаю, что плохо, а что хорошо.

– Поступай, как знаешь. Ты ведь можешь это написать как героическую поэму в прозе. С иронией. Кому надо, поймет. А они примут за чистую монету. Они же тупые все.

– Ты так говоришь, потому что с ними не пересекаешься. Давно не тупые. Поумнее нас с тобой.

– В практическом смысле – может быть.

– Да в любом смысле.

– Видишь, ты их уже защищаешь, – улыбается мама. – И потом: редкостная возможность узнать этот мир изнутри. Сравнить с твоим Постолыкиным. Интересная задача.

– Вообще-то да, – соглашается отец. – Учитывая известный феномен: близкое прошлое люди знают хуже, чем отдаленное. С исторической точки зрения.

– Это как? – спросила Яна, найдя возможность аккуратно вписаться в разговор.

– А так. В каком-то смысле я Петра Первого знаю лучше, чем тебя.

– Скажешь тоже!

– А ты подумай. О нем собраны исторические свидетельства, факты биографии изучены, от него остались документы – и так далее. А о тебе, Яночка, исторических свидетельств нет, документов нет, факты биографии не изучены, ибо чем ты занята, где ты строишь свой Петербург и с кем ведешь свою Северную войну, неизвестно.

Все-таки отец иногда бывает остроумным. Мысль интересную выдал, надо запомнить и при случае использовать.

– Ясно, – сказала Яна. – А что за книга?

– Да предлагают написать про одного человека. Миллион рублей дают, – сказал отец спокойно, с легкой усмешкой, будто ему миллионы предлагают каждый день и уже просто достали своими миллионами.

Яна даже приоткрыла рот, а поскольку она перед этим отхлебнула чаю, то жидкость пролилась ей на подбородок. Мама и отец засмеялись, любуясь оторопью дочери. Она в последнее время так далека от них, так замкнута и при этом пугающе заторможена, не дождешься от нее ни улыбки, ни приветливого слова, и эта ее непосредственная реакция показалась милой, детской – минутное возвращение к прежней Яне, ласковой, разговорчивой и любопытной.

– Постой. И ты сомневаешься? – спросила Яна.

– Вот, – указал на нее отец, обращаясь к маме. – У них даже вопроса нет, за что, зачем, почему. Сумма прописью – и никаких сомнений!

Вечно они переводят стрелки, сразу – «у них». Будто Яна не сама по себе, а представитель поколения. Никого она не представляет, кроме себя. А вгляделись бы, сразу бы поняли, что никакого поколения нет, все очень разные.

Впрочем, Яне сейчас не до теоретических размышлений. Миллион рублей! За долю секунды она успела представить эти деньги в разных материальных измерениях. Машинка «дэу матиз», которую родители подарили дурочке Оксане, стоит всего триста с чем-то тысяч. Квартира однокомнатная стоит миллион – не самая хорошая, конечно, но надо покупать сейчас, через пару лет будет два миллиона, а через пять три. Вот купили бы ей квартиру, это была бы жизнь! А можно и просто потратить с умом. Одеться, например. У Леры сумасшедшие белые джинсы за восемнадцать тысяч, девушка может себе позволить, у нее друг топ-менеджер в какой-то фирме, а что, разве у Леры лучше ноги, чем у Яны? Нет, Яна, как все приличные люди, ненавидит гламур и глупых блондинок, но ходит она вечно в одних и тех же черных джинсах и одной и той же куртке (дорогая, правда, неделю родителей прогибала, чтобы купили) не потому, что ей так уж нравится эта униформа, а потому, что не на что купить разных хороших вещей.

– Я поняла, за что, – возразила Яна. – За книгу. И ты имеешь право. Ты за Постолыкина своего ничего не получил, вот пусть они и компенсируют.

– Оригинально мыслишь! – оценил отец. – Особенно если учесть, что Постолыкин и Костя-

ковы – две большие разницы!

– Так это Костяковы? – Яна была окончательно поражена.

– А ты их знаешь? – спросила мама.

– Кто же их не знает? Разве только вы. А в чем вопрос тогда? Я правильно поняла, что они тебе расскажут, а ты запишешь? Ну, обработаешь потом, чтобы грамотно?

Отец тут же разозлился. Ох, не любит Яна, когда она так вот выпучивает глаза, поджимает губы и некоторое время молчит, уставившись, как на врага, а ты сиди и гадай, что он выдаст.

Отец выдал:

– Ты абсолютно правильно все поняла, Яна. Ты даже быстрей мамы поняла, какой надо найти аргумент. Действительно, они расскажут, а я запишу, никаких волнений. А еще ты поняла, что эти деньги тебе, Яночка, очень могут пригодиться. Чтобы, в частности, поступить в университет на платное отделение, куда тебя возьмут только именно за деньги, потому что за свои знания, мизерные, скажем прямо, тебя никуда не возьмут! Только в «Макдоналдс» на раздачу.

– Ну, в «Макдоналдсе» тоже приличные мальчики и девочки подрабатывают, студенты, – заметила умная мама. Очень умная, часто умней отца. Не «работают» сказала, а «подрабатывают». Подрабатывать нигде не стыдно. Уравняла попутно раздатчиков «Макдоналдса» со студентами. Намекнула Яне, что и она могла бы там подработать. Намекнула отцу, что нехорошо интеллигентному человеку так пренебрежительно отзываться о неквалифицированном, но честном труде. Вон сколько всего уместилось в одной фразе. Яна так тоже иногда умеет, в маму пошла.

– Минутку, – сказал отец, теперь пуча глаза и сжимая губы уже и на маму. – Вы, значит, хотите, чтобы я за это взялся?

Этот его тон известен. Означает: я сделаю, но вы мне за это морально заплатите!

Однако Яне было не до дипломатии, она высказалась прямо:

– Не надо мне ваших денег, сами бы хоть пожили по-человечески. Ремонт хотя бы сделайте, не видите, что ли, что у нас творится? Мне друзей стыдно позвать.

Она соврала лишь отчасти. Друзей она и впрямь приглашала очень редко. Не потому, что стеснялась бедности – плевать, у некоторых не лучше. Но там родители не достают, не лезут. Ну, чаю предложат или пирог попробовать, обычные дела. Мать же с отцом хотят общаться, они хотят показать, что понимают молодежь, впираются в комнату и начинают пытать: что читаете, какие планы, что себе мыслите про будущее нашей отечественной родины? Не совсем так, но приблизительно. Друзья и подруги вежливо отвечают – ради Яны, но Яна-то видит, что голый стёб идет, а кому приятно, когда стебаются над твоими родителями, пусть они этого и заслуживают?

Родители переглянулись. Яна попала в их общую болевую точку. Они всегда хотели для своей единственной дочери пристойной компании интеллигентных юношей и девушек, они видели, что к ней мало ходят или ходят какие-то всё не те, и вот она им открыла простую причину.

Но отец остался хмурым, отвернулся и упрямо смотрел в окно. Не терпит он справедливых возражений. Хочет во всем и всегда быть правым. Яна очень не любит эту его черту, поэтому спорит редко – какой смысл?

– Ну, ремонт не главное в жизни, – пробормотала мама.

И опять умно, очень умно это сделала. Чтобы отец почувствовал: да, ремонт не главное в жизни, но и не последнее. Чтобы он услышал в мамином голосе некоторую виноватость перед Яной.

И по взгляду отца Яна поняла – его проняло. Он готов.

Она поспешно ушла, чтобы отец не передумал, а такое уже бывало, когда ему казалось, что он принял решение под явным давлением.

Яна ушла, надела наушники, но тут же сняла их. Редкий случай – музыка мешала думать. А думала Яна не про миллион, а про Егора Костякова, сына Павла Витальевича. Она не раз видела Егора проходящим по проспекту. Стремительный, высокий, красивый. Лет двадцати пяти на вид, хотя, говорят, ему уже тридцать. У Егора куча денег, такая куча, что он, выучившись в Москве на режиссера, вернулся и открыл собственный театр. В подвале, но настоящий, со сценой, со зрительным залом – скамейки амфитеатром. Егор там и хозяин, и режиссер. А живет, говорят,

один, не женат. Значит, не нашел еще. И нормальной ориентации: девушки, имевшие с ним дело, подтверждали.

Нина однажды, провожая Егора глазами, как и Яна, рассказала, что Оксана, пыталась подцепить его на крючок, да сорвалось, не помогла ей пластика груди и губ. Потому что Егор дур не любит, он человек хоть и богатый, но интеллектуальный, творческий. Яна тогда подумала – у нее есть шанс, она ведь не дура. И интеллект есть, и творческие задатки. Мысль мелькнула и пропала. Но не насовсем: как только Яна видела Егора, она думала о нем – как о чем-то желаемом, но абсолютно невозможном.

И вот теперь это невозможное может стать возможным. Очень просто: отец будет ведь собирать материал, общаться с отцом Егора, а Яна найдет зацепку, повод, чтобы выйти как-то на сына. А там будет видно.

Яна думала об этом там, где будет видно. Вспомнила Ростика, но тут же мысленно отмахнулась: Ростик всего лишь увлечение, друг, преходящие сексуальные отношения. Это тоже важно, но не настолько.

5. СЮЙ. Необходимость ждать

⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊

Желание ваше исполнится, если вы будете действовать целеустремленно и в достаточной мере осмотрительно.

Максим Костяков если и был коварен, то часто безобидно, в целях дидактических. Он знал, например, что у двоюродного брата Петра после двух-трех успешных дел появляется ошибочное мнение, что он не хуже других, что ему все по плечу и по силам. Вот тут Максим обычно и подсовывает ему дельце, которое с виду кажется пустяком, а на деле выходит не таким простым.

Максим был почти уверен, что Петр провалит переговоры с журналистом Немчиновым, автором книги о Постолыкине. В отличие от братца, Максим кое-что о нем узнал, почитал его статьи и полистал его книгу. Понял главное: человек из тех, кто любит выдумать себе принципы и держаться за них. И тут важно так повести разговор, чтобы он согласился с твоими предложениями и при этом считал, что не только не изменяет своим принципам, но строго им следует.

Петр этого сделать не сумел. Что и требовалось доказать.

В тот же день Максим встретился с братом. Пересеклись по ходу своих деловых маршрутов, встали на одной из тихих улиц, машина к машине. Говорили, не выходя, через окна.

– Почему, Петя, когда надо напрячь хотя бы одну извилину, ты проваливаешь дело? – мягко выговаривал Максим.

– Ничего я не проваливаю, – возразил Петр. – Он псих, а как с психом говорить? С нормальными людьми у меня все нормально получается.

– Значит, от миллиона отказался?

– Да. И черт с ним, Макс, на фиг такие понты? У меня одна знакомая девушка есть, детективы сочиняет. За всего тысячу долларов, между прочим. Намного дешевле!

– Нужна не девушка, а серьезный человек, – сказал Максим. – Почему Немчинов? Потому, что Паша его книгу читал и ему понравилось.

– И другие книжки пишут. Мне вот тут подбросили...

Петр дотянулся до заднего сиденья, где вот уже недели две валялась подаренная ему книга. Вячеслав Дубков, «Роса на асфальте», рассказы и повесть. Журналист Дубков брал интервью у

Петра, как у руководителя подросткового спортивно-патриотического клуба «Факел», заодно и всучил книгу. Она вышла у него три года назад, тираж пятьсот экземпляров, Дубков не доверил книгу торговле, выкупил у издательства ценный тираж полностью и дарил избранным людям.

Максим взял книгу, полистал. Прочитал вслух первое, что попалось:

«Сергей Сергеич возвращался с лодочной базы в приподнятом настроении. Немного его омрачала предстоящая нотация жены за то, что он под хмельком, но зато он предвкушал, как после жениной бури расскажет ей про Петровича, про свое открытие значительного в малом и неприметном. Смачным духом повеяло из открывшейся двери ресторана, мимо которого проходил Сергей Сергеич, навевая мысль не только о сытной закуске, но и о выпивке, на которую у него еще остались деньги, однако он сдержал порыв, с удивлением чувствуя в себе нараставшее тепло по отношению к Екатерине. Будто его радость уже перекинулась к ней».

– Хватит, мухи дохнут! – остановил Петр.

– Да нет, пристойно. Все ясно, просто, – не согласился Максим. – Не сошелся свет клином на этом Немчинове, в самом-то деле. Но говорить с этим Дубковым буду уже я. Ты не против?

– Только за. Они все психи.

– Кто?

– Журналисты эти, писатели. Они ничего реально в жизни не понимают.

– Бедный, ты, наверно, какую-нибудь книжку прочитал? И сильно огорчился, что они исказили действительность? – усмехнулся Максим.

– Да мне и читать не надо, и так понятно. Если бы они что-то серьезное делали, они бы известные были, правильно? Например, я спортсменов знаю, актеров из кино, певцов с певицами, ну, шоу-бизнес, в смысле, политиков, само собой, деловых серьезных людей тоже, а их никого не знаю.

– Потому что их по телевизору не показывают, – объяснил Максим, любуясь простодушным недоумением Петра.

– Так потому и не показывают, что некого!

– Канал «Культура» надо смотреть.

– Это по кабельному?

– Почему? Открытый государственный канал.

Петр на это ничего не ответил, только покачал головой, словно сокрушаясь, что государство тратит деньги на всякую чепуху.

И Максим поехал к Дубкову, предварительно позвонив ему и напросившись прийти в гости.

По пути позвонил своей помощнице и секретарше Лизе и попросил дать справку о Дубкове. Лиза, как всегда, с блестящей точностью и скоростью выполнила поручение. Картинка следующая: Вячеслава Дубкова многие называют Вячиком за моложавость и шустрость. Знаменит тем, что имеет медаль «За стойкость и выживание», которую придумал бывший губернатор Владимир Михайлович Федулов, имевший прозвище «ВМФ»; к нему эта аббревиатура, заимствованная у Военно-Морского Флота, приклеилась сразу и накрепко, было в нем действительно что-то военно-морское, крейсерское, бескозырчатое, но при этом показное, чреватое Цусимой, разгромом, что в результате и случилось. Медаль из его щедрых рук Дубков получил за настоящую стойкость и буквальное выживание: в пору кланово-политическо-экономических войн, когда намертво схватились мэр Сезонтьев, за которым стояли акулы строительства, недвижимости, торговли, прикрывающая их ярцевская (из микрорайона Ярцево) бандитская группировка, и команда губернатора Федулова с поддержкой чиновников, финансистов и заречных бандитов, то есть из рабочего поселка Заречный, Вячик грудью встал на защиту существующей власти, обосновывая свою позицию тем, что грядущая будет еще хуже, печатал разоблачительные статьи, направленные против тузов строительства и торговли. В результате удостоился подлого ночного нападения, его сильно избили и, возможно, хотели убить, применив что-то рубящее. Дубков выжил, но шрам через все лицо остался. Сшивали его второпях, срослось со смещением, поэтому кажется, что у Вячика одно лицо наплывает на другое, но он остался таким же отважным и принципиаль-

ным, теперь защищая нынешнего губернатора, бывшего мэра Сезонтьева, от наскоков очередных желателей поделить уже неоднократно поделенную власть. На досуге и в душе Вячеслав Дубков – поэт и писатель, член САП (Сарынская Ассоциация Писателей), выпустивший две книги стихотворной лирики и одну прозы.

– Ты сама себя превзошла, – похвалил Лизу Максим.

– Да у меня просто подруга Татьяна за него замуж вышла недавно. Я ей говорю: дура, он же урод, что моральный, что так. А ей нравится. Больше того, не надышится на него. А он на нее даже еще и рычит, тоже, блин, царь зверей. Главное, чего не понимаю, этот глистун до Татьяны три раза женат был!

– Бывает. Есть мужчины, у которых все достоинства раскрываются, как бы это сказать, не сразу. Я тебе на это не раз намекал.

– Максим Витальевич, мы эту тему закрыли или я себе работу ищу? – тут же отреагировала гордая и честно замужняя Лиза.

– Извини. Закрыли.

Ошибка Петра еще в том, что нельзя для таких разговоров приезжать к людям на работу. В публичных нейтральных местах тоже не надо встречаться. В офисе, в ресторане, в кафе все как бы немного играют на публику, начинают фуфыриться, набивать себе цену, строить из себя то, чем они не являются. А вот у себя дома человек беззащитен, его сразу видно. Дома стены, помогают, это верно, но они же и выдают.

Квартира Дубкова с советской мебелью (сервант, трюмо, полированный книжный шкаф), выцветшими обоями на стенах, но уже с так называемым евроремонтом в кухне и ванной, куда Максим зашел помыть руки, выдавала Вячика с головой: беден, но претенциозен.

Максим коротко объяснил ему задачу и назвал цену: сто тысяч рублей. Вячик нашел в себе мужество не показать, что он страшно обрадовался. Выдержал паузу и сообщил:

– Это серьезная работа, Максим Витальевич.

– А кто говорит, что несерьезная?

– И времени придется затратить много.

– Опять же не спорю. Намекаете, что гонорар прибавить?

– И ответственность большая... – не признавался Вячик.

Максим чутьем догадался, какую аппетитную цифру держит в уме Дубков. Триста тысяч. Потому что это по нынешнему курсу – десять тысяч долларов. Ботаники, косящие под деловых людей, примитивны и одинаковы. Округлость и красота цифры для них часто важней самой суммы. Они не понимают настоящей цены денег, потому что не видят их конкретной наполненности. Но и у Максима, кроме финансового, есть спортивный интерес – не дать больше двухсот пятидесяти. (Можно и меньше, но получишь халтуру, за которую при такой цене и ругать-то будет неудобно).

– Хорошо, сто пятьдесят тысяч, – сказал он.

Вячик пожал плечами:

– Надо подумать. Вы сразу ответа требуете?

– Я не требую, я надеюсь на ваше согласие. Так договорились?

– Не знаю...

– Хорошо. Вы умный человек, Вячеслав Ильич, поэтому я озвучу сразу максимальную сумму, которую мы можем заплатить. Двести пятьдесят. Откажетесь – очень жаль, придется кого-то еще искать.

Вячик чуть было не потерял лицо. То есть оба из своих лиц, хотя одна половина из-за нарушенных мимических функций всегда казалась не вполне живой – не мертвой, но мертвоватой.

– Никого вы не найдете! – торопливо сказал он. И тут же исправился: – То есть ваше дело, конечно, но средний возраст членов нашей ассоциации шестьдесят пять лет. Я там самый молодой, как это ни смешно.

– Значит – согласны?

– Ну, в общем, да.

– Тогда поступим следующим образом. Я тут кое-что набросал для первых глав. Чисто фактический материал. Изучите и попробуйте на этой основе написать страниц десять-двадцать. А вот аванс, – Максим достал заранее приготовленные деньги. – Мы на словах договоримся или трудовое соглашение составим?

– Что вы, зачем? – рассмеялся Вячик. – На словах, конечно!

– И вот еще, взгляните, – Максим достал из портфеля и положил перед Дубковым толстую папку, вернее, картонную коробку с дыркой на широком корешке; в таких обычно хранят подшитые пакеты документов.

Дубков открыл коробку, заглянул, щепотью достал несколько листов. Какие-то копии – фотографии, еще что-то.

– Это из нашего архива, – пояснил Максим. – Родители, мы, фотографии деда, бабушки. Грамоты всякие – советского времени. В копированном виде, но вам, я думаю, без разницы. Это для ознакомления, в книге все будет высшего качества.

Оставив свои черновики и коробку, Максим удалился, а Вячик лег на диван, что делал всегда, когда появлялась необходимость серьезно подумать.

В соседней комнате находилась Татьяна и прислушивалась. Она не присутствовала при разговоре мужа с Максимом Костяковым, зная, что Вячик не любит посторонних ушей, а когда Максим ушел, не приставала с расспросами. У Вячика так: захочет – сам скажет, не захочет, лучше не лезть, рассердится. Если что-то важное, рано или поздно выложит, вот тогда можно деликатным советом или замечанием подтолкнуть его в нужном направлении.

Татьяна слышала, как Вячик, ворочаясь на диване, издает звуки. Она знала уже эту его привычку реагировать междометиями на собственные мысли.

– Хм! Хм! Кха! – откашливался Вячик, и Татьяна понимала: он думает о чем-то крайне заманчивом. Интересно, это лишь для него заманчиво или для всей семьи? Имелся в виду еще и будущий ребенок, которого Татьяна очень хотела зачать, но пока не получалось.

– Це-це-це! – щелкал он языком. Означает какие-то сомнения.

– Тым-бырыдым-дым-дым! – напевает. Высшая степень напряжения мысли.

– Ну ё, ну и ё! – опять сомнения, но не черные. Опасение поддаться на уловку. Как перед входом в магазин, на витрине которого объявлена восьмидесятипроцентная уценка.

– Ча-чи-чу-чу, чу-чу! – пыхтение паровозом. Мыслить стало тяжело.

– Ы-хы-хы! – вздох сожаления о чем-то. Не о том ли, что зря женился?

– Баям-бадам! – торжественное. Убежденность в своей правоте и победе.

– Ёптарида! – полный триумф. После такого восклицания к нему можно смело входить, не опасаясь разноса.

И Татьяна вошла с улыбкой.

Спросила:

– Что? Интересное предложение?

– Ты даже не представляешь! Потом расскажу.

Ну, потом так потом, Татьяна не торопит. Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра, как шутит муж. Вроде, глупо, а на самом деле лучше помедлить и сделать что-то позже, но вернее и основательнее.

– Водка есть у нас? – спросил Вячик.

– Конечно, – улыбнулась Татьяна.

Мог бы и не спрашивать. Умная жена: а) всегда держит в холодильнике водку; б) приветливо относится к пожеланию выпить. Ибо, когда мужчина захочет, он все равно выпьет, но не дома, а где-то в другом месте. И вам же хуже.

6. СУН. Суд

_____
_____
_____
_____ _____
_____
_____ _____

Ведите себя скромно и сдержанно: если вам бросают перчатку, не поднимайте ее.

На следующее утро Немчинов позвонил Петру Чуксину (тот, уходя, оставил визитку с номером телефона) и сказал:

– Здравствуйте, Петр. Это Немчинов, если помните. Мы вчера говорили. Я подумал. Я попробую.

– Уже не надо, – с удовольствием отшил его Петр.

Немчинов то ли кашлянул, то ли поперхнулся.

– Мы можем обсудить сумму.

– Я сказал: не надо. Что непонятного?

Да, Немчинов понял. Понял главное: похоже, он сделал огромную глупость. Наверное, они нашли кого-то более сговорчивого. Но кого?

Тем временем Дубков уже рьяно взялся за работу.

Наброски Максима Костякова были написаны вполне сносным языком. Суховато и не без казенщины, с множеством, конечно же, грамматических и стилистических ошибок, но тем не менее. В сущности, учитывая жанр книги, можно так и оставить. Но Дубкова наняли не консультантом, а автором. Придется что-то придумать.

Самое верное – воспользоваться опытом редактирования. В стародавней областной молодежной газете «Пламенный комсомолец», которую и читатели, и сотрудники называли, конечно же, «Племенной комсомолец», заместителем редактора, то есть на самом деле главным производственным человеком по обычной градации советского времени (редактор являлся фигурой назначенной, номенклатурной и часто несведущей) был Матвей Найский, славившийся нечеловеческой въедливостью: все материалы пропускал через себя, на полях ставил вопросительные знаки, плюсы и минусы. Вопросительный знак означал недоумение, минус – плохой текст, плюс – понравилось. Плюсов было немного, а вот вопросов и минусов тьма, из-за этого в газете всегда была горячка, все до вечера переделывали свои материалы, сдавали Найскому, тот опять ставил минусы и вопросы. Если бы не газетная ежедневка, необходимость сдавать в типографию номер к определенному часу, Найский так и мучил бы всех придирками до бесконечности. Он, кстати, впоследствии уехал в Москву, стал большим человеком на одном из крупных телеканалов и, говорят, успешно сводит с ума подчиненных, заставляя по десять раз переписывать тексты. С первого предъявления не проходит ничто. Докатилась оттуда байка, будто Найскому на заре его теледеятельности принесли расшифровку синхрона, то есть снятого со звуком, с речью людей киносюжета. Найский, как обычно, поставил свои вопросы, минусы и плюсы, автор спросил: «Извините, это что значит?» – «Коряво, плохо, перепишите». – «Но это синхрон, это уже снято, люди в кадре говорят», – ответил автор, пряча улыбку. «Так переснимите!» – хладнокровно повелел Найский.

Быть может, у Найского была особенная болезнь, что-то вроде редакторомании. Дай ему «Анну Каренину», «Трех мушкетеров», «Доктора Живаго», он вцепится в них мертвой хваткой и начнет ставить свои раздраженные закорючки («Живаго» Дубков и сам бы пощипал – не любит он этот шедевр. Да и в «Карениной» выкинул бы все про Левина и его прогулки по лугам. И «Мушкетеров» можно бы покороче сделать). Найский не мог спокойно видеть нетронутого текста. И, как все мономаны и маньяки, был неспособен остановиться, в идеале ему требовалась вечность, чтобы авторы бесконечно приносили свои писания, а он бы бесконечно правил.

Кстати, ведь проверяли в «Пламенном комсомольце»: коварно подсовывали Найскому отрывки из классиков под видом литературных зарисовок читателей. Найский приходил в неистовство и даже не ставил пометок, просто заворачивал: «Выкиньте эту самодеятельность!» Но однажды опознал фрагмент из Горького, обиделся. Однако характер выдержал: «Купить хотели? Так вот, Горький – плохой писатель! И кого раньше вы мне совали – тоже все были дерьмо!»

Журналисты обходили заморочки Найского очень просто – меняли порядок слов. Было: «Новыми трудовыми свершениями начали год комсомольцы Бузовского района», стало: «Бузовский комсомол стартовал в этом году с новых производственных побед». Крючки появлялись, но уже в других местах, и их было меньше.

Так и поступим.

У Максима написано: «Родители Павла были простые работящие люди».

Это штамп. Раз простые, тут же само просится – работящие. У нас с простыми только так – или уж работящие, или пьющие. А конкретнее? Порывшись в папке, просмотрев почетные грамоты, Вячик обнаружил, что отец Костяков всю жизнь трудился на заводе, а мать в столовой. С фактографией ясно. Но не хватает экспрессии. Все-таки к юбилею книга, стилистика должна быть соответствующая. Эпитетов побольше, только они делают текст художественным – и прозу, и стихи.

Вячик увлекся, кропотливо работал несколько дней, отложив все другие дела. И получилось у него следующее:

КОСТЯК КОСТЯКОВЫХ

Глава могучего семейного клана Костяковых, Виталий Данилович, вернувшись с войны, нес на своих плечах тяготы забот о младшей сестре и матери. Он пошел работать на тот же завод зуборезных станков, где работал до войны и где ему были рады, потому что Виталий Данилович был не просто слесарем, а настоящим художником напильника и штангенциркуля, за что его ценили и доверяли сложную работу. При его уме он мог бы стать большим человеком в любой сфере, но предпочел остаться на всю жизнь верным своей профессии.

Миновали трудные послевоенные годы. Мужчин не хватало, и Виталий Данилович мог выбрать себе любую подругу сердца, но он не торопился, хотя ему было уже за тридцать.

Евгения Михайловна, будущая мать троих сыновей, тоже не спешила с замужеством. У нее имелся недостаток, на который нормальные люди не обращают внимания, а в нашей жестокой стране это делало человека инвалидом: она страдала с детства отсутствием слуха и речи. Это ей не мешало работать поваром в столовой, но при общении с мужчинами возникали проблемы.

Их знакомство произошло в трагикомических обстоятельствах. Залезая после работы в переполненный трамвай, Виталий Данилович случайно оттолкнул женщину, которая упала. Он тут же выскочил из трамвая, чтобы ее поднять. Выяснилось, что она вывихнула ногу. Виталий проводил ей в больницу, где они и познакомились. Евгения Михайловна умела понимать речь по губам, а Виталий Данилович сначала только догадывался, а потом, за годы супружеской жизни, тоже научился понимать и говорить с женой знаками. Характерно при этом, что все сыновья выросли нормальные, с обычной речью, хотя научились общаться с мамой и между собой посредством знаков.

Отец был всегда занят на работе и трудился в две смены, потому что большой семье нужны были деньги. Виталий Данилович воспитывал детей строгостью и своим примером, не чурался и ремешком стегнуть шалуна, что может выглядеть архаично, но недаром в «Домострое» сказано, что кто жалеет своих детей, тот губит их.

Он работал всю свою жизнь, в том числе по субботам, даже тогда, когда суббота стала выходным днем, а выпить себе позволял только в воскресенье, в этот день он отдыхал и не любил, если ему мешали. Мог иногда и поссориться с кем-то, но не со зла, а по эмоциональности натуры. И сам потом из-за этого переживал.

Несмотря на то, что у Евгении Михайловны и Виталия Даниловича у самих было неполное среднее образование, они сделали все, чтобы дети закончили не только школы, но и институты. Абсолютно все они получили высшее образование по техническому профилю, который им был, видимо, генетически близок из-за технической профессии отца.

Павел с детства был лидером, его выбирали председателем совета отряда, он входил в школьный комитет комсомола и был заместителем секретаря школьной комсомольской организации, хотя и без особого успеха, потому что уже тогда сомневался во многом, в том числе в коммунистической идеологии.

Павел был не только отличник, но и спортсмен. Не было ни одной спортивной игры, в которую бы он ни играл! Он играл в хоккей, в футбол, в волейбол, в баскетбол, принимал участие от школы в районных и городских соревнованиях. Родители хоть и обеспечивали детей, но некоторых вещей было просто невозможно достать, например, настоящие хоккейные клюшки. Они продавались в магазинах крайне редко. Мальчишки поступали следующим образом: брали рукоятки от сломанных клюшек, выпиливали в торце выемки и вставляли туда фанерки вместо ударных лопаток, приклеивали их эпоксидной смолой, обматывали изолентой. Иногда для крепости пробивали гвоздиками. Но таких клюшек хватало на одну-две игры.

С клюшками была связана первая удачная «коммерческая» операция Павла. В нашем городе тогда была неплохая команда «Рубин» при только что выстроенном ледовом Дворце спорта. Однажды должна была состояться игра первой лиги всесоюзного чемпионата, приехала знаменитая хоккейная команда ЦСКА. Павел и Максим сумели достать билеты и попасть на игру. А после игры они проникли в раздевалку и начали просить великих спортсменов подарить им несколько клюшек, пусть даже сломанных, и расписаться на них. Спортсмены удивились их ловкости, потому что к ним никого не пускали, подарили несколько сломанных клюшек и две целых. И на всех расписались. Целые клюшки братья взяли себе, а остальные аккуратно склеили и продали друзьям. Еще бы, иметь клюшку с настоящим автографом Мальцева, Харламова, Старшинова! Это было непередаваемое счастье!!!

Вырученные деньги братья потратили не просто так, они купили настоящие канадские коньки для хоккея. И с этого дня чувствовали себя на дворовом льду почти профессионалами НХЛ!

Павлу прочили спортивную карьеру, учитывая, что к десятому классу у него были первые разряды по лыжам, боксу и шахматам (не правда ли, интересное сочетание?)

Но он видел свое будущее в науке, увлекался химией и с восьмого класса твердо знал, что будет поступать на химико-технологический факультет политехнического института.

Конечно, при этом Павел помогал своим братьям и умом и, если так можно выразиться, физической силой. Да они и сами были крепкие. Они защищали друг друга, а иногда по вечерам выходили на «рейды» в своем микрорайоне и призывали к порядку хулиганов и нарушителей спокойствия, которых хватало в те беспризорные времена.

Жизнь Павла не ограничивалась учебой и спортом. В десятом классе к нему пришла любовь. Девушку из параллельного класса звали банально – Светлана, она была светловолосой и голубоглазой. Типичный объект для первой влюбленности. Да еще имела очень развитые женские формы. Павел даже начал писать стихи и показывал ей, но понял, что ее не проймешь. Он также узнал, что девушка Светлана далеко уже не девушка. И что нужно не завоевывать ее сердце, а весь ее девичий организм в целом. Он узнал также, что Светлана очень любит оригинальные поступки молодых людей, которым после этого отдает предпочтение.

А жила она в пятиэтажном панельном доме, где были смежные балконы, разделенные перегородками, через которые при желании можно перелезть. Павел узнал, что она живет как раз в такой квартире, ее комната с балконом, а родители живут в другой комнате, большой, но без балкона. Тогда Павел под видом сборщика макулатуры, хотя в таком возрасте макулатуру советские школьники уже не собирали, явился в квартиру, чей балкон соседствовал с балконом Светланы. Он обнаружил, что там живет старуха с сыном-пьяницей, который всегда где-то шлялся или спал дома. Имея врожденное обаяние, Павел начал говорить со старухой. Та была очень рада челове-

ческому общению, от которого отвыкла. Она сразу почувствовала доверие к Павлу. Павел стал заходить все чаще, хотя ее сын был недоволен, когда пересекался с ним. Однажды Павел принес сыну две бутылки портвейна, тот напился и уснул. А старухе Павел рассказал историю своей любви. Она была, несмотря на возраст и болезни, интеллигентная женщина, много читавшая и склонная к сентиментальности. История Павла довела ее до слез. Тут-то он и изложил свой план – перелезть на балкон Светланы. Старуха сначала испугалась. Павел объяснил ей, что мог бы перелезть обманом, не сказав ей, но не хочет поступать так подло. Это растрогало старуху, и она пустила на балкон, но сказала, что не будет смотреть, потому что ее буквально тошнит от страха – все-таки пятый этаж.

И Павел, рискуя жизнью, перелез. Он увидел, что Светлана сидит за столом и учит уроки, потому что она, несмотря на свое поведение, неплохо училась. Он целый час стоял так и смотрел, его одолела неожиданная робость, он не знал, что делать дальше. А на улице было холодно, ноябрь, он страшно замерз. И хотел уже постучать, но тут Светлана подняла глаза и посмотрела в окно, будто ее кто-то позвал. Она испугалась, но Павел тут же приблизил лицо к стеклу, чтобы показать, что это он.

Светлана узнала, открыла балкон.

– Как ты сюда попал? – спросила она.

– С неба, – Павел нашел в себе силы пошутить смерзшимися губами.

– Вот дурачок, ну и дурачок! – ахала и охала Светлана тихим голосом, чтобы не разбудить уже спящих родителей. – Я сейчас принесу тебе чаю.

Она принесла горячего чаю, Павел выпил, но не мог согреться.

Тогда Светлана налила ему водки – ее отец любил выпить, но не был пьяницей, поэтому водка в доме всегда была. Павел выпил, но продолжал дрожать.

– Ты наверно, долго стоял там? – встревожено спросила Светлана.

– Целый час, – признался Павел. На самом деле он понимал, что это нервное.

– Бедненький! Как же тебя согреть?

И Светлана уложила его на постель и укрыла шерстяным одеялом. А когда укрывала, Павел осмелел и поцеловал ее.

Светлана отскочила, Павел решил, что она обиделась. На самом деле она пошла к двери, чтобы закрыть ее на задвижку. Павла это очень удивило: тогда в советских семьях не было принято, чтобы дети запирались от родителей в своих комнатах, даже когда вырастали. Попытка поставить замок или задвижку приравнивалась к оскорблению. Таким образом тотальный контроль государства подкреплялся тотальным контролем родителей. Павел не знал тогда, что у Светланы не мать, а мачеха, с которой она в напряженных отношениях, поэтому закрывалась, чтобы никто к ней не вошел без стука.

После этого Светлана буквально набросилась на Павла. Но в первый раз, как потом признался Павел, у него не получилось. Зато уже через день получилось так, что Светлана без памяти влюбилась в него. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что она далеко не соответствует тому идеалу, который увидел в ней Павел. Они расстались, хотя это было трудно, Светлана травилась таблетками, подсылала подруг поговорить с Павлом, приходила сама и плакалась его матери, нагло при этом врала, что он лишил ее невинности. Павлу пришлось очень строго поговорить с ней. Он пригрозил, что, если она будет мотать его матери нервы, он все про нее расскажет, как есть на самом деле.

Тем не менее он сохранил об этой девушке самые лучшие воспоминания. Уже потому, что, когда появилась возможность сравнить, он оценил ее чисто сексуальные способности. Она, хоть и была совсем юной, оказалась, как выяснилось, прекрасной любовницей. И еще долго Павел невольно сравнивал ее с другими не в пользу последних.

Учась в институте на вечернем отделении, Павел работал лаборантом на одном из крупных из предприятий, не совсем по профилю. Это предприятие помимо всего прочего выпускало дефицитные радиодетали, которых тогда было не достать. Поэтому процветали так называемые

несуны, таскавшие детали через проходную под одеждой, но против них ввели металлоискатели, а иногда просто обыскивали. Тогда они стали перебрасывать детали через заборы, где их ждали сообщники. Павел видел, что это дело выгодное, но криминальное. Подумав, Павел связался с заводской организацией ДОСААФ и комитетом комсомола и внес инициативу образовать общественный клуб радиолюбителей при Дворце культуры завода и попросить профком и партком ходатайствовать о выделении клубу небольших материальных субсидий. То есть какого-то количества мелких деталей на незначительные суммы. Гениальность была в том, что в документах указывалось не количество деталей, а деньги. Например, написано: «Радиозапчасти на сумму 78 (семьдесят восемь) рублей». Но не указано, что этих запчастей тысяча штук по 7,8 копеек за штуку. Такова была их себестоимость для завода, а на черном рынке – от тридцати копеек и выше. То есть, по тридцати копеек тысяча – триста рублей, немалые по тем временам деньги. И это только одна строчка из списка!

Можно сказать, что это махинация. Но Павел не присваивал себе все деньги, как мог бы, он действительно поднял клуб радиолюбителей на недосягаемую высоту, при клубе образовался сектор «охотников на лис», завоевывавший пять лет подряд призовые места на всесоюзных соревнованиях.

И потом, детали, которые он продавал (затратив много выдумки, сил и энергии), до него на черном рынке стоили не меньше полтинника, то есть он сбил цену.

Мало того, Павел, не хотевший чувствовать, что он даром берет что-то у государства и наживается, организовал что-то вроде бригады, только рабочие не работали вместе, а каждый отдельно. Они производили продукцию сверх плана, Павел покупал ее за собственные деньги.

Именно тогда Павел понял, что наилучший способ в тогдашних условиях не дать пропасть и распылиться государственным деньгам – пустить их в оборот через общественные организации. И польза от этого была всем».

Закончив этот фрагмент, Дубков почистил его и послал Максиму по электронной почте, как и договаривались. И очень удивился, получив ответ не через пару дней, как ожидал, а через час.

К письму был приложен текст Дубкова с комментариями, внедренными прямо по написанному и выделенными жирным шрифтом.

Комментарии следующие:*

КОСТЯК КОСТЯКОВЫХ – **название хорошее**.

Глава могучего семейного клана – **Какого клана еще? Мы шотланцы что ли? Или мафия?**

был не просто слесарем, а настоящим художником напильника и штангенциркуля – **а так же художником рашпеля, тисков и зубила?**

При его уме он мог бы стать большим человеком в любой сфере – **это вряд ли, не надо сочинять.**

а в нашей жестокой стране это делало человека инвалидом: она страдала с детства отсутствием слуха и речи – **а в других не жестоких странах это не делает инвалидом? И почему страдала? Это другие может страдают, кто много говорит. Я написал – глухонемая, все ясно и просто, без фокусов.**

** Чтобы не вынуждать читателей вторично наслаждаться текстом Дубкова, выделены только места, прокомментированные Максимом.*

при общении с мужчинами возникали проблемы. – **а с женщинами нет?**

Их знакомство произошло в трагикомических обстоятельствах – **трагического то что?**

сыновья выросли нормальные – **и на том спасибо.**

не чурался и ремешком стегнуть шалуна – **я написал: «вколачивал ремнем ум через зад», чем хуже? Мне кажеться это образно, но правильно, а «ремешком шалуна» – сю-сю какое-то. У нас так не было.**

техническому профилю, который им был, видимо, генетически близок – **кучеряво.**

Брали рукоятки от сломанных клюшек, выпиливали в торце выемки – **пазы это называеться и вставляли туда фанерки вместо ударных лопаток – крюки это называеться**

Еще бы, иметь клюшку с настоящим автографом Мальцева, Харламова, Старшинова! – **Старшинов – Спартак а не ЦСКА и не играл уже тогда между прочим, Мальцев из Динамо, Харламов да ЦСКА, но это было в 81-м осенью а он погиб летом. Не надо придумывать чего не было. Их никого там не было.**

они купили настоящие канадские коньки для хоккея – **Я написал канадки. Это не канадские коньки. Были польские, чешские, советские канадки тоже были.**

Девушку из параллельного класса звали банально – Светлана – **а не банально как? Изаура? Не понял.**

Типичный объект для первой влюбленности – **юмор?**

девушка Светлана далеко уже не девушка – **близко?**

не завоевывать ее сердце, а весь ее девичий организм в целом – **опять юмор?**

смежные балконы, разделенные перегородками, через которые при желании можно перелезть...
И Павел, рискуя жизнью, перелез... – **так при желании можно перелезть или рискуя жизнью?**

чисто сексуальные способности – **чисто конкретно, ага. А грязно сексуальные бывают?**

процветали несуны – **долго смеялся, представил как процветают несуны.**

Именно тогда Павел понял, что наилучший способ в тогдашних условиях не дать пропасть и распылиться государственным деньгам – пустить их в оборот через общественные организации – **я написал проще. Вы вставили именно, заменили лучший на наилучший, добавили в тогдашних условиях и пропасть. Зачем?**

В целом не совсем понятно, зачем было переделовать мой текст с таким сомнительным результатом.
Завтра к вечеру мы вам скажем, что мы решили.

Прочитав это, Вячик выскочил из кабинета.

– Они решат! Это я решу, буду я с ними работать или нет! Блин, что за дела? Будет он меня учить, как писать! Да у него у самого сначала «лучший» через мягкий знак было написано, потом у меня увидел, как правильно, исправил! «Естли» через «т» пишет, грамотей, ё! А претензий сколько! Элементарных вещей не понимает – два-три слова переставишь, и сразу все другое, сразу звучит! Вся литература на этом построена, на порядке слов! «На дачу съезжались гости» – серость, «съезжались на дачу гости» – фельетон, а «гости съезжались на дачу» – гениально. Объяснишь ему это? Да ни за что! Нет, отказываюсь на фиг!

Татьяна слушала, сочувственно кивая головой, а сама думала: попросит водки или не попросит? Деньги тоже важно, но Татьяна, увы, почему-то сразу поняла, что их не будет. Да ладно, деньги дело такое – пришли, ушли, а семейные отношения – это навсегда. В идеальном случае. Но Татьяна постарается приблизить реальность к идеалу.

7. ШИ. Войско

____ ____
____ ____
____ ____
____ ____
_____
____ ____

Вы получите неожиданное известие.

Максим поделился своим огорчением с Петром, а Петр рассказал, что Немчинов передумал, звонил, выражал готовность работать.

– Его тысяч на двести опустить надо, чтобы в следующий раз не выдрючивался, – сказал Петр. – И где гарантия, что он тоже сумеет? Может, правда, в Москву? Там всяких писателей полно, а зарабатывают, я не думаю, что очень уж хорошо.

– Может, и в Москву, – согласился Максим, которому не хотелось вести переговоры со строптивым Немчиновым. Пусть Павлу понравилась его книга – ну и что? Есть люди с именами более известными, которые уж наверняка пишут не хуже. По крайней мере, не начнут гнать пургу с первой строчки про могучий семейный клан.

В это время Сторожев ехал к Павлу Витальевичу в его загородном доме.

Проезжая мимо поворота на «Водокачку», вспомнил о намерении навестить Лилю и Колю. Надо позвонить Немчинову, напомнить и договориться.

К имению Костякова-старшего вела отдельная дорога, которую Павел Витальевич построил только для себя. А само имение, обнесенное высоким забором, располагалось на опушке леса. Дом трехэтажный, огромный, строился пять лет, предполагалось, что будут жить здесь и дети, и внуки, и гости смогут собираться по сто человек – огромная гостевая столовая способна была вместить и больше. Но получилось так, что жена Ирина погибла в аварии, старший сын Егор и младшая дочь Рада и живут отдельно и оба пока не собираются заводить внуков, гостей звать в бессемейный дом как-то странно, а с деловыми партнерами встречаться здесь не хочется. Не для того строилось, чтобы осквернять разговорами о деньгах, траншах, перевозках, объемах, отгрузках, откатах и т.п.

В углу огромного участка – домик, где живут супруги Сердяевы, рачительная, веселая и разговорчивая тетя Люба и не менее работящий, но молчаливый дядя Толя, они и смотрят за домом. Да еще охрана на въезде, само собой. Павел Витальевич до этого лета появлялся здесь редко, предпочитал жить в довольно скромной городской квартире. Когда же ему приспичивало уйти в разнос, он уединялся именно здесь, подальше от чужих глаз, и именно сюда приглашал Валеру

Сторожева.

Позвал и на этот раз.

Устроились в малой столовой на первом этаже, ужинали без вина и водки, но Сторожев все понимал и решил упредить:

– Не рановато, Паша? Два месяца прошло.

– Знаю.

– Я откачаю, но я не бог. Тебе может стать плохо.

– Знаю. А чего ты суетишься? Может, я не для этого с тобой встретился? А просто – поужинать?

– Тогда ладно.

– С другой стороны, скажи, Валера, а почему бы мне и не выпить? Что мне мешает?

– Ну, дела, допустим.

– Клал я на них. Дела идут, контора пишет.

– Здоровье.

– А зачем оно мне? Для кого?

– Жизнь тоже не нужна?

– Не нужна, – подтвердил Костяков.

Валера человек опытный. Он понимал, что для Костякова важны и дела, и здоровье, и жизнь ему нужна. Просто – корежит человека, выпить ему хочется, вот он и нагоняет на себя трагизм. Жаждущие алкоголики любят похвастать пренебрежением к жизни: свой страх заговаривают. А если уж выпьют, тогда им черт не брат. Сколько Валера знает случаев, когда по пьяному делу и вены себе резали, и с третьего этажа прыгали, и грозили под машину скакнуть. И, хоть пьяных действительно бог бережет, но смертельных случаев тоже хватает. Помнится, откачивал Валера одного такого смельчака, а он вдруг встрепенулся, вырвал из себя иглы с трубками, побежал куда-то. Выяснилось – на крышу. Ему вздумалось прыгнуть на соседний дом, стоявший рядом, чтобы убежать от постылой жены, вызвавшей Сторожева (и больной ведь сам согласился на лечение!), от неминуемого похмелья. Он разбежался, оттолкнулся и с тяжелым мокрым шлепком, напомнившем, что человек состоит из воды, ударился о стену противоположного дома и упал на землю уже мертвым.

– Нет, скажи, зачем мне нужна жизнь? – спросил Павел. – Для чего и для кого?

– Для детей хотя бы, – ответил Валера, понимая, что ответ Павла не устроит, но без этого нудного разговора не обойтись. На самом деле Павел колеблется, не настроился на запой, значит, надо использовать все возможности его отговорить.

– Я им не нужен. Им нужны мои деньги. И даже деньги не нужны, оба свое дело нашли, Рада из дома не выходит, на компьютере сутками чего-то там тюкает... Какие-то тексты пишет. Копейки зарабатывает и довольна. Такая девушка и вне жизни совсем, обидно даже. А Егор в Москве заработал, возится со своим самопальным театром и больше знать ничего не хочет. Короче, аргумент не катит, идем дальше.

– Сто раз ведь говорили, Паша.

– А я опять сомневаюсь. Скажешь – себе нужен?

– Да, себе.

– Зачем?

– Затем, что ты не знаешь, что с тобой будет завтра. Вот ты говоришь: я себе не нужен. Ты имеешь в виду себя – сегодняшнего. Которому плохо, грустно, понимаю, у самого такое бывает через день. Но ты лишаешь себя шанса узнать, каким ты будешь завтра.

Павел махнул рукой.

– Таким же. Нет, эти разговоры без питья – совсем не то. Давай выпьем.

– Постой, – сказал Сторожев. – Нажраться всегда успеешь. И сдохнуть. Почему ты думаешь, что будешь таким же? Я вот, сам знаешь, жил почти всю жизнь черт знает где черт знает с кем, – мимолетно оболгал Валера первую жену и свое в действительности теплое отношение к ней, но

для пользы дела, – и думал, что всю жизнь так буду жить. А потом...

– А потом встретил другую дуру. Извини, но твои слова.

– Да, мои. И тоже мог бы напиваться и сдыхать. Но я терпел. Я верил, Паша. И встретил женщину своей мечты, женщину, которую обожаю.

Валера опять соврал – но опять для пользы дела. Павел этого, конечно, не знал.

– Да, – сказал Павел. – Она милая у тебя. Добрая и...

Мужчины не умеют долго говорить о женщинах, к которым равнодушны, а Павел к Наташе был равнодушен, она ему совсем не нравилась, Валера это знал и не обижался, но, конечно, досадовал. Все-таки, подумал он который уже раз, пора мне с Наташей заканчивать. И больше никаких совместных проживаний – ни с кем. Разовые встречи, комфорт необязательности.

– Нет, – сказал Павел. – Мне почти пятьдесят пять. Ты ведь понимаешь, что меня если кто полюбит, я имею в виду молодых и красивых, то только за деньги?

– Не обязательно.

– Обязательно. Нет, Валера, сегодня ты меня не переспоришь. Я никому не нужен, и это факт.

– Братьям нужен. Максиму, Петру.

– Зачем? Они и без меня справятся.

– Ты им по-человечески нужен. Просто – как брат.

– Ага, – иронически хмыкнул Павел.

– Между прочим, они о тебе книгу хотят написать, – сказал Валера. – Не сами, конечно, а с помощью моего друга. Илья Немчинов, журналист.

– Книжку о Постолыкине написал, хорошая книга, – кивнул Павел и заулыбался, довольный. – Ах, паразиты! На слове поймали меня, подарок решили сделать.

– Черт, я же проболтался! – спохватился Сторожев.

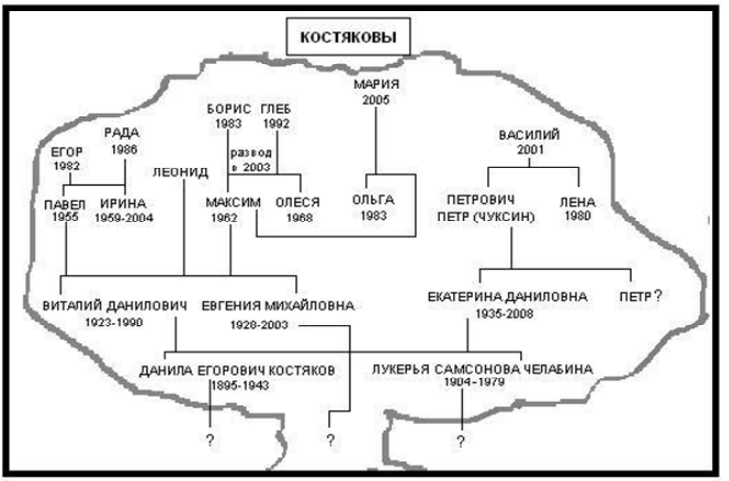
– Ничего. Не проболтался, а просто сказал в дружеском разговоре. Не считается. Ты же не знал, что я этого не знал?

– Нет.

– Ну, и все. А как они собираются это сделать? То есть он? Только про меня или вообще про семью, про отца с матерью? Между прочим, я тебе сейчас кое-что покажу.

Павел вышел и вернулся с картонкой в рамке. На приклеенном к картонке ватмане было схематично нарисовано родословное древо – видимо, сам Костяков трудился. Павел поставил громоздкую раму на каминную полку.

– Вот, полюбуйся!

Любоваться особо было нечем, информации на древе было не густо. Сверху, как полагалось, самые младшие, снизу, у корня аляповато нарисованного дерева неизвестной породы, – старшие.

– Видишь? – спросил Павел. – Сплошные вопросы. Мы дальше своего деда никого не знаем. Кто был прадед, неизвестно. Кто был нашей бабки отец, неизвестно. Они сами не понимают, какое хорошее дело задумали. Не про меня надо, а вообще про семью – откуда, кто. Чтобы потомки знали. Это же интересно!

– Илья, насколько я знаю, отказался.

– Почему? Мало предложили?

– Нет, там какие-то свои соображения.

– Какие еще соображения?

Павел, не любивший ничего откладывать, тут же взял телефон, позвонил Максиму.

– Ты только скажи, что я не нарочно проболтался, – успел предупредить Сторожев.

– Да ладно!

Быть уличенным в добром деле не так уж страшно, поэтому Максим сразу же и охотно сознался. Объяснил, что Немчинов закапризничал, они дали попробовать другому человеку, известному журналисту Дубкову, но тот не справился.

– А Немчинов сколько запросил?

– Миллион рублей.

– Нормальная цена. Столько средняя машина стоит, а книга – не машина. Машина разобьется или сгниет, а книга останется. Мы тут с Валерой Сторожевым за городом у меня, бери-ка этого Немчинова, Петру позвони, езжайте все сюда.

– Пропал сюрприз! – огорчился Максим.

– Шут с ним. Идея хорошая, это главное. Надо обсудить. Короче, жду.

Максим позвонил Петру, рассказал о разговоре с братом, а Петр в ответ сообщил, что Немчинов пошел на попятный, сам напрашивался на работу, но он его отшил.

– И зря. Езжай сейчас к Павлу, а я к Немчинову.

После этого Максим позвонил Илье, напросился на визит, приехал к нему. Дома, на счастье Максима, оказались и жена, и дочка Немчинова, их не было при разговоре, но они находились в соседней комнате, незримо присутствовали, стояли за плечами Немчинова, что очень облегчало.

Максим повел беседу энергично.

– Значит, вы все-таки согласны?

– Да. Но хотелось бы обговорить...

– Все обговорим.

– Непривычное дело, сами понимаете...

– Будете писать – привыкнете. Тем более, ситуация изменилась: Павел узнал, что мы ему хотим сделать такой подарок. Благодаря вам узнал.

– Как это? Я с ним даже не знаком. То есть пересекались, я его знаю, но он меня нет.

– Другие люди есть. Вы по всему городу благую весть разнесли.

Обычный выпад – заставить противоположную сторону чувствовать себя виноватой. Зубры и волки, переговорных дел мастера, на это не покупаются, а Немчинов откровенно огорчился:

– Я только своим людям, по-дружески. Даже всего только одному, Валере Сторожеву. Не думал, что он...

– Вот и он по-дружески. Ладно, поезд ушел, что теперь говорить? Выручайте нас: брат просит приехать, обсудить. Огромная просьба – ни от чего сгоряча не отказываться. Все обговариваемо, понимаете?

– Если обговариваемо, то...

– О том и речь. С учетом ваших условий и творческих запросов.

В результате у Немчинова сложилось впечатление, что он победил. Этого Максим и добивался. Оптимальный результат – чтобы поверженный, облапошенный и даже втоптанный в песок и пыль противник чувствовал себя при этом на коне. Ибо главное для человека, давно понял Максим, не сама победа, а ощущение победы, пусть даже ложное. Наполеона после Бородина все убеждали, что он победил. И сам он так считал. Чем кончилось, мы помним.

Когда ехали, Максим дал посмотреть Илье те несколько страниц, которые написал Дубков, со своими пометками.

– Нашли тоже, кому предложить, – сказал Немчинов. – Нет, журналист он, может, и неплохой, – тут же оговорился он, считая неприличным хаять коллегу (хотя и журналистом считал Дубкова отвратительным, да и человеком тоже).

– Так вы же отказались.

Приехали к Павлу, когда там был уже Петр. Немчинов, здороваясь со всеми, на друга Валеру посмотрел особенно, тот слегка пожал плечами: так уж получилось, не обессудь!

Сели за дубовый стол, начали переговоры. Для братьев это было дело привычное, Сторожеву тоже приходилось играть в бизнесмена, когда создавал свою клинику, закупал оборудование, нанимал специалистов. При этом Валера всегда в таких случаях как бы наблюдал за собой со стороны. Это был театр одного актера и одного зрителя – никто другой не догадывался, что Валерий Сергеевич Сторожев слегка валяет ваньку, дурачится (не упуская при этом выгоды), напротив, вид у него был сугубо деловитый, серьезный, уважительный по отношению к теме встречи и к собеседнику, поневоле и собеседник становился таким же. Наблюдая за многими новоявленными предпринимателями, особенно первого поколения, Сторожев легко распознавал тех, для кого игра в бизнес была непривычна, кто стеснялся этой игры, воспитанный советскими десятилетиями в том духе, что всякая выгода есть грех. Они, особенно если из интеллигентов или недавних работяг, казались людьми странной овечьей породы, коряво напялившими на себя волчий зипун, из-под которого то и дело выглядывала курчавая простодушная овчинка. А потом... Потом пришли уже волки естественные, без курчавости, готовые на все. Да и среди прежних было немало матерых, тех, кто и до Передела имел опыт серьезного бизнеса, так называемые цеховики, крупные хозяйственники, администраторы, фарцовщики и, естественно, комсомольские и партийные работники.

А Немчинов казался здесь странным, попавшим по недоразумению. Даже одеждой своей – все те же летние жеваные брючки, рубашонка, босоножки с черными носками. И, как у Сторожева он не обращал внимание на прелестный интерьер, так и тут словно не замечал окружающего великолепия – огромных окон, высоких потолков с лепниной, камина, выложенного красным и черным мрамором (похожего от этого на мавзолей Ленина), дубовых панелей и антикварных светильников. Он сосредоточился на сути – что, в конечном итоге, было правильнее всего.

Разговор вел Павел. Он отнесся к Немчинову крайне уважительно. Первым делом попросил расписаться на книге о Постолыкине. Поинтересовался, как распродается тираж. Посетовал: не ценят у нас настоящих книг. Изъявил готовность поспособствовать: купить остаток и распространить в сарынском бизнес-сообществе. А потом сказал:

– Валера мне тут случайно обмолвился, простим его, да? что братики мне сюрприз готовят. Это приятно, конечно. Хотя как-то, честно говоря, неловко.

– А чего неловкого? – не согласился Петр. – Вон Зимянский картину о себе заказал. Маслом. Три на четыре, двенадцать квадратных метров. Во весь холл висит. Я как первый раз увидел, даже испугался, входишь, а он висит и смотрит, глаза с кулак. Жутковато. А про Соткина по его заказу почти художественное кино сняли. И что?

– А то, Петя, – ответил Павел, – что картина маслом, три на четыре, она висит дома. И это самое почти художественное кино, оно для своих, home video такое. А книгу делать для дома, для

семьи – глупо. Книгу люди должны читать.

– Ну и пусть читают. Я тебе хоть десять тысяч распространю, и еще спасибо скажут.

– Ага. И мы разбогатеем, – усмехнулся Павел. – Нет. Моя идея такая, я вот Валере уже сказал: написать книгу вообще о нашей семье. С родословной.

– А что, есть родословная? – спросил Немчинов.

Павел встал и подвел всех к камину, где стояла родословная, повернутая тыльной стороной. Перевернул. Братья уже ее видели, смотрели молча.

– Это, конечно, эскиз, – сказал Павел. – Схема.

Илья осмотрел.

– И все?

– В том-то и дело.

– А я вообще где-то в стороне, – обиженно заметил Петр.

– Ты не Костяков, брат, ты по женской линии, – объяснил Павел. – Строго говоря, тебя тут вообще быть не должно.

– Спасибо. А мама моя разве не Костякова?

– Ну и взял бы ее фамилию, – посоветовал Максим.

– С какой стати? Мне и по отцу неплохо. Вот еще найти бы его и поговорить бы с ним, – добавил Петр. – Если он еще живой.

– Значит, я про всех должен написать? – уточнял Немчинов.

– Ну да.

– И про Леонида?

Максим посмотрел на Павла и сделал что-то быстрое руками, пальцами. Павел ответил тем же. Максим еще раз произвел свои пассы, склонил голову вопросительно набок. Павел ответил еще короче.

Что они делают? – подумал Немчинов.

Как что? Они же дети глухонемой матери, они умеют вот так общаться. Большое преимущество!

– Извините, что при вас общаемся таким образом, – сказал Павел. – Привычка детства. О чем мы говорили?

О том же, о чем вы сейчас на пальцах, подумал Немчинов, но вслух напомнил:

– А вашем брате.

– И о нем, конечно. Он, может, из нас был самый перспективный. На всю страну гремел бы. Но – судьба. Трагическая случайность. Но книга все-таки юбилейная, поэтому расписывать особо не нужно.

– Значит, вы хотите, чтобы я написал историю семьи? Начиная с какого времени?

– А с какого информацию найдете, – ответил Павел. – Не обязательно распространяться, что-то вроде исторического предисловия. А потом про отца с мамой, а потом про нас.

– Я обошелся бы, – сказал Максим. – Вон ты мне нарисовал – две жены, трое детей... Не считая еще одного внебрачного. И что в разводе писать не обязательно, и так ясно.

– Ты это сам себе нарисовал. Не беспокойся, это эскиз. А в книге, если что тебе не понравится, уберем, – сказал Павел. И увидел, что Немчинов тут же насторожился. Успокоил его:

– Это не цензура. На уровне пожеланий.

– Убрать – не пожелания.

– Решим, решим, – заверил Павел. Он уже знал, как будет: Немчинов напишет книгу, они ее примут, оплатят, а потом отредактируют сами, как надо. И Максим, и сам Павел словом владеют вполне прилично. Так что сейчас лучше автора не раздражать.

А Максим подумал, что не мешало бы проверить так же, как с Дубковым, сможет ли Немчинов в принципе выполнить заказа в требуемых параметрах. И предложил:

– Давайте, чтобы потом не было претензий, поступим так: Илья Васильевич набросает для пробы несколько страниц. У меня есть что-то вроде черновиков, вот по ним. И посмотрим. Хо-

рошо?

– Не надо! – категорично возразил Павел. – Что еще за контроль? Если человек такую книгу написал, ясно же, что может.

Максим пожал плечами:

– Как скажешь.

– А аванс выдадим сразу. В размере четверти, как положено, – Павел посмотрел на братьев: не возражают ли?

Они не возражали.

8. БИ. Приближение

——— ———
———————
——— ———
——— ———
——— ———
——— ———

Участвуйте в общих делах.

Как и договаривались, Илья и Валера решили навестить Лилю и Колю.

Хорошо бы, конечно, сначала позвонить, предупредить, а то мало ли что.

Телефона Коли не оказалось ни у Немчинова, ни у Сторожева.

– Позвони Маше Нестеренко, он все про всех знает, – посоветовал Немчинов Валере, имея в виду бывшую одноклассницу, которая, действительно, всегда была в курсе всех дел. – У меня есть ее номер.

– Почему я?

– Потому что ты обаятельный, и она тебя любила.

– Откуда ты знаешь?

– Да ладно, красавец, тебя все любили.

Что ж, Валера позвонил.

Маша минут пять охала, ахала и радовалось.

– А то прямо все пропали, паразиты, ну прямо все!

– Видишь, я не пропал. Как ты?

– Ой, прямо тебе интересно, как я!

– Нет, в самом деле?

Оказалось, все более или менее: дочку Настю, слава богу, замуж выдала, мужа Костю, слава богу, схоронила, мама старенькая, слава богу, живая, работа, слава богу, есть – в одной коммунальной конторе, чтобы она пропала, с девяти до семи каждый божий день, да еще дежурства в субботу, денег мало, но хватает, счастья нет и не будет, мужиков нет и не надо, жить не хочется, но и умирать рано. В общем, все как у людей, а если бы он, сволочь, то есть Валера, хоть раз бы в год заехал и она бы угостила его вином «Изабелла», которое делает из собственного винограда, растущего на собственной даче, то она бы вообще счастлива была.

– Разве Костя умер? – спросил Сторожев.

– Да уже года два. Это, значит, ты мне столько не звонил. Да и телефона не знал, наверно, спросил у кого-то. А зачем, кстати? Чего это я тебе понадобилась?

Валера уклонился.

– Не знал, соболезную.

– Ой, Валера, будем откровенно: чего тут соболезновать? Человек был гнилой во всех смыслах, болезненный, умом тоже тронулся, игрушечные кораблики мастерил – и не просто так, а в бутылках! Последний год вообще ни с кем не говорил, только кашлял. Ему одна дорога была. Так

что, если не врать, отмучился человек, бог его пожалел. Дома умер, – всхлипнула Маша. И тут же вернулась к прежней бодрой речи. – Но знаешь, что интересно? Врачи сказали: ну да, легкие были не совсем в порядке, но, в принципе, люди с такими болячкми еще долго живут. И печень почти нормальная была, несмотря на пиво, и сердце. Понимаешь, да? То есть он даже не физически, он как психологически умер. Понимаешь? Ну все, не буду тебя грузить, давай, что ты хотел?

– У тебя телефон Коли Иванчука есть?

– Ох! – перепугалась Маша. – А зачем тебе? С Лилей что-нибудь?

– Нет. Насколько я знаю, все в порядке.

– Это в порядке? Женщина какой уже год лежит!

– Я имел в виду...

– Да ясно. А зачем тебе Иванчук?

Вопросы Маша всегда задавала простые, в лоб.

– По одному делу.

– Если хочешь помочь, это святое, – одобрила Маша. – Ты же богатенький у нас теперь. Давно пора догадаться, у людей иногда жрать нечего, не говоря про лекарства. Одна дочь работает у них.

– А ты откуда знаешь?

– Я все знаю.

Получив номер телефона, Сторожев позвонил Коле. Тот слегка удивился, но сказал:

– Да пожалуйста, приезжайте в любое время. А чего это вы решили?

– Просто – давно не виделись.

Сговорились на воскресенье.

Люся, жена Немчинова, учившаяся в той же школе, на два класса младше (тогда они с Ильей и подружились), сказала, что тоже хочет навестить Лилю.

– Зачем? – спросил Илья. – Подругой ты ей не была.

– Но все-таки знала ее.

– Ни к чему. Вот еще, толпой явимся...

Люся собиралась было обидеться, но вдруг догадалась о причине. Илья подумал, наверное: одно дело, когда лежачую больную навещают мужчины, бывшие друзья, другое, когда женщина – здоровая, ходячая. Нюанс тонкий, но существенный.

– Извини, – сказала она мужу. – Я как-то не сообразила.

Илья понял, что она поняла причину отказа, и был ей благодарен. Нет, что ни говорите, главное условие, при котором можно жить с женщиной всю жизнь – взаимопонимание.

Они ехали со Сторожевым той же дорогой, что вела к поместью Костякова-старшего. Только на развилке к поместью надо сворачивать влево, а к «Водокачке» – вправо.

Ехали молча, будто на кладбище.

Показались дома над обрывом, все в тополях, в садах. Когда-то здесь построились самовольно, как и везде по окраинам Сарынска, приезжие люди. А потом оформили задним числом. Обрыв не смущал, он был во время застройки далеко. А потом выяснилось, что здесь постоянные оползни, и они стали подступать к домам все ближе и ближе. Жители беспокоились, но надеялись, что, если уж за полвека ничего такого не случилось, то и сейчас не обязательно случится.

Случилось. Обвалился один дом, а через неделю другой. В первом случае хозяева успели выбежать, кое-что похватав из утвари, во втором отсутствовали. Напуганные жители поселка потребовали переселения в городские квартиры. Приезжали комиссии, осматривали местность. Поняли: деваться некуда, придется переселять. Не всех, конечно, пока самых крайних. А там видно будет. Может, перестанет сыпаться. Однако, как только дело доходило до предоставления жителям «Водокачки» квартир, у них появлялись отговорки: то район далекий, то жилплощадь маловата, то последний этаж не устраивает (или, наоборот, первый). Или вдруг заявляли, что их неправильно поняли, что никуда они из собственных родных домов, от политых потом и кровью

садов и огородов не поедут, а пусть лучше начальство позаботится укрепить обрыв.

«Водокачка» примечательна еще тем, что сюда с некоторых пор повадились ездить свадебные кортежи. Когда-то, при социализме, они ездили фотографироваться к огромному памятнику Ленину, который своими колоссальными размерами превышал партийно-патриотические потребности даже такого немалого города, как Сарынск (впрочем, этот город всегда был купечески амбициозен). После упразднения советской власти и коммунистической идеологии стали кататься в Парк Победы, к монументу воинской славы: осталась потребность сопрячь личное событие с чем-то эпохальным в жизни страны. Но вот и парк закрыли на долгую реконструкцию, кортежи мыкались кто куда, а потом набрели на это место. Новая традиция закрепилась в считанные недели. Тут нет никакого памятника, зато растет вековая береза, сколочены возле нее деревянный столик и пара лавок, то есть можно выпить и закусить, а главное – вид отсюда на окружающее удивительный, широкий, торжественный, чудятся вдали барки и челны, слышатся в исторической памяти песни про Стеньку Разина и про утес, что и требуется в соответствии с моментом.

Лет восемь назад многодетный и обстоятельный человек Равиль Ахтямов решил построить на «Водокачке» особняк. Начал серьезно, возвел полтора этажа, но тут плохие люди подвели его, втянули в долги, пришлось несколько лет все заработанное отдавать, бросив стройку. Рассчитавшись, горячо взялся опять за строительство. Подросшие сыновья помогали. Уже вывели стены под крышу, и тут ночью осыпалась земля. Один из углов дома повис над бездной. Ахтямову все сочувствовали и советовали разобрать потихоньку дом, построить на новом месте. Тот молча слушал, смотрел на повисший угол, потом нанял технику, людей, вдолбили в откос металлические трубы, подперли ими, как сваями, угол, выглядело вполне солидно. Возвели крышу, взялись за отделку... И опять осыпалось, и опять ночью, уже под другим углом. Лицо Равиля стало серым, когда он это увидел. Но тут же пошел опять за техникой и людьми – укреплять и этот угол. Укрепили. Семья пока живет в прежнем старом доме за Техническим оврагом (это официальное название, а обиходное – «Теховраг»), жена плачет и говорит Ахтямову, что никогда не переселится в новый дом. Муж молчит и изо дня в день работает, заканчивая отделку: стучит, сверлит, колотит. Сыновья безропотно помогают ему.

Дом Лили оказался впритык к высокому забору новостроя, но дальше от обрыва, последний дом поселка, рядом со свадебной березой. Лиля выменяла его на свою большую квартиру в центре – ради вида на Волгу, на небо, на просторы, раскинувшиеся за Волгой. Легче от этого, конечно, не становится, но глупо и глубоко не прав тот, кто считает, что все равно, где умирать – не все равно, очень не все равно.

9. СЯО ЧУ. Воспитание малым

_____
_____
____ ____
_____
_____
_____

Не переусердствуйте, чтобы не измотать себя.

Подушка сбилась.
Сегодня страшная слабость.
Трудно пошевелиться.
Гнетет тишина.
Стуки стройки не в счет.
Привыкла, будто их нет.
А он сидит тихо.

Нарочно тихо сидит за стеной.
Прислушивается.
Позвать.
Пусть включит телевизор.
Пульт далеко.
Будто нарочно оставил.
Для этого надо крикнуть.
Или стукнуть в стенку.
Или нажать на кнопку.
Он придумал, как в больнице.
Нажмешь – звонок.
Кнопка – в стене возле подушки.
Можно повернуть голову и уткнуться носом.
И будет звонок.
Но это когда совсем плохо.
И ей сейчас совсем плохо.
Но он тогда придет тревожный.
Она не хочет этого видеть.
Спросит: «Что?»
Она не хочет объяснять.
Она умирает от тишины.
Хочет звуков.
Но чтобы он тут же ушел.
Включил бы и ушел.
Без вопросов.
Надо набраться сил. И позвать.
Или стукнуть.
Лиля приподнимает руку.
И роняет ее.
Надо позвать.
Она пробует голос.
Шипение, страшное для самой себя.
Тихо откашливается. Появляется звук.
Она, обессиленная, готовится.
Несколько глубоких вздохов.
И – почти весело:
– Коля!
Он тут же входит – будто стоял за дверью и ждал.
Лицо радостное. Доволен ее веселым голосом.
Она пытается улыбнуться. Губы дрожат в усилии.
Он приподнимает руку: не надо, я понял – ты хочешь улыбнуться, не утомляй себя. Спрашивает:
– Что?
Она глазами показывает на телевизор.
– Сейчас!
Он бодро идет к тумбочке возле ее постели, берет пульт, включает телевизор.
Смотрит на нее и переключает каналы.
Она отрицательно качает головой.
Вот что-то познавательное. О Древнем Египте. Можно оставить.
Она кивает.

Он смотрит: что-то еще?

Нет, не надо, иди.

Он уходит, положив пульт ей под руку.

На экране пирамиды, гробница, фрески, мумия.

Полный компетентного интереса к предмету описания, голос за кадром вещает:

– О фараонах Тутанхамоне и его сыне Эхнатоне известно очень мало. Эхнатона на самом деле звали Аменхотеп. Аменхотеп четвертый, представитель восемнадцатой династии. Он взял себе другое имя и ввел в Египте монотеизм, поклонение только одному богу – Солнцу. Но его наследники решили, что это привело к упадку государства, они не могли также принять миролюбивую политику, ведь Египет всегда был принципиально враждебен по отношению к соседям. Вы видите эти сколы. Пустые места в веренице изображений правителей. Сами имена Тутанхамона, его матери и отца были стерты с надписей и рисунков по всей стране и вычеркнуты из истории Египта.

...Вот тоже проблема. Были они, не были, какая им теперь разница? Какая разница другим?

Их давно нет. И древнего Египта давно нет.

Зачем она это смотрит и слушает?

Ну, не знала, вернее, не помнила, что были такой Эхнатон и Тутанхамон. Теперь знает – и что? Что изменилось? Она стала от этого умнее? И – главное – она стала от этого здоровее?

Нет.

Бессмысленное накапливание знаний. Всю жизнь.

Жадность – во всем.

Жадность – хочу лучший автомобиль, дом, лучшего мужчину (женщину), лучшее тело, упражнения, мази, втирания, притирания, обтирания.

Белье. Духи. Самое лучшее.

Я этого достойна.

Эхнатон, опять про Эхнатона.

Уйдешь ли ты со знанием об Эхнатоне или без знания об Эхнатоне, что изменится?

Опять гробницы, склепы.

Голос:

– Абсолютная и полная вера в то, что их ждет загробное перевоплощение, помогала древним египтянам легко, почти радостно принимать смерть.

Не верится.

Хотя – возможно.

А как быть, если не ждешь загробного перевоплощения? Если вообще ничего не ждешь?

Нет, это неправда. Ожидание – последнее, что остается у человека. Уже, кажется, ни мыслей, ни желаний, ничего. Но – ждешь. Через час Коля даст таблетки. Занятие: смотреть на часы и ждать, когда он принесет таблетки. Покорно их принять и откинуться на подушку с сознанием выполненного долга. В семь часов ужин. Потом перестилание постели. Много событий еще предстоит вечером. Вот и ждешь.

Звук голоса бьет в виски. Нет, он ударяет по всему телу, все тело стало чуткой мембраной, отзывающейся на звуки. Неприятно. Через секунду – мучительно. А еще через секунду так невыносимо, что готова закричать. Она хочет выключить, двигает рукой, пульт падает.

Неужели он не слышит?

Все тело кажется воспаленным, а голос грубо царапает это воспаленное.

Неужели не услышал? Или ждет, чтобы позвала? Чтобы почувствовать – он всегда нужен, она не может без него ни минуты

Или это такая месть? За то, что когда-то не был нужен совсем?

Нельзя злиться. Стоит только начать...

Уже начала...

Он ведет себя невероятно.

Это не любовь.

Так не любят.

Это противоестественно.

Она бы, наверное, не смогла.

Здоровый мужчина.

Даже привлекательный, с возрастом стал лучше.

Есть же другие женщины.

А он круглые сутки возле нее. Больной и страшной. Капризной.

Дочь появляется и тут же сбегает, много своих дел. Взрослая уже. А он всегда тут.

Безропотно.

Иногда прикрикнет, но как бы шутя.

От этого как бы с ума сойдешь.

В том и дело – он ведет себя с ней, как с сумасшедшей.

Не просто больной, а сумасшедшей.

Мог бы устроить себе нормальную жизнь.

И она бы жила нормально. То есть нормально умерла бы.

Он мучает ее.

Вселяет бодрость.

Выть хочется от того, как он вселяет бодрость.

Наверно, ему кажется, что вот теперь она в его власти.

У них общая жизнь.

Нет.

Не общая.

Потому что нет общей боли.

Мир людей делится не на мужчин и женщин, не на черных, белых и смуглых, не на немцев, китайцев и финнов, не на высоких и стройных, маленьких и толстых, не на красивых и так себе, на не богатых и бедных. Мир реально делится только на две категории: здоровых и больных. И здоровым дано все, а больным ничего.

Имеются в виду не такие больные, у которых заболело и прошло, а больные окончательно и бесповоротно. Навсегда. Насовсем. Безнадежно.

Да. Это так. Вот здоровые – и вот больные. И они никогда не поймут друг друга.

Никогда.

Потому что при всем желании нельзя почувствовать чужую боль, как свою, чужое отчаяние, как свое.

Правда, здоровые могут перейти в другую категорию и стать больными, но больные в первую не перейдут уже никогда.

Лиля думала об этом десятки раз, она не способна думать новыми мыслями, вот и перемысливает прежние. Так же она не способна читать (когда вообще может читать) новые книги. Только перечитывать. Потому что от всего нового чувствуешь почти физическую боль. Узнавание вообще болезненный процесс. Люди не любят узнавать. Это больно. Большинство людей, узнав какие-то основные вещи еще в детстве, больше ничего не желают знать. И правильно. Не желают боли.

Но и больные – не единый мир. Каждый – отдельно.

В этой отдельности тоже ужас.

Люди – не сообщающиеся сосуды.

Лиля вспоминает, как лежала в больнице и в палате появилась молодая женщина. Она никогда ничем не болела. Она не верила, что с ней что-то серьезное. Она яростно и нетерпеливо маялась – ожидая, что вот-вот должно все пройти. Жалела себя. Вспоминала своих мужчин, шумные вечера, наряды, шампанское, автомобили, вспоминала, как ухаживала за собой, упорными упражнениями довела тело свое, любимое, до совершенства, как способна была получить оргазм от одного созерцания самой себя в зеркале, обнаженной (рассказывала: представляю, что меня видит мужчина и меня страшно хочет, потому что нельзя меня, такую, не хотеть, все, сра-

зу кончаю). Она готова была потратить любые деньги, названивала своим мужчинам, требовала добыть самые новые и дорогие лекарства, соглашалась на пересадку стволовых клеток... И бесконечно рассказывала о своих приключениях, суть которых сводилась к умению доставить себе удовольствие самыми изощренными способами, а цель – быть всегда лучше всех, сексуальней всех, обворожительней всех. Эта женщина не принимала окружающих как своих, относилась к ним брезгливо, твердила, что она тут временно.

Ее действительно выписали – умирать.

Лиля жила иначе. Без ярких внешних событий, целыми днями и неделями могла быть одна. Муж был докукой. Когда по собственной дурацкой вине попал в переплет и угодил в тюрьму, Лиля испытала облегчение. Врать себе не желала: да, облегчение.

Потом встретился отец Даши. Первая и последняя в жизни любовь. Или что-то вроде того. Поняла, как это мучительно, стыдно, неспокойно, нервно. Он оставил в ней Дашу и исчез. Она была ему за это благодарна. За исчезновение.

... Почему Коля сам не догадается зайти?

Почему унижает ее?

Ладно, она нажмет на кнопку.

Лиля нажимает.

Ужасный звук звонка.

Он тут же вбегает, встревоженный.

Лиля показывает глазами на телевизор в сторону упавшего пульта.

Коля торопливо поднимает, выключает.

– Я уже час прошу воды, – выговаривает Лиля сквозь сжатые зубы.

– Извини, не слышал... Я там... Сейчас.

Бежит, приносит воду. На столике есть, но он всегда приносит свежую.

Подносит.

Лиля не хочется пить.

Но он уже приподнимает ей голову.

Это просто насилие.

Подставляет стакан.

Лиля чуть резче, чем надо, двигает головой вперед, зубы лязгают о край стакана.

Он испуганно отдергивает.

Подносит осторожно. Наклоняет.

Но Лиля все равно проливает воду.

– Хватит! Ничего не умеешь! – со злостью шепчет она.

Да, несправедливо. Пусть он разозлится на нее. Пусть возненавидит. Пусть уйдет. Навсегда, совсем.

А потом уйдет и дочь – не выдержит.

И она останется одна.

И умрет.

Ей просто не дают умереть.

Это пытка.

Дайте умереть, я согласна.

В реанимации тоже откачивают людей. Зачем? Это против Бога. Бог назначил умереть, не надо вмешиваться.

Бог.

Надо подумать о Нем и успокоиться.

Это единственное спасительное.

Коля выходит.

Лиля задремывает.

Слышит голоса.

Морщится: зачем? Было почти хорошо – и кто-то пришел. И поневоле прислушиваешься. Не хочешь, а прислушиваешься.

Слышно, как Коля слегка стукнул кухонной дверью, закрывая ее.

Голоса стали глуше.

Через некоторое время Коля осторожно стучит и заглядывает.

– Приехали.

– Кто?

– Валера и Илья.

Ах, да. Вчера сказал, спросил, не против ли она. Она сказала: конечно нет. Зачем сказала? Зачем теперь еще эта мука?

Лиля улыбается:

– Хорошо.

– Они зайдут на минутку?

Боже мой. Странные люди. Думают, что больным приятно видеть здоровых. Только потому, что были когда-то знакомы.

Но надо выдержать.

Неизвестно зачем, но надо.

Лиля, опускает ресницы в знак согласия.

Входят незнакомые мужчины.

Из того, здорового мира. Где ходят, смеются, едят, тратят время на глупости. Живут. Они пахнут улицей – воздухом улицы, ее деревьями и домами, салоном машины, одеколоном... А она пахнет только сама собой и больше ничем. И устала от этого запаха.

– Лилечка, привет!

– Лиля, здравствуй!

Они говорят ей, как здоровой, как нормальной.

– Привет, – отвечает она почти громко.

– Прекрасно выглядишь! – кто-то из них.

Лиля видит по глазам сказавшего, что он, говоря эту глупость, понимает, что говорит глупость. Но ничего другого не может придумать. А еще в глазах видна растерянность.

Да, она изменилась.

Ей было бы гораздо легче, если бы они сказали: Лиля, ты выглядишь ужасно, ты сама смерть, ты умираешь, а нам страшно и противно на тебя смотреть, мы сейчас уйдем и больше не придем никогда.

А она бы сказала: подождите минуту, я только поплачу и пожалуюсь, как мне больно и плохо.

И она бы плакала и жаловалась.

Они бы страдали. Им тоже стало бы на минуту плохо.

Но ведь это правильно, это справедливо.

Парадокс: на самом деле не здоровые утешают больных, а больные здоровых. Больные изо всех сил стараются не испортить здоровым настроения.

Старательная забота о том, чтобы не испортить чужого настроения, это ее удивляло и в прежней жизни. Люди так боятся огорчить друг друга по мелочам – и так легко при этом коверкают друг другу жизнь. Даже палач, перед тем, как отрубить человеку голову, хочет, чтобы казнимый улыбался и не держал на него зла...

– Да уж, выгляжу... – шепчет Лиля. – Подыхаю, а так все нормально.

В такой форме говорить о смерти можно. Это их юмор. Юмор здоровых людей.

– Еще простудишься на наших похоронах, – обнадежил один из них.

Теперь она его смутно вспомнила. Был в нее влюблен. Да и второй тоже. Все были в нее влюблены. Сейчас, наверное, стоят и радуются, что не добились ее любви, не женились на ней – вот была бы морока!

Они стоят и не знают, что еще сказать.

Посторонние люди, неизвестно зачем тут оказавшиеся.

Лиля помогает им:

– Как вы, ребята?

– Да ничего, все нормально, – говорит Валера (или – Илья? Нет, Валера).

Он говорит с некоторой пренебрежительностью по отношению к этой нормальности: дескать, на самом деле все очень скучно и заурядно, не намного лучше, чем у тебя.

– Вы извините... Плохая я собеседница... – говорит Лиля.

– Ничего, еще поговорим! – утешает второй, Илья.

– Конечно, – отвечает Лиля – будто она только сегодня не в форме, а завтра станет такой разговорщицей, что им и дня не хватит наговориться.

– Ну... – Валера запнулся. Хотел сказать: «Выздоравливай», – но осекся, понял, что прозвучит неуместно. И нашел хорошее слово:

– Ну, отдыхай.

Лиля чуть приподнимает руку и шевелит пальцами:

– Пока.

Валера и Илья поворачиваются и выходят с чувством выполненного долга. На душе у них, наверное, слегка печально и умиротворенно.

Здоровые навестили больного.

Здоровым стало лучше, больному хуже.

Дичь какая-то.

– Постойте! – говорит Лиля.

Они оборачивается.

– Вы кто? – спрашивает Лиля.

Они растеряны. Все их усилия пропали даром. Они навещал и утешали ее как друзья юности, а получается, она даже не поняла, с кем говорит.

Коля с мягкой укоризной говорит:

– Лиля, не капризничай. Это Валера Сторожев, а это Илья Немчинов, и ты их, конечно, узнала.

– Нет. Вы зачем пришли? Вам что тут нужно? Мочу нюхать? На эти вот мощи посмотреть? Зачем?

У Лили даже прибавилось сил, она чувствовала себя почти хорошо – насколько это возможно.

– Неужели трудно понять, – продолжает она звонким голосом, – что я вас ненавижу? Вы пришли оттуда, где мне было хорошо. Думаете, мне приятно об этом вспоминать? Зачем это все вообще? Зачем эта комедия? Всё, уходите, уходите, только молча! И ты молчи! – закричала она на Колю, хотя тот и не собирался ничего говорить.

Коля и гости молча выходят.

Теперь им тоже будет хотя бы немного плохо.

Пусть.

Это полезно.

10. ЛИ. Наступление

_____
_____
_____
____ ____
_____
_____

Уйдите в себя и как следует обдумайте свое положение.

Немчинов и Сторожев собирались уже уйти, но Иванчук задержал их: сейчас приедет Даша, дочь Лили, она похожа на нее так, как не бывает, сами убедитесь. Звонила с дороги, будет буквально через пять минут. Вылитая Лиля в молодости, вот увидите.

Конечно, это заинтриговало, друзья остались.

Даша ехала в это время со своим другом Володей Марфиным на его колымаге, «опеле аскона» пятнадцатилетней давности, с пробегом в три земных экватора. Эту развалину он купил год назад с целью докатать до полного уничтожения, заработать за это время денег и купить новую (то есть тоже старую, но не настолько), и вот она уже убита вдрызг, живет каким-то чудом после смерти, а заменить на другую не получается. Деньги кое-какие есть, но у Володи созрел бизнес-план, который он в данный момент излагает Даше – впрочем, не в первый уже раз.

– Это выгодней, – говорит он. – Снимаем закуток в торговом центре возле городского загса, даем рекламу, лепим везде стикеры, я оформляю себя как ИП*, чтобы все законно. Будем платить шесть процентов, зато все официально и солидно. Потому что несерьезно уже за клиентами гоняться, пусть они за нами гоняются. В смысле – приходят в офис. Фирма с офисом – это уже кое-что, а то мы бегаем, как самопальщики. Другое отношение, понимаешь?

Володя прав и говорит дельные вещи с видом разумного будущего мужа и отца семейства, и это немного смешно, потому что самом деле человек он разбросанный и непрактичный, иногда нелепо простодушный – будто еще подросток, хотя ему уже двадцать три.

Они познакомились в загсе: Володя снимал свою группу брачующихся, а Даша свою. Фотограф фотографа, независимо от пола и возраста, начинает осматривать не с лица и фигуры, а с камеры. Володя орудовал «кэноном» с широкоугольным объективом, это Дашу удивило: таким объективом не свадьбу снимать, а Великую китайскую стену, причем целиком, от края до края. Или, если сравнить по-другому, на подводной лодке погрузиться в пруд половить карасиков. Даша решила, что юноша не профессионал, взял дорогую камеру у кого-то напрокат, пытаясь освоить новое ремесло. И вел себя слишком суетливо, бегал вокруг жениха с невестой, сгонял в кучку родню, прихватывая людей и от чужой свадьбы, а потом разводил, ставил парами, группами, так и сяк, при этом пытался развеселить снимающихся однообразными восклицаниями: «Улыбаемся! Все счастливы! Улыбаемся! Все довольны!»

Потом выяснилось, что объектив у него был свой, но бэушный, главное достоинство которого состояло в том, что Володя купил его страшно дешево, чуть ли не за десять тысяч рублей при цене за новый около пятидесяти. Это вообще было его увлечение и даже, как он считал, талант: находить через Интернет и по другим источникам подержанные, но оптимальные по соотношению «цена-качество» вещи. Дешевле найти такой объектив по такой цене, полагал Володя, невозможно – по крайней мере, в Сарынске. А пятнадцатилетних «опелей» всего за полторы тысячи долларов не существует вообще нигде, редчайшая удача! И квартирку, отделившись от родителей, Володя отыскал и снял за неправдоподобно ничтожные деньги, причем не очень далеко от центра. И прекрасный эппловский ноутбук купил с рук всего за пятьсот долларов при первоначальной стоимости около трех тысяч. Правда, потом выяснялось, что объектив имел скрытые повреждения, делающие его практически непригодным для качественной съемки, что «опель» собирались отволочь на свалку, приплатив тем, кто это сделает, и просто наудачу вывесили объявление, что ноутбук зависает точно в те моменты, когда он нетерпеливо нужен, и не помогают ни переустановка системы, ни попытки починить железо. Квартирка же, хозяин которой, поселяя Володя в одну комнату из трех, уверял, что молодой человек фактически снимает трехкомнатные апартаменты, через неделю оказалась набитой двумя многодетными таджикскими семьями. Володя не унывал, продолжал находить и покупать уникальные вещи по уникальным ценам, а насчет таджикских

** ИП – для несведущих: индивидуальный предприниматель, мельчайшая ячейка мелкого бизнеса.*

семейств говорил, что ему даже повезло, у него под рукой прекрасный этнографический материал для съемок. Сделать серию под названием «Вдали от Родины», получить премию конкурса «World Press Photo» – и больше никаких свадеб, работать только ради чистого искусства!

Это была замечательная его черта – находить во всем хорошее, Даша ценила ее, хотя иногда, увы, раздражалась, понимая при этом, что раздражается несправедливо.

– Заодно можно фотопечать в этом же помещении устроить, посадить девушку за компьютер и принтер или сами будем по совместительству, – продолжает Володя. – Очень востребованное дело.

И опять он прав.

Он прав, он неглуп.

И красивый парень, к тому же, мысленно добавляет Даша, нарочно, пусть даже и не вслух, употребляя слово «парень», которое он терпеть не может. Действительно – высокий, темные волосы и при этом синие глаза; ему не раз предлагали сняться для обложек местных журналов, для рекламы, он отказывался, считая, что в этом есть нечто гейское. Володя же хочет быть стопроцентным мужчиной, без примесей – может, потому, что был с детства заласканный сынок пожилых родителей. Больше всего ему идет, когда он, с шарфом на горле, лежит в постели, чихает, сипит и кашляет, хлюпая носом – такой сразу естественный, детский, настоящий...

Они оба считаются свадебными фотографами, но Володя снимает свадьбы нехотя, а Даша старается и в этом деле найти что-то интересное. Составляет для жениха и невесты толстые альбомы в жанре «love story», то есть с реконструированными (или придуманными) историями знакомства жениха и невесты. Вот они сидят в ресторане при свечах, вот первый робкий поцелуй на лавочке в парке, в квартирном интерьере, в «мерседесе» (часто взятом напрокат), вот невеста выбирает платье, вот умиленные родители, плюс несколько симпатичных пейзажей города, виньетки, надписи, все обработано, естественно, фотошопом почти до приторности, но не так, чтобы стошнило.

А Володя во время свадебных съемок вечно отвлекался, снимал какие-то понравившиеся ему деревья, фасады, случайных людей, а жениха с невестой пытался поставить в какие-то оригинальные позиции, не понимая, что тем требуется только одно: чтобы как у всех.*

Даша начала подрабатывать начала с четырнадцати лет – везде, где брали, и курьершей была, и уборщицей в кафе. И потому, что надо было помогать больной Лиле, да и себя содержать тоже, хотя уже появился Коля и очень облегчил жизнь, и потому, что Даша чувствовала себя слишком взрослой для одного только хождения в школу и учения уроков. Одноклассники казались ей намного младше, а учителя глупее, чем она сама. Лиля, слушая ее насмешливые рассказы о школе, говорила:

– Может, тебе так кажется?

– Если бы! – смеялась Даша. – Но я же не виновата, что такая умная. Или они такие дураки? У тебя, Лилечка, тоже в школе были дураки?

(Даша с незапамятных времен называла мать по имени, это сделалось настолько прочной привычкой, что мамой назвать было как-то даже странно).

– Не все, – ответила Лиля. – Но много.

А первый фотоаппарат, цифровая «мыльница», был подарен Колей на шестнадцатилетие, Даша сначала баловалась, потом увлеклась всерьез, потом захотелось предложить фотографии в сарынские газеты и журналы – и брали все охотней, хотя и задешево, потом освоила все необходимое, связанное с компьютером, поместила объявление, начала работать по свадьбам и прочим торжествам, оформлять буклеты, корпоративные альбомы, сотрудничала с полиграфической

** Ср.: «– Какой кадр! – вдруг закричал он, увидев на фоне похоронной процессии свадебную машину. – Эх, еще бы жених с невестой вышли! Свадьба и похороны!» («Поход на Кремль»)*

фирмой «Радуга-С» и была уже одним из самых крепких профессионалов в Сарынске.

– Тебе как все это? – спрашивает Володя.

– Можно попробовать.

– Можно – или попробуем? Нужны вложения. То есть я свои деньги вложу, но я хочу, чтобы ты была в доле. Не думай, это не благотворительность, – спохватывается Володя. – Я тебя отработать заставлю!

И смеется.

Что ему сказать? Правду – как Даша любит и привыкла? Но начинает, видимо, понемногу отвыкать. Жизнь заставляет. И еще она поняла – слабых правда не делает сильными, глупых – умными, подлецов – ангелами. Правда чаще только вредит, особенно тому, кто ее высказывает. Это в школе было весело сказать учительнице:

– Я, Евгения Сергеевна, сегодня не готова.

– За мамой ухаживала? – понимающе кивает Евгения Сергеевна.

– Нет.

– Работала?

– Нет. Просто не хотелось учить, вот и не выучила. Лень. Вам бывает иногда лень?

– Понимаю, девочка, ты устаешь.

– Да не устаю я. И отвечать вам скучно, Евгения Сергеевна, вы все равно не слушаете. Что-то там пишете все время. И историю свою не любите. Да и не знаете ничего, кроме учебника.

Класс радуется, Евгения Сергеевна пунцовеет и начинает наконец, как нормальная, брызгать слюной и орать, а не изображать из себя задушевную тетеньку, которую будто бы волнует что-то, кроме собственного покоя.

А правда в том, что Даша опасается дальнейшего сближения с Володей. Совместное дело – значит всегда будут рядом, всегда близко. Даша и без того говорит о Володе иногда, как о муже. Это избавляет от ненужных проблем с теми клиентами, которые начинают предлагать встретиться вечером, поговорить неофициально.

– Извините, вечером я с мужем в кино иду.

И всё, вопрос закрыт.

Нет, надо птичке вытащить коготок, а то вся увязнешь. Достаточно и того, что Даша регулярно навещает Володю в его таджикской квартире, а иногда и остается ночевать, несмотря на круглосуточный гомон за стенами.

Володя хороший, добрый, славный, но Даша не смертельно влюблена и, к тому же, она в свои девятнадцать с половиной лет старше, чем он. Кстати, по необходимости Даша умеет так и выглядеть – и на двадцать пять лет, и даже на тридцать. Запутать людей в этом вопросе нетрудно, особенно мужчин, которые совсем уже растерялись в окружении искусственно омоложенных женщин и не могут угадать возраст с точностью до десятка лет.

А может, сейчас ему все и сказать? Воспользоваться ситуацией: нет, Володя, не будем этого делать. А то выйду за кого-нибудь замуж – потеряешь сотрудницу.

Он растеряется. Возможно, остановит машину. Будет спрашивать, что произошло. Что ему ответить? Что именно ничего не произошло – еще до того, как ему казалось, будто что-то произошло? Она была честной, слов любви не говорила, клятв не давала. Он целовал, она отзывалась – почему нет, если юноша нравится? Да, Володя о любви говорил, то есть так и говорил: «Люблю», – но ни разу не услышал в ответ: «Я тоже». Слышал: «И я тебя обожаю, хороший мой». Или – шутливое: «За что?» Вариантов уклончивых ответов много. Но мужчины, пока им прямо не скажешь: «Нет», – не желают ничего понимать. Да и женщины тоже. Это бесит: никто ничего не хочет понимать. Именно не хочет, на самом деле хитрых и хитреньких много, если не понимают, то догадываются, но не подают вида. Даже себе не признаются в правде.

Даше иногда кажется, что она не очень любит людей. Особенно когда говорят, действуют. Но снимать ей нравится именно портреты. Портреты молчащих людей, глядящих куда-то далеко. Ловить моменты, когда человек ни о чем не думает, застигнут мудростью безмыслия, прострации, забвения своих дурацких дел. Тогда он становится сам собой. Выглядит иногда глуповатее, но человечнее. Еще Дашу выручает то, что, когда неприязнь к людям, их глупости, суетливой хитрости, жадности и нечистоплотности подступает к горлу тошнотой, тоской, нежеланием что-либо для них делать, она вспоминает о Лиле. Она вспоминает и думает, что многие из этих людей – больны. Они страдают. Они все умрут. Они не виноваты. Может показаться, что они прыгают и веселятся, но это прыжки карасей на сковородке – предсмертные. Их жаль.

Лиля говорила, что ей подобные мысли испортили жизнь: куда ни глянь – тупость, лицемерие, а главное, бесконечная игра всех в кого-то. Даже милиционер, стоящий на посту, играет милиционера стоящего на посту, хотя каста милиционеров наиболее естественна в своей профессиональной однозначности. Постоянная необходимость делать не то, что тебе хочется, а то, что надо. Лиля стремилась этого избежать, жить, никуда не торопясь, как хочется. В каком-то смысле болезнь есть реализация ее желания: она дала возможность не делать ничего лишнего и ненужного. Вообще ничего не делать. Но тут-то и пришло понимание, признается Лиля, насколько бывает это лишнее и ненужное необходимо...

Даша, быть может, тоже наследственно отравлена чрезмерной проницательностью, тонкокожестью или, говоря фотографически, светочувствительностью. Володя лучше ее, проще, но из-за этого и могут возникнуть проблемы.

Надо, надо все сказать Володе. Именно сейчас.

– Короче, завариваем кашу? – спрашивает он.

Даша после паузы, медленно и многозначительно говорит:

– Володя...

– Я знаю.

– Что?

– Поворот здесь. Я помню.

– Да, здесь... Надо же, с двадцатого раза запомнил.

– Я сразу запомнил. Просто...

– Ничего не сразу. Для фотографа, Володя, у тебя потрясающе плохая зрительная память.

– Сто пудов – неправда! Нарочно дразнишь? Если у кого как раз память, то у меня! А ты горизонт заваливаешь вечно. Вообще расстояния не чувствуешь. Вон – заправка. Сколько до нее? На глаз?

– Метров пятьсот.

– Триста, не больше. Проверим?

Даша рассмеялась и согласилась.

Володя сбавил скорость, достал свой широкоугольник, который умел градуировать расстояние, навел на резкость, показал цифру: «340».

– Вот так вот! Всего сорок метров ошибка! А ты говоришь – пятьсот! Проспорила, Дашечкин! За это – поворачиваем назад и едем ко мне!

– Нет, Володя, не сегодня. Там гости у нас, ждут меня.

Володя свернул к «Водокачке».

Какой он замечательный, думала Даша. Он любит меня. Все его разговоры про бизнес – ерунда, мало ли он о чем говорил, включая оборудование подвала жилого дома под биллиардный зал. Он хороший, нам хорошо, мне с ним тепло, он радуется мне и всегда ждет меня, куда торопиться, зачем обрывать именно сейчас? Пусть все само истлеет и сойдет на нет, решила она, зная, что обманывает себя, и, как ни странно, почти этому радуясь: значит – научилась. Значит, может жить, как люди. Потому что иначе слишком трудно и слишком больно.

11. ТАЙ. Расцвет

_____ _____
_____ _____
_____ _____
_____
_____
_____

Подумайте о друзьях.

Пока ждали Дашу, Коля угощал чаем и рассказывал. Жизнь непростая, сами видите. Всё уходит на лекарства – самые необходимые. Ремонт надо бы сделать, на кухне сидеть уже стыдно, обои вон клочками висят, а свободных для ремонта средств нет. Если бы ни деньги за сдаваемую квартиру и особенно если бы ни заработки Даши... Но только на житье хватает, только на житье.

Сторожев спохватился, полез в карман за бумажником.

– Не прими, как что-то... А просто – хочу помочь. Не взаймы, а так. Не обидишься?

Валера вытащил всю наличность, какая у него была, не считая. Впрочем, у него никогда не бывало с собой меньше пяти-семи тысяч. На всякий случай. Но и больше тоже не носил.

– С чего обижаться? – Коля легко принял деньги. – И мне хорошо, и тебе хорошо – доброе дело сделал. Добрые дела делать приятно. Так что еще неизвестно, кто кого осчастливил, ты меня или я тебя.

Сторожев глянул на него внимательней, чем до этого. Коля всегда был умник, уверенный в своем блистательном будущем. И вдруг стал – так сначала увиделось Валере, когда он попал в этот нищий дом – человеком смирившимся, довольным тем, что послал нынешний день. Для Валеры такие превращения не в новость. Вот был у них в институте Семен Торбин, краса курса, рано ударившийся в науку, уехавший в Москву к известнейшему ученому и ставший его любимым учеником. И следы Торбина потерялись, даже всеведущая Маша Нестеренко ничего не знала. А однажды, лет десять назад или около того, Сторожев попал в район Хлебучева оврага, место гнилое, с одноэтажными развалюхами, где ютились деклассированные элементы, и нашел там Семена. Семен был тяжело, смертельно пьян, посинел, язык изо рта вываливался, слюна текла, его сожительница металась в истерике, просила спасти. Валера сделал, что мог, сидел всю ночь, утром очнувшийся Семен грустно рассказал свою историю: стремительная карьера в переломные времена оборвалась, работа перестала достойно кормить, а под боком как раз в это время была девушка-модель из первых красавиц Москвы (так он рассказывал), Торбин начал ради нее крутиться, добывать деньги непрофильными занятиями и в результате, обобранный до нитки, вернулся на родину, где вынужден был в счет погашения долга продать родительскую квартиру – и вот живет с этой стервой (стерва сидела тут же, с пьяным интересом слушая), но, если взглянуть экзистенциально, всем доволен.

– Доволен-то доволен, но если будешь так пить, сдохнешь, – Сторожев помял его живот, постучал грудь, послушал. – Печень уже с арбуз, легкие дырявые, сердце шумит.

– А и хрен с ним, – ответил Семен.

И через пару лет умер, о чем Валера узнал уже позже, да и умер-то неизвестно как – не вернулся домой, не нашли в моргах, исчез, растворился где-то в шинках и притонах Сарынска, не исключено, что сброшен был в Волгу или спущен в канализационный люк...

А Коля Иванчук – нет, он не смирился, он только роль смиренника играет, догадался Сторожев. Держится с достоинством бедного, но честного человека. А какие там его черти раздирают, неизвестно. По глазам видно – есть что-то, а что – непонятно.

Илья тоже вытащил свой тощий кошель. У него, как и у Сторожева, всегда имелась фиксированная сумма на всякий случай – двести рублей. Вот он их и отдал. (А густые авансовые деньги

вручил жене, не взяв из них ни копейки – словно рук не желал марать).

– Не последние отдаешь? – спросил Коля.

– Нет. Я нормально зарабатываю. Не как этот, но все-таки.

– Сразу – этот! – рассмеялся Сторожев.

– Я уважительно, – буркнул Немчинов.

– Конечно, ты бескорыстный у нас. От миллиона чуть не отказался, представляешь? – сказал Сторожев Коле.

– Это как?

Немчинов сам рассказал Коле – с юмором, с иронией, о том, какой странный заказ получил он от братьев Костяковых.

Коля слушал внимательно, с легкой приятельской усмешкой.

Илья эту усмешку вспомнил – и вспомнил также, что никогда ее не любил. Вроде бы слушает тебя человек, а сам что-то о тебе в это время думает, именно о тебе, а не о твоем рассказе. Будто видит в тебе то, чего не видят другие.

И охота рассказывать у него пропала, он все скомкал, Сторожеву пришлось уточнять и дополнять, поскольку он был свидетель и даже в некотором роде участник.

– Дело хорошее, – сказал Коля. – Хотят люди себе славы, пусть получат. Время потом все равно по местам расставит.

Илья посмотрел на него недоверчиво.

Но у Коли вид был ясный и простой, взгляд – без подтекста.

Какой он стал приятный, подумал Илья. Раньше каждое слово с поддевкой, с подколом, трудно было с ним говорить. А теперь – душа-человек, без всяких загогулин.

Нет, какое-то все-таки тут двойное дно, подумал Валера. Слишком уж сложносочиненный был человек, с чего бы ему так перемениться? Ухаживание за больной Лилей облагородило? Или в Бога уверовал? Валере приходилось общаться с новообращенными, которые усиленно демонстрировали свою воцерковленность, смирение, благочиние, искали, кому бы подставить щеку, чтобы с восторгом подставить и вторую. Но – по мелочам. А вот если заденут за живое, за настоящее, так звезданут в ответ, все заповеди забудешь. Темнит Коля, что-то тут не так.

Во дворе послышался звук подъехавшей машины, хлопнула дверца.

Машина уехала.

Вошла Даша.

И Сторожев, и Немчинов, не смогли сдержать удивления и уставились на нее. Не точная копия, а сама Лиля стояла перед ними. Те же зелено-синие глаза, те же пепельно-русые волосы, тот же удлиненный овал лица.

– Говорил я вам! – Коля любовался эффектом. – Вот, Дашунчик, это школьные друзья твоей мамы и мои – Илья Немчинов и Валера Сторожев. Как вас по отчеству, ребята, ей богу, забыл?

– Обойдемся, – сказал Сторожев, подавая Даше руку.

Она пожала теплыми и мягкими, будто без костей, пальцами. Немчинов тоже полез было с рукой, но вдруг почувствовал, что она влажная, вытер ее наскоро о штаны, протянул.

– Чай пьете? – спросила Даша Иванчука. – А покормить людей?

– Да я собирался, просто... Давно не виделись, заговорились.

На «ты» его зовет, подумал Сторожев и позавидовал этому. Впрочем, как еще? Он ведь фактически отчим. Свой человек.

Даша кивнула в сторону комнаты:

– Спит?

– Да.

– Как она?

– Нормально.

– Я зефир принесла, она зефира просила, – Даша положила на стол прозрачный пакет с вол-

нистыми кругляшками.

– Сахара много, – с сомнением сказал Иванчук.

– Зато пектин. Для пищеварения полезно.

– Тоже верно.

Потом Даша что-то доставала из холодильника, не хлопая, а осторожно прикрывая, начала позвякивать сковородками и кастрюльками, переставляя их на плите – тоже тихо, аккуратно. Видимо, многолетняя привычка – не разбудить громким звуком, не потревожить. Эта комнатка, размышлял Сторожев, у них служит кухней, и столовой, да и спальней заодно – вон в углу, за цветастой занавеской, кровать. Кто спит? Даша или Иванчук? В зале, должно быть, еще одна кровать, Сторожев ее не заметил. Или какая-нибудь комнатка-боковушка, на которую он не обратил внимания. Тесно, убого...

Пока Даша хлопотала, они молчали и разглядывали ее. Это слишком чувствовалось всеми, поэтому Коля завел светскую беседу.

– Что, – спросил он Сторожева, – алкоголиков все больше становится? Он нарколог, – пояснил Коля для Даши.

– Примерно столько же, – ответил Сторожев, не отводя глаз от Даши, которая в это время нагнулась. Сторожев увидел ее обнажившуюся талию, Иванчук наблюдал за этим взглядом, усмехаясь, Валера отвел глаза. В голове у него завертелось: а не вот ли она, эта причина, по которой Коля находится здесь? Интересно бы узнать, сколько лет было Даше, когда Иванчук женился на ее матери? И была ли Лиля тогда уже больна?

– Алкоголиков? – переспросил он. – Старая гвардия по большей части. Молодых меньше.

– Не так много пьют?

– Больше курят. Траву я имею в виду. И колются.

– Даша, в самом деле? – спросил Коля, будто узнал что-то неслыханное, хотя ясно было, что это был всего лишь повод втянуть Дашу в беседу. (И заодно подпустить в голос отцовских интонаций, подумал Сторожев. Чтобы чего лишнего не подумали.)

Даша пожала плечами:

– Может быть. Среди моих знакомых все нормальные. Хотя, у меня их не так много.

Как и у Лили, подумал Сторожев. Наверное, ни с кем не сходится, никого не подпускает. Лиля была такой же. Но какая красивая, боже ты мой! До тоски. Лиля тоже была красавица, но они тогда были щенки, сосунки, не могли в полной мере оценить этого.

Даша разогрела суп, сварила макароны, пожарила котлеты из готового фарша. А они сидели на стульях по стенкам, наблюдая за ее действиями и переговариваясь пустыми словами.

Иванчук думал: вот она, моя радость, пусть они смотрят на нее и завидуют тому, что я живу рядом с этой красотой. Он гордился Дашей, как честолюбивые отцы гордятся детьми, хотя Даша и не была его дочерью.

Немчинов думал: а ведь на Яну, его дочь, тоже кто-то смотрит так, как он сейчас – невольно – смотрит на Дашу, отмечая все, что может отметить мужской взгляд. И ему было стыдно за себя и страшно за Яну: что за взгляды вокруг нее, когда ее нет дома, когда она где-то там, в других местах? С кем она общается, как общается, ведь ее и обнимают, наверное, и, может быть, еще что-нибудь?

Сторожев думал: надо уезжать как можно скорее из этого дома и желательно никогда не возвращаться. Потому что появилось чувство зависти, а Сторожев не любил в себе этого чувства. Он любил быть довольным, как навсегда написал великий поэт, «самим собой, своим обедом и женой». Саркастично написал – и зря, на этом все и держится. Человек должен быть довольным – обывательски, мещански, уютно и тихо. Иначе и войны, и революции, и черт знает что. Валера завидовал не Коле – вряд ли все-таки тут инцест, Дашу с первого взгляда видно: порядочная, рассудительная девушка (хотя – кто знает, кто знает, кто знает...). Валера завидовал тем или тому, кого, возможно любит Даша, с кем обнимается, с кем... Нет, ехать отсюда, ехать. А то начнутся мысли: почему другой, совсем этого недостойный, держит такую красоту в руках, а ты утешаешься

со своей Наташей, вернее, не утешаешься, а так, подпитываешься, чем бог послал.

– Ох, ёлки-палки, – сказал Сторожев, посмотрев на часы. – А ведь меня ждут. Извините, но я поеду.

– Здравствуйте, а я как добираться буду? – недовольно спросил Немчинов.

– Тут маршрутки, автобусы, – сказал Коля. – А могу и я подвести, если машина заведется. Но честно говорю – не гарантирую. Она у меня через раз.

– Нет, поеду с Валерой. У меня и работа еще, завтра с утра статью в номер сдавать, – придумал Немчинов. – Так что я тоже.

– А я готовила, – огорчилась Даша с улыбкой.

– Ничего, я сам все съем, – сказал Иванчук. – Думаете, шучу? У меня феноменальная растяжимость желудка, хоть я и тощий. Сколько дадут, все съесть могу.

Даша и Иванчук вышли во двор, провожая гостей. Сторожев и Немчинов сели в машину.

– Хороший у тебя трактор, – оценил Коля «лэнд-круизер» Сторожева.

– Не жалуюсь, – Валере было приятно, что похвалили его машину. Не упустил возможности глянуть на Дашу и по ее виду понял, что она красивыми машинами не интересуется. Либо привыкла к ним (кавалеры возят), либо она просто к этой стороне жизни равнодушна. Жаль.

Некоторое время Валера и Илья ехали молча.

Потом Илья промычал что-то, будто у него болели зубы.

– Что?

– Как похожа, с ума сойти, – выговорил Немчинов.

– Да. Коля наш весь сиял.

– Почему нет? Приятно, когда такая... Как это? Падчерица?

– Причем тут падчерица? – с досадой сказал Сторожев. – Помнишь, он хвастал, что всех нас обойдет? Когда мы за Лилей – ну...

Илья не помнил этого. То есть он помнил, что они все за Лилей – «ну». Но чтобы Коля отдельно хвастал своей возможной победой и одолением всех в конкурентной борьбе – нет, не припоминается. Впрочем, давно это было, поэтому Илья поверил Валере на слово.

– Да, обошел, – сказал он. – Дождался своего, женился на Лиле.

– Но женился-то, когда она уже была больной!

– Разве?

– Конечно! – убежденно сказал Сторожев, как будто уже точно знал это. На самом деле ему хотелось, чтобы было так.

– Ну и что? Значит, так сильно любил, что это не помешало.

– Вот чудак-то! – сказал Валера с досадой, почти со злостью. – Неужели ты ничего не понял?

– А что?

– А то! Ты смотри, что получается: девушка Лиля его в юности не полюбила. Потом он ее встретил и, может быть, победил, но она уже другая, это уже неинтересно! Зато есть точная копия! То есть – возможность повторить все заново, понимаешь? Мы хлопаем ушами и доживаем нашу жизнь, а Коля бьет клинья под нашу молодость. Он себе ее возвращает, эту молодость. Через Дашу. Блин горелый, это же уникальная возможность! А ей деваться некуда, без Коли им гроб, Даша это понимает. Кстати, Лиля умрет, а Даша останется. Доходит до тебя? Я даже думаю, у них на самом деле уже все произошло.

И тут что-то мокрое шлепнулось в щеку Сторожева. Он схватился пальцами, посмотрел на Илью. В школе, да, наверно, и потом, Немчинов не умел драться, он сам признавался, что испытывает физическое отвращение к этому виду пацанских забав. Единственное, что мог и умел – плюнуть. И ладно бы в детском саду или в начальных классах, нет, Илья подрос, а другого оружия не признавал, только плевок. Он даже в завуча Диану Васильевну плюнул, которая примчалась в класс с истеричным криком по поводу стенгазеты, где Илья тиснул сатирический стишок, критикующий ее, завуча, привычку дергать за волосы всех, чью прическу она считала неподхо-

дящей для школы. Диана Васильевна вопила, Илья терпел – до тех пор, пока завуч не затронула его маму, довольно известную в городе смелую журналистку (в этом у Ильи наследственность), что-то такое сказав про яблочко и яблоню, тут Илья и плюнул.

Сторожев резко затормозил, остановился на обочине.

– В морду дать? – спросил он.

– Да пошел ты! – ответил Илья. – Езжай домой и прополощи свой поганый рот, скотина. Ты сам понимаешь, что говоришь?

И открыл дверцу, и начал вылезать.

– Я в виде версии! – закричал Сторожев. – Я в шутку! Что, не хватает ума сообразить, когда человек шутит? Придурок! Садись обратно!

– Маршрутку подожду.

– У тебя же денег нет!

– Ничего, кто-нибудь и так подвезет. Даром. Есть еще люди на свете, Валера, хотя тебе, наверно, неприятно осознавать этот факт.

– Только не надо мне нотации тут читать! Моралист, ё! Сам душу за миллион продал и кочевряжится!

– Ничего я еще не продал! Проваливай!

Валера не стал больше уговаривать, резко газанул, обдал Илью пылью из-под прокрутившихся и завизжавших от резкого старта колес, и уехал.

Илья остался на окраине города один. Вокруг кусты, поодаль фонарь рядом каким-то строением. Илья подошел: кирпичное неказистое здание с вывеской «Шиномонтаж». Двери закрыты. Мимо изредка проезжали машины, никто не рискнул взять одинокого мужчину. Потом показалась маршрутка. Илья поднял руку, она остановилась. Открыв переднюю дверцу, Илья сказал водителю очень вежливо:

– Довезите, пожалуйста, до города, только у меня денег нет.

– А я миллионер – даром вас возить? – спросил водитель с акцентом.

– Извините.

– Ладно, влезай. Ограбили, что ли?– Нет. Сам отдал.

– Это как?

– Бывает.

– У меня никогда не бывает, чтобы сам отдал. Девушка, да?

– Вроде того, – Немчинов отвернулся и стал смотреть в темноту.

Валеру встретила Наташа – вся такая уютная, ласковая, домашняя. Встревоженная.

– Поздно ты. И не позвонил.

– Сама могла позвонить.

– Боюсь отвлечь от твоих дел.

– В самом деле. Вдруг я с женщиной, неудобно получится.

– Да, – улыбнулась Наташа.

– Что, даже не веришь, что такое может быть?

– Может. Каждый в своем праве.

– Не верю! – закричал Сторожев. – Сто раз от тебя это слышал, а не верю! Не бывает не ревнивых женщин! Это я просто в последнее время успокоился, не гуляю, а на самом деле...

– Ты абсолютно свободен, – твердо и спокойно сказала Наташа. – Это нормальное право любого человека.

– Ты сама веришь в то, что говоришь?

– Да.

– Ну, тогда пока! Пора по бабам!

И Валера выскочил из квартиры.

Он ехал по вечернему городу – наугад. Но колеса сами привели на улицу Донскую, где вы-

строились размалеванные девушки – Донская была известна лучшими уличными проститутками Сарынска. Они навели Сторожева на мысль позвонить старой (то есть весьма еще молодой) знакомой, девушке Виоле, с которой он нередко имел дело, когда был холостым.

Я и сейчас еще холостой! – мысленно воспротивился Валера.

Позвонил. Виола, в отличие от девушек на Донской, принимала дома, она была классом и ценой повыше. И оказалась свободна. Обрадовалась Сторожеву.

Он поехал к Виоле.

Едва вошел, принялся е обнимать, мять, схватил на руки, потащил в комнату.

– Ого, – приятно удивилась Виола, – какой ты голодный! – В чем дело? Жена не дает?

– Она не жена.

– Только у нас, Валерчик, тарифы повысились. Чтобы ты знал.

Сторожев вспомнил, что все деньги оставил у Иванчука для Лили.

– Тьфу, черт! У меня наличных нет.

Виола отодвинулась, стала собирать на затылке растрепанные волосы, стянула их резинкой и превратилась из принцессы в золушку (чтобы не казаться чересчур красивой, меньше раздражать отказом).

– Извини. Ты наши правила знаешь, исключений ни для кого нет.

– А кредитка не подойдет?

Виола рассмеялась:

– Ага. А мне кассу завести и чеки вам выбивать. И прейскурант услуг на стенке вывесить. *

– Кстати, не помешало бы. Чтобы можно было пожаловаться в общество потребителей.

– Не сердись. У меня тут супермаркет под боком, круглосуточный. И там банкомат, он тоже круглосуточно работает, я сама пользовалась. Можно деньги снять.

– Потом, Виола. Ты что, не веришь мне? Потом, через полчаса, двойной тариф, ага?

– Да это пять минут на машине! Заодно вина купишь, я что-то так вина хочу! Красного, ладно?

Сторожев отправился в супермаркет. Купил вина – не слишком дорогого и не слишком дешевого, кое-каких продуктов – это не Виоле, а домой, оставит в машине. Подъехал к дому Виолы. И, не останавливаясь, резко повернул.

Дома, входя, вытянул руку с бутылкой вина:

– Мир?

Наташа, с влажными глазами и с улыбкой, за которую Сторожев простил ей все, сказала:

– Мир.

12. ПИ. Упадок

_____
_____
_____
_____ _____
_____ _____
_____ _____

Вам многое неясно, волнуют проблемы общественной жизни.

** Ср.: «Парфен топтался в уютнейшей изящнейшей прихожей. Немного портил ее листок, хоть и в незаметном месте пристроенный, между электросчетчиком и гардеробным шкафом, но очень уж казенного вида и содержания:*

Прейскурант №1

1. Снятие с клиента сапог (ботинок) у порога ..... 20$»
(«День денег»)

Немчинов считал, что из него не получился настоящий писатель только по одной причине: не нашел своего стиля. Он умеет придумывать истории и персонажей, разбирается в людях, у него даже имеется вполне подходящая для большого писателя большая мысль о том, что предназначение каждого человека – сделать за жизнь хоть немного больше предначертанного. То есть, если представить, что судьба каждому дает некий минимальный план (Немчинов в это верил), каждый способен сработать сверх плана. Илья с молодости пытался к чему-нибудь приступить – к роману, повести или одолеть хотя бы рассказ. И неизменно застревал на первых же строчках, бесконечно переставляя и заменяя слова, напоминая самому себе подопытную обезьяну с пазлами, неспособную составить цельную картинку, бестолково прикладывающую разноцветные кусочки друг к другу. У него не возникало ощущения – только так и никак иначе. Получалось – можно так, а можно и так. А как лучше – непонятно. То есть при чтении чужих текстов, он понимал, что хорошо, а что плохо, но при составлении собственных чутье куда-то девалось. Это не значит, что Илья совсем неспособен был писать. В газете, документально – дело нехитрое. И целую книгу о Постолыкине осилил. Но использовал при этом среднеарифметический, общеупотребительный язык. Написать: «Игнат Егорович Постолыкин родился 19 января 1833 года в семье крепостного крестьянина», – не так уж и трудно. А вот: «Пришла осень. Начались дожди», – проблема. То есть, вроде, уже написано. Но Немчинову это кажется сухо и пресно. Он пробует иначе:

1. Пришла осень. Задождило.
2. Наступила осень, пришла пора дождей.
3. Пришла дождливая осень.
4. Осень, дожди.
5. В тот год осень была дождливой.
6. Дожди лили всю осень.
7. Осень, хмарь, грязь, дожди.
8. Принимая осенние дожди с привычной печалью и даже с осознанием свершения чего-то должного, пусть и неприятного, Игнат...

Кончались эти труды обычно фразой вроде: «Осенью Игнат отправился...» И дальше как по маслу.

После ссоры с Валерой Сторожевым (пришлось, кстати, добираться до города пешком), Илья пожалел, что согласился написать книгу о Костяковых. Подумывал даже, не вернуть ли аванс, пока не поздно? Но жена Люся и дочь Яна так обрадовались этим деньгам, так зауважали Немчинова за добычливость, что он не нашел в себе сил повернуть назад. Да и потрачено уже сколько-то, и каким образом теперь это сколько-то восполнить? И как объяснить свой отказ?

Илья читал тот же текст, что до него переделывал Дубков, честно пытался начать.

Ничего не выходило.

Бросил писать, отправился в музей краеведения, потом в городской архив, где у него были знакомые, копался в доступных материалах. Нашел двадцать восемь Костяковых, отыскал и Данилу Егоровича, деда братьев. Матерью его была некая Алена Костякова из мещанского сословия, вместо отца прочерк. Откуда взялось при этом отчество, непонятно. Видимо, со слов матери. Сама Алена Костякова больше нигде не значилась, отчества ее не зафиксировали, непонятно, в какой линии каких Костяковых ее искать.

Потом Илья ворошил подшивки старых газет, находя информацию о братьях. Ничего особенного, вернее, ничего такого, о чем он сам не знал.

Через неделю после этой нудной работы Илья затосковал, заскучал и попробовал напиться – не получилось, после первой же рюмки взбунтовалась язва, его чуть не стошнило.

И вот он сидел ночью у открытого окна, за которым привычно шелестел тополь, говоря душе Немчинова о том, что много в мире таких тополей, много людей слышит их, находясь в состоянии раздумья, печали, радости, грусти, миллионы и миллиарды людей одновременно мыслят,

и непонятно, почему этот мощный процесс не сносит ось вращения земли. А может, и сносит помаленьку. И каждый из этих людей велик для себя самого, каждый для себя и сага, и поэма, и эпос. «Гнев, богиня, воспой...»

Илья усмехнулся.

Сама собой написалась первая строчка, а потом пошло, покатило, полетело:

Славен и древен в веках многочисленный род Костяковых.
Верный вояка Костяк в книгах еще летописных
Значился правой рукой князя Никиты Остужа.
Род Костяка разошелся на множество славных ответвий.
Быстро столетья бегут, и вот Даниил появился,
Кроткой Алены сынок и Егора, покрытого тайной.
Отчего крова лишен, он на счастие встретил Лукерью,
Им бы совет да любовь, Даниил воевал и трудился.
Сына и дочь породил, и тут грянула новая битва.
Быть он не мог в стороне, ополченцем в тылу подвизался,
Хоть без оружья, но в форме. В году роковом сорок третьем
Пал он и был захоронен в неведомой братской могиле.
Сын же Виталий сначала на оборонном заводе
Денно и нощно работал, сил своих не покладая.
Но, невзирая на бронь, он просился на передовую,
Чтоб отомстить за отца и за мамы горючие слезы.
В сорок четвертом году уважили просьбу. И вот он
В Вене кончает войну артиллеристом-сержантом.
Новое время пришло. Современный отсчет начинаем.
Снова к станку он встает, наш Виталий, напильником мирным
Мирный металл обрабатывать чтобы на счастье народа.
Так он и жил, подтверждая своею рабочею костью
Правильность имени рода. Но род продолжения хочет.
Встретил Евгению он, и с женщиной этой чудесной
Трех сыновей породили, витязей умных и сильных.
Веским довеском им был брат их от Екатерины,
Виталия младшей сестры. Каждый был в чем-то силен.
Павел, как это весьма старшего брата достойно,
Первоидущим ступал, путь расчищая семье.
Многое шло чрез его наторевшие в бизнесе руки,
Толк он познал в золотой, как липовый мед, древесине,
Щебне белесом, песке, и цементе, притом не брезгливо
Дланью своею контрольной все щупал и трогал, чтоб честно
Дело веселое шло. Не чурался он также продуктов,
Галантереи и прочих разнообразных товаров.
Он и в финансах был дока. Нам легче назвать будет область,
В которой бы он не успел. Настолько широк его профиль.
Многое он испытал. Конкуренты его подставляли,
Зверем рычал криминал, угрожая расправой, и даже
Были попытки убить, но не сладилось подлая месть.
Так и стоит он колоссом чести, успеха и славы.
Брат его младший Максим, многоумный провидец событий,
Не побоявшись хлопот, в лоно общественной жизни
Смело он бросил свое честью горящее сердце.
И репутацию он заслужил у народа по праву.

Вот он теперь наверху, облеченный доверьем, но больше
Ценит возможность помочь людям в их доле несладкой.
Средний же брат Леонид жизнь начинал искрометно,
Был публицист и оратор, массы вперед увлекая.
Прочили дружно ему в будущем славную участь,
Но прервалась его жизнь, в водной стремнине утоп он.
Ходят о нем до сих пор глупые, странные слухи,
Будто увлекся всерьез старшего брата женою,
И между ними любовь чуть ни случилось. За это
Будто бы Павел убил брата любимого насмерть.
То несомненно вранье. Павел своих не затронет.
Может прищучить чужих, но и на это имеет
Он исполнителя. Петр, двоюродный брат резворукий,
Трудится пуще родного на тучной их бизнеса ниве.
И хоть фамилией Чуксин, духом вполне Костяков.

На этом Немчинов остановился, устав шутить, да и что за шутки, от которых сам не получаешь удовольствия?

Взялся опять за газеты, копии которых ему любезно дали в архиве. Сами газеты, в подшивках, желтеют и тлеют, сотрудники жалуются: если бы не бедность, давно бы все перевести в электронный вид. И никаких проблем – ищи в Интернете любую информацию за любой день любого года. Да, это облегчило бы, а пока приходится шуршать бумагой.

Как же недавно все это было – и как давно...

89-й год...

Программа передач.
На 1-м канале.
19.00. Философские беседы.
19.55. «Собачье сердце».
21.00. Время.
21.40. Телевизионный клуб «Любителям оперы».

Сегодня открывается праздник хорового искусства. Всесоюзный смотр самодеятельных академических хоров.

Призывы Политбюро ЦК КПСС к 73-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.
1. Да здравствует...

90-й год...

Поистине беспредельно возмущение горожан размахом деятельности перекупщиков и спекулянтов...

Часто покупатели, когда работники милиции пытаются взять с поличным спекулянта, вместо того, чтобы содействовать, становятся на защиту махинатора. При этом покупатели зачастую унижают работников правопорядка, будто они в чем-то виноваты. Такое наблюдалось на Колхозном рынке. Здесь ловкие кооператоры торговали копченым лещом по 6 рублей за килограмм при розничной цене 1 рубль 20 копеек...

19 сентября над Гурьевкой пролетал неопознанный летающий объект...

Роль Демократической партии коммунистов России в нынешней политической жизни – таков основной вопрос повестки дня предстоящего 26-27 октября в Москве съезда ДПКР

91-й год...

Несколько десятков тысяч российских немцев поселятся в будущем в Западной Сибири. Лишь в Омской области предполагается разместить около 50 тысяч граждан немецкой национальности...

Многих секретарей партийных организаций превратили в заместителей председателей Советов. На места они не спешат. Любопытно: ни разу не услышал о желании встретиться людей с представителями «Дем. России». Об этом движении едва наслышаны.

В 16 часов 15 минут в своей квартире по ул. Садовая обнаружен труп гражданина М. 1947 г. рождения, медбрата 2-й горбольницы, с признаками насильственной смерти. С места происшествия изъяты шприцы и иглы. Ведется следствие.

Канал «Останкино».
19.00. Богатые тоже плачут.

Канал «Россия».
20.20. Санта-Барбара.

92-й год...

Вступив в начале апреля в должность главы администрации Пичугинского района, В. Коржов первым делом решил построить для своей семьи дом. 400 квадратных метров! Оно и пусть, если бы не на бюджетные средства!

Обналичиваю под низкий процент.

Продаю щенков франц. бульдога.

Продаю дом в с. Лопатино Пензенской обл. – все уд., уч. 20 соток, 7 млн. руб.

93-й год...

Сообщение о том, что М. Горбачев, возможно, выдвинет свою кандидатуру на президентский пост, честно говоря, не обрадовало.

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПРОВЕДЕНИИ ВСЕНАРОДНОГО ГОЛОСОВАНИЯ ПО ПРОЕКТУ КОНСТИТУЦИИ РОССЙСКИЙ ФЕДЕРАЦИИ. 15 октября 1993 года...

Редкий день обходится без того, чтобы не было изъято один или несколько стволов. Сегодня преступники не задумываясь применяют оружие. Для борьбы с коррупцией в органах внутренних дел создано специальное подразделение.

...

Так Немчинов и листал наугад: 93-й, 94-й, 95-й... А потом в обратную сторону: 93-й, 92-й, 91-й, 90-й...

Вдруг наткнулся:

БРАТ НА БРАТА

26 октября в помещении Техникума железнодорожников (актовый зал), в 19.00 состоится встреча с кандидатом в депутаты от Заводского округа Костяковым Л.В., а также публичный диспут с кандидатом Ерыкиным А.Н. По сообщению доверенного лица Л.В. Костякова, С. Дортмана, диспут обещает быть принципиальным и острым. Характерно, что Ерыкин считается выдвиженцем инициативной группы, которой руководит брат Л.В. Костякова, П.В. Костяков. Так что мы имеем ситуацию «брат на брата».

Сергея Дортмана Немчинов знал: вместе работали, имели общих знакомых, а потом Дортман, как и многие другие, кто активничал на рубеже девяностых, куда-то пропал, по слухам, пил без просыпа – что тоже для этого славного поколения свойственно. У Дортмана была сестра, пианистка, уехавшая в Штаты и некоторое время помогавшая брату, зазывавшая к себе, но потом, видя, что усилия ее тщетны, отступилась. Сергей был человек особых повадок: он со студенческой поры усвоил себе привычку церемонно обращаться ко всем: «Господа!» – когда все еще были (или считались) товарищами. Впрочем, белогвардейщина у многих тогда вошла в моду вместе с романсом «Утро туманное» и еще одним, где были слова «раздайте патроны, поручик Голицын, корнет Оболенский, налейте вина». Под гитару и портвейн это звучало душещипательно, задушевно, девушки грустили и становились податливее – что и было нужно.

«Господа», да еще как бы дворянская (с чего бы?) медлительность речи, грассирование, вальяжность повадок... Дивны пути твои, душа человека. Дортман любил изрекать:

– Господа, статистика утверждает, что в каждом городе России есть один еврей-алкоголик. Даже в Одессе, где на душу населения приходится, как известно, полтора еврея. Мы побили рекорд, у нас алкоголика два: я и Файбисович!

Файбисович, действительно, был алкоголик страшный, неизлечимый, приличные люди его уже не пускали в дом. Он, правда, все равно пролезал под разными предлогами, например – воды попить. Шел, дескать, мимо, чуть не умер от жажды. Кто же откажет? И, пока ему наливали воды, он мог обшарить карманы одежды, висящей в прихожей. Если уличали, говорил: «Да, я вор, подонок, а вы не знали? Я вообще не человек!» Файбисович получил от умершей мамы в наследство квартиру, продал ее, купил комнату в коммуналке и на оставшиеся деньги начал безудержно пить, говоря всем: «У меня одна задача: сдохнуть раньше, чем кончатся деньги». Он действительно пил насмерть, то есть на смерть, на умирание, поставив себе это целью. И добился своего. Хоронили его пять-шесть знакомых на деньги сарынской еврейской общины.

Дортман пил аккуратнее, не до беспамятства, но каждый день. У него тоже была квартирка, тоже от мамы, но ему хватило ума не пропить ее. А где брал деньги, бог весть, наверное, занимал.

Надо навестить его. И о Леониде Костякове порасспрашивать, и просто так, по-человечески – надо.

13. ТУН ЖЭНЬ. Единомышленники (Родня)

_____
_____
_____
_____
____ ____
_____

Куда бы вы ни отправились, попадете в хорошее общество.

Через пару дней (то есть выждав приличную паузу), Сторожев позвонил Коле Иванчуку и спросил:

– Я тут подумал: а Лилю нормальные врачи смотрели вообще?

– И нормальные смотрели, и ненормальные.

– А то я бы Раушева привез к тебе, он лучший специалист по таким болезням. Светило.

– Я слышал о нем. Специалист, да, но не бог.

– Коля, я не к тебе его привезу, а к Лиле. Доходит до тебя?

До Коли дошло. Действительно, вылечит Раушев, не вылечит, а для Лили – еще один луч света, еще одна надежда.

– Дошло, спасибо, – сказал он. – Вези свое светило.

Валера позвонил Роману Раушеву, тот согласился посмотреть. Сторожев попросил, чтобы вечером (вечером Даша, наверное, будет дома).

– А я раньше и не смогу.

Раушев осмотрел, ничего нового не сказал Коле, а Лилю успокоил, ласково поговорил с ней. Лиля была благодарна и ему, и Коле, и Валере – стараются, хотят сделать ей лучше. У нее вообще сегодня было благодарное настроение.

– Отдыхай, – сказал ей Коля, и они с Раушевым вышли.

А к двум березам подъехал очередной свадебный кортеж: Лиля слышала смех, крики. Потом хором: «Раз! Два! Три! Четыре!» Невеста и жених целуются, остальные считают. Обычай, который Лиля помнит с детства. И жених с невестой, как правило, стараются, демонстрируя пылкость, а родители настороженно смотрят – возможно, впервые наблюдая этот процесс, родители невесты – как чужой юноша целует их дочь, родители жениха – как чужая дочь целует их сына, и улыбки их натянуты, и почему-то сосет под сердцем нехорошее предчувствие... Лиля однажды, в прежней жизни, попала на свадьбу, затащила соседка, счастливая мать невесты. И там, когда закричали: «Горько!» – и начали счет, невеста, хмыкнув, брезгливо посмотрев на уже окосевшего от самогона жениха, громко сказала: «Да идите вы на х.! Будут они еще тут мне соревнование устраивать! У меня шестой месяц беременности, если кто не знает, а они – горько!» Мать на нее прикрикнула, невеста с мстительной усмешкой сказала ей: «А я вам с отцом говорила: не надо никакой свадьбы. Не послушались – получите! Да отлезь ты, тебе еще чего?» – огрызнулась она на жениха, который дергал ее за рукав и всего лишь хотел, чтобы она села и замолчала...

Тихо стукнула калитка. Кто-то пришел. Или ушли Сторожев с врачом? Что-то в последнее время сбор всех частей. Может, она уже помирает? Да нет, просто так совпало. Один узнал, сказал другому...

Лиля не услышала ни шагов, ни голосов. Лишь какое-то шуршание. Потом пыхтение.

В окне показалась голова девчушки лет восьми. Из свадебной компании, должно быть. Скучно ей стало, пошла обследовать окрестности, забрела во двор, подошла к дому, встала на выступающие кирпичи фундамента, чтобы заглянуть в окно, это же интересно, все чужое интересно. Лиля наблюдала. Сейчас девочка увидит ее, напугается, исчезнет. Как бы ее задержать?

И Лиля сказала негромко и весело:

– Заходи в гости!

Голова повернулась к ней, девочка оценивала ситуацию: нет ли подвоха? Осмотрела лежащую женщину.

– Залезай, залезай, – сказала Лиля.

– Да нет, я так. Я мимо просто шла.

– А кто там женится?

Лиля ожидала, что девочка ответит с детской простотой что-то в духе: «Маша и Саша», – считая, что Маша и Саша известны всему свету. Но она оказалась смышленой:

– Вы их же все равно не знаете.

Подумала, поелозила, удерживаясь локтями на подоконнике, и решила пояснить, чтобы ответ не показался невежливым:

– Это папа мой с Олей женится.

Вот оно как. Деликатный случай. Видимо, папа и мама развелись. И папа второй раз женится. Возможно, и мама уже второй раз замужем. Не исключено, что мама присутствует тут же. Интересно, кричит ли «горько»?

– А где мама? – спросила Лиля.

– Умерла, – ответила девочка. И тут же, словно спохватившись, что может огорчить незнакомую тетю, успокаивающе добавила: – Она уже давно. Года два.

Лиле показалось, что где-то под сердцем стало горячо – как всегда, когда она сталкивается с самой близкой для себя темой.

– А вы болеете? – спросила девочка.

– С чего ты решила?

– Ну, вы же днем лежите.

Лиля подумала: если с кем-то об этом и можно говорить всерьез, не стесняясь, не жеманничая, то как раз с детьми. С вот этой девочкой. Ее мне сегодня Бог послал, решила Лиля.

– Да, я болею. Я тоже умру, – сказала Лиля.

Девочка, помолчав, сказала:

– Мама молодая была. Красивая.

Лиля мысленно усмехнулась. Подразумевается, что она, Лиля, немолодая и некрасивая, ей умереть можно.

– Ты ее жалеешь?

– Конечно, – легко ответила девочка.

– А папа?

– Да. Он даже плакал.

– Но ведь женится.

– Да, – согласилась девочка. – Оля хорошая.

– Лучше твоей мамы?

– Нет. Но тоже хорошая. Мы же не можем одни. И папе скучно, и мне тоже.

– То есть ты забыла маму?

– Нет. Но мамы же нет. А Оля есть.

– А если Оля тоже умрет?

Девочка не ожидала такого вопроса. Никогда об этом не думала. Возможно, смерть мамы была единственной смертью, которую она знала и видела, остальные люди для нее были пока бессмертны.

– Почему?

– Заболеет и умрет.

– Да нет, она здоровая. Ладно, я пойду.

Девочка не то что испугалась разговора – они ничего в таком возрасте не боятся по-настоящему, ей просто стало неприятно. А Лиле очень, очень хотелось ее удержать – она не поговорила

с ней о самом интересном.

– Постой. Ты зря волнуешься. Оля никогда не умрет. А маме твоей сколько было?

– Маме? Двадцать восемь.

– Всего двадцать восемь?

– Да. Молодая.

– Она очень мучилась?

– Я не знаю. Меня там не было.

– Где?

– Они в машине врезались. И маму в больницу отвезли, и она там умерла.

Лиля почувствовала разочарование. Смерть в аварии – не то, о чем она хотела бы поговорить.

– Ладно, иди, тебя ждут, – сказала она.

Девочка спрыгнула.

И все же Лиле стало немного легче. Она знала, что это подлое облегчение, нехорошее, но разрешала его себе. Больным разрешена скоромная пища даже в пост, значит разрешены и скоромные мысли. Двадцать восемь лет было этой женщине – и она погибла. А Лилия была в двадцать восемь лет еще жива и здорова. И у нее впереди еще была долгая счастливая жизнь. До болезни было еще далеко.

С другой стороны, может, так лучше? Авария, удар, боль, но недолго, не успеваешь приготовиться, осознать, не успеваешь толком помучиться – это-то и хорошо.

Присказка врачей и доброхотных советчиков: не думай об этом. Не говори об этом. А о чем еще? Только о смерти и стоит говорить – часто, много, бесконечно. Говоришь – и привыкаешь. Сначала к слову, потом к мысли...

Легкий стук в дверь, голова Коли:

– Звала?

– Нет. Сама с собой говорю.

– Ничего не хочешь?

– Нет, – сказала Лиля, которая на самом деле очень хотела, чтобы эта девочка приходила к ней каждый день и каждый день своим спокойным голоском рассказывала о смерти матери – как о чем-то неприятном, но обыденном, давно забытом, о том, что в порядке вещей. Авария, визг тормозов, удар, вскрик, кровь. Это только представить страшно, а на самом деле случается каждую минуту.

– Не знаешь, – спросила Лиля, – сколько аварий в Сарынске? А в стране? А в мире?

– Каких аварий?

– Автомобильных.

– Могу в Интернете посмотреть.

– Да нет, я так...

Раушев уехал, Даша (она была дома) сказала:

– Рыдать будет сегодня.

– Почему? – спросил Сторожев.

– Всегда так. Приходит врач, она сначала радуется, а потом плачет.

– Ну, не всегда, – сказал Коля. – Не нагнетай.

– А если будет, справишься? – спросила Даша.

– Конечно.

– Тогда я в город. Подвезете? – спросила она Сторожева.

– Да, конечно.

В машине, не зная, о чем говорить с Дашей, Сторожев нашел занятие: крутил ручку радио. Нашел что-то из разряда фоновой музыки (как в ресторанах) – без вкуса, цвета и запаха. Решил,

что сойдет.

Музыка звучала тихо, шины по асфальту шуршали почти беззвучно, негромко шумел, подавая прохладный воздух, кондиционер. Этот разнородный шепот настраивал на определенный лад, но к этому ладу не подбиралось слов.

– А я в вашу маму влюблен был, – сказал Сторожев совсем не то, что хотел.

– Знаю, – спокойно улыбнулась Даша. – Она рассказывала, что вы все были – и вы, и Коля, и ваш друг, с которым вы прошлый раз приезжали.

– Немчинов? Да. Было за что.

– Надо думать.

– В вас тоже все влюбляются?

– Само собой, – равнодушно сказала Даша.

Не хочет говорить со мной, с обидой подумал Сторожев. Почему? Она же ничего обо мне не знает. Но в этом и дело: трудно говорить с человеком, которого не знаешь. На профессию свою намекнуть хотя бы. Сказать: вижу, как специалист – вы умная и амбициозная девушка. Она спросит: специалист в какой области? Он скажет: психолог, аналитик. И добавит: вижу людей насквозь. Хотите, все о вас расскажу? Она, конечно, заинтересуется: все любят о себе послушать или прочесть – отсюда такая повальная страсть к тестам и гороскопам. Он будет врать, что в голову придет, Даша начнет оспаривать, смеяться, так оно и пойдет.

– Вижу, как специалист, вы умная и амбициозная девушка, – сказал Сторожев.

– Да, наверно, – ответила Даша.

И все. Диалог окончен. Интересно, это ее обычная манера или она барышня строгих правил и замыкается при первом же намеке на флирт?

Но куда барышня строгих правил едет, на ночь глядя?

Сторожев посмотрел на Дашу, усмехнулся – так, чтобы она заметила, и сказал:

– Видимо, вы хорошо себя контролируете. Любите владеть ситуацией.

Даша пожала плечами, ничего не ответила.

Сторожев раздражался все больше: еще ничего толком не началось, а уже произошло что-то глупое, неловкое. Он выглядит человеком, изо всех сил навязывающимся на беседу о личном и задушевном, она может это истолковать по-своему.

И пусть истолковывает, подумал он. Плевать.

И сказал:

– Самоконтроль – опасная штука. Может развиться в болезнь.

– Может быть.

– Хотите, расскажу, как это бывает?

– Не очень, если честно.

– А я все-таки расскажу. Можете не слушать. Считайте, что я говорю сам с собой.

И Сторожев взял да и рассказал этой фактически незнакомой девушке свою самую заветную историю. О том моменте, когда – он это ясно понимает – жизнь его стала другой.

Произошло это очень давно, в детстве. Родители Валеры позвали гостей, людей, как и они сами, интеллигентных. Сидели, выпивали, закусывали, скромно спели что-то – не из телевизора, а то, что распространялось на пластинках с ребрами, то есть на рентгеновских снимках. Потом один из друзей начал что-то рассказывать. Валера в общих чертах помнит: про какого-то начальника. Тот рассказчику нахамил, а он ему смело ответил. Валера, свернувшийся в кресле, никем не замечаемый, слушал и вдруг понял, что этот человек врет. По интонации, по глазам понял. А потом увидел, что отец отворачивается и сдерживает улыбку, а мама слишком увлеклась раскладыванием салата, покраснев, она всегда краснела, когда другие делали что-то не то. Значит, и родители понимают, что рассказчик врет? Значит, сделал вывод Валера, я такой же умный, как и они?

Он – как очнулся. Начал слушать взрослых. Присматриваться к ним. И очень часто понимал, что видит их лукавство, уклончивость, часто прямое вранье, рассчитанное на то, что дети не по-

нимают. И дети в большинстве своем действительно не понимали, а Валера – понимал. Именно тогда он необратимо повзрослел – навсегда. Сверстники играли, учились, фантазировали, Валера тоже занимался этим, но больше всего его увлекал процесс наблюдения над своим умом. Он наслаждался тем, насколько хорошо понимает других и себя, и не заметил, когда это стало почти болезнью.

– Как это? – спросила Даша. (Слушала, кстати, сначала рассеянно, а потом довольно внимательно).

– Ну... Подотчетность такая самому себе. Самонаблюдение. Я сказал, я сделал, я подумал. Невозможность отцепиться от этого проклятого «я»! Я-болезнь, так это можно назвать.

Даша сказала:

– Наверно, этой болезнью все болеют.

– В разной степени. Многие, особенно так называемые простые люди, они даже совсем ее не замечают. Ну вот, тут, – Сторожев кивнул на забор с закрытыми воротами, мимо которого они проезжали, там днем кипел и бурлил загородный автомобильный рынок. – Человек здесь работает, продает детали, машины. Он об этом думает. Побольше деталей и машин продать, побольше денег получить, семью накормить, дом построить. Я завидую людям, у которых постоянно какая-нибудь житейщина. Конкретные цели.

– Понимаю. Или большое дело.

– Согласен. Это тоже самозабвение. Наука, открытия какие-нибудь. Война. Творчество. Альпинизм. Или просто работа с утра до ночи. Люди спасаются от себя, кто как умеет. Я тоже много работаю, но не помогает. Были такие стихи: о тебе хочу думать – думаю о тебе, о тебе не хочу думать – думаю о тебе, о другой хочу думать – думаю о тебе, ни о ком не хочу думать – думаю о тебе!

– Красиво. Это чьи?

– Не помню. Главное: если заменить «о тебе» на «о себе», получим мою клиническую картину. То есть – о чем ни думаю, думаю о себе. Странно, что я не запойный алкоголик. Многие мои клиенты, особенно из сильно образованных, пьют именно чтобы отдохнуть от своего «я».

Сторожев понимал, что говорит лишнее, он ведь помнил первейшую заповедь: не раскрывайся перед женщиной, ибо каждое твое слово будет использовано против тебя. Но – поздно раскаиваться, дело сделано.

И вдруг Даша спросила:

– А лечиться чем?

– Тоже страдаем? – обрадовался Сторожев.

– Наверно. Не в тяжелой степени.

– Вообще-то средство есть, – сказал Валера голосом галантного кавалера из галантных романов, которые он видел на прилавках, ни одного не прочел, но прекрасно представлял, о чем они. По обложке уже видно: элегантный мужчина со скульптурным торсом страстно, но деликатно обнимает красивую и тоже скульптурную, романтично полураздетую девушку.

– Какое?

– Только вы не смейтесь. Звучит очень уж пошло, но это действительно единственное средство. Чтобы забыть о себе, – сказал Валера так, будто диктовал, – надо помнить о другом. То есть, средство – любовь.

– Довольно просто.

– Просто – когда это есть. Нарочно ведь не полюбишь.

Валера был очень доволен тем, как складывается разговор. Эх, еще бы час-другой в уютной остановке, в ресторане у Сани Сегеля, бывшего одноклассника, а теперь хозяина нескольких кафе и ресторанов. Кстати, на следующем перекрестке как раз одно из его заведений.

– Даша, а не хотите...

– Здесь налево, – сказала Даша. – Извините, перебила.

– Да нет, так. Ерунда.

Даша вышла у старого пятиэтажного дома, поблагодарила Сторожева и, чуть помедлив, сказала:

– Вы интересно мыслите.

– Я знаю, – со смехом откликнулся Сторожев, он был сейчас почти счастлив.

Проводил Дашу глазами, отъехал, но почти сразу же затормозил. Долго смотрел перед собой, постукивая пальцами по рулю, а потом сказал негромко:

– Валера, а ты ведь пропал.

Таджики встретили Дашу приветственными восклицаниями, мальчик лет пяти подбежал, обнял ее, она погладила его по голове. Его мать взяла мальчика за руку, что-то сказав ему, улыбнулась Даше. Запахи и духота здесь были невыносимо густыми, но Дашу это не коробило: того, кто ухаживает за тяжело больным, не смутят никакие запахи.

Она постучала в дверь Володи, тот открыл, сказал:

– Опа! Сюрпрайс?

– Вроде того. Не помешала?

– Чему?

– Мало ли. Вдруг у тебя девушка?

– А, ну да. Сейчас, пойду, в шкаф засуну.

Володя пошел в комнату – в одних шортах, высокий, загорелый, с тонкой талией, широкими плечами. Красивый. На столе ноутбук, как всегда. Постель не застелена, только накинуто покрывало.

– Я сейчас, – сказал Володя, заканчивая что-то просматривать.

– Да не спеши.

Даша легла на постель, смотрела на спину Володи.

– А в самом деле, почему у тебя никого нет? – спросила она.

– У меня ты есть.

– А другие? Неужели тебе хватает? В твоем возрасте все бегают по девушкам.

– Ладно, – рассеянно сказал Володя.

А Даша подумала, что, возможно, была бы рада, если бы у Володи завелась девушка на стороне, как говорят в таких случаях. Был бы повод поссориться и разбежаться.

Отравил ее разговорчивый дяденька Сторожев. У нее, наверное, тоже «я-болезнь». Слишком много думает о том, как выглядит, как к ней относятся, хочет во всем быть заметной, первой. По-настоящему умный человек должен все это минусовать и думать о деле. Вот как Володя. То есть он умнее меня? – удивилась Даша. – Или это по-другому называется? Мудрость? Можно подумать на досуге, не сейчас. А дяденька смешной. Рассказал о себе, следовательно, Даша ему нравится: дяденьки рассказывают о себе только тем девушкам, которые нравятся. Если не пьяные. Пьяные – всем. Любимое дело пьяного человека – рассказывать о себе. Национальное хобби у нас такое.

– Извини, – повернулся Володя. – Ничего не случилось?

– Нет, просто захотелось тебя увидеть.

И Даша почувствовала, как ей действительно захотелось – не только увидеть, но обнять, всего, почувствовать его кожу, его запах.

Нет, все-таки я его, наверно, люблю, подумала она. И сказала:

– Чего сидишь голышом, дразнишь девушку? Иди ко мне.

Ночь густела над Сарынском.

Коля убирал из-под Лили испачканные простыни.

– Хотя бы для этого... – говорила она с перерывами, тяжело дыша, – мог бы позвать сиделку...

– Ты их сама прогоняешь.

– Ты нарочно... Ты хочешь окончательно... Не видеть во мне женщину. Ты получаешь удоволь-

ствие... От своего отвращения. Так?

– Дура, – коротко и ласково ответил Коля.

– Не повезло... тебе. Ты дождался... Когда я буду свободной... Женился.... А я оказалась... Больная. Не повезло.

– И опять дура.

– Если ты попробуешь с Дашей... Я тебя прокляну...

– Помолчи.

– Они тоже... Понаехали... Увидели ее... Если хоть кто-то... Я всех прокляну... Где она?

– Уехала.

– И правильно. Ей тут нельзя жить. Ты страшный человек, Коля.

– Помочь можешь? Мне же трудно. Повернись чуть-чуть.

– Не надо ничего. Буду лежать в говне! Я хочу этого запаха! Запах говна. Обожаю. Он... не обманывает... Он точно говорит... кто я. Оставь меня в говне!

Коля переодел Лилю, взял грязное, вынес, замочил в корыте, чтобы потом постирать.

Стиральная машина все-таки нужна, подумал он. Пол, правда, везде гнилой, где ее поставить? Придется сделать специальное основание – выложить кирпичами, залить цементом. И заземление обязательно. Проводка старая, мало ли что.

Прозвучал звонок.

Коля вошел.

– Коленька, – послышался шепот. – Прости меня, пожалуйста.

– Ни за что! – грозно ответил Коля.

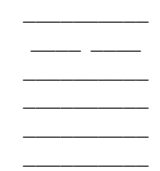
Подошел, сел на край постели и стал гладить Лилю по голове.

– Волосы грязные! – встревожилась она.

– Вчера мыли, забыла?

– Точно... Тогда гладь.

14. ДА Ю. Обладание великим

Постоянно держите в поле зрения главную цель.

Телефон Сергея Дортмана у Ильи был: встретились как-то, обменялись, неизвестно зачем. Подобных номеров у Ильи в записной книжке мобильного телефона очень много. Вот сейчас, ища Дортмана, увидел рядом в списке: «Дима вр.» Кто такой Дима вр.? Вспоминал. Аж разозлился на себя: что это, ранний склероз? Вспомнил, выдохнул с облегчением: Дима – врач! Года три назад у Ильи переклинило поясницу, знакомый Люсиной подруги осматривал его, вот этот самый Дима вр. Зачем он теперь ему, зачем хранился тут три года? И Немчинов удалил номер Димы вр. А потом просмотрел весь список, чего не делал очень давно, и с удивлением находил – Анна Соб., Вика Культ, Гущихина, Евгений Конных, Ел Вл Ри, Игорь П., Люб Петр БТИ, Мар Гол Сар, Оля Гар, Пуск-2, СГМ... – и так далее, не меньше тридцати номеров, неизвестно кому принадлежащих. Удалив их, Немчинов почувствовал облегчение, словно хоть на каком-то участке своей жизни навел порядок.

Дортман ответил хрипло, но трезво.

– Хочу в гости зайти, ты не против? – спросил Илья.

Дортман не удивился.

– Пожалуйста.

В квартире Сергея было относительно чисто за счет пустоты. Она напоминала гостиничный номер глухоманного райцентра: шкаф, кровать, стол, кресло, пара стульев. В кухне стол у окна, навесной шкафчик для посуды, плита, на плите кастрюля.

– Минимализм, – похвастался Дортман, провожая Илью в кухню, где удобней и пить, и закусывать, и курить. Курил он что-то вонючее, дешевое.

– Запрещают врачи, а я не бросаю, – сказал он.

– Не можешь бросить?

– Не хочу. Смысл?

Дортман был худ, лицо желтое, полуседые длинные волосы свалялись.

Свинчивая пробку с бутылки водки, которую Илья предусмотрительно принес с собой, он рассказал, что лежал в больнице, куда его увезли на «скорой помощи» с печеночной коликой.

– Думал дома перетерпеть, водочкой заглушить, не получилось, вызвал.

В больнице Сергея обследовали и сообщили ему, что он в недавнем прошлом перенес инфаркт. Дортман удивился, потом припомнил, что, действительно, месяца три назад ему было както особенно нехорошо. Дортмана взялись лечить, но, как только ему стало получше, он сбежал.

– Ну, ты даешь, – сказал Илья, примеривая мысленно к себе: он бы так не сумел, забоялся бы. Храбрость пьяниц его всегда изумляла.

– А что? Там с ума сойдешь. Если выздоровею, я и дома выздоровею, а если помру, то, опять же, лучше дома помру.

– Фаталистом стал?

– Да нет. У самураев было правило: проснувшись, представить, что ты уже умер. То есть все происходит как бы после твоей смерти. Ничего не бойся, ни о чем не жалей. Мне это нравится.

– А другим?

– А других вокруг меня никого, слава богу, нет.

Дортман налил себе и Немчинову. Чокнулись, выпили. Дортман, не вставая, дотянулся до плиты, снял кастрюлю, щепотью достал оттуда длинные, тонкие спагетти и, широко раскрыв рот, опустил их туда. Жуя, предложил Илье:

– Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Тогда извини, больше ничего нет.

– Я тут тебя в старых газетах увидел, – сказал Немчинов. – То есть не тебя, а информацию. Как ты был доверенным лицом у Леонида Костякова.

– Был, да. Глупое было время. На что-то надеялись идиоты. И сами же все просрали.

– Что ты имеешь в виду?

– Да все. А Леню я вообще с детства знаю. Золотой был человек, такие на нашей земле долго не живут.

– Он долго и не жил. Ты что-то знаешь об этом?

– Что я могу знать? – насторожился Сергей. – Поехали на рыбалку, человек с лодки оступился, упал...

– С лодки? Откуда ты знаешь?

– Ну, не с лодки, с берега. Неизвестно. Чего ты подлавливаешь меня? Никто не видел, как он утонул.

– Ты не горячись, Сережа.

– Я не горячусь, а просто... А мы с Леней дружили еще в школе. Вон там видишь дом? – Дортман, не оборачиваясь, показал большим пальцем за спину.

Сквозь пыльное окно виднелся длинный панельный дом, построенный, наверное, лет тридцать назад.

– На этом месте были бараки, натуральные бараки, а в них коммуналки, я там с родителями

жил. И Костяковы тоже. Не знал? Двухэтажные такие дома, доски и штукатурка, зимой холодно, летом духота, тараканов тьма, да что тараканы, клопы водились! И выросли, между прочим, выучились, в люди вышли. Причем, заметь, мама у Костяковых была глухонемая, папа – неграмотный слесарь, они сами себя воспитали. Сплошное опровержение наследственности.

Таким образом Немчинову даже и просить не пришлось, Дортман сам пустился в воспоминания о своем детстве и о семействе Костяковых. О том, как братья стояли друг за друга, как наводили шорох на окрестности – их уважали авторитетные пацаны, да они и сами были авторитетными пацанами. Леонид, правда, отлынивал – был довольно хилым и болезненным. Выглядел младшим братом, хотя средний.

– А учились когда? – спросил Немчинов.

– В свободное время. Все смышленые оказались, башковитые. Но без фанатизма, в отличники не лезли.

– Я слышал, Павел чуть ли ни с медалью школу окончил.

– Ты больше слушай. Они о себе любят легенды распространять. Как же, как же, простая трудовая семья, дети-самородки. Заботливый папа в школу за ручку провожал.

– Не провожал?

– Папа у них, я подозреваю, страдал тяжелым бытовым психозом. Как ты думаешь, почему он в жены взял глухонемую женщину? Потому что он сам был, как глухонемой. Молчал все время. С работы идет – молчит, на работу – молчит. И на работе, я думаю, молчал. А в выходные напивался и начинал всех гонять.

– Это как?

– Гонять на сленге нашего славного советского быта, – в обычном своем витиеватом стиле пояснил Дортман, – означало, да, впрочем, и сейчас означает, вести себя агрессивно по отношению к окружающим лицам. Вплоть до мордобития.

– Бил детей?

– И детей, и жену, и соседей. В милицию неоднократно брали, но отпускали: очень уж с производства были хорошие характеристики, ценили его там. И сама жена приходила, просила: отпустите, Христа ради.

– Как просила? Она же глухонемая была?

– Молча. Ты, Илья, всегда любил представиться глупее, чем есть, – Сергей начинал хмелеть и подпускать язвительности, как с ним обычно бывало. – Вот ты милиционер. Ты взял пьяного отца семейства. Приходит мать семейства, складывает руки на груди, ничего не говорит – и ты не поймешь, чего она хочет?

– Пожалуй... Ты больше не наливай мне, не хочу.

– Вот это благородно, – оценил Дортман. – А то некоторые пьют, так сказать, за компанию. Компания при общении с этой неблаговонной жидкостью мне не нужна лет уже с двадцати, я вполне могу общаться с ней тет-а-тет. Но некоторые стесняются. Или рассуждают мысленно, что, дескать, мне меньше достанется. Не понимая, что, чем меньше мне достанется, тем хлопотнее будет моя жизнь: я же не успокоюсь, пойду в магазин, меня могут обидеть и тому подобное.

– Значит, папаша был крутой человек? Не знал, – свернул на прежнюю тему Илья.

– А я знал. Мой интеллигентный папа предпочитал элементарно запираться, чтобы не противостоять слепой стихии. Чужих детей дядя Виталя, конечно, не трогал, а вот папу мог. Один раз папа не успел запереться, вышла неприятность. Папа даже в товарищеский суд на него подавал. Но потом забрал заявление: дядя Виталя извинился, я тоже за него просил. Чтобы мне его детки голову не свернули.

– Похоже, ты это семейство не очень любил? – спросил Немчинов.

Сергей хмыкнул, прищурил один глаз, а вторым проницательно посмотрел на Илью.

– А чего это ты докапываешься, а?

– Просто. Пишу книгу о том времени, – сказал Немчинов почти правду.

– Зря. Писал бы лучше о своих купцах. Там хоть что-то понятно. А русская жизнь последней

трети двадцатого века – сплошной сумбур вместо музыки. Я сам до сих пор не понял, что это было. Но Леня был, повторяю, человек. Я ведь, ты же знаешь, высокого мнения о своем уме. Леня был единственный человек, которого я признавал умнее себя. Я в него верил.

– А почему они с братом сошлись друг против друга? Или это легенды?

– Это не легенды. Можешь представить, чтобы в одной семье были совершенно разные дети?

– Могу.

– Вот – как раз такой случай. Костяковы – волки натуральные, включая их братца двоюродного, Петра. А Леня был человек. Он шел во власть, да. Но не для карьеры, не для денег. Он хотел изменить жизнь к лучшему. Такие были. Мало, но были. Поэтому я и согласился стать его доверенным лицом. Тоже даром, то есть даже не за стакан водки. Я тогда вообще практически не пил! – сказал Дортман так, будто сам несказанно удивлялся этому обстоятельству.

– Слушай, а с чего Костяковы вообще начались? – спросил Илья. – Слухов полно: чем-то торговали, челночничали, то, се, а конкретно я мало что знаю.

– Это просто, – махнул рукой Дортман. – Павел что-то на предприятии химичил с будущим тестем, а потом в советское время пристроился на железную дорогу. Прибился к пищеблоку при вокзале. Вагоны повышенной комфортности, ты помнишь, появились? Это что означало?

– То же, что и сейчас – с продуктовым набором. Чистое жульничество и навязывание. Производят или покупают за копейки, продают в десять раз дороже. Да еще в стоимость билета включают.

– Именно. Вот Павел Витальевич и сел на производство этих наборов. Но это семечки, хотя, конечно, семечки мешками. Самая красивая комбинация была разработана тогда, когда исчезало государство, дай бог памяти, как оно называлось...

Сергей налил и выпил – для освежения памяти. И поднял палец, показывая, что вспомнил:

– Союз Советских социалистических республик! Оно исчезало на глазах, но не исчезла сеть союзных железных дорог. По которой ходили сотни, а то и тысячи бесхозных вагонов и целых эшелонов. То есть, к примеру, эшелон идет из пункта А в пункт Б. Идет долго. И, пока он идет, пункт А оказывается, допустим, в суверенной республике Узбек-стан, – Дортман произнес это с тюркским акцентом, – а пункт Б оказывается в не менее суверенной республике Эсто-ониа, – и опять артистичный Дортман подпустил акцента, на этот раз эстонского. – Пункт А запрашивает железнодорожные узлы, включая Сарынск: проходил эшелон? Проходил! И пункт Б спрашивает: проходил? Проходил! А где он? А мы не знаем! И узнать невозможно, потому что теперь это разные государства! И на скромном железнодорожном узле Сарынска бесследно исчезали, повторяю, сотни и тысячи вагонов с товарами легкой и пищевой промышленности, а также с продукцией тяжелого машиностроении и даже оборонной. Они вышли из социализма, но не пришли в капитализм, пропали в черной дыре. И следов нет, этого не помнит уже никто.

– Так просто? – удивился Немчинов. – Не может быть!

– А ты думал, гипотеза Пуанкаре? Теорема Ферма? Именно – просто! Железная дорога всегда была клондайком, а Костяковы до сих пор крутятся вокруг нее. Конечно, эшелоны уже не пропадают, по крайней мере, целиком, но производство продуктов осталось, обширные складские помещения остались, которые сдаются с большой выгодой. Да там много чего. Так что всякие братские магазины, автосервисы и рестораны – это не бизнес, это так, для удовольствия. Железная дорога да плюс вот эта самая водка, – Сергей щелкнул пальцем по бутылке. – Это – серьезно. Или строительство, которое тоже не шутки. Тут уже заслуга Макса, ему мало было пищеблока и махинаций с вагонами, он придумал создать ремонтно-строительную контору, которая сама ничего не строила, но получала большие деньги. Ты знаешь, что у Макса была кличка – Хромой? А некоторые его и сейчас так зовут, за глаза, конечно.

– Да, он прихрамывает немного.

– Детская травма. Не долечили, да он и сам не хотел – бывают, знаешь, такие недостатки,

которые человеку даже идут. Он прихрамывает не как больной, а как-то даже по-боевому, будто раненый. Ему это нравилось, а, когда вырос, позволило откосить от армии. Мало того, он еще и выгоду извлек, получил инвалидность и создал при обществе инвалидов ремонтно-строительную контору. Ты спросишь, зачем? Я отвечу: налоговые льготы. Контора получает кучу заказов, передает их настоящим подрядчикам, сама не платит налогов, а субподрядчики половину или какой-то там минимум, Макс имеет хорошие деньги за посредничество. Все. Вся схема.

Немчинов покрутил головой.

– Стыдно признаться, – сказал он, – но я впервые начал понимать, откуда у людей появлялись большие деньги. Думал: ну, накупили барахла, продали, еще накупили, еще продали, уже больше, и так потихоньку богатеют.

– Именно – стыдно! – Дортман наставил на Немчинова палец. – Ты это сказал для красоты слога, а попал в точку! Стыдно! Стыдно нам, что вовремя не опомнились и не сообразили, куда все идет! Чистоплюи! Зато гордимся: мы не имеем к этому отношения, никого не грабили, не убивали! Так и они, если посмотреть, никого не грабили, не убивали. Просто до нас не сразу дошло, что все-таки грабили – нас с тобой и с нашей же помощью. Да и убивали тоже.

– Ты кого имеешь в виду?

– Никого. Следствие закончено, забудьте. Был такой фильм.

Дортман пьянел на глазах.

– А что, было какое-то следствие? Когда Леонид утонул, как-то ведь расследовали? – Немчинов хватался за остатки еще не угасшего сознания Сергея.

– Никак. Тело не нашли, опросили свидетелей, дело закрыли.

– А слухи эти про любовь Леонида жены Павла?

– Не слухи. Ирина хотела от Павла уйти. А ведь двое детей уже было, все равно хотела. Такая была любовь. Но не успела – утонул ее любимый в сырой воде. И больше я тебе ничего не скажу. И еще одно: Леня был мой единственный друг. Первый и последний. Если хочешь знать, после него моя жизнь перестала иметь смысл жизни. Я так его любил, что даже подозревал себя в гомосексуализме. Но потом понял, что это любовь человеческая. Я его любил, как себя. Как идеальное я, понимаешь? Даже в то поганое время никто не мог сказать о нем ни одного плохого слова! Никто!

Дортман уронил голову, некоторое время смотрел в стол и тяжело сопел. Немудрено: в бутылке оставалось на донышке.

Но вот он усилием воли приподнял голову и, запинаясь, сказал:

– Илья. Сейчас я буду непристойно пьян. Поэтому лучше тебе уйти. Но. У тебя есть сто рублей?

– Найдется.

– Дай мне их. Я сейчас упаду, а потом проснусь, мне будет плохо. Ты в этом виноват, ты принес водку. Поэтому мне понадобятся деньги. На опохмелку. И ты мне их дашь.

– Возьми.

– Положи на видное место.

Илья положил купюру на центр стола и прижал тарелкой. Дортман кивнул.

– Теперь иди. И помни: я тебе ничего не говорил. Дверь захлопни.

– Может, я тебя спать отведу?

– Я еще не дожил до того, чтобы меня... По улицам слона водили, вашу мать. Как видно, напоказ. Ты уйдешь или нет?

Илья ушел.

Он был в состоянии возбужденном, сдержанно восторженном – то есть не допускал еще восторга, но знал, что он предстоит, восторг творчества, восторг явившейся ему настоящей Книги.

Конечно, Костяковы ее не примут, но он напишет не для них. Это будет наконец книга для самого себя, для своего поколения, для всех, кто хочет понять наше время и наше место в этом времени. Аванс он вернет, что-нибудь придумает. Мощная и величественная история возникала в его воображении: история братьев – а что может быть важнее и глубже в любом времени и любом контексте, чем история братьев (после, конечно, сюжета об отцах и детях)? «Братья Карамазовы», «Иосиф и его братья», «Братья Лаутензак», «Братья и сестры», не говоря об огромном количестве сюжетов о братьях – у всех народов, включая самую известную историю, о Каине и Авеле.

Кто из них был Каин, кто Авель?

Что за история любви жены Павла к Леониду – или Леонида к его жене? Дортман сказал, она хотела уйти от мужа, но это так помнится, а как было на самом деле?

Впрочем, не обязательно идти прямо по следам событий, важны масштаб и драма того, что произошло. И это может оказаться могучим произведением, которое вберет в себя всю горечь поражения поколения, народа, страны.

Главное теперь – не торопиться, не спешить. По словечку, по страничке... Эх, если бы не газетная работа... Но деньги-то ведь есть! Они дадут возможность хоть на целый год взять отпуск за свой счет. А потом... Потом будет потом. Сказать свое слово – и хоть умереть, не жалко.

«Сотворю великое и наслажуся им», – вспоминались чьи-то слова. Очень известные, чуть ли не Пушкина, но откуда, Немчинов в горячке не мог вспомнить.*

15. ЦЯНЬ. Смирение

——— ———
——— ———
——— ———
——————
——— ———
——— ———

До самой земли склонилась ветвь дерева под тяжестью снега, но скоро она вновь выпрямится и займет прежнее положение.

Шура (на самом деле Шора), водитель и охранник Костякова, широкоплечий, высокий казах, который служил у Павла Витальевича уже двенадцать лет, хорошо знал повадки своего хозяина. С утра тот молчал, хмурился, потом стал нервный, по телефону кричал. С Шурой не разговаривает ни про что, не улыбается совсем. Значит, чешется ему сорваться в запой. Он давно уже хочет, только причину ищет. Сегодня будет причина, будет у Шуры неприятность – возиться с пьяным хозяином, тащить его в машину на руках, как младенца, а Шура хоть и сильный, но в Павле Витальевиче килограммов сто живого веса, не меньше.

Недаром он врача-друга своего позвал, Сторожева. Хотя, когда удержаться хочет, тоже его зовет. Сегодня вообще всех позвал. В здании вокзала возвели часовню, вот и позвал. Павел Витальевич ее построил на свои деньги, следил за строительством. Сегодня приехал пораньше, чтобы все было хорошо. Шуре нравилась эта часовня, нравилось то, что она полностью в помещении, в здании. Необычно и красиво. Маленький такой домик, как игрушка. Белые стены, золотой купол с крестом. Вошли внутрь, Павел Витальевич увидел какую-то недоделку, что-то там такое на стене. Сердито сказал бригадиру, бригадир, тоже казах (в приграничном Сарынске много казахов), закричал на рабочих, они прибежали, испуганные, стали исправлять. Бригадир стоял и смотрел.

**Неточная цитата из «Моцарта и Сальери» Пушкина: «Быть может, новый Гайден сотворит//Великое – и наслажуся им...»*

Потом подошел к Шуре, улыбнулся и что-то коротко сказал. Шура тоже улыбнулся и кивнул. Который уже раз это в жизни: он стесняется признаться, что не знает казахского языка. Надо, что ли, выучить. А как его знать? Жили среди русских, дома говорили по-русски, отец хотел, чтобы сын стал начальником, заставлял учиться. Шура учился, как мог, закончил школу, но начальником не стал. Ему и так хорошо. Даже лучше. Шура любит не торопясь подумать, посмотреть вокруг, а начальнику это некогда. Когда Шура ждет в машине или сидит в своей комнатке в доме Костякова, или при думском гараже, когда Павел Витальевич заседает, ему хорошо, мысли текут сами собой. Он думает о жене, о детях, о своем доме, то есть о хороших вещах. Надо уметь все время думать о хороших вещах, и все будет хорошо.

Съехались гости, которых пригласил Павел Витальевич. Большие люди. Все знают и уважают Павла Витальевича, не могут не приехать.

Шура стоял у входа, смотрел вокруг, как положено. На самом деле он хоть и считается охранником, но на Павла Витальевича пока еще никто не нападал, охранять по-настоящему не пришлось. Раньше, до Шуры, в середине девяностых, говорят, что-то было, а теперь давно уже нет. Кто будет нападать, зачем? Если кто чего не поделил, это мелкие люди, а большие давно всё поделили, нечего уже делить. Это и лучше, спокойнее.

Появилось, как обычно в таких случаях, местное телевидение, молодой человек с микрофоном встал перед камерой и быстро заговорил:

– Сегодня открылась часовня во имя Святителя Николая Чудотворца для православных пассажиров. Региональная дирекция железнодорожных вокзалов предоставила Сарынской Епархии площадь в аренду на безвозмездной основе. Теперь все желающие могут здесь помолиться, поставить свечи, приобрести православную литературу, нательные кресты, лампадное масло и другие предметы церковной утвари. В часовне также можно заказать молебен. В комнате для молитв множество икон, среди которых икона Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы Казанской, Николая Чудотворца, Пантелеймона Целителя. Чин освящения часовни совершил владыка Александр. Отдельную благодарность он высказал тому, на чьи средства, собственно, была выстроена часовня, а именно Павлу Витальевичу Костякову. Среди присутствующих были...

Корреспондент долго перечислял имена, орудуя языком на удивление ловко, а в конце сказал:

– После освящения владыка Александр обратился к присутствующим со словом, в котором поздравил работников вокзала и всех собравшихся с освящением часовни и вручил Павлу Витальевичу Костякову образ святого благоверного князя Александра Невского, аналогичный образ был вручен начальнику Сарынского железнодорожного вокзала Розе Семеновне Гризяевой. Или начальнице? Костя, как правильно? – спросил он оператора. – Начальнику Гризяевой – как-то не то.

– Понятия не имею, – ответил оператор.

– Руководительнице? Тоже не очень. Ладно, сойдет.

– Там стык плохой, переговори.

– С какого места?

– Аналогичный.

– Аналогичный образ был вручен начальнику Сарынского железнодорожного вокзала Розе Семеновне Гризяевой.

На этом корреспондент закончил свой репортаж. Оператор спросил:

– Дожидаться не будем?

– Нет. Возьми несколько общих планов, я потом за кадром еще что-нибудь скажу. У меня такой же репортаж с Павловской часовни, там все те же самые были, никто не заметит.

– Дело твое.

– Если хочешь еще три часа тут ошиваться, давай ждать.

– Да нет, зачем...

Прибыл владыка Александр, о котором говорил корреспондент, служба началась.

Шуре очень нравилось пение владыки и его помощников, нравилась их одежда – расшитые широкие балахоны до пола, с золотыми лентами, нравилось, что все было серьезно, прилично. Лучшие люди собрались здесь – начальство города и железной дороги, бизнесмены. Все крестились, когда крестился владыка и его помощники, хотя, быть может, не все верили. Но Бог, считал Шура, он, как болезнь, веришь ты в нее или не веришь, а она есть, пусть даже ты еще о ней не знаешь. Нет, это плохое сравнение. Бог – как только что зародившийся ребенок, о котором женщина тоже не знает, а он тоже уже в ней есть. А потом она узнает, и все становится на свои места. Это сравнение лучше.

Павел Витальевич крестился так, будто бил себя пальцами в лоб, в живот, в плечи, весь раскраснелся, глаза красные и мокрые. Его братья стояли рядом тоже торжественные, Петр смотрел на владыку, как на Деда Мороза, даже рот приоткрыл. Он постоянно будто терял память, упускал момент, когда нужно креститься, а потом, очнувшись, оглядывался, как бы спрашивал: «А? Что?» – и торопливо наверстывал. А Максим крестился формально, Шура знал, что Максим не очень-то верит в религию. Максим даже тут посматривал быстрыми глазами на окружающих женщин, искал красивых и симпатичных. Вот тоже мужчина, не может успокоиться в этом вопросе никак. Уже сколько у него было неприятностей из-за женщин, а он все продолжает. Шура, когда пришел из армии, у него было что-то похожее. Прямо бешенство, только об этом и думал, когда первая девушка попалась ему в руки и вдруг стала отказываться, он бы ее просто убил, если бы не дала. Вот так преступления и случаются. Но она, к счастью, догадалась, что нельзя дразнить человека, когда он в таком состоянии, дала. Хорошая была девушка, хоть и очень худая.

Шура тоже потихоньку крестился, не поднимая руки, держа ее под грудью и двигая пальцами, собранными в щепоть. Он не видел в этом ничего такого: чужого Бога надо тоже уважать. Да и не чужой он, говорят, просто относятся к нему в разных религиях по-разному. Шура не совсем это понимал и не хотел понимать. Главное – есть что-то, что зависит от человека, а есть то, что от него не зависит. Вот то, что не зависит, и есть Бог.

Только несколько татар из местных больших людей (татар в Сарынске еще больше, чем казахов) стояли, не крестясь, а достойно сложив руки на груди и склонив головы: уважая, но не имея возможности полностью присоединиться. Наверное, они были крепкие мусульмане, не как Шура. Шура тоже мусульманин, но не совсем правильный, в мечеть не ходит. А они, наверное, ходят. Но и сюда вот пришли – а как не придешь, если все тут, если Павел Витальевич тут? Куда Павел Витальевич скажет, туда они и придут, хоть в баню с голыми девушками. Правда, бани с голыми девушками остались в прошлом, о них Шуре только рассказывали, при нем их уже не было. А жаль.

Валерий Сторожев тоже не крестился. Он стоял неподалеку от Шуры, сзади всех, слушал, что поют, но не крестился. Он врач, а врачи считают, что они сами боги, подумал Шура. Или просто они, врачи, слишком часто и много имеют дело с людьми, а когда слишком часто имеешь дело с людьми, портишься. Шура имел дело только с Павлом Витальевичем, его друзьями и знакомыми и со своей родней, своими друзьями и знакомыми, поэтому характер у него хороший, спокойный. А двоюродный брат Айдар работает в милиции и все время имеет дело с людьми, поэтому у него характер испортился, стал плохой, злой, нервный.

Сзади и сбоку обозначилось движение, которое Шура заподозрил, как опасное. Он повернулся: пьяный и грязный мужик, бомж во всей своей лохматой красе, лез сквозь людей в часовню. Шура выставил руку перед ним, сказал:

– Не торопись. Стань тут и стой. Все и тут видно, если хочешь.

– Ты мне, узкопленочный? Я тебя бац-бац-бац! – по сумасшедшему вскрикнул человек и, пригнувшись, рванулся вперед, Шура только пустыми руками хлопнул, не поймав.

А человек бросился прямиком к владыке и истошно закричал:

– Ису Христу! Еси небеси! Блага дай! Дай блага! Дай блага! Небесный! Хлеб сущный! Небесный! Отец! Отец! Бучи мя! Чуб на чубе!

Он забормотал совсем уже полную чепуху, а сам крестился, то есть думал, что крестится: де-

лал такие движения, будто сдергивал рукой что-то с головы и прижимал к животу, вверх-вниз, вверх-вниз, и уже по этим движениям видно было, что он совсем сумасшедший. Владыка растерянно оглянулся на помощников. Один из них, высокий, большой, как Шура, выдвинулся, взял человека за руку, сказал:

– Пойдем с богом, я тебе конфетку дам.

– Не хочу кафетку, – ломал язык сумасшедший на детский манер. – Хочу к Ису. Ису Христу. Дай мне, дай!

Высокий взял свечку и подал ему:

– На тебе, неси. И пойдем. Смотри, не потуши!

Сумасшедший тут же испугался, озаботился, стал внимательно смотреть на свечку. Нес ее к выходу в вытянутой руке. Пламя вдруг заколебалось, вот-вот потухнет. Казалось, все ахнули, напряженно глядя на пламя (боялись дурной приметы). Нет, не потухло. Сумасшедший вынес свечу и пошел с ней дальше, где стояли привокзальные милиционеры. Они (Шура, оглянувшись, видел), довольно вежливо взяли сумасшедшего в кольцо и повели из вокзала. Тоже ведь ума хватило не портить момент. А по шее надают ему уже на нейтральной территории, где можно.

Богослужение продолжилось. Шура слушал непонятное и красивое пение, чувствуя себя размягченным, и вдруг увидел, что Сторожев тоже крестится. И не только крестится, он плачет, слезы текут по щекам. Никогда Шура не видел таким Сторожева. Прошибло человека.

После этого в вокзальном ресторане был обед.

Шура стоял у стены. Костяков всегда приглашал его сесть, особенно когда был пьяным, но Шура всегда отказывался. Нельзя, служба. И сам же Павел Витальевич его потом за это хвалил, а Шуре нравится, когда его хвалят. Почему нет? Всем нравится, когда их хвалят, Шура любит попросить своих детей что-то сделать, а потом их похвалить. Они прямо светятся.

Гости ели, выпивали, Павлу Витальевичу в его состоянии тоже хотелось выпить, один раз он даже налил себе, но Сторожев, сидевший рядом, тут же отставил стакан и что-то сказал Павлу Витальевичу. Странно все-таки: такой человек Костяков, а так привязан к этой глупости. Шуре вот все равно, что она есть, эта водка, что ее нет. Или вино, или пиво. Шура никогда это не любил. Пробовал – не понравилось. Само опьянение не понравилось – не чувствуешь себя собой, будто кто-то к тебе в мозгах подселился. Неприятно.

Потом поехали домой – за город. Сторожев сел с ними. Наверно, Павел Витальевич попросил.

В машине они начали ссориться. Шура пропустил момент, с чего началось, думал о своем, вдруг услышал громкий голос Костякова:

– Ты в Бога просто не веришь, вот и все!

– Это мое дело, верю я или нет!

– Нет, но почему – все радуются, всем понравилось, а ты, как сыч, бубнить начал!

– Я имею право на свое мнение, Паша?

– Имеешь.

– Вот и все. Я высказал свое мнение, что, если у тебя лишние деньги, надо не часовни открывать, а давать их людям.

– Всем не передашь. А часовня для всех.

– Ага. То есть это способ сразу от всех откупиться?

– Да почему откупиться-то?

– Потому! Я же вижу – ты так радуешься, будто мир спас. И душу свою заодно.

– Слушай, будешь наседать – напьюсь!

– Да напивайся, тебе же хуже!

Некоторое время молчали. Потом Сторожев сказал виноватым голосом:

– Извини, Паша. Действительно, ты сделал, что мог и что хотел. Ты поступил правильно.

– Да нет уж, Валера, не замазывай. Я знаю, многие так думают, что Костяков от Бога откупается. А если я просто захотел это сделать – от души? Без всяких откупов? Как я вам это докажу?

– Никак. Ты это знаешь – и всё, больше ничего не надо. Хотя я вас, новых верующих, все равно не понимаю.

– А что понимать?

– Ну вот ты – лет десять или пятнадцать назад начал в церковь ходить, причащаться, исповедоваться, посты соблюдаешь по возможности. Так?

– Так.

– Евангелие читаешь, ну, и вообще, хочешь грамотно верить, со знанием. Другим хватает внешних вещей – в церковь по праздникам сходить и на храм перекреститься, если мимо едут. Ты хочешь большего. Но при этом бизнес твой сомнительным был всегда и таким остается, разве нет? Не говоря о ваших думских шашнях. Как это сочетается с верой, объясни?

– Это государство сомнительное, а не мой бизнес, – проворчал Павел. – Я бы рад по-честному, а оно со мной по-честному хочет? Я завтра же без штанов останусь. И мои дети, и мои компаньоны, понял? И все, кого я кормлю. Одних рабочих мест на мне полторы тысячи.

– Хорошо. Другой пример, только не обижайся. Ты вот, когда маму свою хоронил, царство ей небесное, ты договорился, чтобы старое кладбище открыли, похоронил ее за Аллеей Героев, где памятник неизвестному солдату стоит, отгрохал монумент в черном мраморе, так?

– У меня отец там лежал! Я подзахоронил, это разрешается!

– Никому там не разрешается, не ври. Да и отца ты к Аллее Героев перенес, целый крестный ход устроил. Ты только не сердись, я не обидеть тебя хочу, я понять хочу. Ты себе там место тоже купил? Купил или нет?

– Ну, купил. Рядом с родителями, обычное дело.

– И братья купили? И памятники вам будут в двадцать метров высотой, как на Мамаевом кургане? Там же у всех крутых людей такие стоят, вы же не можете, чтобы хуже, чем у них.

– При чем тут...

– При том! – закричал Сторожев, и Шура удивился, почему Валерий так злится. – При том, б., что я, неверующий, постесняюсь там место купить, даже если деньги будут шальные, постесняюсь влезть на закрытое кладбище, постесняюсь – чтобы других людей не обидеть, чтобы не выхваляться, чтобы... Потому что перед смертью все равны! А ты, верующий, не хочешь даже перед Богом сравняться с другими, хочешь заметным быть? Какой ты верующий после этого, если у тебя такая гордыня? Или – стояли вы сегодня, я видел – как по ранжиру, б., сначала начальники, крупные бизнесмены, потом, б., средний класс, потом мелкие чиновники и мелкие бизнесмены, а простого народа не было вовсе! Это, б., как? Ты, верующий, объясни мне!

– Во-первых, перестань ругаться. Весь праздник мне испортил...

– Да ты сам испортил себе! Едешь и лоснишься, как пузырь! А левая рука не должна знать, что делает правая – в Евангелии сказано!

– Типичная ошибка, – сказал Павел Витальевич, стараясь быть спокойным. – Я у батюшки своего, у духовника, тоже спрашивал про Евангелие, как там некоторые места понимать. Ну, насчет того, что последнюю рубашку отдать, что богатому труднее в игольное ушко пролезть, чем в рай, что не мир принес, а меч. Он говорит: все неофиты, говорит, понимают Евангелие слишком буквально. Христос изъяснялся образно и притчами. И без церкви, без духовных отцов понять это трудно, почти невозможно. Ты бы сходил к моему батюшке, очень умный мужик. А сам начнешь разбираться – еще хуже увязнешь.

– Может, и схожу. Но ты на теорию не сворачивай. Давай конкретно. Ты в Бога веришь?

– Верую, – твердо ответил Павел.

– Веришь, что перед Богом все равны?

– Опять ты... Ну, верую. Но я же...

– Тогда купи себе местечко в курятнике на отшибе! То есть там даже и покупать не надо, и так отнесут!

Шура знал, о чем речь: курятником назвали в народе новое кладбище в километре от Сарын-

ска. Там была птицефабрика, а возле нее отвели земли под кладбище. Поэтому и курятник. На старом кладбище за большие деньги тоже можно подселиться или заранее купить местечко, что и сделал Павел Витальевич. Почему нет? Человек может? Может. Что плохого, если он хочет, чтобы Богу его было виднее? Ласковый ребенок тоже на глаза отцу хочет показаться.

– Что ты прицепился к могилам? – спросил Павел Витальевич. – Вера от этого не зависит.

– А от чего?

– От веры. Я верю, а ты нет, вот и все.

– А от веры что-то зависит?

– Не понял?

– Ты веришь, я нет. Ты лучше оттого, что веришь?

– Ну... Стараюсь, по крайней мере. Понимаю, что я грешник, и стремлюсь очиститься. По силам. А ты собой доволен.

– Это ты так считаешь!

Шура был согласен с Павлом Витальевичем. Он слушал и слышал, что Сторожев именно чувствовал себя правым и был доволен своей правотой.

– Хорошо, – сказал Сторожев. – Допустим, я врач, то есть не допустим, а так и есть, я врач, я никого не зарезал, не ограбил, и собой доволен. И это плохо – что доволен. А ты крупный бизнесмен и уже в силу своего бизнеса не знаю уж, кого ты зарезал, но ограбил – это точно.

– Понимал бы ты.

– И понимать нечего. Нет русского бизнеса без грабежа.

– Ты к чему клонишь, скажи сразу?

– К тому, что ты режешь и грабишь, но собой недоволен, а я лечу людей...

– Задаром, ага.

– Не задаром, но лечу. И собой доволен. Но я все равно, б., дерьмо, потому что не верю, а ты ангел, потому что веришь. И стремишься очиститься!

– Я не ангел. Нет, сходи к моему батюшке, он тебе все объяснит.

– Да что ты мне своим батюшкой! Если даже право на жизнь покупается, а не верой дается, он мне это объяснит?

– Не понял? Жизнь еще никто купить не может.

– Как сказать! Вон Будырин – восьмой год держится на заграничных дорогих лекарствах, консультант к нему из Германии раз в два месяца прилетает, а один мой пациент, прекрасный человек, с той же самой болезнью, абсолютно такой же, но он бедный, денег нет – и сгорел за два года! Восемь лет и два года – есть разница? У Будырина купленная жизнь или нет? А вот тут, – Сторожев ткнул пальцем в темноту, непонятно куда, – лежит женщина, умирает, и, кроме новокаина, ей ничего дороже вколоть не могут! Ну, и еще что-то, без чего совсем нельзя. И манная каша по праздникам! Хотя она, быть может, верует побольше и поглубже всех нас вместе взятых! Почему это? Как это? Твой батюшка мне это объяснит?

– На земле справедливости нет, – хмуро ответил Павел Витальевич. – Это я тебе и без батюшки скажу.

– Поразил! В самое сердце! Значит, и Бога на земле нет?

– Ты так говоришь, будто Бог это начальник. Как начальника, да, на земле его нет. А смысл божий есть. Божий план есть. Я тоже у батюшки спрашивал: как это, хорошие люди умирают, дети умирают? Непонятно. Он сказал: есть план, часть его тут, на земле, маленькая часть, а основная там.

– В царстве небесном?

– Ну да. И от того, как ты, тут, относишься к тому, что там, зависит, спасешься ты или нет. Ты вот не хочешь спастись, твое дело.

– А ты-то как хочешь спастись? Церквей понастроить? Свечек наставить? Молитвами бога

ублажить? Или все-таки другим отношением к миру, к людям?

– Да не ори ты! – с досадой сказал Павел Витальевич. – Вот орет... Хочешь серьезно поговорить, я тебе двадцать раз посоветую – иди к батюшке. Я все равно не объясню. Чувствую, а объяснить не сумею. И как тебе объяснить, если ты не просто в Бога не веришь, ты не хочешь верить!

– Я хочу! – возразил Сторожев. – Но вы мне не даете!

– Кто мы? Верующие? Додумался, поздравляю! Лучше скажи, о ком ты говорил, кто там у тебя? – Костяков кивнул в сторону «Водокачки», мимо которой они сейчас проезжали.

– Там? Женщина. Очень больная. Я ее любил когда-то. Она умирает.

– Нужна помощь?

– Да ладно, я же не к этому говорил.

– Почему не к этому? Можем прямо сейчас взять и заехать.

– На ночь глядя? Как я объясню?

– Как-нибудь объяснишь. Шура, сворачивай.

Подъехали к домику на окраине «Водокачки». Костяков и Сторожев пошли в дом. Шура сидел в машине и смотрел вокруг. Открыл дверцу, чтобы подышать вечерней прохладой.

Думал: Бог Богом, а порядок надо наводить. Что за люди тут живут, рук у них нет? Вон лежит ржавое корыто вверх дном, зачем оно здесь, почему не убрать? А вон целое звено штакетника повалилось, почему не поднять, не прибить доски? Краска на доме облупилась, почему не покрасить заново? Не такие уж большие деньги, только руки приложить. А вы всё – Бог, Бог. Бог и без вас обойдется, а дом нет, о нем надо заботиться.

Резко открылась дверь, на крыльцо шумно, с топотом, вышли люди. Сторожев, Павел Витальевич и какой-то мужчина. Мужчина кричал:

– На экскурсию, что ли, приехали? Миллионер в трущобах? Я тебя, Валера, не просил сюда кого попало возить!

– Слушайте, не надо, – урезонивал Павел Витальевич. – Мы по-доброму.

– Ни по какому не надо! Все, до свидания.

И мужчина закрыл дверь.

Когда отъехали уже на порядочное расстояние, Костяков спросил:

– И как это понимать?

– Сам не знаю, – ответил Сторожев.

– Да... Девушку жалко – какая красавица. Прямо гордость берет за наш народ – сохранился еще генотип. Причем славянский, заметь.

– Да, – сказал Сторожев.

– Ну что, отвезем тебя домой? – предложил Павел Витальевич.

– Ты же хотел, чтобы я у тебя ночевал. Во избежание.

– Я сегодня в безопасности. Пропала охота.

– Точно?

– Железно.

– Ну, смотри.

Отвезли Сторожева обратно в город, вернулись. Поставив в гараж машину, Шура зашел в дом. Заглянул в гостиную, увидел, что Костяков сидит за столом перед бутылкой. Обманул он все-таки Валерия.

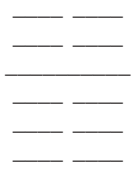
– Что-нибудь еще надо? – спросил Шура.

– Посиди со мной.

– Ладно.

Предстояла тяжелая ночь.

16. ЮЙ. Вольность

Ваше солнце вот-вот взойдет.

Павел Витальевич, естественно, видел в сыне продолжателя своих дел. Егор учился в экономической академии, но больше интересовался студенческой самодеятельностью: вместе с единомышленниками вычистил и осушил подвал одного из учебных корпусов, соорудил там сцену, поставил полсотни стульев – и играли для продвинутой сарынской молодежи не что-нибудь, а Ионеско, Хармса, Беккета, отрывки из Жана Жене, Стоппарда, Камю. Ректор и хозчасть беспокоились насчет пожарной безопасности, но, помня, чей Егор сын, не осмеливались препятствовать. После окончания академии Егор по настоянию отца (да и сам чувствовал себя обязанным отработать образование) уехал в Москву и очень быстро стал заметным человеком в финансовых структурах, заработал даже репутацию молодого гения. Но неожиданно свернул все дела и вернулся в Сарынск – как выяснилось, с деньгами, достаточными для того, чтобы заниматься только тем, чем хочется. Купил полуподвальный этаж в жилом здании для театра, но теперь уже не любительского, а настоящего. Оснастил всем необходимым, нанял штат технических сотрудников, а постоянную труппу набирать не стал, приглашал на разовые роли сарынских актеров. Мог бы зазвать и столичных знаменитостей, но не видел смысла, полагал, что хороший текст и хорошая режиссура – главное. Название театра осталось прежним, «Микс», хотя никакого особенного смешения теперь не было, напротив, прослеживалась довольно четкая программа. Егор много читал, много видел в Москве, много думал и увлекся теперь не условностью, не абсурдом и не слишком яркой театральностью, а современным реальным театром. Актуальным, социальным, близким к жизни. Богатый сын богатого отца, похоже, перекрасился чуть ли ни в красный цвет, хотя, конечно, с либеральным оттенком. Ставил преимущественно представителей жизнеподобной новой драмы. Экспериментировал: послал, например, нескольких молодых энтузиастов на рынок-барахолку с диктофонами, они неделю записывали, месяц расшифровывали и еще три месяца писали текст, который так и назвали – «Рынок». Спектакль по этому тексту имел большой успех, его возили на фестивали в Москву и даже за рубеж, получали призы и дипломы. Егор при этом все больше разочаровывался в профессиональных актерах, которых невозможно отучить играть и заставить жить на сцене по-настоящему. Он стал привлекать талантливых людей со стороны, одаренных любителей, и среди них появилось уже несколько звезд, в частности, бывшая продавщица видеомузыкального киоска красавица Сашенька и бывший инженер очистных сооружений, пьющий, но гениальный Петр Анатольевич, очень похожий на американского актера Роберто де Ниро, только без бородавки.

Яна очень хотела попасть в этот театр. Она и раньше думала об этом, о театре и о Егоре. А тут отцу поручили написать книгу о Костяковых. Совпадение показалось символичным. В это же время она уличила Ростика, что он постоянно созванивается и списывается с одной девушкой не из их компании, прицепилась к этому, устроила Ростику скандал, рассталась с ним. Стала свободной.

Решившись, Яна узнала телефон «Микса», позвонила и спросила, когда прослушивают актеров для театра. Ей ответили: по понедельникам, с четырех часов дня и до ночи.

– Что, так много людей?

– Да, так много.

Яна знала, что у «Микса» репутация театра не простого, экстремального, поэтому сама яви-

лась в экстремальном виде, то есть своем обычном: черное и фиолетовое, кольца в ушах, в носу, на нижней губе.

Фойе театра было небольшим и просто оформленным – только афиши спектаклей. Сбоку загородка с вешалками – пустой по летнему времени гардероб. Дешевые фанерно-металлические стулья вдоль стен. Дверь в зал, за которой Яне чудилось что-то необыкновенное.

Очередь на прослушивание оказалась небольшой: две подружки-симпатюшки, обе блондинки, худой прыщавый юноша, нервничавший, и мужчина лет под шестьдесят, одетый опрятно, но бедно, похожий, подумалось Яне, на токаря-пенсионера. Или слесаря. Очень уже пролетарское лицо, бесхитростное. Неужели тоже в актеры хочет?

Из высокой двери вышла лысая худая девушка в широких штанах и полосатой футболке, обтягивающей подростковый ребристый торс без признаков груди.

– Кто первый?

Подруги переглянулись, наскоро поспорили шепотом, наконец одна решилась, встала.

Вошла. И вышла через пять минут.

Пожала плечами:

– Что? – спросила подруга.

– Ничего. Не гожусь.

– Почему?

– Не объяснил.

– Тогда я тоже не пойду! – сказала подруга.

– Ты чего? Попробуй!

– Не хочу! Я и раньше не хотела. Это ты...

– Я?! Да если б ты меня сюда не поволокла!...

Препираясь, они ушли.

Юноша был дольше, минут десять. Вышел, мотнул отрицательно головой и быстрыми шагами удалился.

Человек с лицом токаря-слесаря пошел к двери. Оглянулся на Яну. Вдруг перекрестился и открыл дверь решительной рукой.

Яна не выдержала, подскочила, приникла ухом.

Услышала громкое и распевное:

«Я три дня и три ночи искал ваш умет,

Тучи с севера сыпались каменной грудой.

Слава ему! Пусть он даже не Петр!

Чернь его любит за буйство и удаль».

После этого тишина. Потом тихие голоса. Потом опять громкий, на грани крика, голос токаря-слесаря:

– «Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?»

И опять тишина. Сразу же после этой строчки.

И опять негромкие, вернее, плохо слышимые голоса.

Голос слесаря-токаря. На этот раз он смирил свою мощь, не разобрать, что читает.

И опять тихо.

Дверь открылась, Яна едва успела отскочить.

Токарь-слесарь вышел, утирая пот со лба и, не глянув на Яну, пошел к выходу. Лицо у него было чистосердечно расстроенное.

Выглянула лысая девушка.

– Кто еще?

– Я.

– Заходите.

Яна вошла.

Ей стало странно и страшно, будто Золушке, попавшей во дворец. Сходство в том, что во

дворце главное не блеск и богатство, а таинственность. Простой человек никогда не знает, что там происходит. Вот и в этом зале была – таинственность. Полумрак. Сцена с пятном света на полу, у края. Какой-то особый запах – дерева, материи. Шаги звучат гулко. Яна шла по проходу, озираясь.

– Идите на сцену, – послышался голос.

Яна поднялась по трем ступенькам, повернулась.

Прожектор светил в лицо, она отступила. Но луч тут же последовал за нею.

Яна щурилась. Она ничего перед собой не видела.

– Сейчас привыкнете, – раздался голос Егора.

Через некоторое время глаза, действительно, немного привыкли, но Яна по-прежнему ничего не различала, кроме смутных очертаний амфитеатром поднимающихся ступеней. В этом театре не было кресел, только ступени, Яна вспомнила, как однажды, когда была тут на спектакле, сидящий впереди массивный мужчина подался назад до упора, и ей пришлось пристраивать ноги вбок, чтобы он их не отдавил.

– Я вас не вижу, – сказала Яна.

– А вам зачем?

– Нет, но мне надо же видеть, с кем я разговариваю.

– Вы будете не разговаривать, а читать, – поправил голос девушки.

– А кому читать? В пустоту?

– В пустоту не хотите? – голос Егора.

– Вообще-то интересней видеть, кому читаешь.

– Может быть. Ладно. Дайте, пожалуйста, свет в зал! – обратился Егор к кому-то.

Дали свет – неяркий, но достаточный. Яна увидела Егора и сидящую рядом лысую девушку с блокнотам в руках.

– Как вас зовут? – спросил Егор.

– Яна, – с удовольствием ответила Яна. Она любила свое имя.

– Образование? Это не имеет значения, я просто спрашиваю.

– Среднее, собираюсь поступать на филфак.

Яне показалось, что лысая девушка усмехнулась.

– А почему вы так одеты? Это опять же безоценочно, – уточнил Егор. – Это просто вопрос.

Казалось бы, ответить легко: сказать, что всегда так одета. Но Яна отвечала не только Егору, а еще и этой девушке. И она вдруг сказала с улыбкой:

– Чтобы вам понравиться.

– Да? Вы решили, что мне это нравится? Почему?

– Ну, ваш театр называют же экстремальным. А я, типа, тоже экстремалка. Да нет, на самом деле я всегда так хожу, – все-таки призналась Яна.

– Вот! – сказал Егор лысой девушке. – Вот что важно. Я не понимаю, играет она или нет. Хочет понравиться – значит, играет, да? Но слишком естественно это делает. Мы бросаемся в крайности – или играть вовсю или совсем не играть. А в жизни любой человек немного наигрывает. Почти всегда.

– Конечно, – сказала Яна. – Я когда у родителей деньги прошу, это такой спектакль. На меня билеты надо продавать.

– Вы рассчитываете что-то заработать у меня в театре?

– Не откажусь.

– Вам нужны деньги? Зачем?

– А вам не нужны?

– Я не плачу актерам много.

– Я на самом деле не ради денег пришла.

– Хорошо. Что будете читать?

Яна подготовила несколько текстов. Стихотворение Ахматовой «Сероглазый король» – в пер-

вую очередь. Она знает его назубок. Читала своим раз сто. Они, хоть и любители альтернативной культуры, Ахматову уважали, а некоторые девушки при последних словах: «Нет на земле твоего короля...», – даже плакали, настолько проникновенно у Яны получалось. Хотя, если покурить, как следует, и от учебника арифметики заплачешь.

Яна приступила к чтению.

Лысая девушка тут же начала снисходительно улыбаться.

Яна замолчала.

– В чем дело? – спросил Егор.

– Пусть она уйдет.

– Почему?

– Она меня сажает.

– Куда сажает?

– Ну... Так смотрит, будто я дура набитая. И я дурею. Это с детства. Когда на меня смотрят, как на дуру, я дурой и становлюсь.

– Если вы хотите играть перед публикой, должны привыкать.

– Будет публика – привыкну.

– Мне выйти? – спросила девушка. – Или смотреть на нее, как на умную?

– Не надо. Мы вас берем пока на месяц, – сказал Егор Яне. – Посмотрим в деле.

– Ты уверен? – удивилась лысая гадюка, которую Яна ненавидела всем сердцем. – Она даже не прочитала ничего.

– Зато она очень естественная. У меня на это чутье. Все, Яна, спасибо! Приходите завтра в одиннадцать. Хорошо?

Он еще спрашивает! – подумала Яна. Это так хорошо, как не бывает!

Она помчалась домой, чтобы спросить денег на парикмахерскую: срочно захотелось в себе что-то изменить. Стать более женственной. Не блондинкой, конечно, но все-таки. Чтобы отличаться от этой лысой, у которой пацанский вид, и, надо думать, Егору это приелось.

Отец, вместо того, чтобы обрадоваться, что дочь наконец хочет привести себя в порядок, начал спрашивать, сколько стоит. Яна ответила.

– Дороговато.

– Такой салон. В другом будет дешевле, но хуже. Я не поняла, у нас уже денег нет?

– Яна, если я получил большие деньги, это не значит... И вообще, они не совсем мои...

– Это как?

Отец, видно было, и хотел объяснить, и опасался отвлечься от каких-то своих мыслей. Поэтому сказал:

– Ладно, ладно, потом.

И дал денег – вернее, сказал матери, чтобы дала, поскольку у нее хранились.

Немчинову, действительно, было не до разборок с дочерью. В компьютере его ждал текст, который он писал с утра и который ждал и манил его, как пьяницу стакан вина, как бабника обнаженная и оставленная по какой-то причине красавица, как наркомана доза, даже и так мог бы сравнить Немчинов, хотя смутно представлял, что такое тяга наркомана. Но, поднатужившись, мог вообразить – зря, что ли, дан ему дар художественного воображения?

Текст был такой:

«Виталия его бабка Феклиста (имя и саму бабку Немчинов придумал) звала «немтырь» и «старичок» за раннюю молчаливость и серьезность.

Таким он и вырос: неразговорчивым, одиноким.

Он видел окружающее ранним умом и понимал, что у людей нет свободы, пока они колотятся и колготятся.

А вот если уйти в себя, то свободы больше. Делай, что велят, думай, что хочешь.

Попав в город, он неосознанно искал то, что связано не с движением, а с постоянным местом.

И нашел: взяли учеником слесаря, поставили за железный стол. А потом стал слесарем, мастером.

И будто врос за этот стол. Все знал наизусть, в каком ящике какой инструмент.

Очень любил, когда дадут чертеж, заготовки и скажут: тысячу штук выдай. Несколько недель трудился, выдавал. Другим бы надоело одно и то же, а ему это как раз нравилось.

Когда приносили другой чертеж, давали другое задание, меняли деталь, был недоволен, словно что-то ломалось в размеренной жизни.

У них было две комнаты на четверых в коммунальной квартире: мать, отец, сестра, Виталий. Вернувшись с работы, Виталий ел, что давали, поднимался на чердак, где у него был на ящиках матрас, ложился и слушал самодельное радио.

Когда пришла война, сначала взяли отца, несмотря на возраст, на тыловые работы. В сорок третьем прислали похоронку, что пропал без вести.

У Виталия была бронь, но в сорок четвертом взяли и его. Но он даже не пострелял (и не жалел об этом), служил в железнодорожных войсках, восстанавливал дороги и мосты. Однако под обстрелами, под бомбежкой бывал, мог быть убитым и этим после войны гордился.

После войны вернулся на свой завод. У его станка стоял какой-то подросток. Вокруг подростка был хлам, стружки, опилки, ветошь.

Виталий молча прогнал подростка, все подмел, убрал, подчистил, взял чертеж, начал работать.

Он жил так же, как до войны. Тот же станок, тот же чердак, то же радио.

Ему не было скучно, но редко было весело. Ему было – никак. Мать и сестра были сами по себе, не докучали.

Душа Виталия оживала лишь от алкоголя. Выпив, он начинал чувствовать жизнь, ясно видеть ее и сердиться на себя и окружающее. Ему все казалось устроенным неправильно. Хотелось выйти и сказать об этом людям, и научить их правильности. Но он словно стеснялся и чего-то ждал. Поэтому выпивал один на чердаке.

Были две женщины, с которыми он сходился и даже жил у них. Обе надоели через месяц. От одних только звуков их голосов Виталий впадал в тихое бешенство. Спрашивал:

– Ты можешь помолчать?

Однажды он садился утром в трамвай. Оттолкнул женщину, потому что ему было надобней – не опоздать на работу. Он никогда не опаздывал на работу и не мог допустить. Поэтому оттолкнул. Она упала и не двигалась. Наверное, ударилась и стала без сознания. Виталий видел, что трамвай сейчас может проехать по ее ногам. А в тюрьме сидеть неизвестно из-за кого он не хотел. Поэтому он спрыгнул, оттащил женщину. Потрепал ее за плечи, она очнулась. Он о чем-то спросил, она молчала.

Поняв, что она глухонемая, Виталий почувствовал что-то такое, чего раньше не было. Он даже пренебрег работой, отвел ее в больницу.

А потом познакомился с ней и стал встречаться. Ему очень нравилось, что, когда ему надо, чтобы она его поняла, он может к ней повернуться и говорить, а она читает по губам. А когда не надо, может отвернуться и сказать, что хочет, и она не слышит.

По воскресеньям Виталий запирался с ней в комнате и говорил все, что думал о людях, о партии и правительстве. Все равно она никому не скажет. То, что она может написать, почему-то не приходило ему в голову.

А потом начались дети.

И вот тут Виталий осознал себя наконец человеком в полной мере. Он понял, в чем идея его существования – быть отцом. Раньше он не был отцом, поэтому не чувствовал себя никем. А стал – почувствовал.

Это дало ему новую силу, преобразило его.

Теперь он мог не стесняться по воскресеньям отдыхать открыто, как все люди. Если кто-то был против, Виталий пускал в ход крепкие слесарские кулаки – на них он больше надеялся, чем на свое слово.

Так же воспитывал и жену, если делала что не так, и детей. Правда, чаще не кулаками, а ремнем, боялся, что кулаками не рассчитает силу и ненароком убьет, а он этого не хотел.

Была ли это сила правды или правда силы, Виталий об этом не думал.

В детях он видел свое оправдание, хотя не знал за собой вины.

А когда они стали подрастать...»

На этом Немчинова прервала Яна.

Он нетерпеливо вернулся к компьютеру.

Уставился в последнюю повисшую строчку, вспоминая, что хотел написать дальше.

Не вспомнил.

Решил перечитать с начала.

«Виталия его бабка Феклиста...»

Коряво.

«Виталия бабка его Феклиста...»

Нет.

«Виталия бабка Феклиста...»

Тоже что-то не то. Ладно, потом, а то застрянешь надолго.

Но, чем дальше Немчинов читал, тем меньше ему нравилось.

Эти короткие нарочитые строчки.

Надуманная многозначительность.

Стилизация – под какой-то неведомый стиль.

Превращение живого человека в монстра, в заданный образ, подогнанный под контур, под чертеж – как слесарь Виталий, может быть, обтачивал заготовку, чтобы получилась заранее известная деталь. А человек не заранее известная деталь.

Немчинов пожалел, что начал перечитывать. Сбил сам себе настрой, угасла энергия заблуждения. Надо было, не оглядываясь, писать и писать до конца, наворотить несуразностей, глупостей, ухабов и комьев, а уж потом поверять это трезвым взглядом.

Даже не дочитав написанное, Илья закрыл текст. Надо будет вернуться позже – вечером или завтра утром. И, возможно, текст покажется иным. Так бывало уже не раз при работе над книгой о Постолыкине. Только чем занять себя, вот вопрос. Не хотелось читать, смотреть телевизор или баловаться компьютерными играми (Илья влегкую увлекался), хотелось физического активного действия – куда-то пойти, что-то сделать.

И он вышел из дома, еще не зная, куда идет.

17. СУЙ. Последование

⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊

Желание ваше исполнится с большой долей вероятности, но будьте готовы к серьезным переменам в жизни.

С Павлом Костяковым произошло то, что бывало очень редко: напившись накануне, он утром стерпел, не продолжил. Такое раньше случалось лишь при Ирине. При ней он себя сдерживал – и

не только в этом. Ирина вообще во многом его притормаживала, и Павел был ей за это благодарен – даже такому сильному человеку, как он, нужен какой-то ограничитель извне, лучше, конечно, со стороны близкого человека. Сильному, пожалуй, ограничитель даже нужнее, чем слабому, у которого меньше возможностей, сильного круче заносит, у него больше скорость и жизненная масса – естественно, не вес тела имеется в виду.

Ирина не чувствовала себя виноватой после истории с Леонидом, и это Павлу даже нравилось: признак характера. А характер он в людях любил, хотя это добавляло сложностей – но без энергии сопротивления жить скучно.

И началось все с этой ее энергии сопротивления.

Павел увидел Ирину на вечере празднования Нового года. Мероприятие было коллективное – для руководства завода, начальников среднего звена, итээров, то есть публика чистая, не от станка. Молодой Павел Костяков был тогда уже при руководстве, его все знали и он всех знал, ему доверили вести вечер на пару с тетенькой из профкома, которая вот уже лет пятнадцать безосновательно имела репутацию первой красавицы, и с этим смирились – и попробуй не смирись, если от нее зависит выдача бесплатных путевок и распределение других профсоюзных благ. Торжество проходило в конференц-зале, откуда накануне вынесли ряды кресел, сбитые по пять штук, поставили в середине елку до потолка, а вокруг нее разместили канцелярские столы, накрыв их ватманскими листами и прикрепив кнопками. Павел и профсоюзная красавица стояли на невысоком помосте у стены, передавали друг другу микрофон с ползающим по полу шнуром и ритуально трендели о трудовых свершениях, поздравляли директора завода Исаева, замдиректора Ритберга, секретаря парткома Буланова – и далее по ранжиру, а потом чохом по цехам и отделам. Все кричали «ура», выпивали и закусывали, и тут Павел заметил незнакомую девушку. Она сидела за молодежным столом. Павел решил, что это новенькая лаборантка – их много было в заводской лаборатории, вчерашних школьниц, не поступивших в институт или поступивших на вечернее отделение. Девушка издали была очень хороша. Яркая, с волнистыми черными волосами, похожая на цыганку. Что-то теплое толкнуло Павла под сердце с приятной болезненностью, появилось знакомое ему чувство предощущения.

Речи кончились, на помост вышли музыканты самодеятельного заводского ВИА, то есть вокально-инструментального ансамбля, с казенной бодростью запели о том, что не надо печалиться, вся жизнь впереди, и веселье началось уже неформальное, без чинов, и уже кто-то бросился плясать на свободном пятачке.

Павел подошел к столу, где находилась заинтересовавшая его девушка. Волновался так, что удивлялся сам этому волнению. Протянул ей руку энергичным комсомольским жестом (идейно оправдывавшем простоту манер):

– Здравствуй, я Павел. Давно к нам?

Девушка, не улыбнувшись, пожала руку и ответила:

– Только что.

– Имя не расслышал, извини?

– А я его и не называла.

– Так назови.

– А надо?

– Очень!

Окрестные девушки завидовали незнакомке и, наверное, дивились ее строптивости: с нею общается один из самых перспективных молодых людей (откровеннее сказать – женихов), а она кобенится, дурочка.

Тут ВИА, будто по заказу, сменил патриотический шейк на лирическую балладу о том, что песни у людей разные, а моя одна на века, звездочка моя ясная, как ты от меня далека.

Павел встал, предложил девушке:

– Потанцуем?

Она неохотно встала, пошла с ним.

Руку на плечо, руку на талию, без преждевременной плотности, без давления, все аккуратно, чтобы не спугнуть.

– Поскольку я с незнакомыми девушками не танцую, – блистал Павел юмором, – придется тебе все-таки назваться.

– Ирина, – сказала девушка, глядя куда-то поверх плеча Павла.

– Итак, давно ли у нас, Ирина?

– Я же сказала: только что.

– Вчера, позавчера, на той неделе?

– Есть разница?

– Огромная!

Разговор не вязался. Но Павел не собирался сдаваться. Надо просто изменить тактику, не напирать так сразу. Он отвел после танца Ирину к столу, а сам пошел общаться с коллегами и друзьями, надеясь, что она держит его в поле зрения и видит, насколько он весел, насколько все любят его, а женский пол просто за счастье почитает с ним общаться, аж просто сияет, когда Павел к нему, к женскому полу, обращается.

Закончив обход своих владений, Павел вернулся к столу, где была Ирина, и не нашел ее. И никто не мог сказать, куда она делась.

Павел выскочил из зала, пробежался по коридорам.

Спустился со второго этажа по широкой лестнице и увидел Ирину: она стояла у стеклянных дверей, запахивая воротник короткой куртки-дубленки, отороченной мехом, собираясь выйти.

– Куда же ты? – крикнул Павел. – Я не сказал тебе самого главного!

– До свидания, – негромко ответила Ирина.

Павел скорее догадался, чем услышал.

Он бежал вниз, она открывала дверь.

– Там темно, хулиганы ходят, давай я тебя отвезу, у меня машина!

Да, у Павла была машина. Это сейчас обычное дело, автомобили чуть ли ни в каждой семье, а во многих и несколько, по одной на каждого взрослого, тогда же это была редкость. А чтобы у молодого человека до тридцати лет была машина, да не папина, а своя, это уж редкость совсем редкостная. Имея этот козырь, молодой человек становился абсолютно неотразим для девушек, которые в ту пору были бесстрашны; остановившийся вечером автомобиль, приоткрытая дверца, уверенный голос: «Подвезти?» – обещал им приключение, на которое многие шли со всей душой, да еще потом и хвастались, что у них теперь кавалер с колесами (который, правда, после нескольких встреч на этих быстрых колесах и исчезал). В салон белой «копейки» Павла попадало красавиц больше, чем сейчас можно заманить на борт океанской яхты, причем сейчас они согласятся на каких-то оговоренных условиях, с твердой материальной выгодой для себя, а тогда – ни за что, то есть буквально ни за что, за хорошее отношение, за юмор, за возможность прокатиться с ветерком с симпатичным и говорливым кавалером.

– Спасибо, не надо, – ответила Ирина.

И тут Павел схамил, причем схамил сознательно. Он уже был опытный человек, он знал, насколько важно зацепиться в памяти того, с кем общаешься (если он тебе нужен, конечно). Зацепиться – любым способом. Потом все разъяснится, потом, когда наладится контакт, все войдет в нужную колею, но первый крючок крайне важен.

Он крикнул:

– Я к тому, что в такой шубке ты себе жопку застудишь, красавица! А здоровье надо беречь!

Ирина не обернувшись, не задержавшись и на долю секунды, вышла.

Павел выбежал за ней, в сырую оттепель, которая была в то новогодие.

Ирина шла к машине. «Шестерка» темно-красного цвета.

Неужели там ее ждет кавалер?

Нет, не кавалер. Она открыла дверцу с водительской стороны, села по-женски, то есть сначала поместив себя, а потом втянув ноги, захлопнула дверцу и, не глянув на остолбеневшего Павла,

укатила.

Если уж у молодого человека машина тогда была редкость, то для девушки, которой едва миновало восемнадцать, иметь «шестерку» (тогдашний «мерседес» российского автопрома) было почти то же, что владеть собственным небольшим космическим кораблем.

Впрочем, все быстро выяснилось, знающие люди сказали Павлу, что Ирина не кто-нибудь, а обожаемая единственная дочь директора Исаева. Папа позвал ее на новогодний вечер, она согласилась, стало скучно – уехала.

С этого все и началось. Зная домашний телефон Исаева, Павел позвонил через пару дней, попросил Ирину, деликатнейшим образом перед нею извинился, попросил о встрече, чтобы извиниться лично. Ирина отказалась. Павел звонил еще несколько раз. Добился-таки встречи. Ирина, не дав ему проявить красноречие, сказала, что Павел последний, на кого она обратила бы внимание, если бы вообще захотела это внимание на кого-то обращать. Она не любит именно таких, как он – наглых, самоуверенных и лицемерных.

– Наглый и самоуверенный – да, – согласился Павел.– Что есть, то есть, не спрячешь. А лицемерный почему?

– Потому что вы свое настоящее лицо показали там, когда мне кричали сами помните про что. Насчет не простудиться. А теперь из себя джентльмена разыгрываете.

– Ошибаетесь, Ирина, – сказал Павел. – Это я тогда разыгрывал из себя хама.

– Зачем?

– Смутился, растерялся. Выходите за меня замуж.

– Что?!

– Я серьезно предлагаю. Думаете, поразить хочу? Нет. Голый расчет. Смотрите сами: вы девушка красивая, гордая, умная, богатая.

– При чем тут это? – поморщилась Ирина.

(Заметим: слово «богатая», «богатый» было тогда абсолютно не в ходу, а если и употреблялось, то только с негативным оттенком).

– Вы, конечно, будете выбирать жениха разборчиво. И обязательно, чтобы по любви.

– А как еще?

– Так, как я предлагаю. По голому трезвому расчету. Потому что любовь все равно пройдет, это обязательно бывает, сто двадцать процентов гарантии, наступит разочарование, горе, беда, развод, слезы. Нужно выходить замуж без всяких иллюзий, попробовать, что это такое, набраться опыта, спокойно развестись, без эмоций, и уж потом выйти замуж набело. Подумайте, я дело говорю.

Павел, не зная того, попал в больное место: директор Исаев, как потом выяснилось, был в фактическом разводе с женой, мамой Ирины (отчасти поэтому и всячески ублажал дочку, машину ей купил, одевал с головы до ног в дефицитные наряды), жил второй семьей – без огласки, ибо, как руководителю и человеку партийному, развестись для него было невозможно. То есть Ирина знала на своем опыте, что любовь, действительно, может пройти и обернуться бедой.

Но, конечно, один только этот аргумент не убедил ее и замуж за Павла она не торопилась.

Павел не унимался.

Еще когда он учился в школе и был влюблен, как раз по программе проходили Пушкина. «Евгений Онегин». Ни один нормальный человек не станет применять к жизни это непроходимыми стихами написанное произведение. А Павел, однажды, скучая на уроке и думая о девушке, которая ему нравилась, наткнулся сонными, ленивыми глазами на строки:

X

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,

Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинных лет предубежденья
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

И эти мертвые слова полуторавековой прокисшей давности вдруг для Павла ожили, стали руководством к действию. Он испробовал их силу на выбранном объекте (это была еще не Светлана): ревновал, становился мрачным, то молчал, то говорил без умолку, кидал быстрые и нежные взгляды, а потом стыдливые и дерзкие, испробовал даже слезу, изумлял невинность (рассказывал похабные анекдоты), пугал отчаяньем (по карнизу ходил из окна в окно), забавлял приятной лестью (вслух оценивал ноги избранницы), умом и страстью побеждал предубежденья (на школьном вечере, под лестницей, хватал за руки, за талию, за грудь, ловил губами ее губы, прижимался) – и уже почти добился своего, но вдруг охладел. Вгляделся в девушку и увидел, что она не стоила его усилий. Перекинулся на более красивую и стройную, правда, годом старше. И опять успешно.

Короче говоря, спасибо Пушкину, многому он научил Павла, с тех пор он, хоть и не увлекся чрезмерно литературой, но художественное слово уважал, признавая, что и оно имеет в некоторых случаях практическую ценность. Отсюда и периодическая любовь к чтению, к Хемингуэю и некоторым другим – Ремарк, например, Сэлинджер, Воннегут. Наших Павел не очень любил – пишут либо очень уж тяжело (Толстой, Достоевский, да и Чехов тоже), либо, если современные, мутно и неинтересно. Любил Павел также литературу историческую, биографии, поэтому, кстати, попадание к нему книги о Постолыкине было вовсе не случайным.

Ухаживания за Ириной под руководством Пушкина были упорными, хоть и не чрезмерно навязчивыми. Исаев узнал о них, вызвал однажды к себе Павла, спросил:

– Это ты для карьеры или от души?

– От души, конечно. Влюбился в вашу дочь, я же не виноват, что вы ее отец. А в жизни продвинуться я и сам смогу, Тимур Семенович.

– Неужели? Хотя, да, наверно, сможешь. Ты шустрый.

Исаев, глядя в хмурое окно, где мутно мокла ранняя весна, помолчал, думая, вероятно, не о

дочери и Павле, а о себе и о том, как часто кажущееся мнится действительным. Спросил:

– А ты не ошибаешься?

– Нет. Вы не беспокойтесь, я ей не нравлюсь.

– Да? Откуда знаешь?

– Сама говорит.

– Мало ли что они говорят... Смотри, Павел, если обидишь ее... – Исаев встал, подошел к застекленному шкафу, где хранились всякие сувениры и кубки за производственную деятельность от районных, городских и государственных организаций, а несколько – призы аж международных выставок (стран СЭВ, естественно), достал оттуда кинжал, вынул из украшенных узорами ножен длинный клинок, узко заостренный, к концу сдержанно загнутый, вид имевший хищный, кровожадный.

– Кинжал «Кама», – сказал Исаев. – Родственники подарили на пятьдесят лет. Я же аварец, ты знал?

Нет, Павел не знал этого. Тогда было время установки на равенство наций, хотя чрезмерно продвинуться меньшинствам все же не давали, Павел видел в Исаеве что-то как бы южное, кавказское, но русские лица разнообразны – с монголоидными, угро-финскими, средиземноморскими и другими чертами, не было привычки вглядываться. Даже то, что евреи имеют какие-то особые внешние признаки, Павел понял только лет в восемнадцать, не раньше. Возможно, это была его личная толерантность, как сказали бы сейчас.

– Нет, Тимур Семенович.

– Строго говоря, Саламович, но это между нами. Не потому, что я стесняюсь, а – чтобы лишних вопросов не было. У нас же любят сам знаешь, как. Чтобы начальник был, как полено, обрубленный, ничего личного, биография типовая, юность комсомольская, национальность никакая. А с фамилией мне повезло, у русских такие есть. Главное что, Павел? Главное, если ты что-то плохое сделаешь моей дочери, я тебе яйца отрежу. И это не шутка.

Павел промолчал. Слишком неожиданными были слова Исаева.

– Я человек цивилизованный, – продолжил Тимур Семенович-Саламович, – и в России с детства живу, но меня мои кавказские родственники не поймут, если я этого не сделаю. Понял меня? Поэтому, если ты просто так, лучше сразу исчезни. А если серьезно... Откровенно говоря, я бы не против. Ей хорошо бы за такого, как ты, выйти. Ты перспективный, надежный... Нашего полета, можно сказать.

Павел воспринял это как благословение, понимая, что дело не только в том, что он одного полета с Исаевым, отец просто хочет сдать дочку на руки надежному – вот ключевое слово – человеку и вздохнуть с облегчением. И Павел стал все чаще звонить Ирине, выманивать ее в кино, прокатиться за город или просто прогуляться в центральном городском парке, пригласил один раз на день рождения товарища, а она в ответ пригласила на день рождения подруги, где они и поцеловались в первый раз.

Павел познакомил Ирину с друзьями, с братьями – уже как невесту, дело шло прямиком к свадьбе, уже собирались подавать заявление в загс, но тут Ирина вдруг сказала, что хочет еще подумать. Павел бесился, злился, но терпел. Ждал.

Через неделю был день рождения у Максима, собрались все родственники, Павел позвал Ирину, не надеясь на согласие, но она с готовностью приняла приглашение. А потом был разговор на балконе, разговор на троих: Павел, Леонид, Ирина. Леонид держал балконную дверь за веревочку, чтобы не открыли изнутри, и говорил:

– Такое дело, Паша, мы с Ириной нравимся друг другу. Так получилось. Хотим, чтобы ты знал.

– И далеко зашло? – спросил Павел.

– Не надо нас оскорблять, – сказала Ирина. – Мы с Леонидом друг другу нравимся. Пока мы только это поняли, больше ничего. Я виновата, не разобралась, думала... Неважно, что я думала. Но теперь все честно.

– И когда вы успели снюхаться? – спросил Павел, оглядываясь на окно, в которое кто-то стучал. – Сейчас! – крикнул он.

– Ты сам нас познакомил, – напомнила Ирина.

– Ну да, ну да...

Павел взял веревочку из руки Леонида, протянул Ирине.

– Подержи-ка.

– Паша, перестань...

Павел увидел гвоздь, торчащий из-под жестяного подоконника, намотал на него веревочку, после этого пихнул брата в сторону от двери, туда, где он был не виден из комнаты. И там коротко и сильно стукнул кулаком в лицо. Хватило одного раза: Леонид ударился о перегородку балкона, сполз, лицо сразу же залилось кровью.

Ирина не могла кричать – из комнаты могут увидеть и услышать гости, отец, она не хотела публичного скандала. Павел же улыбался. Все это выглядело из-за стекла милой беседой, только Леонида не видно. Но вот и он – вытирает лицо, смеется. Голубь, наверное, нагадил.

Леонид действительно смеялся.

– Чего ты этим добился? – спросил он брата.

– А я ничего не добивался, – объяснил Павел. – Захотелось ударить, естественная реакция. Я вас вообще убить готов обоих. Но я подожду. Ты, Ириша, ко мне все равно вернешься. Потому что он ни с кем долго не может, я его знаю. Он тебе только голову морочит. Ему не до женщин. А если до женщин, то не до семьи. Так, Леня?

И взгляд Ирины на Леонида – вопросительный, растерянный, многое сказал Павлу.

Леонид не ответил, продолжал посмеиваться, но вышло именно так, как Павел и предполагал: через месяц Ирина позвонила и сказала, что ошиблась. Со всеми бывает.

– Ладно, – сказал Павел. – Но учти, когда поженимся, больше никаких ошибок.

– За кого ты меня принимаешь?

С Леонидом Павел объясняться не стал и даже пригласил его на свадьбу. Тот пытался начать разговор с виноватым видом, но Павел сказал ему:

– Не надо. Главное, чтобы ты знал и понял, Леня: ничего не было. Никто ничего не знает и не узнает. А если кто знает, забудет. От Ирины держись на всякий случай подальше. Больше ничего не требуется.

Свадеб было две: решили сначала устроить здесь, в Сарынске, свадьбу для родственников жениха, а потом отправились в Дагестан, на родину Тимура Семеновича, где отмечали уже по-кавказски, хотя некоторые аксакалы хмурились. Когда кавказский мужчина женился на русской, это было невозбраняемо, а отдавать своих дочерей за русских мужчин не любили. Не из-за веры (хотя она тоже играла роль) а из-за недоверия: русские мужчины пьют, не всегда умеют обеспечить семью, плохо воспитывают жен и детей.

Павлу хватило ума потом не напоминать Ирине о недоразумении с Леонидом. Она была идеальной женой и матерью, хотя и казалась Павлу холодноватой, несмотря на горскую кровь. Но при этом безусловно верна ему, предана семье, что еще нужно? Даже ревновала, как и положено порядочным женам, хмурилась, когда он задерживался или не слишком правдоподобно объяснял, где был. Наказывала молчанием – по неделе ни слова, не допускала к себе. Но потом смягчалась, прощала. В общем, образцовая семья, лучше не скажешь. Леонид вел себя корректно, к тому же у него была то одна женщина, то другая – не очень много, впрочем. Кто видел со стороны, как общаются Леонид и Ирина, никогда бы не подумал, что между ними было или возможно что-то личное: исключительно родственные слова, интонации, взгляды.

И вдруг ниоткуда, ни из чего – ее слова: хочу уйти.

Почему, что случилось, из-за чего?

Никаких объяснений.

Объяснил Леонид, взял на себя эту трудность.

– Видишь ли, так получилось, что мы опять друг другу нравимся. Я понимаю, смешно... То

есть не смешно.

О том, что было после, вспоминать не хочется. Нагромождение нелепых поступков, глупостей, просто идиотизма – и со стороны Ирины, и со стороны Леонида, который будто и не повзрослел, вел себя неадекватно.

А потом...

Потом Леонид исчез. Павел сумел доказать Ирине, что не имеет к этому отношения. Она поверила. Сказала:

– Хорошо, что так, а то бы я умерла.

Полгода она чернела, худела, Павел боялся за нее, но все обошлось, она стала выравниваться, семейная жизнь продолжилась, будто ничего и не было. Опять Ирина была добропорядочной женой и образцовой матерью. Это благополучие длилось много лет, но Павел втайне все ждал и ждал чего-то – и дождался. Повторилось уже без Леонида, без какого-либо мужчины вообще, просто сказала:

– Все, Паша, больше не могу. Уйду от тебя, прости.

О дальнейшем вспоминать хочется еще меньше. Мог бы Павел дойти до чего-то страшного, но Бог не допустил, судьба рассудила Ирину с собой. Перекресток, ночь, дождь, грузовик, вылетевший на красный свет...

Через год после ее смерти он наткнулся в Интернете на репродукцию картины аварского художника первой половины XX века Халил-Бека Мусаясула, восточного космополита, картина называлась «Портрет аварки из села Чох в национальном костюме», поражен был схожестью этой безымянной аварки с Ириной, тут же возникла идея – добыть картину. За любые деньги. И, если бы она была в частном владении, вопрос решился бы, но картина оказалась в одном из европейских государственных музеев, и музей этот не имел права продажи своих фондов без государственного разрешения, получить которое оказалось невозможно ни за какие деньги. Тогда Павел заказал копию одному из лучших мастеров-копиистов, она стоила ненамного меньше оригинала. Висит теперь в кабинете – для чужих глаз не предназначено.

Все это Павел Костяков вспоминал похмельным утром, сидя в столовой за чашкой кофе. Шура тенью скользил в окружающих комнатах и коридорах, присматривался.

– Запрягай, – сказал ему Павел. – Сегодня дел много.

Шура обрадовался, побежал в гараж.

Выехали, Шура посматривал на хозяина скользящими взглядами – как бы не на него, а в правое боковое зеркало.

– Да не буду я пить сегодня, успокойся, – сказал Павел.

Шура улыбнулся:

– А я что? Не мое дело.

Проезжали мимо «Водокачки».

И в груди Павла шевельнулось то самое теплое, что возникло, когда он впервые увидел Ирину, а вчера повторилось, когда увидел Дашу.

Вчера все вышло странно, глупо и неловко, потому что даже не успели обговорить повод для посещения. Вошли, Сторожев сказал:

– Здравствуйте, а мы вот мимо ехали, я сказал, что тут мой друг живет. Вы с Павлом Витальевичем соседи, Коля, он там обитает, – Сторожев неопределенно показал рукой куда-то за спину. – Знакомьтесь, это Николай Иванчук, а это...

Павел, не дав договорить, протянул руку, представился сам:

– Павел Витальевич Костяков.

Иванчук что-то помешивал на чадящей сковороде, откинув голову назад и щуря один глаз от

дыма, и сделал вид, что из-за своего занятия не может пожать протянутую руку. Только кивнул и сказал:

– Я вас знаю.

– Откуда?

– А кто вас не знает?

И тут из комнаты вышла девушка.

– Это Даша, – сказал Сторожев. – Как там Лиля? – спросил он ее.

– Нормально.

Так получилось, что в этом тесном пространстве Павел оказался перед дверью, из которой вышла Даша, и ему надо бы посторониться, а он стоял, перегородив дорогу, и смотрел на Дашу, будто увидел какой-то фокус, изумивший его своей невозможностью. Наконец догадался сделать шаг вбок, сказал:

– Здравствуйте. Павел. Витальевич.

И кашлянул.

– Мы тут вас закоптим, – сказал Иванчук.

– Намекаешь, что помешали? – попробовал перевести в шутку Сторожев.

– Не намекаю, а прямо говорю. Вы не знаете, что такое ухаживать за тяжело больным человеком. Каждая минута на счету, все расписано. Телефон есть, Валера, мог бы позвонить.

– Не догадался, извини.

– Если мы мешаем... – вступил Павел.

– Мешаете, я же сказал!

– Коля, ты что? – удивилась Даша.

– А что? Или для тебя это шанс? Богатый вдовец, миллионер, самое то!

– Ты сам понял, что говоришь? – спросила Даша с легкой родственной досадой.

– Извините, – Павел постарался произнести как можно вежливее. – До свидания.

И пошел из дома.

– Зря ты так, – услышал он за спиной слова Сторожева, обращенные к Иванчуку.

– Я зря, а вы не зря? – повысил голос Иванчук, провожая их с ножом, которым только что помешивал на сковородке. – На экскурсию, что ли, приехали? Миллионер в трущобах? Я тебя, Валера, не просил сюда кого попало возить!

С тем и уехали.

И вчера вечером Павел, когда выпивал, думал о Даше, и, возможно, это не дало ему крепко напиться – не хотелось терять ясности мысли.

И сегодня думает.

И понимает: то, чего он так долго ждал, свершилось. Он встретил свою будущую жену и никому ее не отдаст, никому не уступит. Хотя, конечно, не помешает все-таки узнать, нет ли у нее кого-нибудь.

Не откладывая, Павел позвонил Сторожеву.

– Неудобно вчера получилось, – сказал он.

– Да уж.

– Я что хотел спросить, эта Даша, она что делает, учится, работает?

– Хочешь ей помочь?

– Не исключено.

Сторожев сразу все сообразил.

– Паша, она занята, – сказал он. – У нее есть парень и, насколько я знаю, они собираются пожениться.

– Парень? Кто такой?

– Я у тебя в штате информатором не работаю.

– Не злись, Валера, – мягко сказал Павел. – Ты даже не представляешь, что со мной происхо-

дит. Ладно, я сам все узнаю. Будь здоров.

Павел сунул телефон в карман и улыбался, глядя на дорогу перед собой. А Сторожев стоял в халате после душа перед окном и глядел в окно во двор, где бежала одинокая собака, явно не понимая, куда и зачем бежит, и вдруг резко остановилась и упала, будто ее подстрелили. И, задрав ногу, стала яростно чесать себя за ухом. Всласть начесавшись, встала и побежала опять.

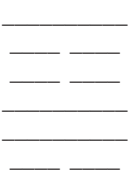
– Ну и дурак ты, – сказал себе Сторожев.

При жизни Ирины Павел, как и все люди его круга, погуливал, но не целенаправленно, женщины были чем-то вроде десерта в меню загородных ресторанов и охотничьих домиков. А потом он получил полную свободу, но долго, по его меркам, то есть год с лишним не мог смотреть на женщин. Ему казалось, что изменить Ирине теперь хуже, чем живой. Когда была жива, чем-то можно было исправить, загладить, в конце концов той же любовью к ней, а чем исправишь, когда ее нет? А потом все вошло в колею, но не в прежнюю, все стало тише, укромней, без лишних глаз. Для удовольствия и здоровья. И от одиночества.

Одновременно Павел посматривал вокруг. Ждал. С каждым годом все нетерпеливей вглядывался в женщин или, вернее сказать, в девушек, потому что будущую жену видел молодой и без детей, без опыта семейной жизни.

Павел верил в случай, предопределение, в скоропостижную, как выражается Валера Сторожев, любовь. Два раза у него это было – в юности с девушкой Светланой (и быстро прошло) и с Ириной (и превратилось во всю последующую – до ее гибели – жизнь). И вот – третий.

18. ГУ. Исправление [порчи]

Тщательно анализируйте, оценивайте события.

В сарае лежала груда штакетника и столбов для замены ветхого забора. Иванчук купил все это еще весной, но не было времени заняться. И не большой он мастер по плотницкому делу. Но ремонтно-строительные конторы, куда он звонил, ломили такие цены, что Иванчук решил все сделать сам.

Однако для такой работы необходим соответствующий настрой. И вот сегодня он появился. Лиля ночью маялась, будет спать допоздна, не реагируя на звуки. Даша дома, подойдет к матери, если та проснется и позовет. Иванчук вытащил штакетник и столбы из сарая, потом взялся ломать старый забор. Отбивал целыми звеньями, выкорчевывал прогнившие столбы. Копал ямы. Это оказалось не просто – земля каменистая, приходилось орудовать не только лопатой, но и ковырять щебенистый грунт ломом.

Работая, думал и вспоминал.

В юности Коля был уверен, что его ждет блестящее будущее. Логика простая: ну не может же быть, чтобы я, такой талантливый и умный, не получил по заслугам! Сарынск для исполнения желаний казался ему мелковат, поэтому Коля не раз пробовал победить Москву – сначала ездил поступать в столичные театральные вузы, не получилось, пробовал пристроиться к какой-нибудь работе, но как-то все обламывалось или оказывалось не то, не менее скучно и мелко, чем в провинции. Ничего, говорил Коля, мне еще тридцати нет. Стукнуло тридцать – ничего, говорил себе Коля, впереди целая жизнь. Ошарашило сорок, оглянулся: а куда, собственно, ушло время? На что потратилось? И был у него момент, когда показалось: на такие пустяки потратилось, на такие мелкие успехи разменял он свои мечты о больших победах, что хоть вешайся: позади пусто, а впереди еще пустее. И чуть в самом деле не повесился, но тут, в то самое время, когда он лез с верев-

кой на стол, сшибая пустые бутылки, раздался телефонный звонок. (В такие моменты и поверишь в сверхъестественное.) Это была тетя Таня, сестра мамы, неведомым образом разыскавшая его: Коля жил тогда у одной женщины, школьной учительницы музыки. Тетя Таня сердито закричала, что у нее всего минута, звонит из приемной главврача, мать в больнице с сердечным приступом, а она, тетя Таня, вторые сутки от нее не отходит, не ест, не спит, работу бросила, а на медсестер никакой надежды, все лентяйки и хабалки, тетя Таня сама в больнице работает по хозяйственной части, знает, какие тут порядки, а родной сын при всем этом и в ус не дует, найти его невозможно, скрывается по каким-то шалманам, а еще интеллигентом себя считает, все вы такие, ничего у вас святого и родственного нет!

Получается, мать его спасла – через тетю Таню. Спасла сына перед своей смертью. Это сюжет! – говаривал Председатель Сарынского Комитета по телевидению и радиовещанию Иван Васильевич Жилка. Это сюжет, говорил он, имея в виду, правда, не смерти, рождения и любови, которые и являются настоящими человеческими сюжетами, а ввод в строй нового цеха, взятие кем-то к какой-то дате повышенных обязательств и очередную кампанию по искоренению чего-то заведомо неискоренимого. И все, кто сидел на утренней пятиминутке, тянувшейся не меньше часа, в просторном кабинете Председателя, ерзая на жестких стульях по периметру стен, обшитых фанерными – под будто бы дерево – панелями, понимали, конечно, – никакой это не сюжет, а партийная обязаловка: вострить уши, глаза и сердце на любые свидетельства процветания и силы той системы, которая тогда уже загибалось с очевидной для многих неизбежностью.

Коля ожесточенно долбил землю – будто продалбливался зачем-то в закаменевшее прошлое. Какая чепуха, однако, приходит на память. Жилка этот... Иванчук, помнится, вглядывался в темные, непроницаемые, словно неживые, глаза Жилки (такие бывали у персонажей в первых рисованных мультфильмах), закрывающиеся веками редко и равномерно, как у ящерицы, и думал: неужели тот и впрямь верит в чепуху, которой каждое утро мучит людей, неспешно складывая одно к другому пресные слова, ничего на самом деле не выражающие и не обозначающие? Иногда казалось: настоящий, внутренний Жилка, спрятавшись за внешним Жилкой, как шут за троном короля, выглядывает, хихикает язвительно: ну, голубчики, посмотрим, как вы стерпите, если мы с хозяином еще полчаса будем натирать уши ерундой? А еще полчаса? Еще полчаса? Стерпите?

Терпели.

Конечно, уже тогда водились смутьяны, и Коля был среди них, они время от времени наскакивали на свое непосредственное начальство и самого Жилку с предреволюционными репликами, в которых храбро мелькали слова «формальность», «официоз» и т.п. Ничуть не смутившись, так же ровно, как и до этого, Жилка говорил:

– Все знают, что я не против полемики, если правильно обращаться с терминами и вкладывать в эти термины правильный смысл. А правильный смысл зависит от правильного понимания. Если вы называете официозом идеологические установления партии и правительства относительно развития и дальнейшего совершенствования социалистической системы, отыскивания в ней ростков нового, передового, того, что интересно каждому человеку, так и говорите, зачем прикрываться жупелами? А если то, как вы сами подаете материал, вам кажется формальностью, то к себе самим и обращайте эти вопросы, потому что от вас, от вашего профессионализма и идейной подготовленности зависит, как сделать любой материал неформальным, живым, чтобы наши зрители смотрели с увлечением.

А потом Коля уехал в очередной раз попробовать себя в Москве и, кстати, виделся там с Лилей – может, для того и ездил. И через пару лет вернулся. Уезжал из Сарынска, когда он был областным центром Советского Союза, вернулся, когда он стал губернским городом Российской Федерации. Многое изменилось. Телерадиокомитет назывался теперь телерадиокомпанией, от местного исполкома, как органа власти, не зависел – по причине упразднении исполкомов,* но оставался по-прежнему государственным. Уже провели акционирование, уже появилась реклама,

* *Имеются в виду исполнительные комитеты Советов народных депутатов.*

телевидение и радио переходили на коммерческие рельсы. Колю, надо отдать должное, охотно взяли. И первое же его рабочее утро началось с планерки у того самого Жилки. И тот говорил, как и прежде, долго, тягостно, нудно. Говорил примерно так:

– Мониторинг показывает, что люди ждут он нас новых форм, новой подачи материалов, у нас сильнейшая конкуренция центральных каналов, но при желании мы можем вполне успешно занять свою лакуну, если не будем постоянно ссылаться на недостатки технического оснащения, как некоторые, а проявим фантазию, смелость, достойную нашего времени гласности и кардинальных перемен. Легче всего ссылаться на то, что слишком много студийного времени и слишком мало репортажей, оперативной съемки. ПТС все в заявках пишут, синхрон всем давай![*] Поехать и снять дурак сумеет. А проявить воображение? Человек может сидеть вообще один в студии, но если он говорит свежо, увлекательно, интересно, его будут смотреть и слушать. Поэтому вопросы, которые у вас возникают, надо адресовать в первую очередь к себе. Будьте смелее, инициативнее – и зритель потянется к экранам, и пойдут рекламодатели, которые убедятся, что мы даем достойный эфир.

Коля изумлялся, думая: как может человек так увлеченно быть пародией на самого себя, как хватает Жилке совести, то есть несгибаемой бессовестности не думать о том, что этим же людям совсем недавно он говорил совсем другое?

Впрочем, то же самое, если вдуматься.

– Бессмертный он, что ли? – спросил тогда шепотом Коля у соседа по стулу Олега Зоева, бывшего заместителя главного редактора отдела пропаганды, а теперь старшего менеджера коммерческо-рекламного отдела, только что созданного.

– Съедят, – уверенно ответил Олег.

– Кто?

– Да хоть я.

И съел Олег, действительно, Жилку, через полгода, отправив его, как он сказал, похохатывая, на незаслуженный отдых. А еще через год съел и Колю. Причем без глупых формальностей, не как в советское время, через последовательную систему выговоров в приказе, порочащих записей в трудовой книжке и давления по профсоюзной и партийной линиям. Просто после очередного горячего разговора с Зоевым, когда тот завернул еще один новаторский проект Коли, Иванчук взбесился, наговорил Олегу правдивых неприятностей, тот выслушал, улыбаясь и поигрывая ручкой, а потом сказал:

– Не нравится со мной работать? Так иди на х.!

Это было неожиданно.

Коля заглянул в глаза Зоеву, ожидая увидеть ту же двойственность, которая ему чудилась в глазах Жилки: король вещает, а шут кривляется и высовывает язык. Ничего подобного, Зоев не находил нужным что-то прятать, смотрел просто, нагло и насмешливо.

– То есть ты меня увольняешь? – растерянно спросил Коля.

– Вот именно.

– А ведь ты, Олег, просто меня боишься. Ты боишься, что я тебя вытесню. Потому что сам понимаешь, что я умнее и что в телевидении понимаю раз в десять больше тебя.

Иванчук не ждал, конечно, что слова правды поразят Олега, как молния, но надеялся – хотя бы смутят.

Не смутили. Олег засмеялся и сказал:

– Вот иди и умничай в другом месте. Боюсь я тебя или нет, а лишнего геморроя мне не надо.

– Ну и сволочь же ты, оказывается, – печально сказал Коля.

– В этом мое преимущество, – кивнул Олег. – Еще есть вопросы?

**ПТС – передвижная телевизионная студия, под синхроном имелись в виду съемки телекамерой с голосами: интервью и т.п. Это давало возможность показать хоть какую-то движущуюся картинку, разбавлявшую торчание на экране говорящих голов на протяжении часа, а то и более.*

А теперь Зоев – особа, приближенная к губернатору, воротила в мире местной политики, депутат, особняк себе за городом построил и, говорят, установил на телевидении полную диктатуру и работников оценивает исключительно по степени личной преданности к нему, Олегу Валентиновичу.

Тьфу.

Крошка щебенки попала прямо в рот, Коля сплюнул, сел на травяной пригорок, закурил.

– Огород городишь? – спросил его шут Иванчук.

У каждого ведь есть свой шут (и у Олега Зоева тоже все-таки был, просто у него шут слился с хозяином), который любит задавать королю каверзные вопросы.

– Да, горожу огород. Вернее, огораживаю дом, – ответил король Иванчук.

– Дом старый, а забор новый, это будет смешно. Тогда уж и дом почини.

– И починю.

– Не починишь, – дразнит шут Иванчук. – На самом деле самое правильное: бежать отсюда, куда глаза глядят. Ничего, и без тебя проживут. И умрут тоже без тебя. Ты сам-то живой еще?

– Конечно, – уверенно отвечает король Иванчук.

– Черта с два! – не верит шут Иванчук. – Ты пришел к Лиле уже полудохлый. И остался с ней потому, что она начала умирать. И оказалось, что ты хоть кого-то живее, и ты сразу нашел смысл жизни. Вместо того, чтобы все начать сначала. Почему ты так быстро и легко, нет, не просто быстро и легко, а охотно, почему ты так охотно проиграл свою жизнь, Иванчук?

– Я ничего не проиграл, – отвечает Иванчук, – потому что не собирался ничего выигрывать.

– Врешь! Собирался – еще как! Вы все собирались. Вы собирались по трое, по пятеро и даже по десятеро и даже по стотеро и тысячеро! И даже по пятитысячеро! Я тебе больше скажу, Иванчук, вы собирались по стотысячеро и по миллионеро!

– Таких слов нет, Иванчук.

– Любые слова есть, Иванчук, если быть смелым и не бояться их употреблять или придумывать. Ты трус, Иванчук, и ты ленив, как все поколения, из которых ты произошел, после первого же щелчка по носу ты поднимал руки, ты обижался, ты говорил: я так не играю. А они так – играют, Иванчук! Потому что это на самом деле жизнь, а не игра, Иванчук, ты от жизни отказался, а не от игры.

– Не понимаю, что ты хочешь сказать? – морщится Иванчук от дыма сигареты и от туманных слов.

– Ты все понимаешь, – хихикает шут. – Иди, например, к Зоеву, дай ему по морде. Или – в Сарынске за последние годы открылось две частных телекомпании, почему тебя там нет? Или почему ты не открыл третью? Почему не утер нос Зоеву и всем остальным?

– Отстань! – Иванчук щелчком направляет окурок туда, где предположительно находится шут, то есть ровно напротив. – Мне работать надо!

– Не надо! Зачем огораживать дом, в котором ты не собираешься жить?

– Другие будут жить.

– А, все-таки не будешь! – злорадно кривляется шут.

– Я этого не сказал!

– Сказал! Ты сказал – другие!

– Я имел в виду...

– После уроков будешь рассказывать, что ты имел в виду, – вдруг обрывает шут. Так любила подлавливать запинающихся учеников химичка Ангелина Борисовна: ошибешься, хочешь исправиться, но она не давала, сажала на место, с удовольствием выводила двойки – особенно примерным ученикам. Зачем и почему она так делала, бог весть, много вообще в прошлом осталось непонятного, неразгаданного – за ненадобностью, впрочем.

Иванчук встает и берется за лопату. Вычерпывает из ямки щебенку, отбрасывает, потом опять долбит ломом. Начинает все больше удовольствия получать от однообразной работы. Однообразная жизнь тоже может оказаться приятной, вот о чем он не знал раньше, как и о многом другом.

Когда Коля узнал, что Лиля вернулась в Сарынск с дочкой лет тринадцати, то, конечно, тут же перед нею явился. С бутылкой коньяка, с цветочком, гордясь своей стройностью и моложавостью, был почти уверен, что она ахнет и скажет: «Иванчук, какой ты стал! Прямо как будто вырос! Надо же, как меняются люди...»

А сам очень боялся, что она постарела и подурнела.

Но нет. Да, возраста прибавилось, естественно, морщинок тоже, но по-прежнему это она, красивая, стройная Лиля. Коля рассыпался в комплиментах, вручил цветок, поцеловал руку. А Лиля, увы, не ахнула, не оценила его изменений к лучшему, она вообще встретила его так, будто виделись лишь вчера. И даже не вчера, а вообще не расставались – выпивали, не хватило, он сбегал за бутылкой...

Сидели в захламленной кухне, Лиля курила сигареты одну за другой, вяло расспрашивала Колю о бывших одноклассниках. Коля рассказывал: эта замуж вышла очень удачно, трое детей, кто бы подумал, тот за границей, другой выбился в бизнесмены широкой ноги, а третий в начальники средней руки, а пятая развелась, а шестой умер, как, впрочем, и седьмой, но зато восьмой стал в Москве заметным человеком в шоу-бизнесе, у девятого будто бы что-то со здоровьем, а десятый свое дело открыл (он имел в виду Сторожева), а одиннадцатый в газете сидит (Немчинов), с двенадцатого же по тридцать шестого (столько человек было в классе) неизвестно, что делают и как живут – сведения смутные или вовсе никаких.

Вошла девочка-подросток, полуглядя на Иванчука, симпатичная, хоть еще угловатая, очень похожая на Лилю. Кивнула Иванчуку, здороваясь, открыла холодильник, долго смотрела в него.

– Что-то ищешь? – спросила Лиля.

– Вообще-то я иногда ем.

– Ну, сходи в магазин.

– Денег дай.

– Я дам, – заторопился Коля. – В самом деле, пришел с коньяком, а закусить... Устроим маленький банкет!

Он вручил деньги Даше, сказав:

– Только потрать их все, ладно?

– Запросто.

Даша ушла.

– Что, богатый стал? – спросила Лиля.

– Деньги водятся, – уклончиво ответил Коля: дела у него как раз шли не очень хорошо. – А ты надолго к нам?

– На всю оставшуюся жизнь, – ответила Лиля. – То есть не надолго.

– Загадочно выражаешься.

– Помирать приехала.

У Коли будто что-то екнуло внутри, сжалось – до ощущения физической тошноты. Одновременно возникла очень странная мысль, он ее запомнил: именно чего-то подобного он и ждал. Почему ждал, почему именно чего-то подобного, не понять. Мысль пришла и ушла – без объяснений.

Коля налил Лиле и себе, не знал, что говорить.

– Считай, что ты выразил соболезнование, – помогла Лиля. – А я приняла. Хотя – тебе ведь интересно узнать, что со мной? Не ври, всем интересно. Все любят слушать о чужих болезнях и видеть чужие смерти. Потому что: сегодня не я. Я в Москве почти каждый день видела аварии. Все буднично, обычно. Чаще пустяки, но несколько раз было очень серьезно. С трупами, с кровью. Едешь мимо и думаешь: сегодня не я. Вот и вы все думаете: сегодня не я. Это я так, рассуждаю, не бери в голову. Рассеянный склероз у меня.

– Незаметно, – попытался пошутить Иванчук.

– Это не старческий склероз, не путай. Это... В общем, у меня перспектива высохнуть, атрофироваться и увянуть.

– Прямо-таки сто процентов?

– Двести. Позвони Сторожеву, он врач, он тебе объяснит. А он женат? – заинтересовалась вдруг Лиля.

– Да. Третий раз.

– Идеал ищет. А ведь был в меня влюблен. Скажи ему, что я приехала. И свободна. Пусть приходит и любит. Если теперь захочет, конечно.

– Между прочим, это я в тебя был влюблен, а не Сторожев. То есть он тоже, но я больше. И я тебе, кажется, нравился.

– Вы все мне теперь нравитесь – те, какие были. Только вас уже нет.

– Я остался.

– И правда меня любил?

– До сих пор люблю, – сказал Коля. – Между прочим, как ты думаешь, почему я до сих пор не женат?

– Неужели поэтому?

– Да.

Коля в этот момент не врал, он чувствовал себя паладином, который долго был предан своей Даме и вот у ее ног, не требующий при этом награды.

– И я тебе нравлюсь? – допытывалась Лиля.

– Конечно.

– То есть как женщина?

– А как кто же? Думаешь, я бы тебя любил, если бы ты была не женщина?

– А как ты любишь? Как в школе или хочешь меня? По-взрослому?

– Ты плохо знаешь психологию влюбленных подростков. Секс и романтизм в их фантазиях легко уживаются.

– И сейчас?

– Да.

– То есть ты хочешь меня обнять, поцеловать? Без дураков?

– Всю жизнь мечтаю, – сказал Коля.

– Тогда целуй.

И они стали целоваться, а потом сползли на пол, хватая друг друга руками, сдирая одежду.

– Дверь... На засов... – выговорила Лиля.

Коля бросился к двери, закрыл ее на засов, вернулся, подхватил Лилю на руки, отнес на постель.

Вернувшаяся Даша звонила, стучала, потом перестала.

Когда Лиля через некоторое время открыла дверь, Даша сидела на ступеньке и, разрывая руками, ела курицу-гриль, откусывая хлеб от батона.

– Успели? – спросила она.

– Дашка, не хами.

– Я сижу тут два часа, меня комары заели – и я хамлю?

Коля, утомившись, сел на груду досок. Как быстро можно изменить все к лучшему. Стоял десятилетиями и гнил этот серый забор, никто его не красил, не менял выпавших и трухлявых планок, кренился он в разные стороны. И вот нет забора. Открылся замечательный вид на сад – правда, сад дикий, заросший травой, за яблоневыми и вишневыми деревьями никто не ухаживает, хотя они до сих пор плодоносят, яблоки при этом окончательно выродились в дички. Выкопаны новые ямы. Поставлен для пробы один столб – свежий, гладко обтесанный, ровный. Ощущение правильного начала правильной работы.

– Ага, уговаривай, уговаривай себя, – возникает шут. – Ты и тогда сумел себя уговорить, неплохо получилось.

– Я не уговаривал.

– Уговаривал.

– Не уговаривал.

– Мне лучше знать.

– Это с какой стати? – возмутился Иванчук.

– С такой, что я твое подсознание, а оно честнее.

– Передергиваешь, шут. Честнее кого? Или чего?

– Сознания.

– Ерунда. Все равно, что сравнивать глубину Мариинской впадины с какой-нибудь Джомолунгмой. Ну да, и там, меряется в метрах, но ты же не скажешь, что впадина глубже горы? Или что гора выше впадины?

– Это парадокс? – оживился шут с видом отличника на математической олимпиаде.

– Считай, как хочешь.

Коля через пару дней пришел опять. Лиля сказала ему почти сразу же:

– Вот что, Иванчук, ты мне ничем не обязан. Ну переспали, бывает. Особенно спьяну. Не надо меня теперь обременять благодарственными визитами.

– А я еще хочу, – сказал Коля.

– Тебе напомнить? Я начала умирать.

– Но не сегодня же.

И у них началось то, что сейчас называют – отношения. Это слово Коля все чаще замечал в современной молодежной речи, оно сначала показалось ему безвкусным, безликим, а потом он понял – да нет, пожалуй, молодежь права, найдя широкий, но, как ни странно, более точный синоним слову «любовь». По страсти кинулись в объятия друг друга – любовь? Вроде бы да, но надо еще посмотреть. Или – месяц дружили. Решили, что подходят друг другу и надо пожениться. Любовь? Возможно. Но не факт, учитывая количество разводов. Или – живут вместе без брака и венчания, бойфрендят – любовь? Может быть. А может, дешевле квартиру на двоих снимать и удобнее – не искать секс, где попало. В общем, что ни назови любовью, все получается с какими-то оговорками и уточнениями. Да еще, к тому же, есть любовь к Родине, родителям, работе, кошкам и собакам, хомячкам... А слово «отношения» охватывает всё. Переспали – отношения, ходят два месяца под руку – отношения, поженились – отношения, живут вместе – тоже отношения.

Итак, у Коли и Лили начались отношения. Она приходила в его холостяцкую квартирку. Она посвежела, помолодела, она стала говорить, что, похоже, лечится любовью. Это в самом деле был период короткой ремиссии. А потом довольно быстро кривая болезни поползла вниз. Но Коля успел сделать предложение еще до того, как Лиле стало совсем плохо, иначе не приняла бы. Да и так не хотела принимать. Задавала по-своему обыкновение жесткие вопросы:

– Ты понимаешь, что я инвалид? Уже инвалид, а будет еще хуже?

– Да.

– Ты понимаешь, что скоро от меня никакого толку не будет как от женщины? Ну, оральный секс в лучшем случае. И то не уверена. Тебе придется убирать из-под меня говно и мочу, понимаешь? Сходи в больницу, где лежат такие люди, от них родственники отказались, потому что невозможно терпеть, сходи, посмотри, понюхай.

– Был. Я же с врачами говорил – и не раз. И они мне показывали. Я все знаю.

– Тогда зачем такое геройство?

– Хочу быть с тобой, вот и все.

– То есть такая любовь?

– Наверное.

Лиля покачала головой, сомневаясь, а потом сказала:

– Да нет, все может быть. Но я тебя не очень люблю. То есть отношусь лучше, чем к другим, но не люблю. Правда, если бы любила, тогда бы уж точно прогнала.

Свадьбы не было, просто зарегистрировались в загсе. Лиля оставила свою фамилию – Соло-

мина. Потом посидели втроем, выпили шампанского, потом Даша мыла посуду, а Лиля, глядя на нее говорила так, будто дочери тут не было:

– Когда Дарья родилась, у нее проблемы были, инфекция, температура, мне ее не дают, у меня у самой температура, лежу и думаю: может, пока я ее не видела, пока не так жалко, она помрет? И никто не будет мучиться, ни я, ни она.

– Придушила бы меня, и все, – сказала Даша.

– Да надо бы, – согласилась Лиля.

– Ну вас, с вашим юмором, – сказал Коля. – Ты что, Даша, недовольна, что живешь?

– Я-то? Еще как довольна. Я просто к тому, что Лилю понимаю.

– Я хотела остаться одна, – продолжила Лиля. – Потому, что я подозревала, что эту дурочку полюблю. И вот теперь думай о ней, беспокойся. Как учится, с кем дружит, может, наркотики принимает. Дашка, предупреждаю, убью.

– Не принимаю я ничего.

– А куришь?

– Я не постоянно, иногда. Надо же попробовать.

– Тебе повезло, что я больная, Дарья. Тебя черти внутри дергают. Я сама такая была, но держалась. И тебя буду держать. Потому что при больной маме нехорошо быть наркоманкой или еще кем-то. Дождись, пока умру, а потом делай, что хочешь.

– Слишком долго ждать, – отшутилась Даша.

– Не так долго, как тебе кажется.

Лиля вкручивала окурок в пепельницу, а Даша и Иванчук обменялись поверх ее головы взглядами. Это был первый момент, когда они почувствовали, что – заодно, что придется заниматься общим делом, болезнью Лили, что вскоре они будут не трое, а двое, Даша и Коля. И – отдельно – больная Лиля. То есть – двое и одна.

Иванчук поставил столбы, засыпал, укрепил. Хорошо, что участок у дома небольшой, а то пришлось бы возиться несколько дней. Дальше работа пошла веселее, нетрудная, хотя тоже однообразная – прибить продольные планки, а к ним вертикально приколотить штакетины, соблюдая расстояние между ними, чтобы все выглядело ровно и красиво.

Даша вышла на крыльцо.

– Ужинать будешь?

– Закончить бы надо.

Даша посмотрела на груду планок.

– Все равно сегодня не успеешь.

– А завтра времени не будет. Или не захочется.

– Помочь?

– А сумеешь?

– Тоже мне работа...

Даша подошла, взяла из инструментального ящика еще один молоток, гвозди. Начала прибивать планки. Действительно, она, хоть и выглядит девически нежной и хрупкой, умеет уверенно справляться с мужскими делами, может починить полку, табуретку, заменить кран. Видимо, профессия фотографа добавляет что-то мужское – там ведь тоже надо разбираться в технике, и Даша разбиралась. Кроме этого она что-то понимала в программировании, легко справляла неполадки старенького компьютера Иванчука, на котором он иногда, отдыхая, играет, а иногда делает записи в своем ЖЖ-дневнике или оставляет комментарии в дневниках виртуальных друзей, эта забава открылась ему с подачи Даши год назад, и он увлекся, у него уже две сотни зарегистрированных друзей, что немало для никому неизвестного начинающего блоггера. Правда, у Даши друзей почти полтысячи, но она фотограф, а фотографы по определению богаты друзьями, они в сети для того, чтобы себя показать, то есть свои снимки, и других посмотреть.

– Обратите внимание, папаша, – с неестественной галантностью, как бакалейный приказчик

позапрошлого века, обратился шут к хозяину. – Обратите внимание на то, на что вы и сами уже обратили внимание, а именно, на этот рахат-лукум, на эту гибкую талию, на эту грудь прекрасной формы, которая ни на йоту не теряет очертаний даже тогда, когда девушка наклоняется, учитывая, что у девушки под футболочкой ничегошеньки нет, кроме голого тела, голого, повторяю, нагого, обнаженного, так вот, грудь остается прежней, а вы ведь, человек поживший, не сказать пожилой, а точнее уже старый, вы ведь знаете, что происходит с женской грудью, не стесненной бельем, если женщина наклоняется, это ужас, что происходит. Так вот, я вам скажу по секрету, что вас на самом деле держит тут. Вы давно уже не любите Лилю. Будете возражать?

– Я не уверен, что это называется любовью.

– Какая откровенность! Хорошо. Тогда вы любите Дашу?

– Я не уверен, что это называется любовью. По крайней мере в твоем понимании.

– Я поражен. Я потрясен. Я ничего не понимаю, – выделывается шут. – Тогда объясни мне, Иванчук, если ты не любишь ни Лилю, ни Дашу, то есть любишь, но как-то так, как сам не знаешь, что ты тут делаешь? Я целый день добиваюсь ответа. Для чего ты городишь этот забор, можешь сказать? Может, ты просто милосердный человек, почти святой?

– Нет.

– Может, тебе это нравится?

– Нет.

– Может, ты садомазохист и любишь испытания?

– Нет.

– Тогда зачем ты строишь этот забор, черт тебя побери совсем!

Иванчук усмехается, понимая, что вчистую переиграл шута – уже тем, что разозлил его.

– Надо, – отвечает он.

– Кому надо? – орет шут, брызжа слюной. – Кому?

– Вообще надо, – отвечает Иванчук.

– Не бывает ничего вообще надо! Все надо для чего-то.

– А я говорю – вообще. Вообще надо. И все. Без разговоров.

– Что?

Даша, распрямилась, смотрит на Иванчука.

– Ты что-то сказал?

– Старость, Даша. Разговариваю сам с собой.

– У меня молодость, а я тоже люблю. Иногда целый день болтаю.

– И вслух?

– Бывает, прорывается.

– Успокоила. Значит, я не безнадежен.

19. ЛИНЬ. Посещение

⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊

За что бы вы ни взялись сейчас, вас ждет успех.

Егор Костяков, сколько себя помнил, находился в состоянии приятной и легкой влюбленности в самого себя. Но любил он себя не снисходительно и безоглядно, как любит ополоумевший мужчина капризную красавицу, прощая ей все, он любил себя взыскательно, даже строго – не переходя, однако, грань, за которой начинается самоедство. Если у него и бывали претензии к себе,

то в форме добрых наставлений мудрого учителя понятливому, случайно ошибившемуся ученику. Он очень удивился бы, узнав, что Сторожев подобный пристальный самоконтроль называет «я-болезнью»: постоянное наблюдение за собой для Егора было не только обременительным, наоборот, оно доставляло ему много удовольствия.

Когда-то он прочел у Ницше: «Все мы – посредственные эгоисты», – и фраза эта поразила и навсегда запомнилась. Егор вообще, в отличие от многих, принимал близко к сердцу прочитанное, знал силу слов и книг. Если бы он имел талант, стал бы писателем. И втайне пробовал кое-что сочинять. Но сам увидел, что это плохо. То есть пристойно, грамотно, но не лучше, чем у других, а быть хуже других он себе позволить не мог. Самый простой способ избежать поражений и разочарований – не лезь в чуждые тебе области. Посредственный эгоист ради минутной прихоти не думает о процентах, набегающих впоследствии на эту прихоть, он берет в долг у самого себя, а спохватывается, что нужно платить, слишком поздно, он бывает неплохим тактиком, но отвратительный стратег. Заботясь о своих удовольствиях, он окружает себя кучей ложных связей и обязательств, которые сводят удовольствия на нет или даже выводят в минус, туда, где отвращение и тоска. Умелый, умный эгоист знает, что ради обретения настоящего комфорта необходимы труд и мужество. И – чувство меры. Давно, кстати, собирается Егор поставить «Горе от ума», где Чацкий был бы полный неадекват и придурок (впрочем, версия не новая), а Молчалин – умница, причем он не по подлому умен, а правильно умен, конструктивно. Его хвалебные слова о лучших, на его взгляд, человеческих качествах, «умеренность и аккуратность», учителя литературы с древнейших советских времен трактовали как приспособленчество, мещанство, лакейство и т.п. Господа, уймитесь, Егор уверен, что именно умеренность и аккуратность могли бы спасти русскую нацию, половинчатым представителем которой он является. Ему, кстати, очень нравится, что он полукровок, что в нем сошлись Восток и Запад, при этом Восток не просто Восток, а Кавказ, это отдельная боевая песня, Запад тоже не просто Запад, а Россия, которая одновременно Восток, но никогда полностью к Востоку не примкнет в силу уже христианства. Егор был крещен в младенчестве, но в зрелом возрасте, поразмыслив, решил, что его характеру и взглядам, его, не будем бояться этого слова, имиджу больше всего соответствует буддизм. И он стал буддистом – мировоззренчески, не обременяя себя ритуалами.

Итак, чувство меры – вот главное условие правильного эгоизма, правильной любви к себе и, соответственно, к миру. Гедонист, убивающий себя алкоголем и табаком – не эгоист, поскольку вредит себе. Бабник, бестрепетно перешагивающий через поверженные тела соблазненных женщин, не эгоист: много женщин – много риска, много хлопот, и вообще, любое чрезмерное увлечение противоречит здоровому эгоизму. Как известно, самый большой вред люди приносят сами себе. Берутся за дело не по силам, покупают вещи не по карманам, потребляют продукты не по здоровью и т.п. А уж в отношениях с женщинах у посредственных эгоистов полная сумятица, стресс на стрессе. Настоящий эгоист никогда не бросится в любовь, как в омут, он любит внимательно, осторожно (при этом может быть внешне умело экзальтированным), он взвешивает шансы. Настоящий эгоист знает, как легко нанести себе психологическую травму, если не рассчитал силы и потерпел поражение. Но любить при этом надо, конечно же, женщин первого порядка, безусловно красивых – эгоист тоже человек, он слаб и грешен, ему необходимо подогревать свое тщеславие и честолюбие; красивая женщина – хорошая ветка для такого костра. Известность женщины приветствуется: статус и популярность добавляют сексуальности избранному объекту; к тому же, тебе все завидуют, а эгоисту это необходимо, он должен быть в центре внимания. Поэтому в Москве у Егора была связь с юной сногсшибательной певичкой, только что зажегшейся звездочкой, уже засветившейся на телевидении и на обложках гламурных журналов. А в Сарынске он медлил с выбором: девушка должна быть безусловна красива, безусловно умна и, конечно, при этом должна ему понравиться.

Но Егор не только о себе думал, он был очень увлечен своим театром, своим делом, удивляясь наивности слов Станиславского: «Надо любить театр в себе, а не себя в театре». И театр в себе надо любить, и себя в театре, противоречия тут никакого. Императивы театру вообще вредят.

Каждая премьера в его театре становилась событием, но всякое событие нужно готовить. Само собой, сделать спектакль, это первое. Но и остальное должно быть на уровне – афиши, программки, буклеты, постеры, во всем должен быть столичный пошиб – в Саранск Егор вернулся не навсегда, а чтобы проверить себя лабораторно и сделать свой театр стартовой площадкой для последующих московских и международных проектов. В прошлый раз работа фотографов Егору не понравилась, знающие люди порекомендовали ему Володю Марфина или его подругу Дашу Соломину. Или обоих. Егор нашел их страницы в Интернете и выбрал Дашу. Позвонил ей (мобильный телефон был указан на сайте), сказал, что требуются фотографии для разных целей. Даша, сотрудничавшая с газетой «МК-Сарынск» не только как фотограф, но иногда как интервьюер, предложила Егору заодно что-нибудь наговорить для этого популярного издания. Тот согласился, хотя обычно интервью готовил сам, то есть письменно формулировал вопросы, отвечал на них, потом отдавал как бы на редактуру своей помощнице и пресс-секретарю Насте (той самой лысой девушке, которую невзлюбила Яна Немчинова), та смотрела, делала мелкие замечания, подписывала («ты мой псевдоним!» – с улыбкой говорил ей Егор) и рассылала по местным печатным изданиям и Интернет-порталам.

Даша пришла в театр, познакомились, Егор повел ее в зал, попросил подождать, пока он закончит репетицию – одну из последних перед премьерой. Заодно пусть снимает рабочие моменты, а актерам он скажет не обращать внимания.

Пьеса называлась «Бабло-блюз», ее сочинила молодая московская драматургесса Таня Яшко, бывшая работница банка. Сюжет: молодая семья берет кредит, потом муж лишается работы, жена беременеет, муж ищет деньги и новую работу, тщетно, он придумывает авантюру: попадает хитростью на прием к важным и богатым людям и объявляет, что они должны дать ему денег.

Сейчас разыгрывался эпизод, когда герой Зеро (такую он придумал себе кличку) приходит к большому чиновнику Пшибышейкину. На сцене пусто, только стол Пшибышейкина. Начальник, восседая за столом, отбивается от Зеро, как может.

ПШИБЫШЕЙКИН. Я все понимаю, то есть я ничего не понимаю. Главное, я не понимаю, с какой стати я должен дать вам денег?

ЗЕРО. Но коментс.

ПШИБЫШЕЙКИН. Я зову охрану.

ЗЕРО. Зовите.

ПШИБЫШЕЙКИН. Я зову.

ЗЕРО. Зовите.

ПШИБЫШЕЙКИН. Вы меня шантажируете?

ЗЕРО. Нет.

ПШИБЫШЕЙКИН. Вы попали в трудное положение?

ЗЕРО. Вся жизнь – трудное положение. Вы не знали?

ПШИБЫШЕЙКИН. Сколько вам нужно денег? Я не собираюсь вам давать и не дам, но просто интересно.

ЗЕРО (достает колоду карт). Тяните карту.

ПШИБЫШЕЙКИН. Зачем?

ЗЕРО. Узнаете, сколько вы мне должны. Значения карт знаете? Тут колода на пятьдесят четыре листа плюс джокер. Двойка – два миллиона рублей, тройка – три. И так далее. Козырные карты по десяти, туз одиннадцать, джокер – вам повезло, вы мне ничего не должны.

ПШИБЫШЕЙКИН. Я в любом случае вам ничего не должен.

ЗЕРО. Должны. Вы всем должны. Но я первый догадался прийти и сказать вам об этом.

ПШИБЫШЕЙКИН. Нет, но за что?

ЗЕРО. Вы хотите легко отделаться. Я скажу вам, за что. Но только после того, как деньги будут переведены на мой счет. Хотя можно и наличными. У вас наверняка в сейфе

миллионов пять-шесть на карманные расходы.

ПШИБЫШЕЙКИН (невольно оглянувшись). А почему карты? Точней нельзя?

ЗЕРО. Если точней, вам же хуже. Тогда вы со мной не расплатитесь никогда.

ПШИБЫШЕЙКИН. Я вытяну карту, но не дам вам ни рубля. Мне просто интересно. (Вытаскивает карту). Четверка.

ЗЕРО. Четыре миллиона.

ПШИБЫШЕЙКИН. Выйдите отсюда.

ЗЕРО. Рискуете.

ПШИБЫШЕЙКИН. Чем это?

ЗЕРО. Я ведь уйду.

ПШИБЫШЕЙКИН. На здоровье.

Зеро встает, идет к двери.

ПШИБЫШЕЙКИН. Стойте! Последний раз спрашиваю: за что я вам должен четыре миллиона?

ЗЕРО. Вот видите. Вы уже согласились на четыре миллиона.

ПШИБЫШЕЙКИН. Я не согласился! Просто карта выпала... Не хотите говорить?

ЗЕРО. Нет.

ПШИБЫШЕЙКИН. Потому что вам нечего сказать.

ЗЕРО. Вы прекрасно знаете, что мне есть что сказать.

ПШИБЫШЕЙКИН. А если вы обманете? Я вам дам денег, а вы не скажете?

ЗЕРО. Скажу. (Негромко). Может быть.

ПШИБЫШЕЙКИН. Что?

ЗЕРО. Скажу.

ПШИБЫШЕЙКИН. А если не дам денег, что вы сделаете?

ЗЕРО. Ничего. Просто – не скажу.

ПШИБЫШЕЙКИН. Умереть со смеху. Ну сообразите сами свой тупой башкой, что такого вы мне можете сказать, чего я о себе не знаю?

ЗЕРО. Естественно, ничего. Но есть вещи, относительно которых вы убеждены, что никто, кроме вас, о них не знает. Ни одна душа. А вдруг это не так?

ПШИБЫШЕЙКИН. Это вы о чем?

ЗЕРО. Для наглядности приведу пример. В детстве я мастурбировал. Как все. Приходил из школы домой и, пока никого не было.... Раздевался догола для удобства...

ПШИБЫШЕЙКИН. Без подробностей!

ЗЕРО. Раздевался догола для удобства, закрывал шторы, потому что напротив был дом – вдруг кто-то подглядел бы. Стоял перед зеркалом или лежал, глядя в потолок и воображая. Или смотрел что-то порнографическое в Интернете. Там полной такой ерунды в помощь юному онанисту, вы же знаете.

ПШИБЫШЕЙКИН. Откуда мне это знать?

ЗЕРО. А чего это вы покраснели?

ПШИБЫШЕЙКИН. Ерунда! Этого быть не может! У меня капилляры глубоко под кожей, врач говорил, я практически не краснею, я бледнею наоборот!

ЗЕРО. Да, вы побледнели. У вас тут плохое освещение. И шторы закрыты.

ПШИБЫШЕЙКИН. При чем тут шторы?

ЗЕРО. Ладно, я пошел.

ПШИБЫШЕЙКИН. Вы не дорассказали!

ЗЕРО. Дорассказываю. Однажды, на другой день после очередного сладостного акта мастурбации я пришел в школу, сидел на уроке и увидел, как мой рыжий и конопатый одноклассник Никита Лукин шепчется о чем-то со своим соседом Женей Молочковым, посматривает в мою сторону и хихикает. Я похолодел. Я знал, что Никита живет в доме напротив. Я сразу же представил, что он каким-то образом увидел, что я делаю, и вот

теперь рассказывает. И об этом будет знать вся школа.

ПШИБЫШЕЙКИН. Как он мог увидеть?

ЗЕРО. Неважно. В бинокль, в щелку между штор, в камеру видеонаблюдения, которую тайком поставил. Я сразу же предположил сто вариантов – и все показались возможными. Подростковая мнительность – страшное дело. Я уже чувствовал себя разоблаченным. Вся школа хохочет надо мной. Девчонки обзываются, пацаны плюются.

ПШИБЫШЕЙКИН. Я думал, у вашего поколения более здравый подход к этому делу. Не считается грехом.

ЗЕРО. Никаких поколений нет. Есть отдельные люди, коллективы, тусовки, общества. В нашей школе это считалось быдлячеством. Считалось, что у нормального пацана должна быть девушка, а не правая рука. Самое при этом смешное, что поймать на этом баловстве любого было очень просто.

ПШИБЫШЕЙКИН. Как это?

ЗЕРО. А вы не знали? У каждого, кто занимается онанизмом, на ладони растут волосы.

Пшибышейкин невольно взглядывает на свою ладонь, Зеро хохочет.

ПШИБЫШЕЙКИН. Это трюк, глупость! Любой человек поневоле посмотрит, даже тот, кто никогда...

ЗЕРО. Вот! В корень смотрите! Мы готовы уличить себя даже в том, чего не делали, что уж говорить про остальное! Короче, меня бросило в жар и я похолодел, как вы сейчас.

ПШИБЫШЕЙКИН. Я не...

ЗЕРО. На перемене я подскочил к Никите.

Зеро идет вглубь сцены, где появляется Никита – человек его возраста, но в подростковой одежде. Общаются с подростковыми интонациями и жестами.

ЗЕРО. Ты че сука, говорил, а?

НИКИТА. Че я говорил?

ЗЕРО. Нет, ты че говорил, ё, ты ответишь за свои слова, понял?

НИКИТА. Кому я говорил, че я говорил, ты че?

ЗЕРО. По морде сейчас получишь, понял? Говори, че говорил, а то по морде, понял?

НИКИТА. Ниче я не говорил!

ЗЕРО. Убью, если еще кому скажешь!

НИКИТА. Да че говорить-то? Я вообще про тебя не говорил!

ЗЕРО. Ты меня понял, нет? Убью, сказал!

НИКИТА. Убил один такой!

ЗЕРО. Че ты сказал? Урою, сука!

Нападает на Никиту, они дерутся. Зеро вытесняет Никиту за кулисы, возвращается, поправляя разорванную одежду.

ЗЕРО. Я его в самом деле чуть не убил. Такую злость в себе обнаружил... Вот так люди и становятся преступниками.

ПШИБЫШЕЙКИН. Ну, и к чему вы это? Не понимаю.

ЗЕРО. Да все вы понимаете. Есть то, что вы делали и думали, что никто не знает. Шторы закрыты, никаких камер наблюдения. А вдруг каким-то образом кто-то знает? Или догадывается?

ПШИБЫШЕЙКИН. Кто, как?

ЗЕРО. А, значит что-то есть!

В этом месте Егор прервал репетицию. Сказал актеру, игравшему Зеро:

– Петя, я уже говорил: не так злорадно! Ты любишь свою жертву. Волк любит зайца за то, что заяц дал ему возможность доказать, что он, волк, быстрее и сильнее. Ты говоришь даже с сожале-

нием. Тебе жаль, что противник так быстро сдался.

– Повторить?

– Нет, просто запомни, хорошо? Ты ведь это уже делал.

– Я помнил, просто сбился.

Затем по ходу пьесы герой Зеро, заставляющий всех подозревать себя во всем сразу и считать, что это может быть кому-то известно, сам начинает подозревать жену, а потом и себя. Он мучается, ему кажется, будто он сделал что-то ужасное, но по каким-то причинам не знает или не помнит. Пристает к жене с расспросами. Жену по очереди играли две актрисы – одна, судя по всему, опытная, умелая, вторая – что-то вроде стажерки. Играя, она оглядывалась на зал, на Дашу, Егор сделал ей замечание и закончил репетицию. Они с Дашей сели перед пустой сценой.

– Интересно, – сказала Даша.

– Рад, что вам понравилось. Теперь поговорим?

– Жду вопросов, – кивнул Егор.

Даша с неудовольствием почувствовала, что слегка смущается. Егор был серьезен, задумчив, весь в своих мыслях, будет неприятно показаться глуповатой, задать слишком примитивные вопросы. Надо подстраховаться.

– Я буду спрашивать всякую чепуху, потому что, сами понимаете, для какой это газеты. Надо учитывать формат.

– Приходится, – согласился Егор, улыбнувшись.

– Первый вопрос. Если в двух словах, о чем пьеса?

– Если в двух, то о жизни, – ответил Егор. – Предлог – это слово?

– Вроде бы. У театра есть какая-то программа?

– Я ненавижу слово «программа». Программа пусть будет у какой-нибудь партии и у компьютеров. Извините за высокопарность, искусство, вот программа.

Действительно, дурацкий вопрос, подумала Даша.

– Я имею в виду – эстетическая программа.

– Я понял.

Идиотка, подумала Даша. Ясно, что эстетическая, какая же еще? С чего это я глупею прямо на глазах? Хоть бросай интервью к черту.

– Но что-то вы хотите сказать зрителям, для чего-то все это делается? – спросила Даша, с ужасом понимая, что этот вопрос еще тупее предыдущих.

– Мы ничего не хотим сказать, – спокойно ответил Егор, и Даша была благодарна ему за то, что он не смеется над ней открыто, хотя мог бы. – Мы просто играем ту или иную пьесу по каким-то своим соображениям а что увидит и поймет зритель, это уже его дело. В зале сто двадцать мест, каждый зритель понимает по-своему, следовательно, мы имеем сто двадцать разных спектаклей.

Даша с упорством, непостижимым для нее самой, продолжала расспрашивать о пустяках и банальностях: кто ходит в театр, почему играют не профессиональные актеры, как встречают театр, когда он выезжает в другие города и в Москву? (За выражение «в другие города и в Москву» Даша была готова дать себе пинка. Еще спроси про другие страны и Францию.)

Егор терпеливо и внятно отвечал, умудряясь добавлять и говорить о том, о чем Даша не спрашивала. Он, конечно, видел, что девушка путается и не владеет материалом, но это не беда, он потом поправит или перепишет заново. На самом деле она не дура, это по глазам видно. Просто слегка растерялась. Важнее то, что она красива – не обычной российской симпатичностью, которая есть в каждой второй девушке, красива по законам пропорции и анатомической геометрии – нос, губы, лоб, почти идеальные очертания. Обязательно надо будто продолжить с ней знакомство.

– Вроде все, – сказала Даша. – О чем я еще не спросила?

– Для одного раза хватит. Когда будет готов текст, принесите, я посмотрю, ладно?

– А по электронной почте?

– Нет, нужен живой текст, на бумаге. Я посмотрю и завизирую. И, кстати, предупредите га-

зету, что после того, как текст будет завизирован, я настоятельно не рекомендую менять слова и вообще что-либо делать. В крайнем случае пусть позвонят мне и согласуют. Слишком часто меня перевирали, я страхуюсь, – объяснил Егор, и Даша увидела в его словах не амбиции, а нормальное человеческое достоинство. Действительно, в наше время и в нашем мире необходимо страховаться, чтобы из тебя не сделали чудище или чучело.

– А теперь я вас поснимаю, – сказала Даша.

И начала снимать.

Егор был идеальной моделью – делал все, что она просила, при этом оставался простым и естественным. Не корчил из себя мыслителя, не напрягался. Надо повернуться в профиль – поворачивался, надо смотреть прямо – смотрел. Видимо, постоянный внутренний процесс, который в нем шел, обдумывание чего-то важного, позволяли Егору как бы даже не замечать, что его снимают. Даша очень оценила это редкое качество. И ведь красивый парень, мужик – высокий, худощавый, волосы небрежно короткие, одет просто, удобно, но, конечно, в хорошие, стильные вещи. Интересно, откуда у него что-то кавказское в лице? Папа кто? Ну, папа известно кто – Костяков? А мама? Надо узнать.

Егор в свою очередь исподволь рассматривал Дашу. Свои позы его действительно мало интересовали, он давно научился вести себя перед камерами (к тому же, считал себя неплохим от природы актером, хотя ни разу не пробовал играть – неплохих много, вот если бы гениальный), а Даша, занимаясь привычным делом, перестала смущаться, деловито ходила вокруг, командовала, и Егор все больше убеждался, что эта девушка ему вполне подходит.

Он решил намекнуть ей на свое благорасположение – чуть-чуть, но ощутимо. Улыбнулся и сказал:

– Могу подпрыгнуть, если хотите?

– Зачем?

– Ну, заставлял же ваш знаменитый коллега Хальсман подпрыгивать людей. Даже президенты прыгали. Он считал, что человек в состоянии прыжка обнаруживает свою истинную сущность. Хотя, что я вам рассказываю, вы это лучше меня наверняка знаете.

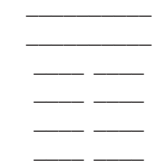
– Да, – сказала Даша. – Но прыгать не будем.

Дура необразованная, добавила в уме. Надо запомнить: Хальсман, Хальсман. (И потом нашла в Интернете: Филипп Хальсман, действительно заставлял людей подпрыгивать, чем и прославился. Фотограф, конечно, обязан знать такие вещи, стыдно ей – надо больше читать вообще.)

А Яна стояла в темноте, между стенкой и каким-то фанерным щитом, наблюдала в щель. Она поняла, что Даша и Егор до этой встречи не знали друг друга. Знакомые так не говорят. Она видела, что красотка с фотоаппаратом изо всех сил старается понравиться Егору. Совсем надо быть без глаз, чтобы этого не увидеть. Поняла она также, что и Егор запал на красотку. Яна успела уже изучить Егора, присмотреться к нему, она знает, насколько он умеет держать себя ровно со всеми, как соблюдает расстояние. Они, может, сами еще не поняли, что произошло – потому что не видели себя со стороны, а Яна видит.

Что же, она примет меры. Какие, неизвестно, но бездействовать Яна не собирается.

20. ГУАНЬ. Созерцание.

Будьте готовы к неприятному сюрпризу.

Наташа считала себя не вполне нормальной женщиной. Иногда она думала о себе и жестче: что вообще не совсем женщина. Наблюдая за своими сосестрами по полу (есть же собратья, почему не сказать сосестры? – но у мужчин вообще всего больше, в том числе слов, их обозначающих по профессиям – кулинар, директор, доктор. В женском роде как будет? Кулинарша, директриса, докторша? Некрасиво. Сам язык, по крайней мере, русский, где есть роды, узаконивает неравенство. Разве что очень уж простые профессии в женском варианте звучат если не привлекательно, то естественно: уборщица, секретарша...), так вот, наблюдая за женщинами, за тем, как они красятся, одеваются, кокетничают, разговаривают с мужчинами, Наташа с юности поняла, что ей за ними не угнаться. Она была вполне привлекательна, стройна, каштановые волосы, волнистые от природы, ореховые глаза, легкая смуглость кожи (ради которой другие из соляриев не вылезают), но при этом категорически не умела и не хотела кокетничать, заманивать, нарочито одеваться и нарочито краситься (она, собственно, не красилась совсем). Да, это вечно, это инстинкт – нравиться всем и всегда, от пещерных времен и доныне. Выбери меня, я буду лучшая подруга, жена, мать. Но перебороть себя Наташа не могла, да и зачем? Говорила она с мужчинами точно так же, как с женщинами – с коллегами, когда работала в больнице, с пациентами и со всеми остальными.

Она считала себя ущербной, несовременно не сексуальной – потому что нечасто ловила себя на векторных эротических желаниях. Ну да, некоторые мужчины нравились больше, чем другие, но по-человечески, без подтекста или без подсекса, как выражаются нынешние остроумцы.

Ей было двадцать четыре, когда встретился Аркадий Крупин, вежливый, застенчивый анестезиолог. Тут-то она поняла, что, наверное, испытывают другие женщины более или менее постоянно, а она почувствовала только вот сейчас: кровь приливает, голос меняется в его присутствии, улыбка дурацкая, постоянное опасение: хорошо ли выгляжу, вымыты ли волосы, аккуратно ли пострижены ногти? Положим, ни ногтей, ни губ, ни ресниц и бровей она так и не стала красить, но зато, страшно смущаясь, купила в аптеке женскую бритву и крем, закрылась в ванной, будто делала что-то непристойное, и со слезами унижения на глазах стала приводить ноги в состояние той гладкости, которая, как она выяснила окольно, нравится абсолютно всем мужчинам. Потом привыкла, кстати, стало делом обычным.

Потом с удивлением заметила, что Аркадий тоже на нее посматривает. Даже растерялась: с какой стати, почему? А дальше все было правильно, как у людей: встречались, гуляли, сидели в кафе, она зашла к нему в гости, он зашел к ней в гости, потом оказались в постели, оба были неопытными и неловкими... Но вскоре Наташа открыла в себе темперамент, которому сама поразилась. И, конечно, приятно было Аркадию: она говорила, что это он открыл ее, как женщину, это он так ее доводит, это он зверь, а не мужчина. Аркадий и рад стараться, конечно.

Поженились. Наташа страстно хотела ребенка, поэтому почти каждый вечер у них с Аркадием кончался любовными играми. Аркадий мужал на глазах, продвигался и в клинике, где они работали, а потом – пошлая больничная история, каких тысячи: сестра-хозяйка зашла в ординаторскую, поманила Наташу с лукавым видом, повела по коридору в процедурный кабинет, закрытый якобы на дезинфекцию, но у сестры-хозяйки был ключ и опыт бесшумного открывания дверей. И она воспользовалась этим опытом, и показала Наташе Аркадия с женщиной, неважно с кем, не хочется вспоминать ни имени, ни лица.

Дальше было странно, если посмотреть со стороны: не Аркадий уговаривал Наташу отнестись к происшедшему легко, говоря, что всякое случается, а Наташа успокаивала его: бывает, что же делать, не трагедия, главное – мы любим друг друга. Нет, терзался Аркадий, я подлец, нет мне прощения. Я тебя обманул, я девушке неизвестно чего наобещал. Не могу жить двойной жизнью.

И ушел к этой девушке.

Наташе было больно, обидно, но она пережила. Через пару лет Аркадий пришел и сказал ей, что не прочь пересмотреть, переиграть, вернуться. Наташа спокойно ответила, что пересматривать и переигрывать не надо, возвращаться тем более.

– Дура, – говорила ей лучшая подруга Полина. – Человек от чистого сердца!

– Может быть. Но я его больше не люблю.

– При чем тут люблю, не люблю! Жить с кем-то надо!

– Зачем?

...

Ей было тридцать четыре (но выглядела моложе), когда в ее жизни появился Валерий Сторожев, мужчина на десять с лишним лет старше ее.

– С ума сошла, – говорила Полина. – Ему далеко за сорок, он дважды разведенный, хотя выглядит неплохо, я видела. Им в таком возрасте нужны совсем молоденькие, а жениться на фиг не приспичило!

– Я не собираюсь за него замуж. Просто влюбилась и мне хорошо. Нет, плохо вообще-то. Но... В общем, есть чем жить.

– Тогда действуй, не ходи вокруг и около!

И Наташа, ненавидя и попрекая себя, начала действовать. Сменила, насколько позволяли средства, гардероб (под руководством Полины), сходила в салон красоты на предмет эпиляции – и так далее, и тому подобное, Наташа не любит об этом вспоминать. Как и о том, что напросилась, навязалась, подобно обычным женщинам, которые умеют это делать от природы, а она заставила себя. Стала нужной Валере – для общения, для досуга, а потом и для любовных дел.

Скоро поняла, что попала в беду. Не просто влюбилась, а любит, одновременно и радостно, и тяжело. В книгах героини говорят в подобных случаях: «Жить без него не могу». Скорее всего, преувеличивают. А у Наташи было именно так – не болезнь, не страсть, а ощущение найденного единственного человека, который тут же вошел в тебя, стал тобой – и жить без него не можешь так же, как без себя. При этом Наташа видела, что у Валеры в ответ не страсть, не любовь и даже не увлечение, а – согласие. Так сложилось, ну, пусть так будет. Его все устраивало – пока. Что будет дальше, Наташа не хотела думать. Заранее прощала ему все, что могло случиться. Полина не верила:

– Быть не может! То есть, и любые измены простишь, если будут?

– Да. Постараюсь не знать, но если узнаю, ничего ему не скажу. Уйдет – уйдет. Нет – значит, хочет жить со мной. Вот и все. Увижу, что ему плохо, сама его с кем-нибудь познакомлю.

– Не верю! Наташ, не первый год на свете живу, не верю! Ты не мне врешь, ты себе врешь! Так не бывает.

– Я его люблю, – с улыбкой ответила Наташа. – Я хочу, чтобы ему было хорошо. Очень хочу. Что тут странного?

– Ты или дура или не знаю кто.

– Считай, что дура.

Наташа старалась не приглядываться к Сторожеву слишком пристально, боялась поймать себя на том, что контролирует, не верит ему. Когда видела, что Валере скучно дома, сама подводила разговор к тому, чтобы ему было легче уйти. Вот и сегодня, в воскресенье, он то книгу возьмет, то телевизор смотрит, то за компьютером сидит, то просто стоит у окна. Что-то с ним происходит. Влюбился, что ли? – думает Наташа, стараясь мысленно усмехаться. Нет, усмехаться не получается – даже мысленно. Тогда думай, приказала она себе, что это хорошо. Это счастье, когда человек влюбляется. Он мужчина. Увидел кого-то, поманило – почему нет? Легкое увлечение. Или не очень легкое. Нет, лучше легкое. Дома ему плохо, просто гулять он не имеет привычки. И никто не звонит с утра, как назло, никто не зовет к больному, в клинику сегодня ехать тоже повода нет, там только дежурный врач и охрана, административным надзором (свалиться на голову и что-нибудь обнаружить) Сторожев тоже не увлекается.

Выбрав момент, Наташа спросила:

– Как там у Саны дела?

– Чего это ты вдруг?

– Да просто. На календарь посмотрела, завтра у нее день рождения.

– Ты помнишь?

– Да как-то запомнила...

(На самом деле у Наташи записаны все дни рождения родственников Валерия: он вечно забывает, а потом спохватывается, ему неловко).

– Черт, а у меня завтра работа с утра до ночи, – огорчился Сторожев.

– Съезди сегодня.

– Это мысль!

Сторожев позвонил Сане, выяснил, что завтра она с матерью, ее другом и своими друзьями отправляется на дачу, так что, если хочешь, приходи сегодня. Сана, умница, знала, что друг мамы Толик и отец не очень любят встречаться, да и мать не горит видеть их вместе.

В очередной раз оценив невероятную чуткость и проницательность Наташи, Валера обнял ее. Поцеловал, спросил:

– Как ты обо всем догадываешься?

– Ладно, езжай, – сказала Наташа.

Илона в гостиной смотрит телевизор.

Валера исполняет обряд гостевания. Прошел в комнату дочери, поздравил ее, вручил какой-то подарок. Сана ему облегчает положение, всегда просит подарить какой-нибудь сувенир, а остальное деньгами. Она сама себе купит – джинсы, кроссовки какие-нибудь. Очень практичная растет девочка. Это неплохо.

Дверь в комнату дочери открыта, Илона видит, как Сана сидит вполуоборот к отцу, говорит с ним и одновременно смотрит в монитор, щелкает по клавишам – с кем-то переписывается.

Сторожев задает какие-то вопросы.

– Как дела?

– Отлично.

– Решила уже, кем будешь?

– Рано.

– Кто-то из мальчиков нравится?

– Да не особенно.

Всё. Темы исчерпаны. Сторожев сидит и молча смотрит, как пальчики дочери ловко порхают по клавиатуре. Если правду говорят, что умственное развитие зависит от мелкой моторики, от работы пальцев, то современные дети должны быть гениями. Однако, незаметно.

Наконец, высидев какое-то время, чтобы не показалось, будто наспех, Сторожев встает, целует Сану в щеку, выходит из комнаты дочери. Илона замечает, как Сана быстрым движением руки вытирает смоченную поцелуем щеку.

– Кофе? – спрашивает Илона.

– Да, пожалуй.

Идут в кухню, где все блестит и все на своем месте, Илона готовит кофе – и себе тоже.

Спрашивает:

– С сахаром?

– И с молоком, помнишь же.

– Ты мрачный какой-то. Что, семейная жизнь не налаживается?

Сторожев, помешивая ложечкой кофе вместо того, чтобы дать ему отстояться, говорит:

– Я еще, когда мы жили вместе, заметил: ты задаешь вопросы, как бы это сказать, в утвердительно отрицательной форме. С утра встаешь: ну что, опять там погода дрянь? Или меня спрашиваешь: у тебя неприятности? Вместо: какая погода, что у тебя случилось? Сейчас вот тоже. Нет, чтобы спросить: как у тебя дела? – сразу: семейная жизнь не налаживается? – Сторожев не дразнит, но интонацию повторяет довольно точно, его это самого смешит, он коротко смеется.

– Придумываешь черт знает что, – говорит Илона, не показывая, что слова Сторожева ее

задели.

– Ты будто всегда готовишься к худшему. Зачем? Это не я мрачный, Илоша, это у тебя всегда какой-то настрой. Знаешь, как некоторые больные: доктор еще ничего не сказал, только осматривает, а они уже: что, все так плохо? Характер, что ли, такой у тебя? Я просто так и не понял, пока вместе жили.

– Кто мрачный, ты о чем? У меня все прекрасно. С тех пор, как я от тебя ушла.

– Ушел вообще-то я.

– Я просто не успела. Ты угадал мое заветное желание.

Илоне очень хочется ответить ему, как следует, чтобы заткнулся навсегда. Напомнить, что это она его сделала. Что у нее молодой энергичный муж, который работает даже по воскресеньям – хочет обеспечить семью, приемную дочь. Не жалеет себя. Сказать ему, что, когда Сана сообщает: «Отец звонил, прийти хочет», – в ее голосе явно слышится скука: она не знает, о чем говорить с отцом и, к тому же, умная девочка, видит, что интерес отца к ней формальный, поверхностный.

Но она сдерживается. Илона успела хорошо изучить Сторожева, она видит, что тот пришел не просто так, хочет о чем-то сказать – важном для него. И, похоже, это касается не работы, о ней он говорит редко. Что-то личное. Может, расстался наконец со своей Наташей? – явно же она ему не пара по всему. Простовата, глуповата, надоедливо обожает Сторожева (так предполагает Илона), а мужчины этого терпеть не могут. Конечно, Илоне все равно, но Валера не чужой человек, она была бы рада, если бы он принял правильное решение.

И после паузы, Илона спрашивает участливо, по-родственному:

– В самом деле, случилось что-нибудь?

– Похоже, да.

– Заболел?

– Заметь: опять задаешь вопрос в утвердительно отрицательной форме.

– Ну, извини. Так что случилось?

Сторожев хмыкает, вынимает ложечку из чашки, отпивает, морщится: кофе уже остыл, а гуща не осела. Вытирает губы салфеткой. Говорит:

– Такая ерунда, Илона: влюбился я, кажется.

Илона смотрит на Сторожева и думает: интересно, они все такие дураки? Они действительно считают, что женам, пусть и бывшим, до зарезу хочется услышать, как они в кого-то там влюбились? Но держит марку (чтобы узнать больше), вежливо спрашивает:

– В кого?

– В девушку. Ей двадцать лет всего, представляешь?

Весь светится, хотя и печален как бы. Будто бы эта девушка уже у него в руках, объяснилась в любви и хочет за него замуж. Наверняка ведь нет.

– Поздравляю, – говорит Илона. – Не боишься? Такая разница в возрасте – сил не хватит.

– А я ничего не собираюсь. Она вообще не знает, что я влюбился. Я сам узнал недавно – когда ее увидел.

– То есть с первого взгляда?

– Да.

Илона успокаивается. С первого взгляда – это ерунда, это пройдет.

– Ты хочешь посоветоваться, что делать?

– Я же сказал: ничего я не буду делать.

– Еще кофе?

– Нет, пойду.

И Сторожев уходит. Видимо, за этим и приходил: сообщить о своей большой радости. Не спросил толком ничего о дочери. О том, что с Илоной происходит, тоже не спросил. То есть с ней ничего не происходит, слава богу, но – мало ли. Она может заболеть, у нее есть какие-то заботы и мысли, но ему все равно.

Илона сердится больше не на Валеру, а на себя. Ведь она точно знает, что Сторожев ей не

нужен. Она не любит его. Она чувствует себя стесненно и неловко, когда он приходит. Но тогда почему ей так неприятно, что он в кого-то там влюбился?

Просто я добрый человек, решает Илона. Да, мы жили вместе недолго, но у меня от него дочь. Он мне не безразличен – как отец Саны. Как любой другой более или менее близкий человек. Она боится за него, не хочет, чтобы ему стало плохо, вот и все.

Эта мысль Илону радует: всегда приятно обнаружить в себе высокие человеческие качества.

Входит Сана:

– Ушел?

– А ты не видишь?

– Мало ли, может, он в туалете.

Людмила, когда позвонил Сторожев и выразил желание зайти, сказала: нет, у меня другие планы. На самом деле – и настроение не то, и в квартире бардак, и сама она халда халдой... Но тут же подумала: а когда у нее настроение то, когда в квартире не бардак, когда она не выглядит халдой? Пусть приходит, ей все равно. Веселее не будет, но все же что-то. И, перезвонив, она сказала, что планы изменились, принять может на полчаса. Или тебе больше надо? Да нет, ответил, хватит.

Она сама врач, она понимает, что неплохо бы ей уже обратиться к специалисту. Слишком затянулась депрессия, слишком пусто жить. Таблетки Людмила, конечно, пьет, какие выбирает сама, но помогают они мало. Да и как помогут, если в аннотации к любому антидепрессанту написано: «побочные действия – иногда депрессия». Вот и лечись. Учитывая, что если написано «иногда», то у Людмилы это будет в обязательном порядке. Нет, в самом деле, вот посоветовали ей одно лекарство, сказав, что вся Америка на нем давно сидит и прекрасно себя чувствует. Людмила выписала сама себе рецепт, купила, дома вытащила аннотацию, развернула ее, длинную, как египетский папирус, сразу же нашла раздел **Побочные действия**, а там с первой же строки: тревога и раздражительность, усиление суицидальных тенденций, повышенная утомляемость, нарушения сна или сонливость, кошмарные сновидения, головная боль, нарушение остроты зрения, мидриаз, нарушение вкусовых ощущений, расстройства мышления, тремор, акатизия, атаксия, деперсонализация, мания, мышечные подергивания, щечно-язычный синдром, миоклония, злокачественный нейролептический синдром, депрессия.

Нет уж, пейте сами эту гадость, а мы – вино. Вино тоже не очень помогает, но хотя бы расслабляет немного. Можно поставить Моцарта, слушать, представлять себе счастливую жизнь – такую же счастливую и полную чувствами, как его музыка, и плакать.

Ожидая бывшего мужа, Людмила даже не глянула в зеркало. Знала и так, что увидит: расплывшуюся пятидесятилетнюю бабищу с непристойно красным лицом. И пусть, ей наплевать. Жизнь все равно прожита. Обидно, что многим хотя бы есть о чем вспомнить, о чем пожалеть. Ей – не о чем. Брак с Валерой был странным, случайным. Оба это понимали, но почему-то себя обманывали. Даже и не терпели, казалось – все нормально. К тому же – молодость, работа, дети, все это затягивает. Особенно дети. В них Людмила влюбилась беззаветно, и в Ксению, и в Михаила. Перестала обращать внимание на мужа, торопилась с работы домой, вилась и кружилась вокруг них. А выросли – все кончилось. Ксения в Москве, у нее своих детей уже двое, к матери не приезжает, Людмила тоже стесняется навестить их лишний раз – всего-навсего трехкомнатная квартира, спать приходится на диванчике в проходной комнате. Михаил живет с какой-то женщиной, с которой даже не познакомил. Заходит раз в месяц, на вопросы отвечает неохотно, Людмила, не в силах сдержать материнское сердце, начинает попрекать, он дерзит, грубит, уходит...

Ничего нет, ничего. Работа обрыдла, дети потеряны, мужа, можно сказать, не было, чем жить?

Сторожев приехал. Сделал вид, что не заметил неприбранной квартиры и неряшливости Людмилы, но она-то заметила, что он заметил. Деликатный какой. И моложавый, зараза, поставь их рядом – ей плюс десять лет, ему минус столько же. Машина дорогая – Людмила в окно виде-

ла, когда подъезжал, одет аккуратно, пахнет хорошо. Людмила хлопнула полстаканчика вина и, представляясь более пьяной, чем была на самом деле (а на самом деле никогда не доводила себя до полного опьянения), спросила:

– Что, е. в р.,* соскучился?

Она знала, что Сторожев не любит ее мата. А она иногда очень склонна – для экспрессии. Да и с какой стати ей теперь стесняться? Детей дома нет, а он ей никто.

– Можешь сегодня не ругаться? – спросил Сторожев, осторожно садясь на стул с когда-то бежевой, а теперь серой от грязи обивкой, за стол, уставленный чашками и тарелками.

– А чего, сегодня, б., что ли, праздник какой? – поинтересовалась Людмила.

– Просто – неприятно.

– А мне по х., дорогой Валерий. Я у себя дома. Ну, чего приехал, рассказывай?

– Так. Увидеть захотел.

– Е. не хотеть, надо же, какое счастье! Молодой человек, я с вас ох...ю, какой вы, сука, галантный! А где, б., цветочки тогда? А шампанское?

– Мила, хватит, перестань.

– Мила! Х...ла! Милу на мыло! Людмила Семеновна я, если кто, б., на ухо глухой. Понял меня?

– Ты пьяная, что ли?

– А тебя касается?

Людмила плюхнулась на стул, чуть не упав вместе с ним, оперлась о подоконник, сохранила равновесие. Посидела некоторое время, ссутулившись над столом.

И вдруг надоело изображать из себя неизвестно что. Вернее – именно то, чем она по сути является, если не врать себе. Все равно, надоело. Людмила выпрямилась, посмотрела на Валеру ясно, трезво. Усмехнулась.

– Ладно, х. с тобой, материться не буду. Какие все, б., нежные пошли!

– Извини, – встал Сторожев. – Я чувствую – не вовремя приехал.

Людмила испугалась, что он уйдет. И опять будет пустота.

– Я же сказала: не буду. Извини. Только ради тебя. Мораторий. Не пью, не курю, не ругаюсь матом.

Валера сел.

– При чем тут – ради меня? Ты для себя должна...

– А! – воскликнула Людмила. – Вот ты для чего приехал? Учить меня жить?

– Нет.

– А зачем? Нет, мне интересно? Хочу все знать, была такая передача. В детстве.

Сторожев и сам не знал, зачем он приехал. То есть, быть может, и Людмиле, как Илоне, рассказать, что он влюбился? А с чего вообще он разболтался?

А с того, наверное, что ему не с кем поделиться. Жил, жил – а задушевных друзей не нажил. Нет, можно Немчинову рассказать, но Немчинов к этим темам равнодушен. Он вообще брезглив к тому, что называет старым советским словом «половуха», включая любовь перезрелых мужчин к юным девушкам. Павлу Костякову? Ни в коем случае. Во-первых, он не друг, а пациент и заодно покровитель. Во-вторых, он, похоже, сам на Дашу глаз положил. Это необходимо, кстати, аккуратно выяснить.

Илоне вот зачем-то рассказал. Знал, что не надо, а рассказал.

** Одна из загадок для меня самого: система ругательств в моих текстах. Почему некоторым персонажам я разрешаю это делать, да еще как – см., например, речь подполковника П.И. Бародыкина в книге «Поход на Кремль», а другим стеснительно ставлю точки – как здесь или в книге «День денег»? А в иных книгах вообще ни одного грубого словечка нет. И я ведь чувствую, есть какая-то система, но не могу уловить, в чем она. Быть может, просто, как и большинство отечественных интеллигентов, не решил для себя этого вопроса в ту или иную сторону? И не только этого, кстати, а многих других.*

Людмила, если он и ей расскажет, начнет смеяться, издеваться, иронизировать. Или, дурачась, сочувствовать. Да и потом, немилосердно это: опустившейся пожилой женщине, махнувшей рукой на личную жизнь, рассказывать о том, как ты, ее ровесник, способен – пусть хотя бы теоретически – закрутить роман с девушкой, почти на тридцать лет моложе. Природа дала женщинам возможность дольше жить (в России – аж на двадцать лет), но зато мужчины, которые к пятидесяти годам остались живы и относительно здоровы, еще вполне о-го-го. И родить могут, то есть успешно оплодотворить, а женщины – увы.

Валере вдруг жалко стало Людмилу, захотелось сказать ей что-то приятное.

– Я просто так приехал, – сказал он. – Давно не виделись. Соскучился, если хочешь. Все-таки, полжизни вместе прожили.

– Вместе? – удивилась Людмила. – Это кто жил вместе? Ты? С кем? Если сам с собой, то да? А я жила отдельно – с детьми, всегда!

– Не преувеличивай, – мягко сказал Сторожев.

– Я преувеличиваю? Я, б., еще преуменьшаю!

Людмила плеснула в стакан, выпила, закурила, пыхнула дымом в лицо Сторожеву.

– Если я не буду преуменьшать, ты такое услышишь, что у тебя душа раком встанет. Ты мне всю жизнь, сука, изуродовал.

– Чем это?

– Ты еще спрашиваешь?

– Я все-таки пошел, – Валера опять встал и на этот раз направился к двери.

Но Людмила живо вскочила, встала перед ним и пихнула рукой в плечо:

– Нет, дослушай! Если бы не ты, я могла нормального человека найти! Я бы его любила! У нас бы дети другие были!

– Чем тебе этим не нравятся?

– А тем! Они хорошие, только не для нас! Потому что они нас не любят! Потому что не бывают любящие дети у родителей, которые не любят друг друга.

– Все, я пошел.

– Сидеть!

Разыгралась безобразная сцена: Людмила толкала его, норовя уже задеть по лицу, Валера схватил ее за руки, держал, а сам протискивался все ближе к выходу. Она кричала что-то, брызжа ему в лицо, кричала так громко, что, наверное, слышали соседи. Возле двери Сторожев рывком отцепился, Людмила от резкого движения села на пол, ухватившись за стойку-вешалку, где еще с зимы висят пальто и куртки, все это упало на нее.

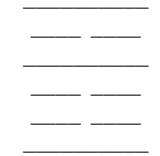
– Не ушиблась? – спросил Сторожев.

– Иди на х.!

Сторожев ехал домой, машинально постукивая по рулю кулаком, что с ним бывало, когда в голове все мешалось, досадовал на себя за глупость – и к Илоне зря приезжал, а уж к Людмиле тем более.

И он вдруг понял, что единственный человек, которому он мог бы доверить и все рассказать о том, что с ним творится, – Наташа. Но именно ей рассказывать нельзя. Слишком жестоко.

21. ШИ ХО. Стиснутые зубы

Что-то мучает вас, вы чувствуете себя несчастным.

Немчинов опять не знал, с чего начать.

К образу Виталия Даниловича Костякова, отца трех братьев, он охладел. Да и с какой стати подробно его описывать, какой в этом глубокий смысл? Чтобы показать, как у необразованного самодура-отца и глухонемой матери выросли смышленые, ученые и красноречивые дети? Тоже небывальщина! Пошлостью отдает, ожидаемым общим местом.

Вот Леонид Костяков, это тема, это, возможно, фигура. Досадно только, что Немчинов почти ничего про Леонида не знает. Ничего удивительного: в разных сферах крутились, разные были интересы, компании – учитывая, что Леонида рано повлекло в общественную жизнь, а Немчинов ее всегда чурался. Может, вовсе не из принципа, как он считал, а из-за недостатка того, что называют общественным темпераментом. Есть те, кто всегда стремится на трибуну, а есть те, кто любит на задних рядах семечки лузгать. Немчинов, увы, был из таких. То есть семечек не лузгал, конечно, но стремился сесть. Подальше. Впрочем, любителей задних рядов всегда было большинство: вспоминая десятки, а то и сотни собраний, на которых ему пришлось бывать в разных залах – в школе, в университете, в различных залах заседаний, конференций, планерок, собраний и т.д., и т.п., Немчинов видит одно и то же: зал заполняется обязательно с задних рядов, потом подтягиваются те, кто вынужден занять середку, а опоздавшим приходится сесть в первые ряды, пред строгие очи президиума (обязательно при этом осмотрев, нет ли где сзади еще свободное местечка, и если все-таки есть, пусть хоть в самом углу, пробираются туда ушибаясь о множество коленей, терпя тычки и тихую ругань). Если зал оказывался не полон (а это почему-то случалось всегда), президиум, видя между собой и людьми неприличный зазор, начинал понукать: «Поближе, товарищи, поближе, мы что, кричать вам будем? Петров, Колтунов, Яковенко, а ну-ка, давайте-ка пересаживайтесь!» Названные по именам Петров, Колтунов и Яковенко не смели ослушаться, и таким образом видимость близости президиума и народа была достигнута.

Итак, Леонид. Но Павел Костяков очень четко намекнул – не надо.

Да мало ли что он намекнул? Мое дело писать, ваше вычеркивать, если не понравится.

История, конечно, темная, Немчинову если не кривить душой, не очень хочется возиться и разбираться, кто прав, кто виноват.

Но тут же, уличив себя в этом, Немчинов грустно устыдился. Вот от этого все наши беды, с натужной гражданственностью думал он: память у нас коротка! Не хочется, видите ли, разбираться, ворошить прошлое. И это очень на руку тем, кто припрятал в этом прошлом свои грешки, грехи и грешища. Ты просто боишься, бичевал себя Немчинов. Ты боишься найти то, о чем не сможешь молчать, ты боишься подвергнуться опасности. Опасаешься, конечно, и за семью, но это не оправдывает. Поэтому ты и пошел на неосознанную хитрость – как бы увлекся Виталием Даниловичем. Не интересует тебя Виталий Данилович, и текст не получился, ибо закон творчества таков: не выплясываются подлые тексты у честного человека. А Илья при всех недостатках, которые он и сам прекрасно знает, все-таки честен.

И, следуя своеобразной логике своей души, Немчинов обязал себя заняться именно тем, чем не хотелось: историей ссоры двух братьев, Павла и Леонида.

Он еще раз переворошил газеты той поры, но вся информация сводилась к тому, что братья оказались конкурентами в политической борьбе. О каких-то резких действиях, связанных с этой борьбой, не сообщалось. Видимо, все решалось и обговаривалось между собой, без лишних глаз и ушей.

А что было между Ириной, женой Павла, и Леонидом? И было ли? Дортман говорит – она хотела уйти от мужа. Насколько серьезно, почему? Что предпринял Павел, известно ли о прямых столкновениях его с братом?

Илья позвонил Дортману, который оказался трезв и вменяем. Но, только Немчинов начал разговор, Дортман его перебил:

– Я же сказал: не лезь ты туда! Допустим, раскопаешь ты все подробности, а дальше? Расскажешь братьям то, что они и так знают? А они начнут тебя пытать, откуда узнал. И ты скажешь,

что от меня. Или сами догадаются. И найдут в моей квартире однажды хладный одинокий труп. А я своей смертью помереть хочу, Илья. Такая у меня причуда. Не раньше и не позже, а когда бог пошлет. И вообще, господа, закройте вы все, запечатайте и живите дальше.

– Ага. Немцам это скажи: забудьте про фашизм, живите дальше. Нет, пусть живут дальше, кто против. Но забывать нельзя.

– Чего я в тебе, Немчинов, не люблю: пафосный ты человек. Следовательно, поверхностный. При чем тут фашизм?

– Скажи одно: что ты знаешь об отношениях Леонида и жены Павла?

– Покойной жены.

– Неважно.

– Ничего я не знаю и не знал, отстань. Спроси, если хочешь, у Едвельской, она тебе что-нибудь расскажет. Может быть.

– Она же сумасшедшая!

– С причудами, конечно, ну и что? Зато они с Леонидом дружили и даже жили вместе.

– Жили? Так ей же семьдесят уже!

– Намного меньше. Слушай, драгоценный, мне не очень хорошо, я болею. Телефон Едвельской дать? Только не говори, что это я сказал.

– Телефон у меня у самого есть.

Едвельская Лаура Денисовна была дамой, довольно известной в культурных кругах Сарынска. В городе с незапамятных времен образовалось довольно сильное сообщество художников, знаменем и щитом которых было имя проживавшего здесь короткое время Петрова-Водкина. В советское время существовало Сарынское отделение Союза художников во главе с патриархом Глебом Бездверным, внебрачным творческим сыном Петрова-Водкина, как ехидно шутили его собратья, утвердившим стиль сельскохозяйственно-промышленного романтизма – не купание, к примеру, красного коня, а разбивание бутылки шампанского о красный борт сошедшего со стапеля тракторного завода гусеничного труженика полей. Он не прочь был полиберальничать, с иронией говорил о кондовом социалистическом реализме, что не означало, будто он восставал против этого метода, нет, он был против извращений, против натурализма и официоза. Союз процветал, имел два выставочных зала, один с мастерскими, другой только для экспозиций. Членам Союза предоставлялись и отдельные мастерские в ветхом, но еще пригодном жилом фонде. В постсоветские времена, когда творческие союзы стали разваливаться и превратились в общественные организации без статуса и прав, на этот жилой фонд раззявили рты все, кто только мог. Глеб Бездверный, крепкий еще старик (недаром его называли Кощей Бездверный), проявил не только творческий, но и коммерческий талант: один из выставочных залов сдал в аренду – как бы ради материальной помощи членам Союза (которой они и не понюхали), в другом часть помещений уступил каким-то конторам, постепенно, но неуклонно оттяпывал у вдов и сирот покойных художников мастерские, да и у живых тоже понемногу выцарапывал под разными предлогами. Все это знали, а поделать ничего не могли: сын Бездверного был женат на дочери бывшей начальницы управления культуры Ломакиной, а сестра Ломакиной была женой Емцова, вот уже двадцать лет бессменного начальника губернского гаража и, естественно, он был с властью на короткой ноге; по этой цепочке все дела и делались.

Всю эту паскудную подоплеку Немчинов знал, но мало ею интересовался. С Едвельской же общался регулярно. Лаура Денисовна была не художница, зато единственный в Сарынске дипломированный искусствовед, поэтому и стала членом Союза. Во все газеты Сарынска она то и дело приносила статьи, которые невозможно было печатать. Если в советское время она довольно смирно описывала события сарынской художественной жизни, а там, где ее заносило в чрезмерную иронию, можно было подправить, то теперь (то есть уже лет пятнадцать) Лаура вся отдалась борьбе с негодяем Бездверным и его кликой. При этом в каждой статье она так густо переходила на личности, что газету не спасла бы оговорка, печатаемая в конце, как это принято в большинстве

современных периодических изданий: «Редакция может не разделять точку зрения публикуемых авторов». Фамилии тех членов Союза, которых Лаура не любила, она сопровождала эпитетами «бездарность», «серость», «конъюнктурщик», «хамелеон» и т.п., вплоть до – «известный своим человеконенавистничеством Н.Н.».

Немчинов объяснял ей это, просил убрать хотя бы эпитеты, напоминал, что раньше она соглашалась, Едвельская гневно спрашивала:

– Я не понимаю, у нас демократия или что? Надо бороться! Или вы с ними тоже?

– Я с вами, но... Я про стиль, понимаете?

– Все знают, что у меня безукоризненный стиль! – заявляла Едвельская. – Именно за это меня ненавидят. Вкус у меня тоже безукоризненный, я знаю цену этим бездарям и подонкам! Меня не то возмущает, что Бездверный и его клевреты воруют, хотя тоже возмущает, меня возмущает, что процветают гламурщики и ремесленники, а гениев всех сослали в подвалы, некоторым не то что работать, жить негде!

Самой Лауре Денисовне было где жить: ее отец, неплохой художник, умевший, к тому же, находить и выполнять выгодные заказы богатых предприятий и организаций (расписать вестибюль профилями вождей, например), оставил единственной дочери большую квартиру в доме-«сталинке», в центре, и около сотни картин и графических работ, которые Лура понемногу продавала – не спеша: со временем они только прибавляли в цене. Она этому способствовала, оказавшись очень неплохим маркетологом, пиарщицей и организатором, то и дело устраивала экспозиции отца, доставала деньги на рекламные постеры и буклеты, печатала статьи под псевдонимами – удивительно доброжелательные по сравнению с теми, где она клеймила бездарей. Все отдавали должное деловым талантам Едвельской, хотя репутация городской сумасшедшей за Лаурой закрепилась прочно.

Поэтому известие о том, что Едвельская была в каких-то отношениях с Леонидом, удивило Немчинова. Слишком уж Лаура своеобразна, да и разница в возрасте: Леониду в ту пору было тридцать с чем-то, а ей, если откинуть от предполагаемых семидесяти двадцать? Пятьдесят получается?

Впрочем, надо уточнить.

Илья позвонил одной из своих знакомых, работавшей когда-то в отделе кадров областной газеты, эта знакомая славилась тем, что чуть ли ни наизусть знала все данные о штатных и нештатных сотрудниках.

Знакомая, не думая ни секунды, выдала:

– Ей шестьдесят два. Просто лицо такое неудачное, все в морщинах, поэтому думают, что ей больше.

Илья поблагодарил, позвонил Едвельской, чтобы договориться о встрече, она охотно согласилась – хоть сегодня же.

И вот он идет через высокую подворотню, арка которой отделана наполовину отвалившейся лепниной, мимо воняющих мусорных баков, попадает в захламленный двор с разбитым вдрызг асфальтом, скопищем машин, уродливыми металлическими дверьми подъездов, покрашенными краской ржавого цвета. Зато двери все с домофонами, окна пластиковые, балконы застеклены хоть и вразнобой, но аккуратно, у каждого в силу своей фантазии. Здесь накупили себе квартир обеспеченные люди – дом солидный, потолки высокие, окна большие. Престижно, короче. И каждый наверняка сделал себе в квартире дорогущий ремонт, полный парадиз. И все глядят ежедневно из этого парадиза на то говнище, что внизу – и не почешется никто собрать жильцов, скинуться на благоустройство двора. Русская психология: в доме ни пылинки, во дворе ни тропинки. Грязь и пыль, вечная наша грязь и пыль, публицистически думал Немчинов, хотя, начни с ним сейчас кто говорить на эти темы, он поморщился бы: неужели не надоело?

Лаура встретила его крайне любезно.

– Какой неожиданный визит! – восклицала она. – Честно говоря, я слегка шокирована, не ожидала, что вы наконец проявите интерес к моей скромной особе! Не обижайтесь, вы знаете мою прямоту, но я считаю вас, как бы это помягче сказать, двуличным человеком. Вы же ведь имеете неплохой вкус, почему вы не боретесь с засильем пошлости, почему не поддерживаете меня? Но что это я на вас налетела? Проходите, вот, извините, тапочки. Я знаю, что моветон – ходить дома в тапочках, сама, как видите, только в туфлях и даже на каблуке!

Илья снял ботинки, сунул ноги в тапки универсального размера, пошлепал вслед за Едвельской.

Она продолжала говорить, вернее, почти петь, растягивая слова. Как и Дортман, Лаура выражалась вычурно, но еще более приторно, считая это признаком интеллигентности речи. Немчинов же любил речь простую и чистую – и в книгах, и в жизни.

Первым делом Лаура провела Илью по комнатам, увешанным от потолка до пола картинами отца.

– Вы же никогда не видели полного собрания картин Едвельского, вот, пользуйтесь случаем. Я их разбила на три периода, как это у него и было в жизни. Сначала, сами видите, сплошной экспрессионизм, этим все переболели, вы же видели наверняка раннего Малевича, тоже экспрессионизм – и очень скучно, между прочим, если бы он не придумал собственную манеру, его бы никто не знал. А тут, видите, у отца началось что-то, сходное с Борисовым-Мусатовым, но, на мой взгляд, глубже и интересней, особенно по колориту. А вот уже подлинное лицо, уникальный стиль. Это репродукция. Я ненавижу репродукции, но что делать, сама картина в Третьяковке, я очень по ней скучаю, они держат ее пока в запасниках, вы знаете, что лучшие картины Третьяковки держат в запасниках? А в залах ужасная рутина. Когда я еще девочкой попала туда, меня привез папа, когда я увидела все это, а я, конечно, знала все картины по альбомам с репродукциями, да что альбомы, их в школьных учебниках постоянно печатали, у меня был культурный шок. Папа меня водил, я смотрела. Я была просто подавлена этим ужасом. Эти жуткие богатыри Васнецова, этот безобразный фотограф-жанровик Репин, Шишкин со своими медведями, Айвазовский... Я была потрясена, я ничего не понимала. Папа видит, что я даже побледнела, спрашивает: «Что с тобой? Тебе нравится?» А я говорю: «Нет». Почему-то мне казалось, что папа будет ругать меня. А он вдруг потрепал по плечу и сказал: «Молодец, у тебя идеальный вкус!» И спросил, что понравилось. А мне, маленькой девочке, представьте себе, почему-то больше всего понравились картины... Вот, уже маразм, забыла фамилию любимого художника, хотя не он один, я еще Врубеля люблю, как же его, на «с», кажется, фамилия...

– Серов? Саврасов? Суриков?

– Какие вы все пошлости перечисляете. Сейчас... Как же его...

– Потом вспомните..

– Ни в коем случае. Я тренирую память, я не позволяю себе откладывать на потом. Господи, известный ведь тоже... Черепа у него еще на картинах...

– Верещагин?

– Ну конечно же! И вы что-то помните, оказывается.

– Но он не на «с».

– Неважно, мне почему-то показалось, что он на «с». Верещагин. Причем не восточная экзотика, не батальные его картины, а именно с черепами. Или еще одна у него есть, жуткая, гениальная, «Побежденные» называется, кажется. И отец сказал: да, ты смотришь в корень, это еще не разгаданный художник. Он тогда не знал, что ему предстоит та же участь. Его ведь тоже мало еще кто разгадал, иначе давно бы он висел во всех заграничных музеях.

Лаура долго читала Илье лекцию о классиках и современниках, о направлениях, о том, что надо разглядеть в картинах отца, чтобы понять, насколько они гениальны. Наконец притомилась.

– Я вам не даю слова сказать, а вы ведь по какому-нибудь делу пришли, ведь так? Я даже заин-

тригована. Кофе хотите? У меня великолепный кофе, привозит один друг из Москвы, сын ученика моего отца, ему двадцать восемь лет и он влюблен в меня без памяти. Я говорю ему: «Костя, опомнись, мне уже за шестьдесят», – я, кстати, никогда не скрывала возраста, я говорю: «Костя, ты живешь в Аргентине», – он живет в Аргентине, вы представляете, какие женщины в Аргентине? Там каждая уважающая себя женщина танцует танго и принимает участие в карнавалах. Представляете, какая нужна гибкость и стройность? А Костя говорит: «Лаура, я еще ребенком сходил с ума от твоих пропорций». У меня идеальные пропорции, я говорю не для хвастовства, это правда, спросите, кого хотите. Бог сыграл странную шутку: поставил старую голову на юное тело. Это фантастика: я прихожу на пляж, читаю, потом ложусь, голову на книгу, закрываю полотенцем. И обязательно через пять минут слышу: девушка, можно с вами познакомиться? Иногда я просто говорю: нет. Иногда снимаю полотенце и вижу потрясение на их лицах. Обидно, но что делать. А художники сумасшедшие люди, они могут влюбиться отдельно в тело. Вот Костя и влюбился. Я вас перебила, извините.

– Я, собственно, еще ничего не говорил.

– Знаете, Илья, ничего, что я без отчества?

– Ничего.

– Меня, кстати, тоже попрошу по имени, меня никто не называет по отчеству, мне это просто не идет.

– Хорошо.

– Так вот, Илья, я должна вам сказать: вы очень не элегантный человек. И, наверное, даже злой. Вы даже сейчас пытались меня ущучить: намекнули, что я вам слова не даю сказать. А я ведь к вам с чистым сердцем, вы один из самых порядочных людей в этом городе.

– Только что вы сказали, что я двуличный человек, – заметил Илья.

– Подтверждаю. Просто такое ужасное время, что нет выбора, и вы действительно один из самых порядочных людей, кого я знаю. Вы бываете принципиальным. В вас есть нерв. Иногда. Но вы не элегантны. Вам другие не скажут, а я считаю, что зря, потому что, если человеку не сказать о его недостатках, он сам может о них не догадаться, почему бы ему не помочь? В следующий раз он вспомнит и, может быть, что-то исправит.* Вы ужасно одеваетесь. Не обязательно одеваться дорого, но обязательно – элегантно. Что это, извините, за рубашка, за брюки? О носках умолчу – это слишком интимно. Вы изменяете жене?

– Что?

– Конечно, нет. Если бы изменяли, то ваша любовница указала бы вам на ваши упущения. Для чего нужны любовницы? Они говорят мужчинам то, чего не говорят жены. Уж поверьте мне, я не раз бывала любовницей и не стесняюсь этого. А вот мужа не было – не нашла подходящей пары. Это ведь главное. То есть мужчина, с которым я захотела бы прожить всю жизнь, должен быть так же умен, иметь такой же взыскательный вкус. Ну и, конечно, хорошо зарабатывать, потому что, между нами говоря, я всегда презирала мужчин, которые не умеют зарабатывать. Неправда, что гении этого не умеют. Мой отец был гений, а умел. Его жена, моя мама, одевалась лучше всех в городе, пила только дорогое хорошее вино, никогда не ездила в общественном транспорте, только с отцом на машине или на такси. Нравится кофе?

Илья сделал уже несколько глотков, сдерживаясь, чтобы не морщиться: вкус был отвратительный, в рот лезли крупинки, хотелось сплюнуть, а нельзя, пришлось глотать.

– Да, очень... Оригинально.

– Вам не нравится, я вижу. Не пейте, будьте самим собой. Что поделать, если у нас все поголовно утратили вкус к настоящим вещам – настоящему кофе, настоящему вину. Сплошной «Мак-

---

** Ср.: «Вы должны быть благодарны мне, — скромно сказал Лагарпов. — Ведь в другой раз вы будете осмотрительнее, исходя из моих вышеприведенных рассуждений. Я не настаиваю на этом, я предполагаю. «Жизнь Лагарпова» из «Книги для тех, кто не любит читать».*

доналдс». Хотя, знаете, молодежь, с которой я дружу, а я дружу только с молодежью, потому что со стариками мне не интересно, а старики для меня начинаются с сорока лет, у нас все рано стареют, а с молодежью мне интересно, я в курсе того, что они читают, смотрят, Бегбедер, Уэльбек, Мураками, это все страшно интересно, а из кино, конечно, Гринуэй, обожаю Гринуэя, вы видели?

– Ммм...

– Ну конечно, вы любите все внятное, понятное, да?

Немчинов, хоть и казался человеком покойным, кротким, никогда не был мальчиком для битья. Отодвинув чашку, он сказал:

– Послушайте, Лаура Денисовна, а можно я сам решу, что люблю, а что нет? Без подсказки?

– А вот это вам идет! – похвалила Лаура. – Вы сразу стали похожи на мужчину, а не на канцелярскую крысу!

Тьфу, мысленно сплюнул Немчинов. Что с ней сделаешь, неисправимая женщина. Лучше не обращать внимания на ее дурацкие выпады, спрашивать о своем.

– Я обожаю, когда мужчина гневается, особенно если из-за любви, из-за ревности. Николай Носин, помните его?

– Нет.

– Что вы тогда вообще знаете о наших гениальных музыкантах?

– Он был музыкант?

– Да, теперь в Израиле, но неважно, он был такой высокий красавец, темные глаза, так вот, однажды он меня ударил. Но я простила. В моей жизни было всего трое мужчин, которым я могла простить все.

– Леониду в том числе?

– Вы об этом знаете?

– А что тут удивительного? Многие знают.

Лаура, вся такая бойкая и оживленная, вдруг съежилась, притихла, будто озябла.

– Действительно, должны знать, помнить. А я стараюсь не трогать. Он был такой... Светлый, чистый.

– Вы дружили с ним?

– Это была любовь, – грустно сказала Лаура почти нормальным голосом, без пафоса, без напева. – Мне было всего сорок, выглядела я на тридцать, я была, конечно, по-своему блестящей. За мной полгорода бегало, невзирая, что не красавица в смысле физиономии. Знаете, в чем секрет успеха любой женщины и любого мужчины? Вокруг должна быть легенда. Неважно, на виду человек или живет тайно, легенда должна быть. Что-то такое полусказанное, понимаете меня? О чем все догадываются, но никто не может ухватить. Это вызывает любопытство. Вот и его ко мне привело любопытство: хотел меня понять. И покорить, конечно, он был покоритель от природы, но не такой, как братья. Можно сказать, он покорял, не желая покорить. Он настолько ничего не понимал в женщинах, что мне пришлось его учить, как подростка. Вы не поверите, были моменты, когда он мне казался посланцем другой цивилизации. А иногда – сумасшедшим. Еще больше, чем я, поэтому и сошлись, – засмеялась Лаура.

– То есть у него и с вами отношения были, и с Ириной?

– С Ириной у него было давно. Вы думаете, он ее знал столько лет и не замечал? А потом – ни с того, ни с сего? Нет, он влюбился в Ирину сразу, когда она еще была невестой Павла. Но, сами понимаете, невеста есть невеста. Тут кое-какие подробности, но это не моя тайна. А на какие-то другие отношения Ирина не могла пойти. Что вы хотите, восточная женщина. Но потом опять. Она не выдержала двойной жизни. Хотела уйти. Он со мной советовался, как быть, что делать. Мы ведь не разошлись, продолжали жить вместе, ему негде было тогда жить.

Немчинов кивнул:

– В таких случаях говорят: остались друзьями.

– Глупое выражение. И почему друзьями, любовниками тоже. Одно другому не мешает. Как вы себе представляете вообще: страстная женщина и темпераментный мужчина в одной квартире

– и ничего? Это даже как-то неестественно. Это лицемерие какое-то. А он лицемерия на дух не переносил. Он признался, что я для него по-прежнему привлекательна во всех смыслах, но там все-таки давняя любовь.

– Значит жена Павла хотела уйти к Леониду? – уточнил Илья.

– Конечно. Но – дети. Павел мог не отдать их. А ее вообще убил бы. И убил в конечном итоге.

– Вы уверены? Я читал об этой аварии: пьяный водитель выскочил на красный свет.

– Думаете, так трудно напоить водителя и заставить его проехать на красный свет? Если ему и его семье хорошо заплатить, а самого выпустить через год.

– Откуда вы это знаете?

– Ничего я не знаю, кроме того, что в наше время бывает все.

Немчинов пожал плечами:

– Какой смысл? Если она не ушла?

– Не ушла, но ненавидела. А Павел не мог ей простить. К тому же, она собиралась уйти опять, хотя Леонида давно не было. Павел понял, что она не столько любила Леонида, сколько ненавидела его.

– Это ваша версия?

– Это правда – или я не разбираюсь в людях. Может, вы думаете, что и Леонид утонул?

– А разве нет?

Лаура сделала необычную для себя паузу, тянувшуюся целых несколько секунд, а потом сказала:

– Знаете, Илья, я болтушка, разговорница, немножко даже сплетница, есть такой грех, потому что меня живо интересует все, что происходит с людьми. Но есть вещи, которых я ни с кем не буду обсуждать. Не имею права.

– Послушайте, вы сами намекнули, что, по-вашему, Леонид не утонул. А раз не утонул – то что? Утопили? Закопали? Кто? Павел?

– Я не хочу и не буду об этом говорить. Извините.

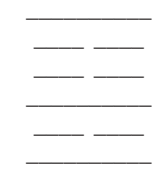
Немчинов понял, что Лаура знает нечто, неизвестное другим. Он видел также, что ее так и жжет – поделиться этим знанием, похвастаться, ошарашить. Но она мужественно терпела. Другой бы человек на месте Немчинова, кто половчее, сумел бы сыграть на слабых струнах Лауры, сделал бы вид, что не верит, подначил, раскрутил, но Илья не хотел этого делать.

Видимо, Лаура не надеялась на свою выдержку, поэтому она вспомнила, что у нее важное дело, нужно отлучиться.

– Извините, я вас выпроваживаю, мне еще надо переодеться. Да, чуть не забыла! – У меня готов большой материал об отце с новыми фактами, я на днях вам его занесу, хорошо? Такая серьезная аналитическая статья. Газета у вас несерьезная, развлекательная, но где у нас вообще серьезная пресса? Так я занесу, хорошо?

Конечно же, Немчинов согласился.

22. БИ. Убранство

Данная гексаграмма благоприятна только для дел, имеющих отношение к театру.

На премьеру пьесы «Бабло-блюз» Егор, если б захотел, мог продавать билеты хоть по тысяче

долларов – брали бы. Все просто: отец режиссера, Павел Витальевич Костяков обязательно бывает на премьерах, а с ним и брат Максим, и другие большие люди Сарынска, и многие хотели бы оказаться в этом обществе. За любые деньги.

Может, именно поэтому Егор первый прогон со зрителями (то есть как бы премьера, но как бы и нет) устраивал для своих, по пригласительным билетам. Он позвал, конечно, отца, дядю Максима и двоюродного дядю Петра (обоих с женами), пригласил дедушку Тимура Саламовича (тот давно уже перестал русифицировать свое отчество), пригласил сестру Раду, пригласил – как всегда приглашал по просьбе отца – некоторых губернских персон различной важности, а также друга Павла Витальевича, нарколога Сторожева с супругой. Конечно, позвал Егор и Дашу. Даша спросила, можно ли прийти с другом. Даже нужно, ответил Егор, подумав, что заодно посмотрит, каков у нее друг. Пригласил Егор и лояльных журналистов из разных изданий, а некоторых и нелояльных, зато пишущих заведомые кондовые глупости. Это лучше всякой рекламы.

Актерам, в том числе не игравшим в первом составе, тоже было позволено позвать родственников и знакомых. Яна пригласила двух подруг из прежней жизни и отца с матерью. Сейчас у нее роль пока два с половиной слова, неважно, главные роли будут потом. Важно, что все увидят – она своя здесь, среди этих особенных людей.

А половина мест отдана была верным друзьям и почитателям, среди которых, кстати, не было никого из театра профессионального, то есть Сарынского государственного академического театра драмы имени Алексея Николаевича Толстого. Советский классик удостоил когда-то город приездом в связи с постановкой своей пьесы «Нечистая сила (Дядюшка Мардыкин)». На банкете после спектакля взволнованный величием происшедшего директор, провозгласив тост за здоровье живого классика, выдвинул предложение назвать театр его именем. Это было одобрено единогласным ревом пьяных и счастливых голосов. Алексей Николаевич милостиво благодарил, говоря, что недостоин такой чести, и забыл о существовании Сарынска на другой же день после отъезда, ни разу упомянул о нем ни в статьях, ни в письмах, ни где бы то еще ни было.

«Академики» презирали «Микс» и не скрывали этого. Любительщина, говорили они. Легко собирать аншлаги на сто пятьдесят мест, говорили они, а ты собери в наш бетонный сарай советской постройки восемьсот зрителей!

Поэтому, кстати, в помещении академдрамы постоянно выступали гастролеры – скородельные антрепризные спектакли из Москвы и пожилые музыкальные группы из-за рубежа, когда-то бывшие недосягаемыми кумирами, а теперь забытые всеми у себя на Западе, но еще удерживаемые ностальгической памятью российского провинциального меломана, чей вкус воспитывался на рубеже восьмидесятых.

Но, между прочим, главный режиссер Лапков, которого Егор все же пригласил, отзвонил ему, извинился: в театре конец сезона, сумасшедшее время, коллектив мысленно уже в отпусках, нельзя оставить ни на минуту. Он был человек дальновидный, знал, каковы амбиции Егора и не исключал возможности, что когда-нибудь придется что-то поставить в его театре – не в этом, конечно, а в Москве. Поэтому лучше не портить отношений.

Таким образом, в театре собралось довольно много людей из тех, кто нам уже известен.

Учтем еще столичных гостей, преимущественно критиков, которые регулярно приезжали на премьеры Егора (почему бы не прокатиться на дармовщинку?). Они все были люди строгие, принципиальные, считавшие, что в современном театре ничего хорошего нет или очень мало, поэтому успехи провинциального театрального проекта были для них хорошим козырем в диспутах; особенно удобно то, что их мало кто видел. Среди них был тощий и длинный Анатолий Бурнимов, самый скандальный и провокационный персонаж московского театрального бомонда, обожавший поиздеваться над тем, что все хвалят, и назвать гениальным то, что все считают провалом. Бурнимов был заметен в любом обществе: волосы, крашенные в два цвета чересполосицей – огненный и черный, внушительное кольцо в ухе, футболки или фуфайки ярких цветов, часто с неприличными надписями – на английском, однако, языке, и джинсы модного подросткового

покроя, с мотней до колен.

Спектакль начался. Зрители смотрели на сцену, а Егор из-за кулис – на зрителей. Спектаклей всегда два, один на сцене, другой в зале, часто говорил он, добавляя при этом – «как известно»: чтобы его слова не казались домотканой эврикой.

Когда Яна, которую он недавно принял, сказала, что ей важно видеть, кому она говорит, Егор, умеющий слушать и заимствовать все, что казалось ему дельным, подумал – а не оставлять ли в зале включенным свет? Ведь получается, действительно: актеры общаются и делают вид, что, кроме них, никого нет, а зрители спрятались в темноте и оттуда подсматривают, и уже одним этим наглухо отделены от действия пресловутой четвертой стеной. Выводить актеров в зал, помещать зрителей амфитеатром вокруг сцены Егор не любил – это пошло и уже затаскано. А вот со светом можно поэкспериментировать. Егор приглашал разных людей на репетиции (он вообще любил, когда кто-то присутствовал в зале, ему не мешало, наоборот вдохновляло, а актеров дополнительно дисциплинировало), оставлял свет, наблюдал. Быстро убеждался: нет, не то. Зрители слишком отвлекаются друг на друга, а актеры на зрителей. К тому же, сцена настолько близка, а зал настолько мал, что публику и без полного света почти всегда видно, если только контровые прожектора не создают световой занавес, отделяющий сцену от зала.

На самом деле спектаклей было три: на сцене для зрителей, в зале для Егора, но еще и зрители наблюдали исподтишка друг за другом – с разной целью и разными мыслями.

А может, и четыре было спектакля – ведь еще и актеры, не занятые в эпизоде, глядели из-за кулис, вернее, в дырочки, проделанные в фанерных стойках боковых «карманов».

Даша думала о том, насколько разные вещи – репетиция и спектакль. То, что она видела на репетиции, было живо, интересно, по-настоящему, хотя играли со сбивками и оговорками. Сейчас все ровно, ни сбивок, ни оговорок, но как-то все не взаправду. Актеры стараются не стараться, так их, наверное, учил Егор, но это старание не стараться слишком заметно, задача заметна. И гениальный Петр Анатольевич, похожий на Роберта де Ниро, только без бородавки, трудится в поте лица (очень, в самом деле, потеет, это видно), думая только о том, чтобы не видно было, что он трудится в поте лица, и красавица Сашенька имитирует, что как бы не учила роль, а произносит от себя, и тот, кто играет главного героя, Юра Мальков, сотрудник телефонной компании, пытается быть ироничным таким Гамлетом, но не театральным, а будто бы он такой сам по себе. А чернявая девушка, бедняжка, периодически выходящая со словами: «Еще не пришел?», – она хуже всех, единственную эту фразу произносит ужасно фальшиво. Потому что фраза простая, а простые вещи даются трудно. Интересно, Володе нравится? Даша посмотрела на него, тот явно скучал. Даша слегка толкнула его плечом, он наклонился и шепнул:

– За такой свет убивать надо.

Что ж, фотограф во всем фотограф – особенно такой, как Володя. Свет ему подавай. Он рассказывал, как однажды, еще когда не встретил Дашу, выпив с еле знакомой девушкой, был ею раскручен на мимолетный секс, но свет, падавший на девушку, был настолько, как вспоминал Володя, тупым и раздражающим, что у него начало опадать желание. Володя встал, так и сяк крутил торшер, настольную лампу и, пока занимался этим, желание выветрилось одновременно с хмелем. У девушки, впрочем, тоже.

– В следующий раз, – сказала она, одеваясь, – я тебя заранее приглашу, чтобы ты тут лампы свои поставил. Ага?

Но не пригласила. Володя врать не будет, он вообще не врет, ему незачем.

Да, свет был плохой, случайный, непродуманный. Какие-то идеи реализовывались, но очень уж простые. Сверху на героя посветить, чтобы казался уродом и злодеем. Или героиню в тень убрать, чтобы казалась загадочной. Слабовато работает у них – кто? Может, и нет специального человека? Даша заглянула в программку: есть такой человек, напечатано – «мастер света» – Б. Кубшин. Ого, мастер. Да у них и все тут мастера: «мастер музыки», «мастер декораций», «мастер костюмов». Понты какие, скажите. Зато тут же указаны те, кого не обозначают обычно в теат-

ральных программках: «мастер уборки» (то есть уборщица», «мастера монтировки», «мастер-водитель» и даже «мастер гардероба», хотя еще лето). Впрок напечатали, для зимы. Значит, не просто понты, а юмор. Себя же Егор обозначил скромно, без понтов и без юмора: «режиссер».

– Да, – сказала Даша Володе, – свет отвратный. А актеры?

Володя покривился.

Егор из-за кулис видел, как они перешептываются, улыбаясь. Что их так насмешило, интересно? А дружок у Даши – не по ней. Простоват и глуповат – за километр видно. Хоть и смазливый юноша. Но мало ли смазливых.

Публика, приглашенная Павлом Витальевичем, сидела, как один, вежливо, смотрела и слушала внимательно, кося глазами на отца того, кто соорудил это непонятное действо, и удивляясь наверное: у такого дельного человека сын занимается такими пустяками!

Рада, всегда подтрунивавшая над братом и далекая от его интересов, думала, будет ли после фуршет или можно сразу уехать? Фуршет – значит общаться с братиком, с отцом, с другими родственниками, Рада этого не любит. Да и некогда ей, она в последнее время (вернее сказать – последние годы) увлеклась Интернетом, и не просто увлеклась, для нее это теперь вторая жизнь, если не первая. Ведет журнал и обширную переписку на самые разные темы: политика, эротика, гламур, спортивные машины, путешествия и, естественно, видео и фото, выискивает интересную информацию, помещает ее у себя. Сначала было просто интересно, потом, когда ее журнал оказался в первой тысяче из многих миллионов русскоязычных блогов, существовавших на тот момент, начался настоящий азарт. Это, конечно, спорт – и захватывающий всю душу без остатка. Появились даже рекламодатели, деньги платят небольшие, но все равно – приятно. В сущности, при желании, можно даже обойтись без поддержки отца, но тот сам помогает, не спрашивая.

Раде помогало хорошее знание английского, она искала острую информацию по всей сети, а не только в русском секторе, и радовалась, когда удавалось первой напасть на то, что потом становилось актуальной темой для всех. Не раз она попадала уже в топ-список различных рейтингов, поднялась в результате ежедневных усилий в число первых пятисот журналов, но ей мало, она хочет пробиться в сотню, а потом в тридцатку, а потом и в десять первых, чем черт не шутит. У нее уже тысячи друзей, десятки тысяч читателей, но расслабляться нельзя – каждый год и каждый месяц приходят новички, наступают на пятки конкуренты, Рада всегда в конце дня (вернее, в конце ночи) смотрит, на каком месте она находится; если зеленая стрелка показывает вверх и указана цифра, на сколько она поднялась, Рада ложится спать счастливая, если стрелка красная, она досадует и, мутно засыпая, думает, что предпринять, чтобы опять подняться.

У нее сейчас ощущение пустой траты времени, она смотрит на сцену, а сама думает, что, возможно, в это самое время появилось что-то жареное, скандальное, общеинтересное. И все уже об этом пишут, дают ссылки, выкладывают фотографии, растут, а у нее ползет вниз красная стрелка. И телефон выключен, можно было бы по нему что-то узнать и послать в свой журнал хоть пару строк. Это крайне важно: присутствовать всегда. Пропустил два-три дня – отстал, пропустил месяц – отстал далеко, пропустил год – считай, отстал навсегда.

Егор, глядя на сестру, видел, как задумчиво она смотрит: хочет понять, почувствовать. И, похоже, взволнована, напряжена, значит – полностью в действии. Это приятно.

Павел Костяков выбрал место так, чтобы сидеть сзади и сбоку от Даши. Она была почти по линии взгляда на сцену, то есть Павел смотрел прямиком на нее. Друг Даши его не интересовал. Павлу Витальевичу о нем все доложили: обычный молодой человек, увлекается фотографией, снимает свадьбы. Родители – нищета, он сам – тоже. Перспектив, судя по всему, никаких, запросы скромные, сошлись они с Дашей, скорее всего, на почве профессиональных интересов. В общем, не соперник.

Павел размышлял, какой придумать повод, чтобы пригласить Дашу, пусть даже с другом, – но куда? К себе в поместье? Зачем? Как зачем? – отметить премьеру сына. Обычно они тут, в театре, сами составляют столы, по-простому, с выпивкой и закуской, а можно сделать Егору сюрприз. Вряд ли он будет против. Сказать: у меня все готово, всех гостей и привезут, и увезут. Павел Витальевич повернулся, отыскал взглядом Шуру, тот стоял у двери. Павел Витальевич кивнул ему, показывая в сторону фойе. Тот понял, вышел. Через минуту Павел Витальевич, встал, пригибаясь, выскользнул из зала и быстро отдал приказания: чтобы к концу спектакля здесь были машины и два комфортабельных автобуса. Нет, лучше три. А в доме пусть немедленно откроют большую столовую и чтобы через два часа там были еда и напитки. Из ресторанов все лучшее привезут или на месте приготовят, неважно.

Шура кивнул и пошел передавать приказ. Вскоре он вернулся в зал, Костяков, уже сидевший там, оглянулся, Шура медленно склонил голову: все будет сделано.

Немчинов и Люся радовались за Яну, переглядывались, когда она выходила. Им было приятно, что у дочери появилось такое приличное увлечение – не по улицам, подъездам и чьим-то прокуренным квартирам ошиваться в своих дурацких нарядах, убивая время и, возможно, набираясь дурных привычек. Хорошее, творческое дело. Егор Костяков, рассказывали, с утра до вечера трудится в театре, не пьет, не курит. Пусть не это характеризует человека, но по нынешним временам... По нынешним уродливым временам, думал Немчинов, любое проявление элементарной нормальности вызывает чуть ли ни умиление.

Максиму скорее нравилась пьеса – было несколько смешных мест. Правда, он не совсем вникал в содержание, отвлекало соседство Даши, которую Максим видел впервые. А на женскую красоту он был всегда слишком отзывчив. Но жена Ольга была рядом, и Максим чувствовал, как она следит за каждым поворотом его шеи. Поэтому лучше не раздражать. И так недавно была история, когда он не сумел убедительно объяснить слишком позднее возвращение и слишком долгую отключку телефона, Ольга наговорила кучу чепухи, закончив фразой: «У тебя дочери пять лет, а ты...!» Максима это насмешило, хотя он не подал вида. При чем тут дочь пяти лет? У него два взрослых сына еще есть от первой жены, ну и что?

Тимур Саламович был растроган: все люди смотрят на то, что сделал его внук, любимый умный Егор, так похожий на свою маму.

Петр, ничего не понимая, томился.

Сторожев был уныло раздражен: он, как многие люди, близкие к медицинской психологии (и науке, и практике), не любил художественной психологии: вечно какие-то выдумки и загогулины, которых ни в одном человеке не бывает, а если они бывают, то не в такой концентрации. Вообще люди в большинстве своем намного проще.

Он был сегодня с Наташей.

Накануне, получив приглашение от Егора через Павла Витальевича, Валера хотел пойти один, но подумал, что Наташа обидится (никак не намекнет, но от этого не легче). Если даже он не скажет ей сейчас о премьере, в газетах напишут, по телевизору покажут, она увидит... И он позвал ее, Наташа обрадовалась, но тут же озадачилась: в чем пойти? Открыла шкаф, выбирала. Сторожев, понаблюдав, закрыл его и сказал:

– Вот что, идем-ка мы одеваться. Это все – старье.

Наташа взялась было убеждать, что вовсе не старье, она вообще не любит новые наряды, ей надо с каждой вещью сродниться, привыкнуть к ней. Но Валера настоял. Они отправились в модный магазин, Наташа послушно кивала продавщицам, тут же понявшим, что ей надо, принимала от них вещи, не выходя из кабинки, переодевалась, показывалась Сторожеву, все это напоминало глупую сцену из какого-то глупого фильма. И все одежды выглядели слишком ярко, вызывающе, не так, как любила Наташа.

– Слушай, это же молодежный магазин! – догадалась она наконец.

– А ты не молодежь?

– Да, но... Не знаю. Мы вообще в театр идем.

– В театр сейчас в вечерних платьях не ходят. Главное – чтобы стильно и современно. Девочка моя, если у тебя нет вкуса, доверься другим.

Наташа закрылась, чтобы примерить очередную вещь. Там она наскоро поплакала, прикладывая ладони к глазам, чтобы не тереть, чтобы глаза не покраснели.

Дело не в моем вкусе, думала она. Вкус у меня есть, и неплохой. Просто я ему не нравлюсь. Я кажусь ему серой мышкой, вот он и пытается меня украсить. Ей было грустно, обидно, но очень не хотелось огорчить Сторожева. И она выбрала наконец – черные туфли на высоком каблуке, смело драные во многих местах джинсы и обтягивающую кофточку с прилагающейся с ней пелеринкой, живот при этом оставался слегка открытым – гулять, так гулять! И выставилась в таком виде перед Сторожевым, ожидая, что он рассмеется или рассердится.

А тот растерялся. Сам не мог понять, хорошо или плохо. Отдельно наряд – хорош. И Наташа отдельно, в общем-то, ничего, с ее фигурой можно себе позволить. Но как-то не сочетается, что-то мешает. Может, мешают глаза Наташи, стесняющиеся, слишком робкие для этой одежды. Даже продавщицы, обычно щедрые на похвалы, медлили с комплиментами. Наконец одна сказала:

– Отлично! Просто еще прическу надо сделать соответствующую, у нас в соседнем зале салон, и все будет отлично!

Что ж, пошли делать прическу. У Наташи была прямая челка и прямо висящие по бокам волосы. Мастерица-парикмахерша челку сделала косой, спустив кончик на глаз, та подвила, там подкрутила, там взвихрила, там просто подчесала. И осталась очень довольна своей работой.

– Совсем другой человек! Наташа встала с кресла, повернулась в Сторожеву.

– Что?

Он смотрел и удивлялся. Вот стоит эффектная молодая женщина, модная, сексуальная, так и кажется, что ее ждет за углом кабриолет, причем не кавалера, а собственный. Но это не Наташа.

– Знаешь, это здорово, но...

– Плохо?

– Понимаешь, такое ощущение, что вожатая пионерлагеря вдруг стала рок-звездой. Еще глаза начернить – и самое то.

– Я могу и начернить. И плохо ты знаешь пионервожатых, я две смены в лагере работала. Пионеров уже не было, просто дети. Лесной лагерь такой. Там, я тебе скажу, такие были вожатые...

– Верните мне обратно мою женщину, – сказал Сторожев парикмахерше. – Хотя бы частично.

Та пожала плечами: что делать с людьми, не понимающими красоты и моды?

В результате, когда вернулись домой, Сторожев попросил Наташу надеть простые джинсы и ее любимую коричневую кофточку. И кроссовки.

Ясно, поняла Наташа. Он хотел всех поразить, не вышло, теперь он хочет сделать из меня невидимку.

Она хотела отказаться от похода в театр, но не нашла повода. Да и слишком все будет ясно.

Сторожев укорял себя за эти эксперименты над живым человеком, ему стало жаль Наташу, он ее обнял – и вдруг от собственной жалости почувствовал прилив желания и, пока не прошло, воспользовался этим – а Наташа всегда была готова, лишь бы он был доволен.

Увидев, что Даша тоже присутствует на спектакле, Сторожев хотел повернуться и уйти. Сказать Наташе, что заболела голова, живот. Сердце. Сердце и впрямь защемило, Сторожев было обрадовался этому, но – прошло. Есть вещи поважней моей влюбленности, подумал он, да надо еще разобраться, не выдумал ли я эту влюбленность. Мне нравится Наташа, я это вчера в очередной раз понял. Меня все устраивает. Я не собираюсь желать того, что невозможно.

И на него в результате этих мыслей снизошло что-то вроде умиротворения. Сидел, обменивался кивками и словами приветствия со знакомыми, потом начал смотреть спектакль, положив ладонь на руку Наташи, отчего она сразу же стала счастлива, он по дрогнувшей руке понял. Ты

умеешь сделать счастливым человека одним прикосновением, чего тебе еще надо, дурак?

Но потом Сторожев неосторожно обернулся, увидел Павла, проследил направление его взгляда, и опять его повело в смуту и недовольство. Почему этот может позволить себе желать, а я не могу? – подумал он. Потому что трус. Слабый трус, заранее сдавшийся.

Жаль было недавнего умиротворения.

Валера попытался опять включиться в то, что происходило на сцене.

Меж тем на сцене разыгрывался эпизод, который с первых реплик заставил насторожиться многих – и Немчинова, а Максима, и Сторожева, и Павла Витальевича.

Сюжет пьесы развивался по угадываемой схеме: сначала Зеро преследовал негодяев, если не явных, то предполагаемых, а потом он напал вдруг на честного человека по фамилии Жво. Жво сидит в кабинете, Зеро произносит обличительные речи. Жво улыбается и говорит.

ЖВО. Интересную вы придумали игру. Только не новую. В Интернете давно уже гуляет такая фишка, называется: «Докажи, что ты не убийца». Такой допрос у следователя типа. Прикольная штучка. Сто процентов – смертный приговор.

ЗЕРО. Мы теряем время.

ЖВО. Это вы теряете. Я не Сватьев.

ЗЕРО. А кто? На двери же написано...

ЖВО. А секретарша не сказала?

ЗЕРО. Ее нет там.

ЖВО. Сватьев уехал. А я чиню ему компьютер. И фамилия моя Жво.

ЗЕРО. Как?

ЖВО. Жво.

ЗЕРО. Почему?

ЖВО. Не знаю. Но мне очень нравится. Такой фамилии ни у кого нет.

ЗЕРО. Псевдоним?

ЖВО. Зачем? Я же не артист. Компьютерщик, немного программист. Айтишник, короче. Так что зайдите за своими миллионами позже.

Зеро идет к двери. Останавливается.

ЗЕРО. А вы зря так радуетесь. Если я за вас возьмусь, вы тоже выложите все до копейки.

ЖВО. Вы обо мне тоже все знаете?

ЗЕРО. Сами расскажете. Все рассказывают сами.

ЖВО. Мне нечего рассказать. Я замечательный работник. Я ни в чем не замешан. Меня даже это иногда пугает. Со мной уже лет пять вообще ничего не случается. Ни хорошего, ни плохого. Просто живу.

ЗЕРО. Что, вообще ничего не случалось? В жизни вообще?

ЖВО. Мало.

ЗЕРО. Родители живы?

ЖВО. Да.

ЗЕРО. И родственники?

ЖВО. Бабушка недавно умерла. Но я даже не ездил, это очень далеко. Я ее и не знал. Брат, правда, погиб. Давно, уже десять лет прошло.

ЗЕРО. Вот!

ЖВО. Что – вот?

ЗЕРО. За что вы убили брата? Что с ним случилось? Попал под машину? Самоубийство? Тяжелая болезнь? Хотите докажу, что это вы виноваты?

ЖВО. Глупости. Он утонул. Мы на пляже отдыхали. Ну, выпивали, девочки, мальчи-

ки, обычные дела. И он... Жалко, ему семнадцать лет всего было.

ЗЕРО. А ты где был?

ЖВО. Там я был. И все там были. Куча народа вообще, пляж же. Не знаешь, как это бывает? Пошел человек искупаться, нырнул и не вынырнул.

ЗЕРО. Пьяный был?

ЖВО. При чем тут это? Он вообще плохо плавал.

ЗЕРО. А ты что делал? Кстати, сколько тебе тогда было?

ЖВО. Двадцать.

ЗЕРО. Ага. Ты напоил несовершеннолетнего брата, отпустил его в воду?

ЖВО. Никто не напаивал, он всего-то пива выпил. Просто – жарко было, развезло.

ЗЕРО. Ты, как совершеннолетний, должен был ему запретить. Ты не запретил. Значит, разрешил. Значит, убил своими руками.

ЖВО. Слушай, не гони! Мне не до этого было, я с девушкой там...

ЗЕРО. Ага! Ты там с девушкой! Брат тонет, а он там с девушкой! Ты предал брата! Он тонул, а ты обнимался в грязном песке среди окурков и пивных банок с какой-то дешевкой!

ЖВО. Сейчас как дам тебе по морде. Иди отсюда.

ЗЕРО. Уйду. Но знай – ты убил брата.

ЖВО. Идиот! Чего ты добиваешься? Денег у меня все равно нет.

ЗЕРО. Мне не нужны деньги, мне нужна правда! Признайся – ты убил брата! И станет легче. Убил?

ЖВО. Знаешь, у меня такой характер, я долго терплю... В детском саду однажды, сам не помню, другие рассказали: дурачок один пристал, пихал меня. Я что-то делаю, а он пихает. И пихает, и пихает, и пихает. Я молчу. Он пихает. Я терплю. Он пихает. А потом я взял грузовик, тяжелый такой – и по башке ему. На «скорой помощи» увезли, в череп пластинку вставлять пришлось. (Жво берет принтер, небольшой, но увесистый, идет на Зеро.) Брата я не убил, а тебя сейчас убью, если не прекратишь.

ЗЕРО. Убил! Убил брата из-за девки! Из-за бабы!

Жво бросает принтер в Зеро, тот увертывается, принтер с грохотом разбивается о стену.

Во время этого эпизода в зале сгущалась до осязаемой плотности тишина. Все сидели, застывшие, боясь не только глянуть, но даже ненароком шевельнуться в сторону Павла Витальевича, Максима, а заодно и Петра. Все знали, что Леонид Костяков утонул в присутствии братьев – пусть не на глазах (будто бы), но тем не менее. Все помнили старые сплетни о том, что, может, Леонид не сам утонул, а брат Павел ему помог, чтобы избавиться от соперника. Но это было слишком давно, история отошла в ряд заурядных полузабытых сарынских мифов. О каждом заметном человеке Сарынска, добившемся успеха в чем-либо, рассказывают какую-нибудь ерунду.

Присутствующих поразило не совпадение факта – мало ли кто тонет, в том числе в присутствии родственников, в том числе и братьев. Но зачем сын отцу про это напоминает, вот вопрос! Ясно, что он не сам пьесу сочинил, но выбрал-то он, поставил он, эпизод этот не выкинул, хотя и мог. Почему, зачем, чего хотел добиться? Может, обижен за мать, считая, что в ее гибели виноват отец? Да, была авария, но некоторые слышали о предшествующих каких-то супружеских неурядицах, чуть ли не разводом дело пахло – причем очередным...

А может, в самом деле, все так и было? – теребила некоторых приятно скандальная мыслишка. Может, брат действительно убил брата, а жене потом отомстил за измену?

Короче говоря, все впали в разные степени недоумения.

А Егор сначала не мог понять, что происходит, почему вдруг все так застыли и напряглись? Само собой, история об утонувшем дяде Леониде ему была известна, как и сплетни о возможной причастности отца к этой смерти (он никогда в эту причастность не верил), но Егор настолько

далек был от всего этого, что, читая не раз пьесу, репетируя ее, зная текст наизусть, ни разу не обратил внимания на этот фрагмент с точки зрения какой-то применимости к реальной жизни, сравнимости с нею.

И вдруг дошло. Стало нехорошо, неловко. Как теперь объяснить, что никакой задней мысли не было? Гамлет показывал в аллегорической форме убийство отца умышленно, зная, что делает, желая получить доказательства в виде реакции убийцы, но Егор-то в этом гамлетовском положении оказался случайно, абсолютно дурацким образом. И что теперь делать? Как объяснить, что это не нарочитое совпадение? Хоть выходи на сцену со словами: «Извините, тут у нас как бы намек на то, о чем некоторые когда-то болтали, но никакого намека нет, а если есть, то это вышло случайно».

А вдруг это было на самом деле?

Егора будто щеткой с металлическими массажными прутьями провели по голове: пробрало мурашками до самых пяток. Впервые в жизни он всерьез задался вопросом: а если не сплетни, не слухи, не чушь и не ерунда? Вдруг его отец, его папа – убийца?

Быть не может. Никогда, ни при каких обстоятельствах.

Но откуда-то эти слухи взялись?

Мало ли! Когда он жил в Москве, сочинили, например, утку, будто он имел связь с известной светской девицей К.С., а Егор с нею даже знаком не был. Просто, входя в какой-то зал, оказался рядом, фотограф щелкнул, попало в журналы с подписью: «К.С. с новым другом?», вот и все.*

А если все-таки?

И что тогда?

Отец неоднократно говорил: Егор, мы высоко летаем, нас всем видно, о нас говорят. И обо мне. Я просто на будущее тебе: если что обо мне услышишь, не верь.

Получается, – предупреждал? Что наступит момент? И этот момент наступил?

И Егор его своими руками создал?

К счастью, спектакль шел без антракта, нелепый эпизод бы в середине, последующие сцены прикрыли, затерли его, да и герой становился все более странным, что сводило к нулю эффект его нападок, зрители понемногу отмякли и даже несколько раз смеялись. Потом финал, выход актеров на поклоны, все встали, аплодируя, встал и Павел Витальевич, в лице которого никто не увидел ничего, кроме удовольствия и радости за сына.

Вышел Егор, аплодисменты вспыхнули с новой силой.

И тут Павел Витальевич поднял руку.

И опять все замерли. Будто ждали чего-то нехорошего.

– Друзья! – объявил Павел Витальевич, улыбаясь. – У входа нас ждут автобусы, машины. Прошу всех ко мне в гости. Свои машины можете оставить, вас всех потом развезут. А то и выпить нельзя будет. Давайте отпразднуем это культурное явление, к которому приложил руку мой сын, чем я горжусь... – Павел Витальевич сделал небольшую паузу (паузу растроганного отца, не мог не отметить мысленно Егор)... – И... И, в общем, все ясно, милости просим!

И, спустившись по ступеням к сцене, обнял сына, похлопал его по спине.

– Да... – сказал Сторожев. – Интересная история.

– Ты о чем? – спросил стоявший рядом Немчинов.

– О том, о чем и ты.

– Я молчу вообще-то.

– Мало ли. Считай, что я мысли угадываю.

** Ср.: «...зато очень повезло какому-то фотографу. Возможно, это был даже не папарацци, не охотник за знаменитостями. Просто случайный человек. Шел, увидел занятную сценку, наставил оказавшийся по счастью с собой фотоаппарат. Вспышка – готово... Фотографию он продал сразу в несколько желтых изданий.» («Качество жизни».)*

23. БО. Разрушение

_____
____ ____
____ ____
____ ____
____ ____
____ ____

Возможно, кто-то злословит по вашему адресу, распускает сплетни. Будьте осмотрительны в общении с лицемерными представителями противоположного пола.

Многие не знали, как поступить: не принять приглашение, не поехать – нельзя. Павел Витальевич человек довольно мягкий (пока не коснется принципа или его кровных интересов), а вот у брата его, Максима, хорошая память на все, что касается отношений: кто что сказал, кто как посмотрел, отнесся, отозвался. У Петра Чуксина тоже зоркие глаза и неплохая память. Но и поехать, оказаться на этом банкете, означает стать, возможно, свидетелем чего-то неприятного (предчувствие скандала витало в воздухе). А свидетелей не любят. И бессмысленно потом отпираться: я ничего не видел, не слышал. Был – значит мог видеть и слышать. А в нашем мире ведь как? Мог сделать – значит, фактически сделал. Суды, в частности, наши именно из такой презумпции виновности и исходят.

Но почти все были с женами и подругами, а женам и подругам хотелось увидеть новый дом Павла Витальевича и рассмотреть друг друга в большом пространстве, а не в тесноте подвального зальчика. Это сыграло если не решающую, то значительную роль: поехали все, кто был в театре.

Рада отказалась, Сторожев в это время был рядом и слышал ее разговор с отцом:

– Не хочешь поздравить брата? – спросил Павел.

– Уже поздравила. Поцеловала. Пап, извини, у меня работа.

– Какая работа по ночам? Чем ты вообще занимаешься?

– Тебе сейчас рассказать?

– Ладно, извини, что пристаю, – отвернулся Павел. И сказал Шуре: – Поехали!

Заметил Сторожева.

– Тоже не едешь?

– Почему? Я на своей, все равно не пьющий. Илью вот с женой прихвачу, – показал Сторожев на Немчинова с Люсей.

– А, – узнал Немчинова Павел. – Как пишется?

– Понемногу.

– Теперь у вас будет – история и современность.

– Что он имел в виду про историю и современность? – спросил Илья, когда они поехали в составе этого довольно странного кортежа.

– Не знаю, – ответил Сторожев. – Чувствую только, придется мне подключиться. Напьется он. Если что, Наташа, заночуем там, ты не против?

– Даже интересно. За городом. Там, говорят, лес вокруг.

– Ерунда какая-то, – сказала Люся. – Такое ощущение, будто что-то происходит, все всё понимают, одна я не понимаю.

– Я тоже, – повернулась и улыбнулась ей сидевшая рядом с Валерой Наташа.

Они только что познакомились, так как привычки дружить семьями не было ни у Сторожева, ни у Немчинова, и Люся видела, что Наташа хочет понравиться ей. Это было приятно. И вообще, сразу видно, милая, приличная, культурная женщина. Хорошо бы завести наконец подругу, а то бывшие школьные все почему-то оказались вне контакта, дружить с преподавательницами из колледжа – нет уж, хватает общения и на работе.

И Люся улыбнулась в ответ Наташе, и та по совпадению подумала абсолютно о том же: хорошо бы завести подругу. Почему у женщин вообще мало подруг?

С другой стороны, подумала Наташа, если бы я родила Валере ребенка и у нас получилась бы нормальная семья, мне никто не был бы нужен. Совсем.

– Могла бы знать, – сказал Немчинов Люсе. – У вас коллектив женский, а женщины разве не сплетничают?

– Мы сплетничаем друг о друге. И о нашем директоре. Так в чем дело?

– Была такая байка, ее уже все забыли, будто бы братья чуть ли ни утопили Леонида. Который действительно утонул при туманных обстоятельствах. А у Леонида будто бы были отношения с женой Павла.

– Прямо настоящий Шекспир, – сказала Люся. – Постойте! Вот почему всех так встряхнуло? Из-за пьесы? Угадала я с Шекспиром! А зачем сыну Павла понадобилось это делать?

– Вот все и думают, – пробормотал Сторожев. – И я тоже. Зачем?

– И что теперь будет? – спросила Наташа.

– Никто не знает, – ответил Сторожев. – Потому и едут, чтобы посмотреть, что будет.

Большой дом был залит светом и заполнен суетой. По звонку Шуры примчались все, кто хотел услужить Павлу Витальевичу, узнав, что тот решил устроить импровизированный ужин на полтораста персон. Хозяева и менеджеры сарынских ресторанов созвонились, распределили, кто что доставляет и готовит, и вот в просторной кухне стало тесно, чуть ни дюжина поваров парила, жарила, разогревала, официанты носились, уставляя огромный стол приборами, у всех был напряженный и слегка испуганный вид из-за боязни не успеть. И не успели, но совсем немного, еще полчаса, и можно всех усаживать. Даже лучше – у гостей есть возможность осмотреться, прогуляться и в доме, и вокруг него.

Немчинов оставил Наташу с Люсей, увидев, что они нашли общий язык, Сторожев куда-то ушел – может, искать Павла и упрашивать его не пить, а Илья бродил среди людей, вслушивался, всматривался.

История и современность, сказал Павел Витальевич. Что ж, так тому и быть. Ретроспективные эпизоды в будущей книге будут перемежаться с современными.

Но книга все-таки будет не о Костяковых. Не документальная. Просто роман. Решено окончательно. И не потому, что Немчинов боится напасть на криминальный сюжет, хотя есть и эта опаска. Просто цель другая. Художественная.

А художественность – это детали. Вот Илья и занялся работой: высматривал эти детали (и людей в том числе), мысленно сразу же их описывая.

Солидный мужчина с пышнотелой дамой стоят рядом, оглядывают интерьер и, видимо, обсуждают его достоинства и недостатки, чтобы в итоге сказать: нет, у нас лучше. Как минимум – уютнее. Человеку необходимо знать, что у него хоть что-то лучше, чем у других.

Вот сидит в кресле пожилой смуглый человек с серебристыми волосами, в руках трость, он положил на нее две вытянутых руки, голову держит прямо, перед ним, слегка склонившись, стоят два молодых человека делового вида, о чем-то почтительно беседуют. Какой-нибудь патриарх бизнеса, подумал Немчинов. Смутно что-то вспоминается, где-то он его еще видел... Нет, не вспомнилось.

Вот пара лет тридцати с чем-то, муж и жена, отойдя от всех, стоят у окна и ссорятся. И он сердит, и она сердита. Не поймешь, кто нападает, кто оправдывается. Равный семейный бой.

Молодежь разбилась на кучки и группы. Кто-то ходит и рассматривает, а те, кто был занят в спектакле, и их друзья, столпились в углу, возле закусочного стола, торопясь выпить и поделиться впечатлениями. Они говорят все разом, громко, смеются, что-то друг другу рассказывают: хочется пережить все еще раз, заново. Яна стоит среди них с бокалом вина в руке. Увидела отца, рука слегка дернулась – спрятать бокал, поставить, но Немчинов одобрительно улыбнулся, Яна тоже улыбнулась, рука вернулась на место. Она взрослая, имеет право. Илья приблизился, поманил

Яну пальцем, придавая этому жесту шутливый вид. Она подошла.

– Поздравляю, молодец, – сказал Илья и обнял Яну (что бывало очень редко).

– Спасибо.

– Иди, иди, отдыхай.

Яна отошла. Оба были счастливы.

А вот сын Павла, Егор, сегодняшний триумфатор, выбравший странную пьесу. Однако у Егора такой вид, будто он совершенно об этом не думает. Занят разговором с Дашей – Илья, конечно, сразу узнал ее. Значит, они знакомы? Если да, то, наверное, недавно: Егор серьезен, сосредоточен, что-то втолковывает Даше. Так не говорят с близкими. А смотрятся они очень хорошо: Егор мужчина (именно мужчина, хотя других в его возрасте называют молодыми людьми) красивый, жестко и угловато красивый, без патоки, Даша рядом с ним кажется хрупкой и беззащитной, хотя Илья представлял ее не такой. Мимолетно он выругал себя за эпитеты «хрупкая и беззащитная» – что за штампы? Но тут же поспорил с собой: иногда штампы, общие места, помогают проскальзывать, двигаться, не спотыкаясь о красоты стиля и эффектные придумки. И с этим тоже поспорил: спотыкаться и замедляться тоже полезно, это позволяет что-то рассмотреть более подробно, а заодно вдуматься, еще раз оценить то, что видел.

Егор что-то объясняет Даше, а рядом с ними юноша со стаканом в руке. В разговор не вникает. Отпивает и подолгу оглядывает потолки и стены. Похоже, ему не очень здесь нравится. На груди у него висит фотоаппарат, но он не фотографирует. Значит, на его взыскательный вкус, фотографировать тут нечего. Немчинов видит: Даша поглядывает на юношу, будто хочет, чтобы он присоединился к разговору. Юноша этого не замечает. Даша, кажется, обижается на него.

А вот появился Сторожев. Наверное, не нашел Павла Витальевича. Илья направился к нему, но Сторожев, косвенно заметив это, вышел в смежную комнату. Избегает общения. Почему?

Блуждая, Илья вышел из дома. Окрестная природа, будто подлаживаясь под комфорт, наполняющий дом, тоже была вполне комфортной: ветерок приятен, запахи цветов не назойливы, но ощутимы, на темнеющем небе все больше звезд и два белых облачка – для опять-таки комфортного контраста. Полнолуние. Илья почему-то вспомнил, что в полнолуние обостряются душевные болезни: шизофреники нервничают, маньяки впадают в муку нереализованных желаний, депрессивные люди по-волчьи тоскуют. Сам он этого за собой не замечал, да и вообще не присматривался к погоде, природе, ко всяким магнитным бурям и давлениям. Наверное, они както действуют, но начни об этом думать, подействуют еще больше.

Илья шел по дорожке, вымощенной керамическими узорными плитками, вокруг был ровно постриженный газон, там и сям деревца и кустики, какие-то цветы. Красиво, респектабельно. Но ничуть не завидуешь. Человек старался, зарабатывал, копил, жульничал, не исключено, что нарушал закон (а если допустить самое страшное, то у него и кровь на руках) – ради чего? Чтобы жить в пространстве, напоминающем дом отдыха для обеспеченных людей? Все какое-то общее, призванное нравиться всем, а не одному только хозяину, и от этого неуютное – для показа, а не для жизни. У Ильи в квартире далеко не все идеально, а говоря честно – совсем не идеально, бедно, неприхотливо. Но как тянет всегда Илью домой, к своему старому письменному стола у окна, заваленному книгами, среди которых только и помещаются, что раздолбанная клавиатура, с которой уже сроднился, и монитор – допотопный, громоздкий, как телевизор, но – свой, родной, в котором даже царапина в углу дорога. А тут – что может быть дорого? Ни царапин, ни раздолбанности, никаких признаков, что кто-то живет и пользуется.

Дорожка свернула к застекленному строению. Длинная оранжерея. Она примыкает к дому, оттуда, наверное, и вход. Нет, во внешнем торце тоже дверь. Но закрыта (Илья, проходя, дернул за ручку).

Немчинов, огибая оранжерею, чтобы вернуться в дом с другой стороны, без любопытства разглядывал через стекло пышные растения. Миновав невысокое дерево с густой кроной, что росло рядом с оранжереей, увидел прямо перед собой, за стеклом, Павла Витальевича и Максима. Павел Витальевич невнимательно поливал из лейки рассаду в деревянных длинных ящиках, а Максим

ходил возле него и размахивал руками. Над ними была открыта форточка. Что-то было странное в поведении братьев. Илья невольно отступил обратно за дерево, потом осторожно отогнул ветку, выглянул. И понял, что показалось странным: братья общались молча. Через форточку слышно даже, как струйки воды из лейки шуршат по листьям и земле, но больше – ни звука. Они общались жестами с помощью азбуки глухонемых, в этом ничего удивительного: воспитывались глухонемой матерью. Вот и используют, когда хотят посекретничать, хотя кто тут их может услышать? Удивляясь себе и мысленно усмехаясь глупому своему шпионскому порыву, Немчинов вытащил из кармана телефон, потыкал кнопки, чтобы найти управление камерой – она никогда ему не была надобна, он вообще недолюбливал все техническое. Ага, вот на дисплее мутно отразилась ближайшая ветка, а теперь поведем выше, нажмем на кнопку записи. Освещенная внутренность оранжереи видна отлично. А вдруг они заметят огонек камеры? Немчинов перевернул телефон – никакого огонька, глазок объектива не светился, только тускло и неприметно поблескивал. И он продолжил снимать.

Максим горячился, что-то предлагал. Павел то ли соглашался, то ли был против, не сразу поймешь. А теперь, наоборот, Павел что-то предлагает, отставив лейку, а Максим протестует. Так они общались довольно долго, у Немчинова затекла рука. Наконец Максим, махнув рукой, пошел к выходу, Павел поставил лейку и закричал, будто у него включили звук:

– Не надо ничего, говорю тебе!

Немчинов отступил, довольно громко хрустнула ветка. Павел повернулся, вглядываясь в окна. Немчинов немедленно упал и пополз вдоль фундамента, а потом, пригибаясь, трусцой побежал подальше от оранжереи.

И, сделав большой крюк, вернулся, первым делом шмыгнул в туалет, где привел себя в порядок, почистился. Зашел в кабинку, достал телефон. Просмотрел начало записи.

Ему вдруг стало смешно. Взрослый дяденька – чем занимается? В кустах торчал, по земле ползал, а сейчас стоит со спущенными штанами (для конспирации, что ли? – ведь никто не видит!) и важно просматривает запись, джеймс бонд сарынский, господи...

Гостей созвали за общий стол, и, уместившись за ним, они заново оценили, насколько велик зал и огромен этот стол – места хватило всем, при этом люди на противоположных концах едва различали друг друга. Угощенье было довольно разномастным, но никого это не смущало: всякому нашлось хоть что-то по вкусу и из еды, и из напитков; учтем мимолетно, что русскому человеку за столом часто достаточно одного любимого блюда и одного любимого напитка. Водка, например, и селедка под шубой с вареной картошкой, например. Остальное уже от лукавого.

Во главе стола сидел Павел Витальевич с братьями и тестем Тимуром Саламовичем. Егор со своей театральной компанией – на другом конце. Сторожев устроился поближе к Павлу, чтобы видеть, будет он пить или нет. Немчинов тоже сел неподалеку, держал Павла Витальевича в поле зрения, но незаметно, продолжая мысленно посмеиваться над шпионскими своими приемами.

Павел Витальевич встал, все притихли.

– Ну, перво-наперво, конечно, за премьеру спектакля! – возгласил Павел Витальевич. – Мне очень приятно, что мой сын оказался талантливым режиссером и... И вон, даже из Москвы люди приезжают посмотреть, – Павел Витальевич кивнул в сторону рыже-черного Бурнимова. – И культура, это, конечно, главное дело. Я, не скрою, хотел, чтобы сын пошел в бизнес. Но он пошел своим путем. И это тоже надо. Но у Костяковых принцип: если уж что делаешь, делай хорошо. И мой сын, мне кажется, этому принципу следует. Егор, я тебя поздравляю!

– Спасибо! – встал Егор и издали протянул руку со стаканом.

Все стали чокаться с близсидящими, выпивать, кричать Егору поздравительные слова.

Потом встал Максим. Павел глянул на него хмуро, будто бы заранее не одобрял того, что скажет брат, но Максим, видимо, слишком был настроен на определенные речи. Дождавшись тишины, он сказал:

– Между первой и второй должна быть еще одна. Поэтому можете кушать и выпивать, а я

скажу. Сегодня все заметили, что в спектакле, то есть в пьесе, были какие-то вещи... Ну что-то похожее на то, что было в нашей семье. А что было в семье, все помнят. Брат Леонид у нас утонул, – твердо выговаривал Максим, оглядывая всех поочередно и словно всем проникая в душу. – Я подумал: если промолчать, сделать вид, что ничего не было, слухи эти опять всплывут и полезут из всех дыр.

– А зачем такую пьесу взял? – спросил на правах старшего Тимур Саламович. – Внук, я тебя спрашиваю?

Егор хотел ответить, но Максим поднял руку.

– Для того и взял, – объяснил он Тимуру Саламовичу и всем прочим, – чтобы все поняли, что он смеется над этими сплетнями. Это же комедия, вы же сами смеялись все, разве нет? Вот Егор, спасибо ему, и высмеял, воспользовался возможностью. Так ведь?

– В какой-то мере, – сказал Егор.

Ему не хотелось сейчас признаваться, что он вообще не помнил и не думал об этих слухах.

– Вот! – поднял палец Максим. – Но я вам больше скажу, господа присутствующие. То есть гости. Я скажу вам больше. В смысле просто некоторого предупреждения. То, что касается нашей семьи, касается только нашей семьи. Я знаю, тут есть и журналисты, и любители просто поговорить где-то с кем-то, так вот, убедительная просьба: не надо. Не надо ворошить того, что было, вернее, того, что не было. Согласны?

Конечно, никто не ответил, но было понятно: согласны все. Максим однозначно дал понять, что всеми средствами не допустит новой волны слухов, а этих средств у Костяковых много, всем известно.

– Ладно! – громко и весело сказал Павел Витальевич. – Люди веселиться собрались, а ты запугиваешь.

– Я не запугиваю, а предупреждаю. Кто я такой, чтобы запугивать? – обаятельно улыбнулся Максим всем, кто попался ему на глаза.

Выпили, закусили.

Поднялся Петр: он считал себя обязанным тоже поздравить племянника.

– Отдельно приятно, – сказал он, – что мы функционируем во всех областях человеческой деятельности. В смысле я имею в виду семью Костяковых. У меня уже был случай сказать, но, надеюсь, никто не будет в претензии, если я еще раз повторю образную метафору, которую я както уже говорил, но она мне кажется, что удачная. Что Костяковы не зря имеют такую фамилию, потому что они в каком-то разрезе костяк нашего общества. Нашей родины, я бы даже так сказал. Потому что все знают, что бездельников дополна, а есть люди, на которых все держится. И вот поэтому я предлагаю за эту метафору, то есть за костяк, за Костяковых...

Но тут Петра перебили. Раздался громкий скрипучий голос, таким нарочито разговаривают в мультфильмах вредные персонажи. Это был голос Миши Кулькина, причем дар гнусавой выразительности у него был естественный, от природы. Миша Кулькин был человек, которого никто никогда никуда не звал, но он каким-то образом всегда везде оказывался. Он вечно шатался по городу в вечном подпитии и никто не мог сказать, на что он существует. Впрочем, Немчинову было это известно, потому что Миша однажды с ним разоткровенничался:

– Мое счастье в том, друг дорогой, что деньги подешевели. Все друг у друга просят взаймы тысячи, максимум сотни. И тут появляюсь я и прошу десятку. Можно мелочью. Человек вздыхает с облегчением, что я не прошу больше, он даже рад дать мне эту десятку, все равно не деньги. Фокус еще в том, что, если попросишь сто или двести, могут сказать: нету. А такого, чтобы не было хотя бы десятки, не бывает! Я беру, иду дальше. Вскоре встречается другой, меня же полгорода знает и я полгорода знаю. Еще десятка. А две десятки – уже бутылка дешевого пива, уже можно жить. Свою сотню на пиво, хлеб и даже колбасу я всегда наберу. Главное, иметь хорошую память и не просить у одного и того же человека чаще, чем раз в неделю. Я вот помню, друг дорогой, что я у тебя просил последний раз недели две назад. Поэтому попрошу сейчас – и ты мне дашь, разве нет?

Немчинов на тот момент был в безденежье, поэтому разозлился (он вообще не любит тунеядцев и захребетников) и сказал:

– А вот не дам, друг дорогой! Я не дам, другой не даст, третий – и ты будешь вынужден...

– Дадут! – прервал его Кулькин. – И другой, и третий. Знаешь, почему? Потому что людям нравится, когда есть возможность задешево сделать доброе дело. Даже такому мозгляку, как я. Они не мне дают, а своей совести. Ты вот все правильно сказал, ты вообще умный. Ну, и не давай. И иди домой. Но только ты сейчас начнешь мучиться: вот, из-за десятки на принцип полез. Моралофаг нашелся.

– Кто?

– Моралофаги – люди такие, которые любят поступать справедливо. Питают свою совесть своей справедливостью. Случай рассказывали: едет в трамвае парень, облом такой, мордоворот, сидит боком и выставил ногу в проход, пройти нельзя. То есть можно, если переступить. А один моралофаг, еще больше облом, чем тот, он взял и пнул по ноге. Вроде того – имей совесть. А парень как взвоет! Оказалось, у него был перелом и в ноге штырь, он ее просто согнуть не мог. А моралофаг ему вторично сломал.

Немчинов хмыкнул: история показалась ему забавной.

– Ты будешь мучиться, – продолжил Кулькин, – что себя считаешь человеком, потому что работаешь, а меня не считаешь человеком, потому что я побираюсь, а ты хоть раз спросил, почему я побираюсь?

– Ну, спрашиваю.

– Иди, иди, уже не надо. Ты даже не представляешь, в какое глупое положение ты себя поставил. Раньше давал, теперь не дал, почему? И что делать дальше? Никогда не давать? Или иногда давать? Я тебе всю жизнь испорчу, будешь меня за километр обходить.

Немчинов рассмеялся и достал пятидесятирублевку:

– Бери. Не потому, что я изменил свое мнение, а – заработал на этот раз. За знание человеческой психологи – бонус.

– Бонус мог быть и побольше, – тут же нагло ответил Кулькин.

– С твоими бы мозгами мог бы работать.

– Ну вот, все испортил, – проворчал Миша. – Какая работа в наше время, ты что? Я же могу кормиться только интеллектуальной деятельностью. А она в наше время сплошь проституирована. Ты меня в проституцию толкаешь? Нет, друг дорогой. У меня принцип неучастия!

И вот этот нелепый человек, успевший изрядно напиться, встал и заорал, перекрывая все голоса и шумы.

– Костяк, говоришь? На, облизни! – он вытянул руку с кукишем, большой палец при этом торчал невероятно и уродливо длинно, будто вырос специально для деланья кукишей. – Костяк! Кость вы в горле у России, и скоро она вами подавится, задохнется и сдохнет! Застряли, суки, ничем вас не выковырять! И еще он хвалится, падла! Не могу больше терпеть, столько лет молчал, я же был там, на этой речке, забыли? Я вам, как шестерка, шашлычки жарил и подавал, потому что уже тогда был гнусь, алкоголик, за рюмку маму и родину мог продать! И я видел, как вы его в кустики повели, хотя я уже валялся, вы думали, что я пьяный валялся, а я хоть и пьяный, но видел! В кустики повели, а вернулись без него! Где Леня? Нет Лени! А? Костяк! Молчал бы уж, бандюга!

Шура, не дожидаясь приказа Павла Витальевича, подошел сзади к Кулькину, дернул его за ворот, уронил и поволок по полу одной рукой, как мешок с картошкой.

– Юмора не понимают! – орал Миша. – Пошутил я! Дайте выпить, все прощу!

Петр был не такой простак, каким часто казался. Уже все готовы были впасть в смущенное молчание с неподниманием глаз, а он не допустил этого, громко и весело сказал:

– Вы ему верьте! Он же у нас и «Белый дом» защищал, и в губернаторы выбирался! Правдивый человек!

И все засмеялись. То есть не все, а многие, но, когда столько народа, кажется – все. Действительно, вспомнили байки Кулькина о том, как он, оказавшись в Москве во время путча, пошел

посмотреть, примкнул к защитникам «Белого дома», ему выдали боевой автомат, хоть и с холостыми патронами. И в губернаторы будто бы баллотировался когда-то.

Правда, молодежь ничего толком не поняла ни о «Белом доме», ни о губернаторских выборах, но из солидарности тоже посмеялась.*

– С успехом тебя, Егор! – крикнул Петр. – И всех нас, которые стали свидетелями этого культурного явления. Ура!

Застолье продолжилось, но речей уже никто не произносил. Словно опасались: начни говорить – опять случится что-то непредвиденное. Кулькина-то вывели, но это не значит, что в зале не осталось дураков, разогревших себя крепкими напитками.

Немчинов наблюдал за Павлом. Тот сосредоточенно ел. Потом взял стакан с жидкостью коньячного цвета (то есть, скорее всего именно коньяк), выпил, крупно глотая, как воду, поставил на стол, посмотрел на Сторожева тяжелым взглядом, словно предупреждая: «Не вздумай останавливать!» – и опять принялся за еду.

Павел понимал, что уходит в запой не вовремя. Но остановить себя после двух стаканов уже не мог. Ему хотелось выпить и третий, но он пока держался, потому что назначил себе на вечер важное дело и не мог его отменить.

Взбудораженные спектаклем, поездкой в имение, неожиданным ужином, речами братьев, криками Миши Кулькина и алкоголем, гости удивительно быстро напивались, и уже кого-то понесли к автобусам и машинам. Стояла во дворе и «скорая помощь» – кому-то стало плохо. Кому плохо, кто вызвал «скорую», никто не знал, да особенно и не интересовались. Через час в доме творилось то, что нельзя было назвать иначе, чем массовая пьянка – как в прежние бедные времена, когда, дорвавшись до дефицитного алкоголя, упивались все, кто мог и не мог. Впрочем, и сейчас, когда алкоголь не дефицитен и относительно дешев, на всяких собирушках традиционно упиваются так же. Но уже не все. Нравы меняются к лучшему.

Володя не пил: он приехал с Дашей на своей машине, а за рулем предпочитал не касаться даже пива. Он, когда началось застолье, взялся снимать жанровые сценки, возникавшие вокруг, на это никто не обращал внимания. Или даже позировали, думая, что на память.

Подошел Павел Витальевич, склонился к Даше, что-то шепнул ей. Ухаживать, что ли, вздумал, старый хрен? Даша сказала Володе: «Я сейчас», – и ушла с ним.

Наверное, подумал Володя, хочет показать красивой девушке какой-нибудь антиквариат. Какой-нибудь люстрой похвастаться. (Тему утопления и все остальное Володя не принял всерьез, он давно уже понял, что в Сарынске любимая забава – поливать друг друга грязью и выдумывать несусветные истории.)

Время шло, Даши не было, Володе стало скучно, он позвонил Даше, телефон не ответил.

Володя встал и пошел по дому, заглядывая в комнаты.

Оказался в каком-то узком коридоре, в конце которого была узкая витая лестница наверх. Володя поднялся, оказался на площадке с ковром, каким-то растением в кадке и диванчиком. На диванчике сидел громоздкий мужчина с татарскими скулами и сонными глазами. За площадкой – высокая и узкая деревянная дверь. Володя направился туда, мужчина плавно и быстро встал на ноги, будто вытолкнутый вверх сильной, но мягкой пружиной.

– Нельзя!

– Я свою девушку ищу.

** Неосведомленность молодежи понятна: в описываемое время прямые губернаторские выборы были лет пять как упразднены, а с «Белым домом», то есть зданием Дома Советов Российской Федерации (потом – Дом Правительства РФ), и вовсе путаница: школьники, сдающие новейшую историю, никак не могут запомнить, что в 91-м году такие фигуры, как Руцкой и Хасбулатов, по каким-то причинам защищали Белый дом вместе с Ельциным от путчистов, а в 93-м они же защищали тот же Белый дом уже по другим причинам от Ельцина. Все это кажется выпускникам лишними и утомительными подробностями.*

– Нет никаких девушек, нельзя.

Володя заподозрил неладное.

– Я посмотрю только. Вы кто, охранник? Тут разве банк какой-нибудь?

– Хуже: частная собственность.

– Меня в гости пригласили. Нас. Меня и Дашу, красивая такая девушка, не видели ее?

– Никаких я девушек не видел.

Володя начал заводиться.

– Слушай, охрана... Это моя девушка, и если ты...

Тут открылась дверь, вышла Даша. С книгой в руке.

– Ты здесь? – спросила она, не удивившись.

– Я-то здесь. А ты-то...

– Пойдем.

Даша начала спускаться, Володя за ней.

Они ехали молча. Володя, возможно, не большой знаток женского пола, но неглупый человек, он давно усвоил: если девушка мрачно молчит, лучше ее ни о чем не спрашивать. Сама все скажет, когда захочет.

Но Даша, похоже, ничего говорить не собиралась.

Полчаса назад Павел Витальевич подошел к ней, сказал:

– Даша, можно вас на минуту?

Провел куда-то комнатами, коридорами, поднялись по лестнице, оказались в кабинете. Даша ничего не боялась – кругом же люди. Да если бы и не было никого, она бы не испугалась – не умела бояться и слишком всегда была уверена в себе. То есть не слишком, считала она, а именно так, как надо.

Кабинет предполагал деловой разговор. Может, какие-нибудь фотографии заказать хочет, подумала Даша. В виде гуманитарной помощи бедной семье и больной женщине. Или, с ними бывает, просто предложит денег. Хотя – с кем, с ними? Она не так уж много знает о Костяковестаршем. Ну, богат, но не он один. Ну, как выяснилось, в чем-то таком был замешан, чуть ли ни брата убил, а кто не замешан, кто из них хоть кого-то не убил? Такие были времена и такие они были люди. Как Коля говорит: «Мне с ними не детей крестить». А вот кабинет у него обставлен неплохо. Под старину, все из дерева, никаких пластиков и древесно-стружечных материалов. Все натуральное вообще. Если бы еще кто догадался ему тут свет сделать, потому что с такими лампами на потолке работать нельзя, а настольная, со стеклянным зеленым абажуром, наверняка дает только небольшой круг света. Но вряд ли он тут работает, для красоты соорудил кабинет, чтобы – как у всех. И книг в высокие шкафы напихал, много книг, не меньше тысячи.

– Вы Хемингуэя любите? – спросил Павел, видя, что она смотрит на книги.

– Не читала.

– Что, правда?

– Вы так удивляетесь, будто я китайского языка не знаю. А его многие не знают.

– Ну, китайский это китайский, а Хемингуэй это все-таки... Обязательный культурный минимум.

– Кто сказал?

– Вообще... Считается.

– Мало ли. Я Хемингуэя еще не читала, а вы, может, Кафку не читали.

– Тоже правда. Начинал – не могу. Тяжело как-то. Страшновато.

– А я «Процесс» два раза перечитывала.

– Любите страшное?

– Оно не страшное, оно вообще ужасное. Зато помогает избавляться от собственных страхов.

– А они у вас есть?

– У всех есть. Жизнь вообще штука непредсказуемая. А почитаешь: господи, ужас какой. И сразу легче, что у тебя не так.

– Интересный подход. Но Хемингуэй это тоже неплохо. Заряжает энергией.

– Вообще-то я успею, мне двадцати еще нет, – напомнила Даша.

– Да, извини, конечно. Я сам того же Хемингуэя к тридцати прочитал. И был потрясен. Я просто забываю, сколько тебе лет.

Даша не понимала: видела, что дяденька волнуется, а почему? Влюбился, что ли? И что дальше?

И тут Павел Витальевич, будто угадав ее мысли, показал ей рукой на кресло. А сам сел на край стола. Дескать, будет разговор. Даша села. Павел Витальевич начал – не сбиваясь, обдуманно.

– Дело такое. Ну, во-первых, про сегодняшнее. Эти слухи, он время от времени возникают. Но я хочу, чтобы ты знала: было две трагические потери: моего брата и моей жены.

– Я понимаю.

– И к этому я не имею отношения. Ну, с братом были кое-какие... Но это семейное...

– Понимаю.

– Теперь всерьез. То есть о другом. Только выслушай, ладно? Я, Даша, любил по-настоящему два раза. И вот третий – люблю, понимаешь ли, тебя.

– Не ошибаетесь?

– Дослушай, я же просил. Не ошибаюсь. План такой. Мы встречаемся раза три-четыре – где захочешь. Просто встречаемся. Без всяких интимов. Говорим. После этого ты принимаешь решение, выйти за меня замуж или нет. Если выходишь, будешь жить здесь, станешь хозяйкой всего этого. Маму твою будут лечить лучшие врачи в лучшей клинике. Ей построят дом вместо вашей хибары. Там, где она захочет. Ты получишь возможность заниматься любимым делом. Родишь мне сына или дочь. Если захочешь. Чтобы ты ни в чем не сомневалась, мы, например, заключим брачный контракт на пять лет. После пяти лет ты будешь иметь право по этому контракту уйти от меня в любой момент. Если захочешь. К кому захочешь. А может, захочешь и остаться. И... И все.

Или он пьяный, только не заметно, или он псих, или он всерьез? – гадала Даша. Все три варианта ей не нравились.

– А если я скажу нет?

– По поводу чего? У меня сразу несколько предложений.

– По поводу встречаться. Я не хочу встречаться три раза. И одного не хочу.

– Почему? Из упрямства? Повторяю, это ведь не интимные какие-то встречи, я же сказал: встречаемся и говорим. Ты просто лучше меня узнаешь.

– И влюблюсь?

– Все бывает на свете.

– А если нет?

– Тогда нет. Тогда я просто даю денег на лечение твоей мамы.

– Довольно подлое предложение, вы понимаете?

– Некоторая подлость есть, согласен. Но другие на моем месте потребовали бы... Ну, сама понимаешь, чего. А я ничего не требую. Абсолютно.

– Как же ничего? А встречаться?

– Это разве так трудно? Ты же фотографируешь. Сделаешь мой портрет. Будем общаться, а ты будешь снимать. У меня нет ни одной фотографии, которая мне нравится.

– Ага. То есть это заказ?

– Пусть заказ, если тебе так легче.

– Да, мне так легче, – сказала Даша, усмехаясь.

Теперь ясно. У богатого дяденьки снесло крышу, он любым способом хочет понравиться, вот

и предлагает, что попало. Торопится – легко понять, учитывая возраст. А раз все так, то никакого морального убытка Даше нет и нет никакого компромисса. От ума заказывает клиент работу или от дури, она давно перестала этим заморачиваться. Свои мозги заказчику не вложишь. Вот если бы дело касалось настоящего творчества, настоящего портрета...

– Ладно, – сказал она. – Я вас снимаю. Три раза по часу.

– Полтора, – попросил Павел Витальевич. – За час я не успею понравиться.

– Так три раза же, три часа получается.

– Нет. Я знаю женщин, у них всегда все заново, они не помнят, что было в прошлый раз.

– Ошибаетесь.

– Хорошо, ошибаюсь.

Павел Витальевич улыбался глуповатой широкой улыбкой, глаза слегка плыли. Все-таки он пьян.

Даша встала:

– Если все, я пойду.

– Да, все. Можно руку поцеловать?

– Не обязательно.

– Тогда возьмите...

Павел Витальевич взял со стола книгу (не из шкафа, значит, постоянно читает).

Даша посмотрела на обложку, рассмеялась:

– Хемингуэй?

– Да. «Праздник, который всегда с тобой». Любимая вещь. Почитай, когда будет время.

– Ладно, спасибо. До свидания.

Даша с улыбкой открывала дверь – ей казалось довольно смешным то, что произошло, но тут она увидела взъерошенного Володю, и улыбка тут же исчезла – будто она от него что-то спрятала.

Даше очень это не понравилось.

Надо опять улыбнуться, надо ему все рассказать – пусть тоже посмеется.

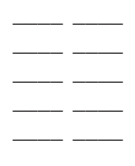
Но почему – «надо»? Она никому ничем не обязана. То есть обязана – Даша вспомнила о Лиле, но там совсем другое.

Поэтому она молчала в машине и сердилась на себя, сама не зная, за что.

– Куда? – спросил Володя, когда доехали до поворота – в город и на «Водокачку».

– Домой, – сказала Даша.

24. ФУ. Возврат

Вам кажется, что вы совершенно запутались в окружающей обстановке.

Невеста жалела, что связалась с этой девушкой-фотографом: полдня прошло, десять раз переодевались, а конца-края не видно. Никите, судя по нехорошо тяжелеющим его глазам, хоть он и продолжает натужно улыбаться, тоже все надоело. Но пока терпит. Кристина знает, чем это может кончиться. Когда-то давно, года полтора назад, в начале знакомства, она думала, что может вить из этого громоздкого умом и телом парня все, что угодно. Разворачивается он в своих действиях

так же медленно, как теплоход у причала – а Кристина хорошо знает, насколько неповоротливы большие речные корабли: у нее папа высокопоставленный работник пароходства и совладелец нескольких барж и прогулочных трамвайчиков. Оказалось – не все так просто. Никита в какой-то момент вдруг наглухо стопорится и его ничем нельзя сдвинуть. Девять раз послушно скажет «да», а на десятый вдруг «нет», и хоть разбейся об него, хоть чем его ублажай – мёртво. При этом влюбился в нее накрепко, Кристина, выпускница академии права, где училась самая крутая и раскрепощенная, не сказать наглая, молодежь Сарынска, неплохо разбиралась в этих вещах, то есть в человеческих чувствах: на втором курсе чуть не выскочила замуж, но вовремя опомнилась, блестящий молодой человек оказался наркоман и кромешный бабник; Кристина сама не аскетичка какая-нибудь, но меру всегда знала, а особенно теперь, когда ей двадцать три года, всякая дурь, слава богу за плечами, а впереди все ясно и хорошо: дом, семья, дети. И Никита ей это обеспечит, в свои двадцать восемь лет он уже имеет немаленький бизнес по части стройматериалов и, несмотря на внешнюю медлительность, поднимается и растет не по дням, а по часам.

На съемки он согласился с трудом, не любит позировать, к тому же дел много, но Кристина уговорила, сказала, что это недолго, показала в Интернете работы Даши, которую она выбрала фотографом (и уже созвонилась с нею, договорилась).

– Только без лишних этих. Без всяких посмотрите налево, посмотрите направо, скажите «чиз»! Быстренько поснимаемся на память, и хорош, – сказал Никита.

Однако Даша, честно отрабатывая свои деньги, решила представить их «лавстори» в полном объеме: начиная со знакомства и до момента предсвадебных приготовлений. Узнав, что жених и невеста познакомились на теплоходе-ресторане зимой (ресторан принадлежал отцу Кристины, а Никита зашел туда с приятелями), Даша вдохновилась, заставила их поехать туда, снимала в уголке за столиком, поставив свечки, потом поднялись на палубу, оделись по-зимнему при двадцати восьми градусов жары.

– А зиму я вам сделаю настоящую, не беспокойтесь! – обещала Даша. – Прифотошоплю так, что никто не догадается. Сюжет такой: тут произошло ваше объяснение в вечной любви. Никита, гляди на Кристину так, как будто сделал ей предложение. Кристина, смотри ему в глаза и смущайся.

– Не тут все было. И не так, – проворчал Никита.

– Неважно! Я же сказала: это документально-художественная повесть в фотографиях! Может, вы в лопухах за гаражами объяснялись, кому это интересно?

– Какие лопухи? – не понял Никита. – Дома было у меня, на кухне сидели, я еще пиво пил. «Туборг», – хмыкнул он: то, что запомнилась марка пива, было для него неожиданным лирическом моментом.

– Никита, не прикидывайся глупей, чем ты есть, все равно не получится! – шутливо упрекнула Кристина. – Забьемся на кухню и будем пиво пить? Давай сниматься, пока не упарились окончательно!

– Начали! Никита объясняется, Кристина смущается!

Никита, набычась, посмотрел куда-то Кристине в подбородок, а она, как умела, нежно заглянула ему в глаза, сложив губы так, чтобы угадывалась легкая грусть по свободной жизни, которая кончается, но и чтобы ее любовь к Никите тоже была видна. Есть ли на самом деле эта любовь, Кристина не знала и знать не хотела. Она испытывала к мужчинам два вида чувств – либо уважение, либо сексуальную симпатию. Иногда и то и другое. Нет, конечно, к некоторым испытывала еще и отвращение, и даже презрение, но она не любила размышлять о плохом, поэтому тех, кем пренебрегала, как бы даже и на свете не было. К Никите она испытывала и уважение, и симпатию (и это было уже проверено практикой), а он будет ее на руках носить, чего ж еще?

– Теперь смотрим туда, в светлое будущее! – скомандовала Даша, указав пальцем себе за спину.

Никита и Кристина посмотрели.

Там с вещами в руках стояла младшая сестра Кристины Альбина. Она сегодня в роли ассис-

тентки: таскает от машины и в машину наряды Кристины и Никиты.

Вот как бывает: Альбина низкорослая и полная, с черными вьющимися волосами, глаза карие, а Кристина голубоглазая, естественная блондинка (вообще-то светло-русая, но это никого не касается), высокая, стройная, статная, как говорит о ней с похвалой мама; правда, уже сейчас заметна некоторая широкоплечесть, и за этим надо будет следить с помощью диеты и тренажерного зала, иначе к сорока годам сформируется пятьдесят шестой размер, как у мамы (а ножка уже сейчас, увы, сорок первого размера, это не переделаешь – природа! – Никите, впрочем, нравится, да у него и у самого сорок шестой).

Альбине надоело, она скучает.

Но Кристине вдруг чудится в ее взгляде какая-то ирония. Сестренка вообще настроена ехидно по отношению к жизни и людям, а что ей еще остается с такой внешностью, но на этот раз ирония какая-то особенная. Кристина, не забывая позировать и глядеть в светлое будущее, косвенно увидела, что Альбина посматривает то на Никиту, то на Дашу. Кристину, и без того сомлевшую в белой шубейке, обдало жаром.

Она словно проникла в подлые мысли гадючки-сестры: ты, дескать, Кристиночка, радуешься, а Никита твой пялится не в светлое будущее, а на девушку-фотографиню, которая покрасивее тебя, между прочим. Ты уверена, что у тебя все будет тип-топ, а он возьмет да и влюбится в такую вот красивенькую дурочку, да и решит уйти от тебя еще до свадьбы или, еще интересней, после свадьбы, от дома, от двух детей, от всего вообще – если Никита что решит, он через всё переступит.

Кристина, привыкшая к тому, что вокруг нее мало кто красивее, умнее и успешнее, чем она, нехотя согласилась с предполагаемой мыслью сволочи-сестренки, что Даша девушка ничего себе. На любителя. В своем роде. И тут же вдруг себе призналась: да что там на любителя, просто очень, даже очень красивая девушка, и это Кристина отметила с первой же минуты, и именно от этого у нее испортилось настроение, поэтому ничего не ладится, не встается в позу, не улыбается. Надо было еще в Интернете, когда она набрела на сайт Даши, вглядеться в нее. Впрочем, там фотография скромная, серенькая – тоже ведь, наверно, не дура, понимает, что невестам для съемок красивые фотографини ни к чему.

А уж как рада будет Альбина, если расстроится свадьба: она с детства завидует сестре, хоть ничем не показывает, а только всегда грубит и дерзит, у нее не замечено было парня, только какие-то отстойные подруги, которые вечно стремятся выбраться на пару дней куда-то за город, причем не на дачу родителей или в приличный пансионат, а с палатками, со спальными мешками или вовсе устроятся вповалку в чьей-нибудь машине; чем они там занимаются, неизвестно, но Кристина давно уже подозревает, что сестренка у нее, пожалуй, лесбиянка, да еще мужского типа, недаром среди подруг многие хоть и уродинки, но все-таки на девушек остаточно похожи. Впрочем, плевать, это чужая жизнь, а в чужой жизни какого-то только нет дерьма, уж Кристине-то, изучавшей криминалистику, это хорошо известно.

– Все, – сказала Кристина, снимая шубку. – Мы тут живьем зажаримся.

– Снято, снято, не беспокойтесь! – сказала Даша. – Идем дальше!

Дальше снимались на пляже в купальниках, уж тут Кристине было что показать, а Никита обнимал ее своими граблями с удовольствием – за плечи, за талию, зад тоже зацепил и слегка сжал по-свойски. Но мало ли: лапать они могут одну, а смотреть на другую. Все твари, если подумать. И либо это принимать, либо портить себе нервы, а нервами Кристина дорожит. Она начала слегка успокаиваться. Что бы ни было, пропасть ей не дадут. Есть отец, есть другие мужчины, которым только свистни. Верить в себя безоговорочно, вот девиз.

– Эротика, хоть на порносайт! – радовалась Даша, бегая вокруг них.

– Это еще зачем? – встревожился Никита.

– Шучу. Всё, эротика кончилась, по плану романтика!

Для романтики снимались в лодке на городском пруду. Ивы висят над водой – лодка может полностью скрыться под ветвями. Отдыхающие кружат вокруг на своих лодках. Колесо обозре-

ния возвышается, на котором Кристина так любила подниматься, а другие дети боялись, отец хвалил ее.

Взгрустнулось.

Потом была, по выражению Даши, «безудержная радость жизни»: поехали в рощу за городом и там бегали между деревьев; Никита топтал траву своими большими ногами, сопел, догонял Кристину и хватал неуклюже, но крепко, как Кинг Конг в фильме свою крошечную пленницу, хоть Кристина на крошку не походила никак.

Потом снимались в уличном кафе, в машине, на лавочке во дворе: «уединение», назвала это Даша.

И опять не по себе было Кристине: что-то уж очень долго терпит Никита, слишком послушно исполняет приказания и пожелания фотографини.

Но тут Никита, глянув на часы, сказал:

– Так, девушка, лимит исчерпан. У меня время нет совсем уже. Вы до вечера, что ли, снимать собрались? Кто умеет, тот все быстро делает!

Сказано было твердо, грубовато, в обычной манере Никиты, которая некоторым казалась почему-то хамской. Никита так говорит со всеми, исключая, конечно, Кристину. И Кристине это нравится. Мужчина таким и должен быть: защитник очага. Он должен быть враждебен по отношению к внешнему миру и добр к своим. Однажды, заехав за Никитой на какой-то склад, Кристина застала его в тот момент, когда он учил своих работников уму-разуму. Орал на них, а одному даже съездил по затылку, не сдержавшись. Но как быть, если они другого обращения не понимают? Кристина даже возбуждение почувствовала при виде этого зрелища, причем довольно сильное, и вместо того, чтобы поехать с Никитой в гости, как собирались, сначала завезла его домой, где никого не было, и там набросилась с ласками. Никита всегда готов, отвечал мощно, хоть и несколько туповато, что Кристине тоже нравилось: неважно, как мужчина это делает, важно, насколько он хочет. Чем больше хочет, тем сильнее отвечает тело женщины. По крайней мере, тело Кристины отзывается именно так.

– Последний кадр! – жалобно попросила Даша. – Самое важное: предсвадебное волнение. Невеста примеривает платье, жених костюм, они порознь, а потом встреча.

– Вот будем к свадьбе готовиться, тогда и снимете, – сказал Никита.

– Я не успею.

– Надо успевать, вам за это деньги платят! – отрезал Никита.

И уехал.

Альбина грузила вещи в свою машину, а Кристина захотела посмотреть хотя бы с фотоаппарата, что получилось.

– Это сырой материал, ничего не обработано! – запротестовала Даша.

– Ничего, – разберусь.

И она принялась рассматривать кадры. Даша маялась, Альбина скучала, но это их проблемы, Кристина в своем праве: альбом раз и на всю жизнь делается, люди смотреть будут.

– Вот эту выкиньте, – указала она.

– Отличная фотография, просто цвет подправить, – огорчилась Даша.

– Я не поняла, кто вообще решает, что выкинуть, а что оставить? – спросила Кристина.

– Вы, конечно.

– Тогда записывайте.

– Я запомню.

Кристина строго посмотрела на строптивую фотографиню: это, дескать, что еще за девчачьи капризы? И Даша начала послушно записывать номера кадров, которые Кристина сочла нужным убрать.

Закончив работу, Даша вздохнула с облегчением. Сегодня были еще довольно легкие клиенты, не командовали каждую минуту. Конечно, деревянные, но свет и цвет делают чудеса. Зато непло-

хо разыгрываются друг с другом. Трудно бывает, когда жениху за сорок и пузо лезет в объектив, даже когда снимаешь его сзади, а невесте двадцать и она как тростинка. Еще труднее, когда жених и невеста совсем зеленые и начинают романтически кривляться, изображая страстные объятия, поцелуи, считая, что все будут упиваться, глядя на их щенячье счастье. Бывают и просто склочники, считающие, что ты все делаешь не то и не так. А сегодняшние – ничего. Он такой глыбистый, скалистый, она тоже монументальная. Видно, что выбрали друг друга не по глупой любви, а сознательно – очень уж подходят друг другу. Так, наверное, и надо выбирать: по подходящести. Все фотографы чувствуют, насколько сочетаются люди не только в кадре, но и вне. Иногда Даше хочется узнать, что случилось с парами, которые она снимала год назад. Ей кажется, что она умеет угадывать: вот эти будут жить вместе долго, а эти послезавтра разбегутся, а эти всю жизнь будут друг друга грызть, но никуда друг от друга не денутся. Сегодняшние соединились навсегда. Будет у них двое детей, будет она сильной рукой вести семью, будет он послушно зарабатывать деньги, поглядывая иногда на других женщин, может, раз в три года украдкой изменяя и страшно боясь, что жена узнает. Видно, что он полностью в ее власти, а она ни на секунду не сомневается, что жених по гроб жизни должен благодарить судьбу за такой подарок.

Подходящесть, сочетаемость – очень вообще важно, и жизнь часто уродлива потому, что этого сплошь и рядом нет. Не подходят друг другу дома, люди, автомобили, вывески магазинов. В природе подходящести больше, но именно поэтому Даша природу снимать не любит: ощущение, что там уже все сделано и фотограф ничего не добавит. Ветки, зимние узоры, брызги, зелень травы, багровые закаты, разнообразные рассветы... Человек же постоянно меняется, человека снимать интересно – да еще так, чтобы он себя не узнал. А как пары раскрываются! Даша иногда заигрывалась, вытаскивала из них тайное, делала серию фотографий, показывала жениху и невесте и наблюдала, как они, рассматривая, недоумевают. Как же я такую уродливую дурочку полюбил? – читается в глазах жениха. Как же я такого неказистого идиота выбрала? – ошарашено глядит невеста. Но тут Даша вытаскивает другую серию, где все красиво, гламурно, жених и невеста улыбаются, переглядываются – и видят себя в данный момент именно такими красивыми, какие себя представляют.

– А те пробные были, – объясняет Даша. – Не тот объектив поставила, свет дурацкий.

Вы, дескать, ни при чем.

И они успокаиваются.

А я вот Егору подхожу, подумала вдруг Даша. А он мне подходит. И не только внешне, по другим серьезным соответствиям. С Володей Даша – первая скрипка, она знает, что Володя будет во всем послушен, но не хочет этого. Однако и властвовать над собой не даст никому. Ей нужно равенство, не абсолютное, которого не бывает, а – женщина остается женщиной, мужчина мужчиной, но при этом никто себя не выпячивает и – главное: они друг другу интересны. Вот что главное. Ей интересно то, что делает Володя, но сам он все-таки не очень. Предсказуем и не оригинален. А Егор – загадка. Какое-то в нем странное сочетание подростковости и чего-то очень мужского. Сразу она этого не разглядела, а потом, особенно когда рассматривала его фотографии, увидела. Вроде бы – естественный, простой, а на самом деле интересничает и умничает. Но, может, это игра в поддавки – как взрослые поддаются детям: вы хотите, чтобы я пыхтел паровозом и сюсюкал, ладно, сделаю, умею.

Так совпало, что Даша в один день встречалась и с Егором, и с его отцом.

Егор сначала внимательно и серьезно прочел интервью, зачеркнул несколько слов, пару слов вписал.

– Редкий случай, очень чистый и продуманный текст, – сказал он. – Оставили самое важное, болтологию выкинули. И неглупо, и демократично, «МК» должен оценить. А то эти девочки-журналисточки иногда такого понапишут. Кто их учил, интересно?

Ага, отметила Даша, значит, меня «этой девочкой» не считает. Заодно мимоходом блеснул

самоиронией – допустил, что у него бывает болтология. Каждое слово продумывает, очень дозированный человек, очень.

Потом Егор смотрел фотографии. И оценил так.

– На грани гениальности.

Даша не поняла. Если шутит – грубовато, если всерьез – хватил лишку.

Егор догадался о ее растерянности и тут же уточнил:

– Я имею в виду: то, что нужно. Это самое важное. Для меня, Даша, вообще нет понятия – хорошо, плохо. То, что нужно, вот критерий. Я, например, читаю Достоевского. Огромные диалоги и монологи. А сократить нельзя. То, что нужно, каждое слово на своем месте. И что-то другое представить невозможно. Это и есть гениально.

Опять гениально, подумала Даша. Может, театральная привычка? Зная мир театра поверхностно, она все-таки успела заметить, что слово «гениальный» там в большом ходу. И у киношников. И у художников. И у фигуристов. Да и у фотографов тоже, между прочим.

Егор усмехнулся.

– Считаете, что я слишком часто говорю: гениально, гениальный? Это правда. Знаете, почему? Я люблю все гениальное. Качественное. Люди столько всего сделали интересного, что этим можно наслаждаться всю жизнь. Я физически не могу читать какие-то детективчики, смотреть телевизор, он у меня есть, но только для просмотра фильмов. Так вот, люблю все гениальное. Поэтому очень рад, когда это вижу. Или что-то близкое. Иногда забегаю вперед, это моя слабость. Тороплю события. Актер сыграет чуть лучше, а я уже: гениально!

– То есть о моих фотографиях тоже – авансом?

– Нет, действительно, очень хорошо. Очень хорошо – такая оценка не смущает?

– Нет.

Даша чувствовала, что ей все нравится в Егоре, даже то, что не нравится. И голос – не самый красивый на свете, тонковатый, но зато какие умные и точные интонации. И серьезный внимательный взгляд – не в пустоту говорит, как многие, не себе самому, как еще более многие – тебе говорит. Неспешное складывание слов – с уважением к ним. Пусть это немного игра, но человек играет хорошо, пусть он придумал себе имидж, но, кто знает, может, он очень близко к этому имиджу? Просто поработал над собой, добавил к тому, что есть – как фотограф к фотографии, без того хорошей, добавляет чуть-чуть, и она становится замечательной. Все равно никого не обхитришь, из плохого исходника не сделаешь хорошей фотографии.

Потом они еще поговорили о фотографиях, о будущих постерах и программках. Незаметно перешли на ты. То есть Егор предложил перейти, но так тактично, мимоходом, что вышло само собой. Егор посетовал, что программки и постеры с этими замечательными фотографиями не успели выйти перед спектаклем, пока придется использовать прежние, но ничего, все равно скоро закрытие сезона, а к осени все сделаем заново. Даша понимала, что ему хочется узнать мнение о спектакле. И высказалась. Ей легко было это сделать: спектакль понравился. Нельзя было обойти тему совпадения, и, если бы с кем другим, Даша искала бы, как найти подход к этой теме. А сейчас знала: с Егором можно говорить прямо и просто (и ей это отдельно нравилось):

– А почему ты не выкинул из пьесы этот кусок про утопленника? Хотел подразнить отца? Зачем? У вас плохие отношения?

– Ты не поверишь, я просто об этом не подумал. Слишком давно все было. И Максим Витальевич, мой дядя, поступил правильно, что об этом сказал. Чтобы не думали, будто кто-то что-то скрывает. Да и нечего скрывать – несчастный случай. Отец до сих пор переживает, что не сумел ничего сделать.

– Можно еще спрошу?

– Конечно.

– Про твоего отца говорят, что он... ну...

– Назовем так: человек с криминальным прошлым?

– Давай назовем.

– Да, с криминальным прошлым. А возможно, и настоящим. Не обязательно пиф-паф, оёёёй, сейчас все делается цивилизованно. Откаты, отжимы, передел, перекупка, взятки, подкупы, рейдерство, много чего. И даже там, где что-то делается, то есть производится, строится, замес все равно криминальный.

– И как ты к этому относишься?

– Никак, – ответил Егор, понявший именно в этот момент, что сказал правду. Сам себя иногда спрашивал – не сумел ответить, а спросила вот эта девушка, ответил – и понял, что попал.

– Понимаешь ли, – начал Егор выстраивать на ходу теорию о том, о чем он раньше не думал из-за обилия более приятных дел и из-за того, что интерес к себе не оставлял в нем зазора для интереса к кому-то еще. – Понимаешь ли, я наполовину восточный человек, поэтому моя кровь запрещает мне осуждать отца. То, что он делал и делает – его выбор. Я даже допускаю, что он виноват в смерти людей, – сказал Егор, еще пару дней назад не допускавший такой мысли, – но что я могу сделать? Я ему не судья, не прокурор. Прийти и сказать: ты виноват? Но он сам это знает. Была война.

– Какая?

– Люди воевали за свободу жить, как они хотят. У каждого было свое разумение о методах ведения войны.

– А вы с ним говорили об этом?

– Нет. Зачем? Мне это не нужно. Да, я кровью принадлежу ему, но на самом деле мы чужие люди.

И опять Егор понял, что сказал то, что подумал бы и раньше, если бы думал об этом. Раньше он чувствовал отчужденность от отца без всяких теорий, а сейчас вот нашлось обоснование. Хорошее обоснование. Егору всегда нравилось чувствовать свою отдельность и от отца, и вообще от родственников, теперь он имеет более крепкую почву под ногами. Девушка помогла – умная девушка. Верный признак: говоря с умным человеком, сам становишься умнее.

– А я вот с одним немцем переписывалась, – сказала Даша. – Он русский неплохо знает. А я девушка иногда бесцеремонная и любопытная, я спросила, а как вот вы, дети и внуки, относитесь к тому, что ваши отцы деды были фашисты и зверски убивали людей?

– И что он ответил?

– Он ответил: это были не мы.

Егор хмыкнул. Немец ответил неудачно, но спасибо ему: есть возможность продемонстрировать свое более глубокое понимание вопроса.

– Слишком просто. Я считаю, им не надо мучиться комплексом национальной вины, не надо страдать каждый день и раздирать себе лицо. Но помнить надо, вот и все. Надо помнить и не повторить то, что сделали предки. Немцы в каком-то смысле даже застрахованы. Отцы виноваты и, если потомки теперь что-то такое сделают, весь мир скажет: нет, это не отцы, это у них вся немецкая порода такая, фашисты проклятые! Поэтому, кстати, они такие толерантные, напустили в страну турков и арабов. Вот и я, если узнаю, что отец что-то такое сделал, я не пойду в монастырь грехи за него замаливать. Я просто постараюсь ничего такого не делать. Не воровать, не грабить, не убивать, – улыбнулся Егор.

– Вообще-то жутко, конечно, представить, что твой отец мог...

– Я так тоже думал. А сейчас с тобой поговорил и понял: да нет, не жутко. Надо жить дальше – по-своему. С учетом предыдущего.

Интересно, подумала Даша, как бы отреагировал Егор, если бы она рассказала ему сейчас о том, что сегодня встречается с его отцом? О предложениях Павла Витальевича, о подробных мечтах, которые он дл себя построил – с ее участием, в котором, наверно, не сомневается?

Но рассказывать нельзя, это не ее тайна.

Да и надо вообще сначала понять, что к чему.

Она ушла, оставив Егора в состоянии душевного дискомфорта. Похоже, эта девушка, с кото-

рой легко общаться и приятно работать, другого развития отношений не предполагает и не хочет. Может, у нее со своим другом все серьезно? Это грустно. Это обидно. Даша достойна большего, думал Егор. Видимо, слишком он привык к тому, что девушки довольно быстро откликаются на его обаяние и, как правило, с первого или второго раза обнаруживают готовность продолжить знакомство.

Егору требовалась компенсация, он позвонил звездочке своего театра, симпатичной Сашеньке, преданной ему и душой и телом. У них довольно давно уже не было встреч, Сашенька сначала роптала, но Егор быстро дал ей понять, что никакого давления не потерпит. Либо она принимает то, что есть (и то, чего нет), либо все прекращается. Включая игру в театре.

– Жестокий ты, – сказала Сашенька. – Надо тебя быстрее разлюбить, что ли.

И завела себе, действительно, друга, но по первому зову Егора откликалась, понимая, зачем зовет и говоря:

– Сволочь, я тебе что, секс-игрушка, что ли?

– Я просто лучше в этом плане никого пока не нашел, – говорил Егор, и все улаживалось, но на ночь при этом он Сашеньку никогда не оставлял.

– Я всегда буду один, – объяснял он. – И ты не секс-игрушка, просто иногда я умираю от усталости, устаю сам от себя. И лучше способа избавиться от тоски, чем секс, не знаю.

Егор не шутил, он очень любил и уважал секс. И, как во всем, стремился достичь в этой области если не совершенства, то блистательности.

Однако сегодня Сашенька подвела, сказала шепотом, что просит извинить, но у нее нечто происходит в личном плане, человек может обидеться. Что если часа через два?

– Нет, прости, – сказал Егор. – Не беспокойся, я даже не для того, о чем ты думаешь, просто немного грустно, хочу с кем-то выпить.

– Если бы ты знал, как я хочу с тобой выпить, – прошептала Сашенька в трубку, но тут же отключилась – видимо, ее друг был где-то рядом.

Тогда Егор позвонил Яне. Сказал, что подумывает, как бы ее ввести на роль, которую играет Сашенька, в пару, но это надо обсудить. Не может ли Яна зайти к нему домой? Он ведь и дома работает, и вообще круглые сутки думает о спектакле, который ему кажется пока не очень сложившимся.

Яна, естественно, примчалась. Егор угостил ее вином, поговорили о роли, о том, насколько важно героине быть двойственной в сцене расставания: она понимает, что надо уйти от сумасшедшего человека, безумие заразительно, но до последнего надеется, что ее любимый очнется, придет в себя. И опять отчаяние, и опять надежда, и так несколько раз на протяжении короткой сцены.

Егор предложил порепетировать: встали друг против друга с текстами в руках, Егор говорил за главного героя, а Яна за его жену Миу (нормальных имен в пьесе ни у кого не было).

ЗЕРО. Я тебя не держу.

МИУ. Я вижу.

ЗЕРО. Что ты видишь?

МИУ. Что ты меня не держишь.

ЗЕРО. Ты не можешь этого видеть. Я же не имею в виду, что не держу тебя руками. Я тебя душой не держу. То есть говорю, что не держу, а держу на самом деле или нет, ты этого видеть не можешь.

МИУ. То есть ты врешь? Ты не хочешь, чтобы мне было больно? Но если ты этого не хочешь, я тебе нужна?

ЗЕРО. Конечно. Готовить, убирать.

МИУ. Я не об этом.

ЗЕРО. А о чем?

МИУ. Мне надо уйти. Или я сойду с ума.

ЗЕРО. Сойти с ума можно и без меня.

МИУ. Я теперь понимаю, что чувствуют люди, когда умирает кто-то близкий. У меня все живы: папа, мама, сестра. Даже бабушка с дедушкой. Даже кот мой, и тот ни разу ни умирал, хотя ему уже восемь лет. Я теперь понимаю. Лежит человек – тот самый, а на самом деле не тот. На самом деле его уже нет. Хочется его обнять, поцеловать, но он уже другой. Тебя нет. Где ты? Ты здесь?

– В этом месте надо обнять, – деловито, по-режиссерски сказал Егор.

– Кому?

– Тебе героя. Меня.

Яна смутилась, но тут же взяла себя в руки: актриса она или нет? Пусть начинающая, но – актриса.

И она обняла героя, то есть Егора.

Егор посмотрел ей в глаза и поцеловал ее – осторожно, едва прикоснувшись губами ее губ.

– А это ты как кто сейчас?

Егор умел играть по партнеру, умел чувствовать момент. Он понял, что перед ним стоит девушка, уже влюбившаяся и готовая на все. Ждущая этого всего. Это облегчает задачу. Егор бросил текст на пол, взял Яну за плечи и сказал:

– Я этого хотел сразу, как только тебя увидел. Только давай не спешить, хорошо?

– Хорошо, – кивнула Яна.

Егору в юности не нравился первый секс с девушкой – как правило, суета, торопливость, срывание одежд, никакого удовольствия. Настоящий, полноценный процесс возможен только при некоторой привычке, при полном спокойствии. Но кто сказал, что этого нельзя добиться сразу? И Егор научился это делать. Как девочку в комнату игрушек, он за руку отвел Яну в спальню, прикладывая палец к губам и слегка улыбаясь. Яна поняла, тоже улыбалась. Ей страшно понравилось это: обычно парни делают зверские лица, показывая, как они страшно хотят, или дурачатся, а чтобы вот так, чтобы это выглядело приятным и легким приготовлением к радости – совсем ново. Егор неспешно раздел ее, каждым своим движением показывая, что происходит что-то очень хорошее, из-за чего не надо волноваться. И Яна успокоилась, хотя внутренне вся дрожала. Егор, раздев ее и раздевшись сам, повел ее в ванную, которая примыкала к спальне – очень большая, отдельно сама ванна, а отдельно в углу душ – и сверху, и из стен торчат дырчатые леечки. Ни слова ни говоря (это было как бы правилом игры, недаром он прикладывал палец к губам), Егор налил в ладонь приятно-тягучий изумрудного цвета гель и начал гладкой и мягкой рукой обмывать Яну – шею, плечи, грудь, живот. Гений, мысленно вопила Яна, это надо же придумать – вроде бы моет и в этом нет ничего особенного, а сам ласкает и заодно изучает, но при этом оба делают вид, что никто никого не ласкает и не изучает, вот оно, что нужно уметь, открыла Яна: занимаясь сексом, не думать, как дура, что занимаешься сексом (это часто портило ей удовольствие), а просто – а просто как бы ничего. Как бы все само собой, без названия. Намылив Яну всю, Егор, осторожно касаясь и прижимаясь, начал намыливать ею себя, что привело Яну в окончательный восторг. Она чувствовала признаки его возбуждения, ей не терпелось прижаться, вжаться, вжиться в это талантливое тело этого безумно талантливого мужчины, но Егор осторожно придерживал, не давал, мучил. Потом он не спеша вытирал ее и себя полотенцем, потом они – опять под руку, как Адам и Ева, пошли к постели. Егор откинул покрывало, уложил Яну на мягкое, белое. Егор двигался и мягко заставлял ее двигаться так, будто они были в воде. И движение его, которого Яна так ждала, было тоже медленным, будто мягко выталкивающим из Яны то, чем была она, и заменяющим тем, чем был Егор, и когда это движение наконец завершилось безошибочным прикосновением к чему-то, чего Яна раньше в себе не ощущала, все в ней взорвалось и она уже не могла себя сдерживать, завопила, заорала, завизжала, вцепившись ногтями в спину Егора.

Вот дурочка-то неопытная, удивился Егор, разумно и дельно продолжая приятную эротическую работу и шепотом прося Яну не содрать ему всю кожу. Но, что и говорить, ему была лестна

эта реакция, и он отблагодарил Яну таким искусством, чтобы она его запомнила на всю жизнь. Только слегка было грустно, что Яна не Даша, что не Даша кричит и стонет, не Даша так счастлива. Даже жалко ее немного. Ничего, наверстает.

В поместье Павла Витальевича Даша ехать отказалась, в городскую его квартиру тоже, пришлось Костякову принимать ее почти в деловой обстановке, у него был офис на одной из центральных улиц. Там тоже, правда, имелась уютная комнатка для отдыха и переговоров, но все равно – не то.

Даша сидела на толстом кожаном диване, пила чай с лимоном, не захотев ничего другого, рядом с нею лежал кофр с фотоаппаратом и объективами. Она хотела начать сразу со съемки, но Павел Витальевич махнул рукой:

– Успеется. Что мы будем вола вертеть, все же понятно. Учти, я таким откровенным редко бываю.

– Спасибо.

– За что?

– За откровенность. Но я пришла все-таки снимать.

– Снимешь, снимешь. Разговоримся, вот тогда и... В процессе.

Но разговориться не получалось. Павел Витальевич понял, что давным-давно отвык от ухаживаний. С порядочными женщинами он романов давно уже не заводил, а с теми, с кем входил в контакт, какие ухаживания? В душ и в постель, вот и всё. Павел Витальевич никак не мог нащупать тему, завел даже сдуру речь о своем многотрудном и многопрофильном бизнесе и о том, как трудно его выстраивать в бессистемной стране, в окружении бездельников и хапуг, но вдруг в самом драматическом месте рассмеялся и сказал:

– Ты не представляешь, я как будто сорок лет сейчас скинул. Такой же идиот. Даже приятно. Ох, какой я был глупый с девушками, смешно вспомнить!

– А вы вспомните.

Павел взял да и вспомнил свою первую влюбленность, которую мы знаем в изложении Дубкова, в свою очередь пересказавшего текст Максима.

На самом деле все было немного иначе, хоть и похоже – Максим полагал, что слишком детальное следование фактам в одном потребует того же и в другом, а это ни к чему. Он человек грамотный и знает: в любой биографии есть доля вымысла. Девушку действительно звали Светлана, она училась в параллельном классе, жила с бабкой, родители работали в АРЕ, то бишь Арабской республике Египет, так она тогда называлась. Асуанскую плотину, наверное, строили. Через балкон Павел действительно лазил, но не от старухи, а от приятеля. Попал в комнату бабки, напугал ее до смерти, старуха махала руками, но молчала, Павел понял, что она глухонемая, а общаться он с глухонемыми, естественно, умел, кое-как успокоил. Дополнительно старушка успокоилась рюмочкой портвейна, бутылка с которым стояла в тумбочке у кровати. А Светлана пришла уже после, когда подвиг перелезания и усмирения бабушки был завершен, Павел и старуха мирно общались без слов. Так начался их роман: Павел приходил с бутылкой, вручал ее бабушке и упорно пытался довести Светлану до необходимого состояния. А она сопротивлялась, это его злило: о Светлане ходили упорные слухи, что она не отказала уже троим или четверым парням, правда, не из их школы и, кажется, вообще не из школы, то ли это были студенты, то ли молодые милиционеры из соседнего отделения.

– Точно, – сказала Даша. – В каждом классе есть девушка с репутацией шлюхи, хотя обычно она овечка овечкой. Но, бывает, и в самом деле шлюха.

– Вот именно.

Светлана оказалась овечкой, но уступила напору Павла. Узнав правду, он был удивлен и напуган, и вообще с тех пор невинных девушек не трогает – просто фобия такая образовалась. А потом со стороны девушки обнаружилась любовь, склонность к решительным поступкам при помощи отцовских бритвенных лезвий «Нева»... В общем, началось красиво, кончилось скучно. Хотя лю-

бовь была, кроме шуток, ночей не спал, думал о ней.

– Как о тебе сейчас, – добавил Павел Витальевич.

– Ну вот, все испортили, – сказала Даша. – А вы действительно знаете азбуку глухонемых?

– Конечно. С мамой же общался, она была глухонемая.

– А скажите что-нибудь. Постойте. Я фотоаппарат возьму. Можно?

– Без проблем. Вообще-то есть пальцевая, ручная, там по каждой букве. Но опытные люди слогами говорят, даже целые слова показывают. Ну вот, например... – пальцы Павла Витальевича замелькали.

– Непонятно, да? – спросил он, засмеявшись.

– Конечно.

– А теперь то же самое, смотри.

Павел Витальевич показал на себя, потом на Дашу, потом приложил ладони к сердцу.

– Ну, так и не глухонемые сумеют. По буквам покажите еще, я снять хочу. Только медленно и переводите.

Костяков сложил указательный и средний палец.

– Я.

Сложил три пальца.

– Т.

Сложил пальцы в кружок.

– Е.

Сделал указательным пальцем завиток.

– Б.

Опять сложил средний и указательный.

– Я.

Расставил пальцы:

– Л.

И так до конца слова «люблю».

– Интересно, – сказала Даша, никак не отреагировав на содержание сообщение. – А вот распальцовка, как у бандитов, когда они козу показывают, тоже наверное какая-нибудь буква?

– Ы.

– Смешно.

– Я тебя правда люблю, Даша.

– У вас пальцы красивые, Павел Витальевич.

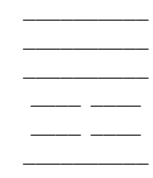
– Натренировал, – сердито ответил Костяков. – Ы всем показывал.

– Не обижайтесь. Не могу же я сразу на эти темы говорить.

– Действительно. Извини. Тороплю события.

А Даша мысленно выругала себя за эту малодушную оговорку: «не могу сразу». Как будто потом сможет. Не сможет. Никогда.

25. У ВАН. Беспорочность

Господствует единство ясности и простоты.

Сторожеву хотелось увидеть Дашу, самый естественный способ – навестить Колю и Лилю.

Есть повод: извиниться перед Колей за то, что привозил без спроса Павла Витальевича.

Он позвонил Иванчуку, тот вполне радушно пригласил заезжать.

Извинений даже не потребовалось: едва Валера начал, Коля поднял руки и поморщился:

– Не надо, я сам дурак. Напускаюсь иногда на людей.

– От усталости, наверно, – подсказал Валера.

– Да не такая уж и усталость. С чего? Когда все входит в ритм, ухаживать не тяжело. Тем более, что Лиля сейчас спит все время. Много спит. Я вон даже забор на досуге поставил, видел?

– Красиво.

– Теперь бы еще дом в порядок привести.

– Помочь?

– Чем?

– Деньгами хотя бы?

– Не сейчас, – отказался Коля. – Знаешь, что я тебе скажу, Валера?

– Скажи.

Сторожев почувствовал, что сейчас будет исповедь. Он все-таки психолог по специальности и склонностям, да еще человек наблюдательный, он не раз видел, как подступает к человеку желание исповеди. Говорит рассеянно о чем-то – как сейчас Коля говорил о заборе и доме, ведет себя суетливо – Коля то хватается за чайник, то ставит тарелку и предлагает супчику, но тут же замечает, что тарелка грязная, наскоро ее моет, ставит на полку-сушилку, забыв про супчик, вытирает руки полотенцем, видит, что оно грязное, бросает в угол, достает чистое, брошенное поднимает и пихает в пластиковый контейнер-бельевик с отскочившей крышкой, пытается заодно приладить крышку...

И он угадал, Иванчук, бросив все свои мелкие хлопоты, сел за стол и начал о сокровенном:

– Когда Лиля умрет, я или с ума сойду или повешусь. Нет, не повешусь, грех. Она мне подарила себя настоящего. Я ведь, Валера, как и все вы, только не обижайся, жил и мучился от... как бы это сказать. От нереализованного. Мне казалось, что мне по моему уму и прочим несомненным достоинствам должно достаться всего побольше.

– Чего побольше?

– Всего. Славы, женщин, денег. Жило во мне два я...

(Сторожев начал слушать с настоящим интересом.)

– Жило во мне два я: один где-то впереди, тот, кем я мог быть и хотел быть, мечтал быть, считал, что должен быть, и тот, кто постоянно этого первого или второго, неважно, догонял. Он, этот второй или первый, давно уже жил в Москве, вел популярную передачу, снимал документальные фильмы, был даже видным деятелем оппозиции, жена у него была самая красивая женщина на свете – Лиля, конечно, как ты понимаешь. Он писал книги, эти книги были нарасхват. Ну, и так далее. А другой, то есть я сам, физический, продолжал жить в сраном Сарынске, крутился на сраном местном телевидении, чего-то там сочинял, выпивал, отношения крутил с женщинами, которые мне не нравились, потому что за плечами каждой виделась лучшая. В общем, вот так я всю жизнь сам за собой и бегал. А потом Лиля вернулась. Ну, думаю, хоть в чем-то догоню. И догнал – но не Лилю и не того себя, о котором думал. Тот был фальшивый, оказывается. Валера, ты не представляешь, какое это наслаждение – понять, что ты не талантливый, не очень умный, не выдающийся, а вполне заурядный, нормальный человек. И Лилю я на самом деле не любил, это мое тщеславие ее любило, фальшивый человек ее любил. А настоящий полюбил потом – даже не как женщину, а... Ну, не знаю, как. Не объяснишь. Ты знаешь, конечно, что Бог дает людям болезнь часто не в наказание, а как шанс понять себя и жизнь?

– Есть такая версия.

Коля, который до этого говорил, глядя не на Сторожева, а куда-то вбок, сидя за столом, изредка прихлебывая чай, посмотрел на Валеру прямо и, как показалось Сторожеву, оскорблено:

– Ты смеешься, что ли?

– Нисколько. Просто у меня с религией отношения непростые.

– А у кого простые?

– Вернее – никаких. Не могу поверить. Душой не осиляю. И умом.

Коля тут же успокоился, но не стал, как другие новообращенные, тут же наставлять Валеру на путь истинный. Просто сказал:

– Понял. Так вот... Что я хотел-то? Странно – только об этом и думаешь, а собственные мысли забываешь.

– Бог дает болезнь...

– Да. Бог дает болезнь как шанс. Покаяться, смириться. Смирение – великая вещь, это я тебе говорю, человек страшно гордый. То есть раньше страшно гордый, теперь нет. Приступы, конечно, бывают. Я и на Костякова твоего наехал из-за приступа гордости. Боялся, что позавидую ему. Здоровый, богатый, живет полной жизнью.

– Он запойный и не такой уж здоровый.

– Это утешает, – усмехнулся Коля, показывая этой усмешкой, что говорит не злорадно, не всерьез, а с такой же иронией, как и по отношению к себе. – Так вот, Бог дает болезнь не только больному, но и его близким. Тоже как шанс. Как шанс найти в себе настоящее. Потому что, готовься, сейчас скажу жуткую пошлость, настоящее только там, где ты можешь что-то сделать для другого. И я стал счастливым человеком. Знаешь, я боюсь долго с Лилей говорить, боюсь, она увидит, какой я счастливый, не поймет, обидится.

– А ты объясни ей.

– Нет. Я как раз тебе говорю, чтобы выговориться, чтобы не подмывало ей сказать. Коля, когда я ее какашки выношу, когда ее обмываю, когда терплю ее капризы, когда ночь не сплю – я настоящий и счастливый. Я не играю в догонялки, я не мечтаю о себе придуманном, я живу в моменте. Понимаешь, да? И это я-то – я ведь даже когда с женщинами был в глубоком интиме, не умел быть в моменте, умудрялся быть еще где-то.

(Как много в людях похожего и даже одинакового, подумал Сторожев – имея в виду себя, конечно.)

– А теперь – убираю за ней и думаю о том, что убираю за ней. Мою посуду – мою посуду, больше ничего. Готовлю – готовлю. Стираю – стираю. Строю забор – строю забор, – с удовольствием говорил Коля, забыв уже о распрях с внутренним своим шутом, который дразнил его во время постройки забора. – А когда все сделаешь, когда Лиля спит, когда ты все убрал, пол вымыл, сел чай попить и сигаретку выкурить – вот где наслаждение. Ни в каком зените никакой славы этого не бывает. Никакой трах с первой красавицей мира этого не стоит, точно тебе говорю, потому что через минуту ты уже к ней привыкнешь, ну, через две, ну, через день, неделю, а к этому привыкнуть нельзя. Как маленькие дети просыпаются, видят маму с папой, вспоминают, что они есть – и счастливы. Я так часто просыпаюсь: есть Лиля, я счастлив.

– Тоже гордыня в своем роде, – заметил Сторожев. – В благости своей купаешься.

– Ну, если захотеть, гордыню во всем можно найти.

Коля продолжал говорить, повторяясь, потому что не хотел расстаться со своими простыми, в сущности, мыслями и словами, хотел опять и опять их высказывать в разных формах.

Сторожев был почти растроган. Все-таки зря он насочинял (и даже с Немчиновым поделился) о Коле всякие гадости. И ведь сочинил не потому, что действительно в это верил. Со зла, от досады, от зависти к Коле, как ни странно. Поймал себя на зависти, но не понимал, чему завидовать, а теперь Коля объяснил. В мирной жизни есть место подвигу, так это называется. Вряд ли сам Сторожев на такой подвиг способен, по крайней мере нарочно не полез бы, но со стороны – понимает.

Видимо, Иванчук действительно крепко изменился, такой Иванчук на Дашу не покусится, а для Валеры это было главное.

Тут прозвенел звонок, Коля вскочил, пошел в комнату. Вскоре вернулся:

– Лиля спросила, с кем я говорю. Я сказал, что с тобой. Просит зайти поболтать. У нее настроение хорошее, – радовался Коля. – Иди, иди, чего ты?

Валера чуть замешкался – никак не мог соорудить подобающего выражения лица, потому что не понимал, какое подобает. Решил, что пусть будет оживленное, приветливое.

Вошел с оживленным и приветливым лицом.

Лиля лежала совсем не такая, какой он видел ее в предыдущий раз. Увидев Валеру, рассмеялась.

– Сторожев, перестань из себя чего-то изображать, а то прогоню. Хочется меня жалеть – жалей, отвращение вызываю – тоже не скрывай.

– Ничего я не изображаю.

Валере стало легче после этого вступления, он сел, скрестив ноги и обхватив их руками, спросил игриво:

– Ну чё, умирающая? Еще дышишь?

– Ну, так шутить тоже не надо, – сказала Лиля. – Хотя, знаешь, ты попал, ты угадал. Я сейчас люблю о смерти говорить. Недавно у меня в гостях девочка была, как мы здорово поговорили! Она еще не понимает, что такое смерть, поэтому говорит нормально, спокойно. То есть ей тоже страшно, но по-детски, будто под кроватью темно. Главное – она о себе не думает, что умрет. А взрослые думают, с ними сложнее. На себя примеряют. Рады, что умрут послезавтра, а я уже завтра. Валера, вот ты врач, ты много видел, как люди умирают?

– Приходилось.

– Это страшно?

– По-разному. Часто буднично. Есть человек – нет человека. Хотя в этой будничности самое страшное. Я много смертей и в жизни видел, и в кино. Но знаешь, что запомнилось? Наткнулся в Интернете, там есть сайт такой, на котором ролики всякие – приколы, шутки, драки, ужасы, аварии, много чего. И я как-то смотрел. Нормальная психологическая разгрузка: видишь, что творится, а ты сидишь в тепле, живой и целый. И вот маленький ролик, всего несколько секунд. Какой-то городок. Пусто. Перекресток. Идет человек. Вдруг на перекресток вылетает машина, боком, неуправляемая, такой грузовик довольно большой – и сметает человека. В момент. Как не было его. Причем ясно, что шансов на жизнь никаких. Даже не в долю секунды, в какой-то миг, человек не успел ничего почувствовать, осознать. Я и другие аварии видел, тоже людей сшибало, но это почему-то больше всего запомнилось. Может, потому, что в других случаях вокруг всегда кто-то был из людей, кто-то за кадром ужасался, снимал, а это запись с камеры наблюдения. Какая-то страшная анонимность. Пустой перекресток, окраина, человек, скорее всего, не местный, мне так почему-то подумалось, чего там местным бродить? Забрел, заблудился. И исчез. Никто не видел, никто не знает. И при этом все так просто, так обыкновенно...

– Понимаю, да, – сказала Лиля. – Вот и меня поражало, что смерть – такая обычная вещь. Но все логично, Валера. Я о том, что со мной. Я родилась какой-то пустой. И жила пусто. И даже хотела так жить. А мир не терпит пустоты. Я, может, даже хотела заболеть, чтобы было чем жить. И с чем умереть. А то пусто жить и пусто умереть – совсем никуда не годится. То есть не хотела сознательно, но что-то во мне лучше знало, как со мной поступить. Я же никогда не была счастливой. Много чего пробовала, даже наркотики. Дурь есть, кайф есть, счастья нет. Счастье ведь – это, наверно, такое большое спасибо за то, что живешь. А мне было все равно. Теперь иначе. Болит, слабость – мучаюсь, а болит страшно, Валера, а слабость такая, что тошнит весь организм от макушки до пяток. Каждая жилочка исходит тошнотой. И вдруг передышка, легче. И сразу спасибо большое, сразу счастье – такое, какого раньше не было. Никогда.

Что это они, думал Валера, как сговорились. Оба говорят про одно и то же – и в одно и то же время. И при этом не друг другу, а мне. Почему? Боятся друг друга или берегут? Или и так все понимают? А может, обманывают себя? Вот и опасаются, что, если начнут друг другу говорить, обман раскроется. Это как два больных с одинаковой болезнью: если они приукрашивают свои симптомы в рассказе постороннему, здоровому, тот всему поверит. А если кто такой же – его не обманешь...

– Конечно, – продолжала Лиля, – когда очень болит, хочешь стать опять здоровой, вернуться

в себя. А потом думаешь – а что там было, в себе? Куда возвращаться? В пустой дом? Ты не поверишь, но я не хочу выздоравливать. Я серьезно. Мне тогда нечем будет жить, я подохну с тоски. Я же знаю, как бывает: человек может болеть пять лет, потом вдруг выздоравливает – и через пять минут все забывает. Абсолютно все. Как будто ничего не было. Мне в больнице одна женщина рассказывала, у нее вдруг наступила ремиссия, она стала такой, как прежде, и была счастлива ровно три дня. А потом поссорилась с мужем из-за чего-то, измена какая-то или еще какой-то пустяк, и все, и уже никакого счастья, все плохо, хоть опять ложись в койку. Правда, скоро и легла. И умерла. Мы с ней недели две общались, говорили, но я ее ничуть не пожалела. Я не люблю людей Валера, они мне не интересны. Я к ним равнодушна. Но раньше я из-за этого переживала, даже мучилась – не бесчувственная же я. А болезнь мне дала индульгенцию – могу теперь никого не любить с полным правом. Нет, Колю я люблю, и Дашу люблю, но как-то так... Не по-человечески. Не знаю, как объяснить. Господи, что же они так сегодня стучат? – Лиля улыбнулась, подняла руку, слегка потерла лоб.

– Кто?

– Да соседи. Всё дом строят.

Сторожев и раньше слышал этот стук, но фоном, не придавал значения – какой городской человек обращает внимание на шум? Но теперь ему показалось, что стук действительно слишком уж громкий и надоедливый – по чему-то металлическому.

– Главное, второй день без остановки, – сказала Лиля. – Заснуть не могу. Хотя я и без этого с трудом. А когда могу, ничто не помешает.

– Все равно, пусть хотя бы перерывы делают. Чтобы тебе спокойно заснуть. Сейчас хочешь заснуть? – спросил Валера, который заметил, что за полчаса его нахождения здесь Лиля изменилась: кожа лица стала бледнее, глаза потускнели, речь тише. Очень быстро устает.

– Не надо, – сказала Лиля. – Коля предлагал... Не надо. Им надо закончить...

После этого она закрыла глаза, лежала молча, дышала ровно.

– Лиля! – тихо позвал Сторожев.

Она не ответила.

Он встал и на цыпочках вышел, прикрыв за собой дверь.

Глаза Лили открылись, они были полны слез. Лиля не могла или не хотела их вытереть, они стекали на подушку.

Сторожев, увидев в окно, что Коля занят чем-то в огороде, вышел и направился к соседнему дому. Перестук здесь показался оглушительным, нестерпимым, не то что больной, здоровый с ума сойдет.

На стропилах, наполовину прикрытых сверкающей кровельной жестью, работали трое: загорелый мускулистый старик в грязной зеленой майке и красной бейсболке, повернутой козырьком назад, и двое мужчин среднего крепкого возраста. Они присоединяли листы жести друг к другу, загибая фальцы, лупя по ним молотками. Работали сосредоточенно, быстро, без передышки.

– Эй, уважаемый! – крикнул Сторожев старшему. – Вы бы прервались ненадолго! Там смертельно больная женщина, между прочим.

Мужчины тут же перестали стучать и уставились на Сторожева, а старик, стукнув еще пару раз, ответил с татарской растяжкой:

– Она смертельно больная, а я смертельно живой. Мне самому надо успеть дом достроить, пока я еще сам не умер. Как я дострою, если не стучать?

Он говорил вполне добродушно, сыновья (или помощники, но скорее всего сыновья), видя это, не ввязывались в разговор.

– Я не говорю, что совсем не стучать, я про сейчас. Дайте заснуть человеку хоть на полчаса.

– А потом? Будет опять стучать, разбудим, опять нехорошо? Вы уж потерпите, – сказал старик и продолжил работу. Сыновья тоже загрохотали молотками с удвоенной энергией, как принято говорить в таких случаях.

Сторожев постоял немного, взвесил шансы на то, чтобы их все-таки убедить прерваться, и понял, что – без толку. Повернулся и ушел.

Иванчук в огороде старательно выкорчевывал лопатой и мотыгой кусты и сорняки. Видно, всерьез решил заняться благоустройством.

– Не хочешь помочь? – спросил Сторожева.

– Ненавижу физический труд.

– Я тоже, а приходится.

Сторожев постоял, понаблюдал. Врет Коля, не любить физический труд – и так яростно стараться? Успокаивает. Смиренник.

– Ты бы Дашу привлек, – сказал Сторожев (с целью заодно что-то узнать о ней).

– Она тоже ненавидит физический труд. Потом мы же искусством фотографии занимаемся, людей снимаем, нам нужны пальчики нежные и белые, – ответил Коля с любовной иронией.

– Но хоть помогает тебе? Вечер уже, а ее нет.

– Скоро должна приехать.

Еще постояв, Сторожев сказал:

– Что-то во мне ненависть к физическому труду ослабла. Рукавицы дашь?

– Найду.

Они работали часа три, потом жгли сучья и траву, а уже темнело, и огонь был красив в темноте. Потом с аппетитом ужинали летним супом, как его назвал Коля: бульон на воде, с картошкой, с покрошенными кусочками яиц вкрутую, с зеленым луком, укропом, сдобрено для вкуса куском сливочного масла, которое тут же разошлось желтыми кругами.

– Хо-ро-ша еда после трудной работы, – сказал Валера школьным языком, по слогам, будто писал на доске.

– Кто поработал, тот и поел, – в тон ответил Коля да еще на «о».

– Поворочай землю, и хлеб без меда сладок будет, – продолжил Валера.

– Без труда и жизнь пуста!

Они посмеивались, чувствуя взаимную дружелюбность, какой меж ними давненько не бывало – да и была ли она когда-то?

Но сладко щемило у Валеры сердце: до нетерпения дошло желание увидеть Дашу.

И тут она позвонила.

Коля коротко поговорил с ней, ласково попенял, что, дескать, могла позвонить раньше, сказал, что с Лилей все в порядке, спросил, когда будет. И положил трубку, которую – невольно подумал Сторожев – приличному человеку и в руки-то стыдно взять: пластиковая дешевка для тех, у кого не только нет денег, но и вкуса, настолько безобразно она выглядела. Впрочем, гармонировала с нищенским убранством стола – этими разномастными тарелками и чашками, солонкой одного фасона, перечницей другого, с ложками и вилками, будто перенесенными машиной времени из советской столовой. И суп этот нарочито бедный и простой, и речи Коли, да и Лили тоже, о душе, о смерти и счастье – тоже нарочиты, фальшивы. А ведь охмурили, Сторожев даже ущербность свою почувствовал, кусты бросился корчевать, чтобы приобщиться хоть через это к их насыщенной духовной жизни. Все вранье. Вот сосед домину себе грохает – это правда. Хочет – может. И плюет на всех. Желания человека – вот что правда, все остальное он придумывает потому, что либо не может реализовать собственных желаний, либо потому, что боится чужих: себе позволю, так и другие распояшутся! Все отсюда – мораль, цивилизация, религии: усмирить. Он смертельно хочет видеть Дашу, вот что настоящее, непреодолимая тяга одного человека к другому – это настоящее, все остальное выдумки.

Сторожев ехал по пустой дороге, у кирпичной облупленной, загаженной похабными надписями и рисунками остановки стояли двое и тянули руки, не видя из-за света фар, какую машину останавливают, иначе постеснялись бы: владельцы «лэнд-крузеров» попутных не берут. Приблизившись, Сторожев увидел: парень и девушка, совсем молочные, лет пятнадцати-шестнадцати.

Он остановился.

– Мы думали, маршрутка, – сказала девушка, переглянувшись с другом. – Извините.

– Маршрутки сейчас уже не ходят.

– Нет, еще последняя должна быть около двенадцати.

– Ладно, садитесь.

– У нас денег мало, – сказал парень.

– Садитесь, я за так. Веселее будет.

Они стеснительно влезли, сели, молчали. Потом (Сторожев увидел в зеркало) она взяла его за руку. Девушка так себе, серенькая, он тоже с простеньким лицом. Дети рабочих окраин. Первый опыт у них – подержаться за руки и за другое, если позволят, стеснительно пообниматься.

Но вскоре дети рабочих окраин обнаглели и начали обниматься вовсе не стеснительно, лизались, впиваясь друг в друга губами и чмокая, она то ли отпихивала его руками, то ли удерживала, а он сладострастно мял пятерней ее тощую джинсовую ногу, подбираясь к убогой девичьей сокровенности, где, небось, и созреть-то еще ничего не успело.

Сторожев резко затормозил, их резко качнуло вперед.

– Приехали!

– А что? – удивился парень.

– Мы больше не будем, – хихикнула девушка.

– Вылазьте, я сказал! – свирепо обернулся к ним Сторожев. – А то я вам шеи ваши цыплячьи посворачиваю!

Парень с девушкой быстренько убрались, парень только тем и отомстил, что чересчур сильно хлопнул дверцей.

Конечно же, шеи им сворачивать Валера не стал бы. Это, как часто бывает, всего лишь речевой оборот, ничего не значащий, кроме выражения эмоции.

То-то и оно, что у нас сплошные речевые обороты, а не жизнь, травил себя Сторожев.

Он поехал не домой, а в свою клинику, где было пусто. Не включая свет (хватало внешнего – от уличных фонарей), прошел в одну из амбулаторных, где был мягкий диван. Достал из стеклянного шкафчика бутылку со спиртом, налил в градуированный медицинский стакан, разбавил водой, постоял со стаканом в руке и поставил его на подоконник. Лег.

Часу в третьем робко зазвонил телефон, Сторожев, знал, что это Наташа. Взял трубку, нажал на кнопку отключения. И вообще, пора кончать это, пора расставаться. Завтра же надо серьезно поговорить. Нельзя обманывать себя и ее. Нельзя жить чужой жизнью. А если уж желаешь чего-то – добивайся. Вот и все. И пора спать.

Но так до рассвета он и проворочался, не сомкнув глаз.

(Опять речевой оборот: глаза-то он смыкал, а толку-то?)

26. ДА ЧУ. Воспитание великим

_____
____ ____
____ ____
_____
_____
_____

Помощь придет от тех, кто столкнулся с проблемами, подобными вашим.

Немчинову с утра пораньше позвонила Маша Нестренко. Услышав ее голос, Илья как-то сразу напрягся, что-то в нем слегка екнуло. Маша всегда была и остается совестью класса, «напоминалкой», как она сама себя называет: обзванивает всех и с укоризной спрашивает:

– А ты помнишь, что у Семенова день рождения сегодня, а он, между прочим, лежит дома после инфаркта, один, никто не навестит, не поздравит?

Или:

– Слышал, конечно, Чеплынин вчера умер? Нет? Как вы живете вообще, ни о чем не знаете? Завтра уже хоронить будут, ты уж будь, постарайся, чтобы не полторы собаки за гробом бежало! Заодно увидимся.

В результате Семенову звонили, его навещали и поздравляли, а за гробом Чеплынина шли, кроме горстки родственников, еще человек десять-пятнадцать – сослуживцы и бывшие одноклассники. Маша была в таких случаях горда, будто она в одиночку все организовала, что было почти правдой.

Илья предчувствовал неприятное известие. Впрочем, по голосу можно было догадаться, Маша сказала печально, глухо, со вздохом:

– Не разбудила, Илья?

– Ты же знаешь, я рано встаю.

– Мишу Кулькина помнишь?

– Конечно.

– Машиной сбило.

Вот тут Немчинов похолодел по-настоящему.

– Когда?

– Вчера?

– А как, кто, при каких обстоятельствах?

– Ничего не знаю. Говорят, был пьяный, как всегда, переходил улицу, и его... Бездельник был, а тоже ведь человек. Хорошо хоть, что у него нет никого, ни детей, ни плетей. Горевать некому. С другой стороны, тоже страшно. С биркой на ноге в морге лежит, а потом без гроба похоронят.

– Почему без гроба?

– А ты не знаешь, как у нас одиноких и бедных хоронят? В дерюгу заворачивают, сволочи, потом в холодильнике держат, пока таких штук пять не наберется, чтобы по много раз не ездить. А потом чохом в одну яму сваливают. И ржавую табличку в холмик воткнут.

– Не преувеличивай. Прямо-таки некому его похоронить? Вроде, сестра какая-то была?

– Опомнился. Не сестра, а тетка, и та уже лет пять как в могиле. Ты его хорошо знал?

– Ну... Как все.

– И я как все. Давайте сбросимся, что ли, хотя бы на гроб, на крест хоть самый дешевый, на табличку с фотографией. Не против?

– Только за.

– Я тогда зайду через часок, ладно? А пока другим позвоню.

Через час она зашла, Немчинов дал ей денег, узнал подробности: Кулькин действительно переходил улицу возле Северного рынка, где подолгу не загорается зеленый свет для пешеходов и многие перебегают на красный, наезды там случаются по несколько раз в год, ничего удивительного.

Маша ушла, а Илья начал уговаривать себя: брось, ничего не придумывай, не такие Костяковы идиоты, чтобы вот так, через несколько дней после пьяной обличительной речи Миши, которую многие слышали, взять и задавить его – пусть даже чужими руками, то бишь колесами. И что такого Кулькин сказал? Что видел, как братья ушли к реке, а вернулись без Леонида? Но об этом и без того все знают, слышали. Братья вернулись, а Леонид захотел поплавать на лодочке, перевернулся на стремнине, утонул. Интересно, а что за лодка была? Если обычная, прогулочная, какие вот в парке есть, то она, хоть и сильно качается, пугая визжащих девушек и забавляя юношей, но перевернуть ее не так просто (Илья вспомнил, как они, одурившись портвейном, компанией в шесть парней нарочно пытались раскачать и перевернуть, сами попадали, а лодка осталась на плаву). Но где взяться прогулочной лодке в тех безлюдных местах? Штука громоздкая, на крышу машины не поместишь, а на прицепе везти нет смысла, проще взять надувную – их каких только нет, разных размеров и фасонов. Но резиновую лодку перевернуть тоже непросто, к тому же, на ней всегда есть обвязные канаты, веревки какие-то, за них можно уцепиться (Илья не рыбак, но

волгарь все-таки, знает такие вещи). Такая лодка не утопит, а наоборот, выручит. А может, взяли у местных жителей плоскодонку, какие часто бывают на мелких реках?

Перестань, урезонивал себя Немчинов, не строй версий на пустом месте. Как бы то ни было, причин у Костяковых поступать так неразумно нет. Даже безбашенный Петр на это не решится.

Но покой не приходил.

Разумно, не разумно, безбашенный, не безбашенный, это всё его рассуждения, а они рассуждают иначе. И не только они. Многие. Почти уже все. Рассуждают так: все можно, если осторожно. Вариации: не пойман – не вор, наехал, но сумел скрыться – не наехал. Или еще веселее: пойман, но не посадили – не вор, наехал, поймали, но опять-таки не посадили – не наехал.

У Немчинова было ощущение, что смерть Кулькина ближе к нему, чем могло бы показаться. Будто машина пронеслась рядом, Немчинову повезло, не зацепило, а Мише не повезло.

Мысль о том, что он не просто живет, а выжил, не первый раз приходит в голову Немчинову. Все они, провинциальные интеллигенты, да и не провинциальные тоже, но провинциальные особенно, все, кто сейчас что-то делает и не опустил еще окончательно руки – уцелевшие, выжившие, словно после войны. Многие погибли – не в каком-то там высоком нравственном смысле (хотя и такие есть), а физически, буквально – скосили водка, неудачи, безработица, бедность, безнадега, разочарования... Оставшиеся поуспокоились, как-то где-то пристроились, никто не трогает – потому что не за что, потому что серьезные дела делаются не там, где они, отделили их от серьезных дел. Но если попробуют вдруг влезть, сунуть мизинчик или нос – отхватят вместе с мизинчиком руку, а с носом всю голову. Потому что на самом деле ничего не изменилось, те же волки и те же овцы, просто овец разогнали по кошарам и даже как-то кормят и даже позволяют блеять, а волки не рыскают по лесам, а спокойно приходят в кошары и получают свою законную, как они считают, мзду, иногда грызясь из-за своих владений, но уже цивилизованно, а цивилизованность в русском варианте означает убивать и грабить не как попало, а упорядоченно. Впрочем, насколько это отличается от цивилизованности западной, Немчинов не знает. Подозревает – не слишком.

Да еще запись эта проклятая на телефоне, которую он сделал – запись немого разговора двух братьев. Сделал – значит, будь любезен, узнай хотя бы, о чем говорили. После смерти Миши Кулькина – должен узнать!

Немчинов, преодолев отвращение к технике, изучил инструкцию к своему телефону, которая, по счастью, сохранилась в ящике серванта, где Люся хранила все подобного рода документы, включая – попалась попутно Немчинову – руководство по эксплуатации утюга электрического «Сатурн» 82-го года выпуска, ГОСТ-2134, с терморегулятором. Того утюга лет уж двадцать как нет, а инструкция, пожелтевшая, скукоженная, сохранилась. Илья хотел ее выкинуть, но передумал: пусть останется на память о времени. Всякая пустяковина становится артефактом, не привыкли мы беречь вещи, а зря. И утюг, пожалуй, стоило бы сохранить, и с каждым десятилетием он, пусть и не работающий, добавлял бы к себе благородства старины.

Выполняя по пунктам указания инструкции, Немчинов вставил в телефон проводок, который тоже, к счастью, сохранился, присоединил к компьютеру, долго тыкал в клавиши, шарил по программам, чтобы перекачать запись, в компьютере не оказалось необходимого проигрывателя, Немчинов совершил почти подвиг, отыскав его в Интернете, сумев скачать и использовать.

Несколько раз просмотрел.

Конечно, ничего не понял.

А ведь узнать несложно, есть человек, для которого это пустяковая задача, к тому же, он давний знакомый Немчинова, почти приятель – заместитель председателя сарынского филиала ВОГ, то есть Всероссийского общества глухих, Леонард Петрович Шмитов.

Председателем филиала был человек заслуженный, солидный, уважаемый, как это часто бывает в общественных организациях: ему ведь ходить в кабинеты, представительствовать, ездить на пленумы и конференции, в том числе за рубеж. Это был генерал Великанов, инвалид по слуху, участник боевых действий, Герой России, награжденный многими орденами и медалями. Вели-

канов или «Великий немой», как беззлобно называли его за большой рост и постоянные попытки говорить. Как инвалид не от рождения, он это умел, но, не слыша себя, говорил оглушающе громко. Впрочем, возможно, он и до своей контузии говорил не тише.

А вот заместителями таких обществ часто бывают люди полностью здоровые или больные частично: на них ведь вся практическая работа, хозяйство, финансы, ремонт, секции, кружки и т.п., им надо постоянно общаться с людьми, что при полной глухоте затруднительно. И Леонард Петрович был слабослышащим, а с помощью аппарата слышал и вовсе нормально, правда, только одним ухом. Второе у него как отрезало. Работал в школе учителем математики, работу свою любил, был отличный организатор, с утра до вечера с детьми, что некоторых даже настораживало, учитывая, что Леонард Петрович жил холостяком, а развращенность воображения современных людей не знает предела; и вот не повезло, заразился от учеников свинкой, которой сам не болел в детстве, получил осложнение на левое ухо, медицински называемое неврит слухового нерва, что означает стопроцентную глухоту, а правое у него и до этого было слабоватым. Конечно, в школе работать стало невозможно: ученики, любя Леонарда Петровича, но свое удовольствие и героизм перед другими любя еще больше, стали отвечать нарочито тихо, за спиной называли Шмитова разными словами, он смутно слышал, оглядывался, но не мог даже определить, кто сказал.

Пришлось уйти, оформить рабочую группу инвалидности. И, когда занимался этим, пришел в общество глухих, да там и остался, потому что место заместителя было как раз свободно, а Великанов командирским чутьем угадал в нем исполнительские и организационные способности.

И попал в точку: общество и без того жило слаженно, а при Леонарде Петровиче стало процветать. Шмитов добился ремонта двухэтажного дома постройки начала XX века (полгода для этого ходил по инстанциям с Великановым, бряцающим орденами и до обморока доводившим секретарш своим громкогласием). Затем оборудовал заново сцену и зальчик театра мимики и жеста, находящегося в полуподвальном помещении. В пристройке, где годами скапливался всякий хлам, устроил бильярдную на два стола, со входом с улицы; инвалиды играли до шести вечера бесплатно, а после шести пускали посторонних за деньги. Естественно, весь доход шел в общую кассу: Шмитов был безукоризненно честен. Сам Великанов отметил это на годовом отчетном собрании в присущей ему несколько нелогичной манере:

– Чтобы человек столько построил и ни копейки не украл, этого я, товарищи, скажу честно, даже в армии не видел, хотя там, если кто не знает, воруют безбожно и все, кто может, исключая меня, потому что мне сами всё несли. Но успокаиваться на достигнутом не надо, Леонард Петрович. В том числе численность. Самара не намного больше нас город, а у них в обществе две с половиной тысячи членов. А у нас только полторы. Надо учесть, кто не охвачен, и привлечь. Потому что бюджетируют нас по численности, сами знаете.

Леонард Петрович, естественно, за короткий срок в совершенстве овладел азбукой глухонемых и, скучая по школе и детям, устроил для слабослышащих и глухих подростков диспут-клуб «Время и мы», где обсуждались книги, фильмы, а также насущные вопросы действительности.

Но в последнее время жизнь Шмитова стала беспокойной. Первый тревожный звонок прозвучал год назад, когда дом ВОГ посетил председатель комиссии по надзору за муниципальной собственностью (а здание принадлежало именно муниципалитету) и сказал, оглядывая блистающие новой краской и побелкой стены и потолки, а также сохранившиеся дубовые перила, мраморный пол в холле, зеркала, люстры:

– Все-таки это не дело, Леонард Петрович, больные люди, инвалиды, а ютятся в такой старине. Вам новое помещение нужно, современное, со всеми удобствами. Как вы на это смотрите?

– Нам и тут хорошо, – сухо ответил Шмитов и немедленно доложил о разговоре Великанову.

– А вот им! – мгновенно отреагировал генерал, отмеряя на своей согнутой мощной руке изрядный ломоть, не суливший посягателям ничего хорошего.

И надел свой парадный мундир, и пошел прямиком к мэру. Тот его любезно принял, заверил, что опасения напрасны, что, если инвалиды сами не захотят переехать в новое отличное помещение, их никто силой принуждать не будет. Опытный генерал выслушал (с помощью сурдопе-

реводчика, который был всегда при нем) и, вернувшись в ВОГ, позвал к себе в кабинет Леонарда Петровича и сказал:

– Будут отбирать.

– Не отдадим!

– Вот именно. Войну им устроим! – грохнул кулаком Великанов, но Леонарду Петровичу послышалась в его угрозе нотка неуверенности.

И недаром: Великанов, как всякий военный человек, был реалист и понимал, что против лома нет приема. Начались проверки, пошли комиссии. Великанов возмущенно на них гремел, после чего скрывался в кабинет пить для успокоения коньяк, предоставляя вести оборону Шмитову. Леонард Петрович с трудом отбивался. Через знакомого в муниципалитете он узнал, что на дом, оказывается, претендует Максим Костяков. Хочет ли он устроить в нем небольшой банк или дорогой магазин, это уж его дело, о таких вещах Максима Витальевича никто спрашивать не смеет. Естественно, кто-то из губернских чиновников с ним в некоторой доле: Максим Витальевич умен, умеет делиться, зная, что это в итоге выгодней, чем грести все под себя. На дом, стоявший в самом центре Сарынске, и раньше поглядывали, закидывали удочки, делали намеки, но, к несчастью претендентов, руководителей ВОГ оказалось невозможно подкупить: у Великанова без того все было, а лишнего он не хотел, а Леонард Петрович приходил в негодование, стоило кому-либо только заикнуться о благодарности и тому подобных вещах.

С Костяковыми (ведь где Максим, там и братья) так просто не обойдется. В сущности, никто бы не удивился, если бы в один прекрасный день в дом вошли люди в масках и встали для охраны, подогнали бы фуры, загрузили бы в них все имущество и свезли туда, куда заблагорассудится.*

Но время неудачное, впереди выборы, лишний шум ни к чему, поэтому Максим Витальевич, как понял Шмитов, выбрал не штурм, а осаду.

Пошли нарекания, предписания, бумажки с требованиями исправить, ликвидировать и т.п. – все с угрозами в случае неисполнения закрыть и опечатать здание. Шмитов в отчаянии обратился к журналистам, в том числе к Немчинову, появилось несколько статей, где окольно описывалась ситуация. Прямо, то есть с называниями имен и фамилий, не рискнул никто – ибо имена эти нигде официально не фигурировали, а устную информацию к статье не пришпилишь. Ответом были опровержения архитектурного отдела мэрии, а Великанов позвал Леонарда Петровича и сказал:

– Ты это зря это! Бороться надо, а сор из избы нечего выносить!

И Шмитов понял, что генерал уже смирился, сдался.

Ему это было больно. Он столько трудов и стараний вложил в этот дом. И находится в удобном для многих месте: в Сарынске маршруты всех транспортов ведут в центр, и люди охотно идут сюда на мероприятия, и за аренду помещений можно брать больше, что немаловажно, учитывая разговоры о том, что скоро все региональные общества переведут на полное самофинансирование.

** Потомкам, которые могут не понять этого эпизода: подобные так называемые рейдерские захваты были обычным делом в России описываемого времени. Всякий, имеющий достаточную власть и силу, мог отнять любое и государственное, и частное здание, основания для этого находились быстро: нецелевое использование, ненадлежащее содержание, пожарные, санитарные и прочие недостатки. Самое простое: наступает время продлить аренду, муниципалитет не продляет под каким-то предлогом и рекомендует выселиться, коллектив упирается, приезжают специальные бойцы и силой вытесняют бессмысленно сопротивляющихся упрямцев. Конечно, действия можно было обжаловать – например, подав заявление в прокуратуру, но ей часто было не до того. В частности, Центральная прокуратура Сарынска, несправедливо ютившаяся в панельной двухэтажной халабуде, уныло похожей на советский детский сад, как раз в этот год сама занималась переселением в сарынский Дом науки и техники, крепкое, красивое здание в стиле ампир на тихой пешеходной Немецкой улице. Логика прокуратуры была безупречна: во-первых, после сокращения вооружений оборонная промышленность Сарынска рухнула, а вместе с ними рухнули наука и техника, во-вторых, само понятие науки и техники предполагает прогресс, новизну, стиль ампир никак не подходит, сбивает с толка, а вот вполне современное здание постройки семидесятых (то есть та самая халабуда) – именно то, что нужно. Прокуратура даже готова была добровольно выделить деньги на художника и краски, чтобы нарисовать на фасаде какую-нибудь ракету.*

Неделю назад случился не самый страшный, но самый болезненный выпад. На занятие клуба «Время и мы» вдруг пришла молодая симпатичная женщина в милицейской форме, представившаяся инспектором по делам несовершеннолетних. Просидела полтора часа с каменным лицом, никак не реагируя, а потом, оставшись наедине с Леонардом Петровичем, спросила:

– А вы только детьми занимаетесь?

– У меня широкий круг обязанностей.

– Это я понимаю. Я в смысле, вот такой кружок у вас – только детский? Со взрослыми не ведете таких кружков?

– Нет. Я привык общаться с детьми, я в школе работал, если вам это известно.

– Известно! – сказала инспекторша многозначительно, будто ей было известно намного больше. – Значит, только с детьми?

– Я не понимаю, что вас именно интересует? Какие-то мои подростки у вас на учете?

– Пока нет.

– Почему пока?

– Мало ли. И мы же не только их ставим на учет, мы их защищаем. Понимаете?

– Понимаю, – сказал Леонард Петрович. – А что вы виляете, милая девушка?

– Я лейтенант милиции, а не милая...

– Не перебивайте старшего! Вы не виляйте, лейтенант милиции, милая девушка! Вы зачем пришли? Кто вас послал? В педофилии меня обвинить хотите? Так обвиняйте! Только желательно не на словах, а на бумажечке! С печатью! А я с этой бумажечкой – в суд!

– Вы что, наезжаете на меня? – изумилась милицейская девушка.

– Это вы наезжаете! А я говорю так, как вы того заслуживаете!

– Не надо оскорблять!

– Это вы меня оскорбляете!

Некоторое время еще нервно покричав друг на друга, они разошлись. Милая милицейская девушка, уходя, вдруг сочувственно сказала:

– Вы говорите – наезжаю. Даже обидно. Разве это наезд? Когда начнут всерьез наезжать, вы сами признаетесь – даже в том, чего не совершали.

– Мне вас жаль! – отрезал Шмитов.

– Это почему? – удивилась лейтенантша.

– Поздно объяснять. Папа с мамой должны были объяснить.

И тут вдруг губы у девушки дрогнули, она сказала:

– Не надо так. У меня мама месяц назад умерла.

– Извините... Я не хотел...

– Да ладно.

И девушка ушла окончательно и, быть может, корила себя по дороге за непростительную неслужебную слабость.

Вот к этому человеку и вот в такой сложный момент пришел Илья Немчинов. Леонард Петрович был ему рад – все-таки Немчинов пытался помочь ему, писал в газете о доме ВОГ как об историческом памятнике, о том, что культурные объекты ни в коем случае нельзя отдавать для коммерческого использования, это все байки, что, дескать, пока оно государственное, оно бедное и ветхое, а появится хозяин, тут же наведет порядок, на самом деле наши хозяева таковы, что похабят и безобразят все, что попадет в их бессовестно жадные руки. Да и не ветхое оно, писал Немчинов, а стараниями Л.П. Шмитова как раз приведено в божеский вид. Леонардов Петрович тогда был благодарен и польщен, не подумав, что генерал Великанов может обидеться не упоминанием своего имени, и тот обиделся, и высказал это Шмитову со свойственной ему прямотой.

Немчинов спросил, как дела, Шмитов наскоро пожаловался, но бодро, без той канючливости, которую Илья не любил в своих соотечественниках (и в себе). Шмитов вообще, судя по фамилии, имел немецкую кровь. Да и выглядит таким, какими мы до сих пор представляем типичных

немцев: сухой, со слегка веснушчатой белой кожей, белесые ресницы, голубые глаза, светлые волосы.

Илья спросил, может ли Шмитов помочь в деликатном деле, посмотреть видеозапись с телефона и понять, о чем говорят люди. Не исключено, что и Леонарду Петровичу от этого будет польза, поскольку люди эти те самые, кто покушается на дом ВОГ. По крайней мере, один из них – Максим Костяков.

Шмитов заинтересовался. Они заперлись в его кабинете, Илья достал флэшку (дочь купила на день рождения и научила пользоваться), вставили в компьютер, Леонард Петрович машинально скопировал к себе, чего Илья даже не заметил, проверил на вирус – мало ли что, запустил, стал просматривать.

Немчинов, снимая, выбрал удачный ракурс, братьев было хорошо видно, Максим стоял лицом, Павел Витальевич двигался, но движения рук и пальцев все равно были хорошо различимы, при этом в одной руке у Костякова-старшего была лейка, но он ее постоянно отставлял, чтобы разговаривать, если так можно выразиться, обеими руками.

Разговор был такой:

ПАВЕЛ. Ты как шпион. Никто не подслушивает.
МАКСИМ. Хочется поговорить молча. Как с мамой.
ПАВЕЛ. Мама.
МАКСИМ. Нельзя делать вид, что ничего не произошло.
ПАВЕЛ. Будем кричать: мой сын меня разоблачил?
МАКСИМ. Все так думают.
ПАВЕЛ. Пусть думают. Я спросил его, зачем? Он сказал, случайно.
МАКСИМ. Молчание признак вины.
ПАВЕЛ. Признак силы.
МАКСИМ. Нет. Подумают: сделали, поэтому молчат. А скажем, подумают: если бы сделали, не стали бы говорить. Признак силы – не бояться говорить.
ПАВЕЛ. Ты в самом деле не боишься? Я вот лишний раз боюсь. Мы его фактически убили.
МАКСИМ. Перестань. Ты забыл, что он сделал?
ПАВЕЛ. Я все помню. Человек влюбился.
МАКСИМ. В твою жену.
ПАВЕЛ. Когда влюбляешься, все равно.
МАКСИМ. Ты странно говоришь.
ПАВЕЛ. Я всегда так думал.
МАКСИМ. Что-то не помню.
ПАВЕЛ. А я помню.
МАКСИМ. Сам влюбился?
ПАВЕЛ. Кто сказал?
МАКСИМ. А то не видно.
ПАВЕЛ. Что, заметно?
МАКСИМ. Да.
ПАВЕЛ. Пусть.
МАКСИМ. Твое дело. Не хочешь говорить, скажу я. Так будет лучше.
ПАВЕЛ. Не знаю. Думаешь, лучше?
МАКСИМ. Да.
ПАВЕЛ. Да.
МАКСИМ. Хорошо?
ПАВЕЛ. Да. Нет.
И вслух:
– Не надо ничего, говорю тебе!

Тут – звук хрустнувшей ветки, Павел поворачивается, изображение скакнуло вниз, исчезло.

– Ну? – спросил Немчинов. – Что-нибудь понятно?

– В общих чертах... Про сына Павла Витальевича что-то.

Немчинов рассказал про спектакль, про совпадение в его сюжете с тем, что было в жизни, про то, как потом в доме Костякова-старшего был банкет, а Немчинов бродил и наткнулся на беседующих братьев.

– Мне кажется, они тут договариваются, как на это отреагировать. Нет? – спросил Илья.

– Ну, в общем, да. Потому что неприятно. Могут подумать, что действительно что-то было и сын решил намекнуть.

– А про то, как было на самом деле, они не говорили?

Шмитов знал, что Илья задаст этот вопрос. Когда мысленно переводил жесты в речь, когда услышал, то есть увидел фразу о том, что «фактически убили», тут же понял: из этой записи Немчинов хочет извлечь свою журналистскую выгоду, надеется на жареный материал – и чутье не подвело, угадал, жареным действительно пахнет. Странно только, зачем это Илье, он человек миролюбивый. А вот Шмитову информация очень бы пригодилась. Набраться наглости, прийти к Максиму Костякову, показать запись (подразумевается само собой, что оставлена копия). И предложить: я уничтожу и запись, и копию, вы оставляете меня в покое. И всем хорошо. А Немчинову сказать, что тут ничего особенного нет, можно выкинуть. И это будет, оправдал себя Леонард Петрович, правильно: если Немчинов вцепится в скользкую фразу, начнет раскручивать, как они, газетчики, выражаются, компромат, то ему же будет хуже – ничего не добьется, сломит себе голову. Он ведь человек воспаляющийся, романтический, с пониженным чувством опасности. И ведь сидел спокойно на своей краеведческой тематике, нет, проснулась журналистская ерзость, охотничий инстинкт. Плохая вообще это профессия, особенно если ты публицист: обвинять, обличать, подозревать. Шмитов бы не смог.

При этом Леонард Петрович не подумал, что он и сам-то человек если не воспаляющийся, то романтический в не меньшей степени, чем Немчинов, и его план тоже чреват сломом головы. Но очень уж захотелось использовать шанс.

Все эти размышления возникли в процессе просмотра и прослушивания, поэтому ответ на вопрос Немчинова у Леонарда Петровича был готов:

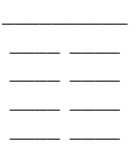
– Нет. Наверно, и говорить им о том деле нечего: как всем известно, так и было. Утонул брат, без вариантов.

– Ну, и слава богу! – с облегчением вздохнул Илья.

Леонард Петрович с уважением оценил это умение человека радоваться тому, что другие не замешаны в чем-то плохом.

Но действительно ли не замешаны, это вопрос.

27. И. Питание

Вы слишком много говорите и слишком много едите.

Максим Костяков всегда любил покушать (сказывалось полуголодное детство), но усмирял в себе это желание – не хотел толстеть, обзаводиться пузцом. Девушки любить не будут, пошучивал он в кругу своих, а на самом деле это была одна из главных причин: он хотел, чтобы его любили

девушки, и они его любили. При этом не обязательно иметь всех, кого хочется, приятнее быть всегда на легком взводе, в состоянии ненапряженного возбуждения. Это касалось всего – и горячительных напитков, и карьерных успехов, и всяческих благ, называемых материальными. Пусть всегда немного меньше, чем хочется, не обжираться, не заваливать себя изобилием, зато всегда есть куда стремиться. Важнее эстетический момент. Вот и сейчас Максим располагался в уютном, продуманном интерьере одного из лучших ресторанов Сарынска (собственно, это его ресторан), рядом сидела красивая женщина, приехавшая из Москвы на предмет открытия в Сарынске филиала одного из центральных телеканалов – женщина толковая, понимающая, что любой бизнес без предварительной личной обговоренности с представителями местных властей есть безнадежная афера. Она рассказала о том, что именно представляет собою канал (Максим извинился: слишком занят, ни разу не видел), как он может вписаться в местную информационную систему, как может просветить граждан культурно и политически, а Максим живо интересовался, что в конечном итоге приобретет город. Все имело крайне приличный вид, без намеков на какие-то личные выгоды, меж тем и женщина понимала, и Максим понимал, что на самом деле именно о них речь и идет: он по косвенным признакам оценивает финансовые возможности канала, а она как раз об этих косвенных признаках и рассказывает. Но говорить прямо – неинтересно, Максим очень любит такую вот тонкую дипломатию. Женщина, судя по всему, тоже. Она вообще идеально вписывается в образ образцовой деловой женщины: стильная прическа, но без фокусов, легкий макияж, без лишней штукатурки, туфли на умеренно высоких каблуках, легкий летний костюм.

Одно Максиму не очень в ней нравилось: имя Надежда, Надя. Это – с детства: отец, выпив, всегда затягивал:

Девочка Надя, чего тебе надо?
Ничего не надо, кроме шоколада.
Шоколада нету, на тебе конфету.
А конфеты нету – получай монету!

Дальше слов отец не знал и начинал сызнова:

Девочка Надя, чего тебе надо?
Ничего не надо, кроме шоколада...

Он мог на протяжении вечера петь это без конца, причем если вначале звучало добродушно, с иронией по отношению к глупой и капризной девочке Наде, то к десятому разу получалось уже с нервной укоризной, будто «девочка Надя» не просто отказывалась, а кобенилась, издевалась, а, когда отец выпивал в свою меру, он начинал просто рычать.

Девочка Надя, чего тебе надо?
Ничего не надо, кроме шоколада... –

хрипел он с ненавистью, девочка Надя становилась злыдней, стервой, которую убить мало. А если не убить, то хотя бы проучить. К этому моменту мать старалась уйти из дома, спрятаться у соседей, потому что за неимением девочки Нади отец желал проучить ее. И, если находил, проучивал. Потом, конечно, сыновья выросли и не давали ему уже безобразничать. Павел однажды сказал мудрую, как с ним иногда случается, вещь:

– А мы ведь, брат, должны быть благодарны отцу. Пьяница был, злой, как собака, мрачный, никого не любил, над матерью издевался, но мы зато из-за этого были сообща, ведь правда? Маму защищали, себя защищали. Вспомни, когда ты его табуреткой по голове ударил, что он сказал? Весь кровью умылся, упал, а потом встал и что сказал? Помнишь?

Максим, конечно, помнил:

– Молодец, сынок!

– Именно! То есть он нутром тоже понимал, что вот так странно нас воспитывает. Воспитание враждой, можно сказать, враждой к нему. Зато дружбой между нами, верно?

Что ж, верно. Хотя гонял отец их не только по пьяни и сдуру, гонял, если плохо учились, надо отдать ему должное. Кричал:

– Попробуйте у меня только в люди не выйти! Я вас на своей шее кормить всю жизнь не собираюсь! Денег нет, умом берите! Образованием! А то или к станку, или воровать. А у станка я за вас отстоял, спасибо! А воровать если будете, убью своими руками!

Утих только тогда, когда они и в самом деле занялись образованием, и, главное, стали настолько крепкими, что могли запросто дать сдачи – и давали, если лез. Только Леня отца не трогал, хотя, может, по слабосилию. Павел и Максим пошли в отца, высокие, крепкие, а Леня тонкий, хрупкий, как мама. И довольно красивый, конечно, мама же красивая была. Если б не ее глухота, могла найти себе не того мужика, кто подобрал, а любого. Вот, может, и злился отец на нее: понимал, что не по любви вышла, считал себя благодетелем, а благодарности не видел.

Так вот, эта Надя из отцовской песни казалась тогда Максиму какой-то непотребной, гулящей девкой, с виду похожей на дурочку из соседнего дома, девицу лет то ли двадцати, то ли тридцати. Она, растрепанная и грязная, вечно бродила по двору, искала в объедки для собак и кошек – они всегда вились вокруг нее. Дурочка тоже, должно быть, слышала песню отца каждое воскресенье, да и весь двор слышал, вот и стала подходить к кому попало с предложением:

– Дай конфетку, чего покажу!

Пацаны давали, если была конфетка, она задирала подол, приспускала трусы и показывала. Максим тоже видел и разочаровался: такие же волоски, как у него, ну и что? А остальное, что ниже, она не показала. Однажды, на майские праздники, когда весь их микрорайон, да и весь Сарынск, поголовно пил, пацаны, угостившись портвейном, зажали дурочку между сараями, раздели, причем она не кричала, а только хихикала. Потом Павел в одежде лег на нее и поерзал. Встал и сказал:

– А ну давай, налетай, пока голая!

И всех заставил лечь на нее и подергаться. Дурочка сначала хохотала, но потом заплакала, разнюнилась, просила отпустить. Отпустили только тогда, когда на ней поелозил последний.

Потом ходили и хвастались (что взять с лопухов, совсем были малые!), что на праздники одну девку зажали и чохом отпарафинили. Павел не велел говорить, кого именно, пообещал наказать, если кто проболтается. Не проболтались, хвастались, ходили гордые, словно все разом поверили, будто и впрямь совершили настоящее мужское дело с настоящей женщиной.

Именно так говорили в их дворах: отпарафинить. Потом появились другие слова, включая современное и самое ходовое «трахаться», а у них было вот это. Почему? Может, по сравнению с тем, как лыжи парафинили, то есть смазывали парафином – туда-сюда, туда-сюда?

Максим, когда вырос, хотел найти продолжение этой песни, но нигде не попалась. Возможно, она состояла только из одного куплета. Наткнулся, правда, купив диск шансона, на глумливую переделку:

Пролетело лето, наступила осень,
Я тебя за лето раз всего лишь восемь,
А Андрейка двадцать, а Данилка сорок,
Поимели и тебя, и различных телок.

Надо мной смеется вся наша округа,
Где ж твоя невеста? Где ж твоя подруга?
А ты то с Никитой, то ты с Николаем,
И тебя собаки провожают лаем.

И т.д.

Максим дал послушать диск с песней Павлу, тот скривился:

– Гадость!

Но то, как отец пел про Надю, вспомнил и тоже поискал текст или запись песни. И тоже не нашел. Зато, купив сборник балалаечных аранжировок, наткнулся на обработку мелодии этой песни, и Максим не раз был свидетелем, когда, в полосы запоя, Павел без конца ее слушал. И еще одна у него была с этого диска любимая – со странным названием «Царь Николай». Немного похожа на «Выйду на улицу, гляну на село». Кстати, с этого времени Павел увлекся народной музыкой, собрал большую коллекцию, это было у него второе пристрастие после Хемингуэя.

– Ты послушай, – говорил он Максиму, – как это, действительно, по-русски звучит! Она и веселая, но она и печальная!

И Павел то смеялся, то плакал, а Максим терпеливо ждал, когда брат устанет и разрешит позвать врача (это было еще до знакомства со Сторожевым).

Петр же, напротив, очень полюбил как раз глумливую переделку, с удовольствием слушал ее в машине, пуская на полную громкость, чтобы и улица насладилась. *

Итак, Максим наслаждался общением с деловитой и красивой Надеждой, она тоже получала немалое удовольствие.

– Первым делом мы, конечно, будем искать помещение, – улыбаясь, говорила Надежда. – Чтобы и вместительное, и на ходовом месте, и не очень дорого. Надеюсь, вы поможете советом?

Максим легко прочитывал этот вопрос. На самом деле властные органы никакого отношения к подысканию помещений для заезжей коммерческой структуры не имеют. Снюхались частники, договорились, один сдал в аренду, другой платит. Но властные органы могут обидеться. У них ведь тоже есть что предложить или порекомендовать – к чему они имеют заинтересованное касательство. То есть Надежда элегантно давала понять, что знает правила игры, при этом переплачивать не хочет, но лучше уж заплатить властным органам, чем кому-то еще.

– Советом помогу, хотя дело непростое, сами понимаете, Сарынск не резиновый, окраин много, а центр один. Но варианты есть.

Надежда кивала. Она поняла, что ее поняли, что могут предложить даже несколько помещений, в зависимости от финансового удовольствия местной власти и лично Максима Витальевича.

– Штат у нас будет местный, кто же из Москвы сюда поедет, но зарплаты приличные, московские, тут тоже будем признательны, если подскажете насчет подбора кадров. Нужны профессионалы – операторы, режиссеры, ведущие, осветители, ну, вы понимаете. Часть людей придется взять с перспективой, желательно с образованием или обучаемых.

И это Максим сразу понял: дама намекает, что образуется вполне теплое место, куда властные органы могут при желании пристроить своих детей, племянников, братьев, сестер, друзей и т.п.

– Поможем. Кадры у нас есть, хотя профессионалов, вы правы, мало. Но найдем, найдем. Пойдут с удовольствием. Вы же все-таки не картошку продавать будете, уважаемый канал.

Ответ Максима: вы сэкономите время и деньги, если поручите нам это дело, а сэкономленными средствами, конечно, благоразумно поделитесь. Да, не картошка, но если сравнить с этим корнеплодом, то ситуация следующая: либо вы купите картошку по сто рублей ведро, либо мы вам поможем найти за шестьдесят, но двадцать за находку вы приплатите нам, в результате для вас получится восемьдесят, двадцать рублей экономии на ведре!

Так они беседовали и дальше: говоря одно, подразумевая другое и прекрасно понимая друг друга.

Максим уже подумывал, не углубить ли отношения вопреки своему правилу не трогать за

---

* *Ср.: «Тима опустил стекла и врубил на полную мощь свой любимый музон, от которого соседние автомобили обычно отбрасывало, как от взрыва...» – и т.д. («Поход на Кремль».)*

вымя, как он говаривал, деловых партнерш: тут же начинают требовать льгот и скидок.

Но тут раздался звонок, чей-то голос сказал:

– Максим Витальевич, вы назначали. Это Шмитов.

Максим вспомнил: вчера зачем-то позвонил Шмитов из общества глухих, попросил о встрече. Хочет, наверное, поклянчить или поторговаться. Хватит, надоело, надо будет ему ясно показать, что либо он в ближайшее время сдается, либо его уничтожают. То есть просто выкидывают к черту со всей его глухонемой оравой.

Максим глянул на часы: время пока обеденное, на службе можно еще час не появляться, да никто и не спросит, все знают, что Максим Витальевич постоянно проводит где-то важные выездные мероприятия.

– Знаете мой ресторан на Дольской? – спросил он Шмитова.

– Да, конечно.

– Приходите, я тут.

– Это удачно, я рядом, через пять минут буквально могу.

– Ну, через пять так через пять.

Максим извинился перед Надеждой и продолжил разговор.

Вскоре вошел Шмитов, увидел Максима, направился к нему.

Бесцеремонно (или от стеснительности, или от провинциальной простоты) протянул руку.

– Здравствуйте!

– Извините, я обедаю, а перед этим руки мыл, – сказал Максим не строго, но с легкой укоризной: нельзя же совсем не знать правил хорошего тона!

Шмитов убрал руку и сел за столик. Еще одна бестактность. Максим помолчал, думая: сказать ему, чтобы отсел, или сам догадается?

Шмитов догадался:

– Я вам помешал?

Максим кивнул:

– Подождите несколько минут.

Шмитов вскочил, отошел в угол, уселся там за стол, к нему тут же подскочил официант, но Максим сказал ему:

– Это ко мне.

То есть: поить-кормить будешь, когда он окажется за моим столом. Чтобы он потом не тащился со своими тарелками через зал. Официант поклонился и исчез.

Разговор был, в сущности, закончен, но Максим не торопился, спрашивал еще о телекомпании, о канале, о Москве, о том, давно ли Надежда работает на телевидении, нравится ли ей. Признался, что когда-то сам мечтал стать диктором или ведущим. Ему никогда это в голову не приходило, и Надежда, похоже, это сразу поняла, но сочувственно улыбнулась, одобряя мечту, пусть и не реализованную. Умная все-таки женщина, совсем во вкусе Максима, он любит умных, надо будет ее стимулировать, чтобы приезжала почаще.

– Вы где, кстати, остановились? – спросил он.

– В гостинице, в «Волге».

– Там грязища и кухней воняет.

– Ничего, дали люкс с окнами во двор. Кухней не воняет, правда во дворе какие-то грузчики все время грохают и матом ругаются. Да не страшно, я завтра уезжаю.

– До завтра много времени, мы вам экскурсию еще устроим. Вот что, вы пройдите по Дольской вниз, на втором перекрестке сверните направо и сразу увидите такой старый купеческий дом, за оградой, весь в деревьях. Там никакой вывески, только звонок. Позвоните, скажите, что я направил. Если захотят вдруг проверить, перезвонят мне, только вряд ли. Поверят на слово. Это наш губернский гостевой дом. Потолки пять метров, ковры, кондиционеры, естественно. И полная тишина. Вам понравится.

– Спасибо, – сказала Надежда с такой тонкой интонацией, одновременно и деловитой, и поч-

ти интимной, что Максиму захотелось вместе с нею сейчас же отправиться в этот гостевой дом.

Но сдержался.

Поговорили еще о каких-то приятных пустяках, о впечатлениях Надежды от Сарынска, Максим давал этим возможность Шмитову потомиться и заодно полюбоваться Надеждой. Пусть посмотрит на красивую женщину, с которой дружески общается Максим, пусть позавидует. Пусть оценит заодно и Максима и сравнит с собой. Хотя бы даже одежда стоит сравнения: на Шмитове джинсы, рубашонка и кроссовки, а на Максиме костюм – светло-серый с легким металлическим отливом, блистательно сшитый; другой одежды, кроме костюмов (у него их две дюжины) Максим не признает.

Это не только ради официальности, это опять же из детства.

Однажды, когда Максиму было лет двенадцать или тринадцать, он пришел домой с улицы и увидел посторонних людей. Все они имели вид напряженный или испуганный, или подобострастный. Над ними возвышался, не будучи при этом высоким, человек, который сразу же заворожил Максима. Окружающие были одеты кто как, некоторые даже и в костюмах, но такого костюма, как на этом человеке, не имел никто. Отглаженный так, что ни морщинки, сидящий идеально, угольно-черный. И лаковые черные ботинки, аккуратные, вычищенные – хоть лизни. И белая рубашка, и галстук. Седоватые волосы были пострижены ровнехонько, такие прически Максим видел только на фотографиях в парикмахерских: волосочек к волосочку, не просто прядями, а у каждого волоска своя длина, и они в результате имели вид какой-то невероятной упорядоченности, и виски подбриты, и абсолютно ровная линия очерчивала волосы на затылке, край их не доходил примерно полсантиметра до воротника рубашки, которая, в свою очередь, выглядывала тоже на полсантиметра.

Человек этот поразил Максима, поэтому он все так подробно и запомнил. Его водили, показывали, объясняли, тыкали пальцами в потолок и на окна, оправдывались, спорили друг с другом, а он почти не говорил, только изредка коротко задавал вопросы, оглядываясь брезгливо, устало, но в то же время и со снисходительным участием. Максиму этот человек показался каким-то пришельцем, марсианином, которому показывают: да, вот так вот, извините, мы тут живем, надо что-то делать, помогите, Христа ради, своим космическим разумом.

Потом из разговоров соседей и родителей Максим узнал, что это была жилищная комиссия по поводу сноса бараков (которые впоследствии и снесли), а пришельца называли «зампред». Что это такое, Максим тогда нее знал, да и неважно. Он понял, что хочет быть таким – носить такие невероятные костюмы, иметь такую невероятную прическу, а вокруг чтобы толпились люди и заглядывали в глаза.

И, в общем-то, надо отдать должное своему упорству и уму, добился этого.

Наконец он распрощался с Надеждой, вежливо проводив ее до дверей, пожал ее доверчивую руку (с некоей, однако, твердой жилочкой: не думайте, что я вся уже в вашем распоряжении!), вернулся к своему столику, позвал Шмитова:

– Присаживайтесь! Будете чего-нибудь?

– Нет, спасибо.

– Обедали?

– Нет, не хочу.

– Бросьте. Знали бы вы, какую окрошку у меня тут делают! Из настоящего домашнего кваса по старинным рецептам!

И Максим, подозвав официанта, приказал ему принести окрошки, запеченного судака, морс – собственного изготовления.

– Выпить хотите?

– Я вообще не пью.

– Дело ваше. Кстати, вас не затрудняет, что я словами говорю?

И Максим пальцами показал, что может общаться и без слов.

– Нет, я слышу нормально, хоть и одним ухом. Аппарат хороший. Я ведь не от рождения глухонемой. И звонил вам по телефону, если помните. Следовательно, могу обычным способом.

– А, ну да, ну да. Извините.

Максим мельком еще раз оглядел Шмитова – джинсы очень уж плотно сидят на нем, рубашка меньше на размер, обтягивает худой, но стройный торс, и выбрит тщательно, и ногти ухожены – и Максим невольно вспомнил про глухие слухи, ходящие о Шмитове (ему, конечно же, о них доложили). И вот, оказывается, еще и не пьет. Тоже характерно.

Шмитов почему-то волновался. В руках у него была плоская сумка, он расстегнул молнию, достал ноутбук.

– Надеюсь, не художественное кино будем смотреть? – спросил Максим.

– Нет... Понимаете... Я бы никогда не решился. Но меня загнали в угол. И действия какие-то уже почти экстремистские, и намеки гнусные. Приходила недавно одна... Но неважно. Я знаю, вам это здание понадобилось.

– Какое здание? Вы о чем? Кстати, напомните имя-отчество? – спросил Максим, который, конечно, после вчерашнего звонка Шмитова, назвавшегося только фамилией, тут же узнал его имя и отчество. Но пусть потрудится, выговорит.

– Леонард Петрович.

– Так что за здание, Леонард Петрович?

– Наше. ВОГ. Всероссийское общество глухих.

– И что?

– Мне сказали, что вы хотите его...

– Кто – мы? Чего хотим?

– Я сам ничего точно не знаю, но вот уже два месяца у нас хотят отобрать здание.

– Я, что ли, хочу отобрать?

Шмитов молчал, он нее знал, что ответить.

А Максим прямо-таки наслаждался наивностью этого человека, не сказать – глупостью. Он сердито скомкал салфетку, бросил на стол.

– Газет начитались? Больше делать мне нечего, дома глухих отбирать? Зачем? Я, в аппарате, кроме всего прочего, занимаюсь вопросами градостроительства и нового социального жилья, а не старым жилым фондом! Рассудите сами, зачем мне это нужно?

– Тогда, может, вы скажите им... Тем, кто... Чтобы не трогали?

– Еще раз повторяю: это не моя область. Есть специальные люди, обращайтесь к ним. Что это за привычки вообще – действовать в обход, ловить людей из правительства, шушукать, подначивать? Почему вы не действуете по закону? Имеете право на это здание – ну, и стойте на этом! А если какие-то неувязки, если все-таки что-то нарушено и у вас прав нет, вы чего добиваетесь? Чтобы я кого-то заставил нарушить закон?

Максим отчитывал Шмитова строго, но не повышая голоса, не придавая интонации ничего личного. А сам был доволен, что этот Леонард Петрович напросился на встречу. До этого Максим видел его лишь мельком, а теперь вот за несколько минут понял насквозь. Мелкий карась, которому зачем-то захотелось поплясать на горячей сковородке, поразить своим искусством жарящих и убедить их отпустить его обратно в пруд. Поздно, брат, ты все равно уже не жилец, ты уже подрумянился. В общем, как говаривал отец, когда его являлся усовещать плюгавый участковый: «Такого Кузьму я и сам возьму!» – и засучивал рукав, чтобы взять участкового, и тот отступал, чтобы явиться через полчаса с подмогой.

А Шмитов теперь и сам уже понял, что полный дурак, что еще наивней Немчинова. Ну, покажет он эту запись – чего добьется? Этот великолепный и хитроумный подлец (так Шмитов мысленно назвал Максима) докажет за две минуты, что говорилось совсем не то, что записано, что это вообще сфабрикованная запись, что Шмитова следует привлечь к уголовной ответственности за клевету и оскорбление, посадить в тюрьму, а дом ВОГ немедленно очистить, как рассадник скандалистов, склочников, которые не хотят решить вопрос по правилам, а прибегают к незакон-

ным методам.

У него было ощущение, что хотел пройти по узкой тропке, рискнуть, а попал в болото – вязкое, тягучее. Одно твое лишнее движение – засосет.

А Максим получал удовольствие от легкой административной разминки, к тому же, он был теперь уверен, что дом ВОГ прибрать к рукам ничего не стоит. А прибрать надо хотя бы для поддержания репутации: некоторое время назад губернатор в присутствии Максима, в неформальной обстановке, обсуждал благоустройство центра, вспомнил про дом глухих и задал вопрос:

– У нас что, кроме инвалидов, там разместить нечего? Я вспомнил, там еще вывеска огромная: общество глухих. Будто хвастаются. Приятно, конечно, приезжают люди в город – и в центре натыкаются.

– Вывеску, может, помельче? Или убрать? – спросил кто-то из губернаторских придурков.

– Глухих убрать, – усмехнулся Максим, объясняя придурку то, что и так понятно. Он тут же уловил тайную мысль губернатора: дочка его Ульяна баловалась дизайном одежды, купила пошивочный цех вместе с людьми у разорившегося как раз перед этим неудачливого местного кутюрье, начала создавать модели, но магазинчик при этом цехе был крошечный, а вот в двухэтажном здании вполне можно разместиться. Там, кстати, и сцена есть, театр моды можно устроить.

– Я не говорю убрать, – поправил губернатор, чтобы, упаси боже, ему не приписали эту инициативу. – Я говорю: обдумать как-то надо о рациональном использовании.

– Сделаем! – тут же пообещал Максим.

А пообещал – надо делать.

Принесли окрошку.

Шмитов, совсем стушевавшийся, принялся ее хлебать.

– С хлебом, так сытнее, – посоветовал Максим.

Шмитов послушно взял хлеб.

– А я пока посмотрю, что вы там хотели мне показать, – Максим протянул руку к ноутбуку.

– Да нет... Это ерунда... Глупость попалась, а я не подумал...

– Какая глупость, чего вы не подумали?

Максим насторожился. Чутье ему подсказало: тут не виды здания ВОГ и не документы с доказательствами законной принадлежности здания обществу.

– Дайте, я сам решу, глупость или нет.

Максим взял ноутбук, открыл, включил.

Шмитов глотал окрошку и потел, хотя в зале было прохладно, работали кондиционеры. Он не знал, как быть. Показать что-то другое? Фотографии – занятия кружков, мероприятия и тому подобное? Догадается, этот человек сразу догадается, что он хитрит. Да и файл помещен так, что первым попадется на глаза, на рабочем столе, и назван по идиотски прямо: «Костяковы оранжерея».

И Шмитов молчал, и ел окрошку, нервно откусывая большие куски хлеба и давясь ими.

Максим увидел файл, хмыкнул, открыл. Молча просмотрел. Нажал на кнопки.

Удаляет, догадался Шмитов.

Максим закрыл крышку ноутбука, спросил:

– А копии где? В Интернет запустили?

– Нет.

– Тогда объясни, что происходит, – Максим перешел на ты потому, что глупый враг уважения не достоин. – Ты, значит, решил, что мне зачем-то нужен ваш этот глухой дом, ты начал за мной шпионить, снимать? Ну, и что наснимал? Чего там такого?

– Ничего... И это не я... Мне в руки попало и я хотел... Чтобы вы знали.

Ну вот, уже начинаем размахивать белыми флагами, подумал Максим. Уже готовы от намеков ненависти перейти к признаниям в преданности и любви. Типа того – проинформировать вас хотел, услужить вам.

– Ну, теперь знаю, – сказал он, – хотя оно того не стоит. С другой стороны, не люблю мелкой

суеты вокруг фамилии Костяковых. Вы ведь слышали, когда я это у Павла в доме говорил?

– Нет. Меня там не было.

– А кто был? Кто снимал?

И Шмитов понял, что он сейчас скажет. Придется сказать. Без пыток, без мучительств, без угроз стереть с лица земли и посадить в тюрьму. А зачем они нужны, эти угрозы, если и так понятно: Максим, если захочет, и сотрет, и посадит. Так что, можно считать, все это уже было.

– Журналист один. Немчинов. Мой знакомый. Он просто так, он говорит: гулял мимо, увидел, взял и снял. Без какой-то цели. А он ко мне иногда приходит, ну, показал. Просто, говорит, интересно, о чем говорят? Я посмотрел: да ничего особенного. Говорю, не надо больше это никому показывать. А сам скопировал и вам принес...

Максиму было ясно: Леонард Петрович облекает свое предательство по отношению к Немчинову в благородную форму. И он решил даже облегчить его моральные страдания, представить его действия почти подвигом:

– То есть человек просто так снял, от нечего делать, а вы без его ведома решили использовать в каких-то своих целях?

– Да, – обрадовался Шмитов подсказке. – Потому что думал, что вы... А если нет... В общем, чушь какая-то, затмение нашло. Жара, – совсем уж глупо пожаловался Шмитов.

– Ладно. Тем не менее, ничего этого ты не видел и не знаешь. Иначе я тебя завтра же со всеми твоими глухонемыми выселю. И не в нормальное помещение, куда собирался, возле кинотеатра «Октябрь» видел здание?

– Да... То есть... Припоминаю.

– Бывший районный Дом пионеров. Там у нас и детские кружки, и народный хор какой-то, вам веселее будет. Целый этаж дадим. То есть если правильно будешь себя вести. А нет – у нас и в Заводском районе пустых зданий полно, всего пятнадцать остановок на троллейбусе. Правда, троллейбус туда сейчас не ходит. Или ходит?

Шмитов не смог скрыть удивления. Значит, все-таки, это вы, Максим Витальевич, лично заинтересованы? – безмолвно задавал он вопрос, глядя в глаза собеседнику (и рад бы не глядеть, но не получилось отвести взгляд).

Максим, понимая его, усмехался: да, значит. Это я сначала думал, что с тобой надо, как с нормальным, дипломатию разводить. А теперь вижу, что можно говорить, как есть. Как в боксе: с сильным противником защищаешься, прикрываешься перчатками, а со слабым опускаешь руки: давай, наскакивай, тут же по балде и получишь, и упадешь навсегда.

Максим этого не сказал и даже не подумал в ясных образах, но Шмитов догадался.

– Хорошо, – сказал он.

– Что хорошо?

– Устроимся в здании возле «Октября». В бывшем Доме пионеров... Хороший выход... Если городу нужно... А Немчинов ни при чем, вы, если будете с ним говорить, на меня, пожалуйста, не ссылайтесь.

– Ты мне еще указывать будешь, ссылаться или нет. Не бойся, я его не обижу. Скажу только, чтобы не шутил, и все.

– Спасибо.

– Пожалуйста. И приятного аппетита. Рассчитываться не трудись, моих гостей тут бесплатно кормят.

И Максим ушел.

Появился официант с судаком, открыл стеклянную крышку, поднялся ароматный пар. Судак лежал на тарелке целиком, истекал жиром, блестел золотистой коркой.

Шмитову совсем уже не хотелось есть, но он через силу обглодал судака до косточки и выпил огромный стакан морса до дна, словно опасался, что о его небрежении гостеприимством Максима официант может доложить хозяину.

28. ДА ГО. Переразвитие великого

Остерегайтесь обидеть своей горячностью других.

Павел Витальевич был очень занят: несколько дней подряд решал запутанный вопрос о вагонах с лесом, которые он ждал, но которые заехали в другую сторону. Куда-то при этом исчез экспедитор вместе с документами и, несмотря на то, что без всяких документов принадлежность вагонов и груза легко было установить, их вдруг начали нагло и неприкрыто дербанить: пять вагонов ушли в Ртищево, десяток в Поворино, еще десять в Елец. Павел Витальевич обратился к руководству Юго-Восточной железной дороги, на территории которой произошли безобразия, руководство невозмутимо объяснило, что вопрос не к ним, а к начальству Приволжской железной дороги, которое уже два года не может объяснить пропажу аналогичного эшелона с лесом; не дождавшись возврата утраченного и устав терпеть убытки и получать судебные иски, Юго-Восточная дорога таким образом не взяла бы чужое, а вернула бы свое – если бы она захотела это сделать, но она ни сном, ни духом. Павел Витальевич понял, что руководителей двух дорог надо мирить, ездил и туда, и сюда, не добился толку. Попробовал с помощью Максима использовать административный губернский ресурс – у него во всех областях знакомые. Но в том и беда, что Юго-Восточная дорога проходит через семь областей, а Приволжская через три – и совпадает из этих десяти только одна, Воронежская. Администрация Воронежа берется помочь, если администрация Сарынска поможет ей в том-то и том-то, ладно, договорились. Но тут обиделась Липецкая администрация, что к договоренностям не привлекли ее. Кое-как уломали липецких, стали действовать сообща, но тут совершенно неожиданно объединились только что враждовавшие Юго-Восточная и Приволжская дороги, пожаловались министру, что на них давит территориальное начальство, пришлось Павлу Витальевичу ехать в Москву, объяснять, доказывать, просить и улещивать.

Эти заботы отвлекали его от мыслей о Даше, которые стали уже болезненными, от желания увидеть ее немедленно, от нелепых планов, которые роились в его голове: то придумает подогнать к ее дому на «Водокачке» машину – в подарок, то присматривает обручальное, страшно дорогое кольцо, чтобы явиться и упасть перед ней на колени.

Нельзя, надо терпеть.

С другой стороны, Павлу, конечно, было радостно, что его так прихватило. Сама сила чувства была доказательством того, что он все преодолеет, сумеет доказать ей, что никого лучшего ей в жизни не встретить – разве только после его смерти.

Беда не ходит одна, любовь тоже. Давно замечено, что у людей одного круга вдруг почти одновременно начинаются сплошные влюбленности, переживания, расстройства и другие горячечные явления – будто эпидемия охватила всех.

Егор тоже чувствовал себя влюбленным. Он знал это состояние, обычно у него оно было легким и плодотворным, Егор всегда удивлялся, что другие от этого мучаются. Впервые влюбившись в восьмом классе, он до конца школы даже не подходил к любимой девушке, ему хватало собственных ощущений, хватало удовольствия любить независимо от того, отвечают тебе взаимностью или нет. Ему близки восточные духовные практики, учащие, что надо уметь не хотеть или хотеть легко, без напряжения, с готовностью отказаться. Не все желания причиняют страдания, а

только глупые, неуправляемые, желать надо умеючи, правильно. Быть готовым к отступлению – не потому что ты пораженец и не веришь в свои силы, а потому что мир велик и ты всегда найдешь что-то другое, не хуже. Пусть не здесь и не сейчас, неважно. Говоря упрощенно, мифологическим ахейцам абсолютно ни к чему было с такими трудами и кровью завоевывать Трою. Надо было либо взять ее в спокойную осаду без всяких боевых действий, либо, если уж так чесалось, найти другую Трою, послабее. А что плененной Елены там не было – так мало ли на свете Елен?

На этот раз ему своя влюбленность не нравилась – ни удовольствия, ни приятных мыслей о себе, влюбленном. Ему хотелось ее видеть и понять, что она о нем думает. Он перебирает в памяти ее слова: остался какой-то осадок, от чего? Что она такого сказала? Или он становится мнительным? А мнительные могут соорудить целую историю из одного слова – и даже из такого слова, которое не было сказано, а послышалось.*

При этом, смешно, не находилось повода. Фотографии они обсудили, интервью тоже. Может, заказать ей еще какую-то работу? Например, у Егора давно была идея: перед спектаклем продавать в скромном оформлении и на недорогой бумаге брошюрки с текстом пьесы. Пусть зрители, вернувшись домой, прочтут то, что они видели. И, может быть, захотят прийти еще раз, чтобы проверить впечатления. Но при чем тут фотографии? А при том, что обложки должны быть оригинальными. Даша не занимается оформлением книг? Но она оформляет какие-то альбомы, что-то когда-то рисовала, сама рассказывала.

Егор позвонил Даше. Она согласилась зайти через день, завтра у нее дела.

И Егор опять стал счастлив и спокоен – на ближайшее время.

Яна сходила с ума.

Когда прощались с Егором, он ничего не сказал.

И это самое лучшее.

Он вообще ничего не сказал.

Пили кофе, переговаривались, будто сто лет знакомы, будто муж и жена.

О пьесе опять, еще о чем-то.

Никаких признаний в любви.

Но и никаких: «Извини, это была ошибка, ты замечательная, но...»

Или: «Ты великолепная, но я дал себе слово, что никогда не женюсь».

Или: «Все было круто, при случае повторим?»

Или: «Черт, я почему-то не выспался».

Или: «Надеюсь, тебе понравилось?»

Или: «Понимаешь, я люблю другую, тебя тоже, но там уже давно, давай постараемся больше не встречаться».

Ничего этого не было.

Было просто утро. Не в тесной кухне, как пьют обычно люди, а в гостиной. Кухни у него вообще нет, какой-то закуток с плитой, отгороженный ширмой. «Зачем? Я почти не ем дома, а по мелочи приготовить – мне хватит».

В гостиной по периметру – книжные шкафы. Под старину, а может, и старинные. Он сказал – «в колониальном стиле».

Еще в гостиной кресла, тоже под старину, диван, журнальный столик, он же чайный и кофейный, огромная панель телевизора на стене. Какие-то абстрактные картины. Красиво, очень

* *Совершенно верно: см., например, повесть «Талий».*

красиво, но не совсем уютно. Когда она будет там жить, она многое переделает. Шкафы не тронет, мебель тоже, а вот на окна что-то нужно, они голые. Яна знает, что это модно, но все равно неприятно – будто любой может заглянуть, хотя окна и выходят на глухую заднюю стену какого-то здания. И во дворе голо. Это тоже плохо, можно же посадить деревья, они за три года дорастут до окон.

Перестань, не мечтай об этом, ты не будешь там жить. Никогда.

А почему? Я что, не красивая, не стройная, не умная? Я вполне его достойна. Я все понимаю, что он говорит, я умею слушать. И мне удалось сказать что-то неглупое.

Он гений, но я тоже была ничего себе.

Я была великолепна.

Мечта, сказка, пучина эротики.

Я была дура. Я была дура-дурой. Я была провинциальной дурой, он разочаровался, поэтому и промолчал, чтобы не обидеть.

Он молчал потому, что боялся проговориться. Боялся выдать свои чувства.

Никаких чувств у него нет. Он пригласил ее, как девушку по вызову, технично обработал, получил удовольствие – причем даром. И все. И больше ничего.

Но он так смотрел, как он смотрел, блин, как он смотрел ночью в глаза – будто я была единственной и последней его женщиной.

Ерунда. Он изучал. Он сравнивал меня с кем-то. С этой Дашей? Да я убью ее, просто убью, не морально, а так, как обычно убивают – ножом, кирпичом, под машину толкну. Или зазвать в кафе «Мукомольня», там действительно была мукомольня, внутри очень смешно: к стенам прилепились металлические балкончики, еле помещается столик на два человека, а к балкончикам ведут крутые лестницы. В три яруса, самый высокий под потолком, если упасть, можно запросто разбиться. Приглашаю ее туда и незаметно сталкиваю. Вообще неясно, как там никто еще не упал до смерти. Сталкиваю. Она падает. Он горюет, я выжидаю время и прихожу к нему. Он понимает, что лучше девушки в Сарынске нет. Потом они переедут в Москву. Загородный дом. Бассейн. Серебристая машина. Двое детей. По утрам бег, она в отличной форме. Вечер, гости, знаменитые артисты. Длинное платье, голые руки и плечи, высокие каблуки. Покачивая бедрами. Все оборачиваются и смотрят. «Однако, ему повезло. Сколько ей? А выглядит на восемнадцать». Подходит какой-то лохматый тип в кольцом в носу. Говорит – бла-бла-бла (по-английски). Я ему тоже – бла-бла-бла. По-английски, свободно.

Нет, с ней надо подружиться. Надо узнать, какие у них отношения. Узнать, чего она от него хочет. Вообще-то она мне, как ни странно, нравится. Может, потому, что она ему нравится? Тогда почему бы не договориться и не пожить втроем? Я не в претензии.

Что же делать?

Господи, я в тебя поверю, подскажи только, что делать?

Ничего.

Это кто сказал, Он сказал или я сказала?

Неважно. Главное – это правильно. Это как озарение. Ничего не делать. Я изучила его уже так, будто знаю сто лет. Он не терпит каких-то встречных действий. Тем более, когда надоедают. Ничего не делать. Ждать. Сделать вид, что все равно. Пусть ему будет приятно. Они не любят напрягаться – все. Вот пусть и не напрягается.

Но что делать?

Как что? Ничего! Решено ведь уже.

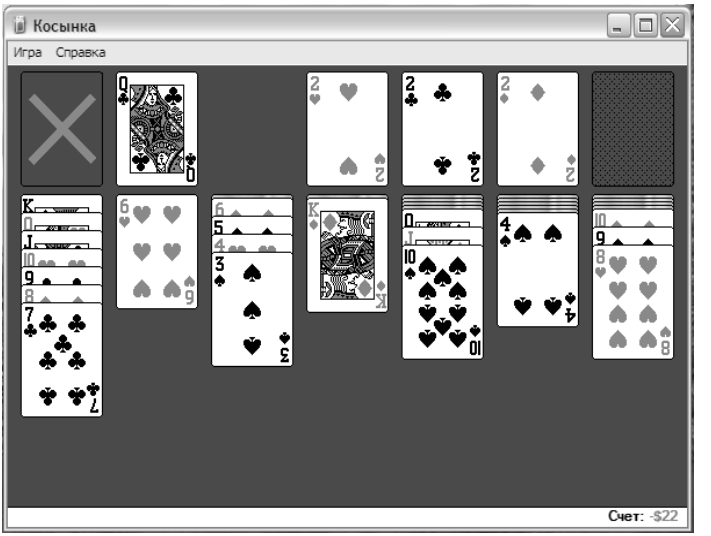
Легко сказать – ничего. А кто умеет делать ничего? Вы пробовали? Это самое трудное! Это, как он ей уже объяснил, все равно, что ничего не играть. Самое трудное в театре – не играть. Но как – совсем не играть или играть то, что ты ничего не играешь? Тут какая-то хитрость.

А может, он меня просто полюбил? И никаких проблем?

Нет, не надо. Это даже еще страшней, чем если совсем не любит. Пусть полюбит, но постепен-

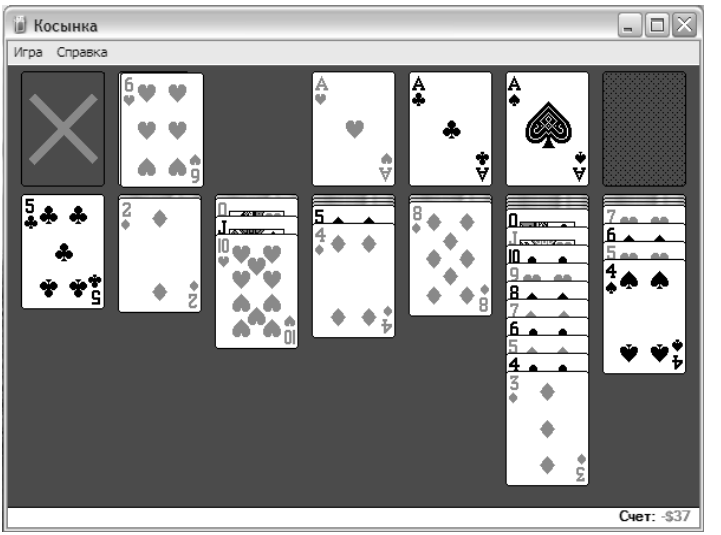
но. Потому что, если сразу, можно сойти с ума.

Надо разложить пасьянс. Косынку. Если выйду в прибыль – получится, если нет, не получится. Что получится? Неважно. Или, как на ромашке – любит, не любит? Неважно. Выиграю – хорошо. Не выиграю – плохо. Перестаю думать и мучиться. Будто ничего не было. Раскладываем...

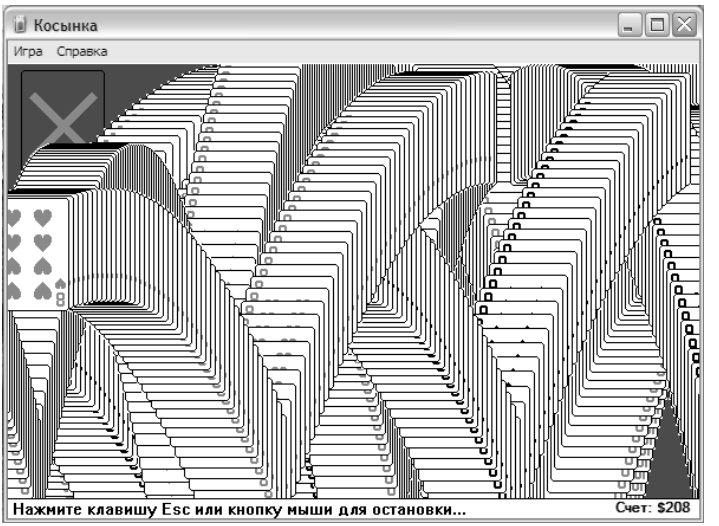
Не получилось.

Один раз не считается. Еще раз.

Черт. Еще хуже. Ладно, еще один раз – и все. Тем более, что это ничего не

значит. Я не гадаю, я просто играю.

Получилось!!! Вот правду говорят, что бог любит троицу! А раз так, то третье – самое верное. Все будет отлично. Он меня любит. А не любит, так полюбит. А не полюбит, и ладно, я-то его люблю – и никуда он теперь от этого не денется!

Сторожев весь день работал, делал то, что нравилось ему меньше всего – руководил. Обнаружил пыль на окнах, грязь в углах, путаницу в отчетности, в больничных картах. Все распустились, разнежились, размягчились. Не вы виноваты, господа, успокойтесь, я сам виноват. Но исправлять будете – вы.

Позвонил Наташе, сказал, что будет к вечеру. Она не спросила, где был, голос ее был печальным и виноватым, Сторожеву стало жаль ее, он бодро сказал, что просто устал, на клинику грядет комиссия, вот он и психует.

Положил трубку, подумал: сколько можно обманывать женщину и себя? Он ведь наметил вечером окончательно поговорить с ней. Зачем откладывать? Только мучить человека. Она ведь и так все понимает.

И Сторожев, перезвонив, сказал:

– Наташа, я не хочу ничего объяснять, да и нее нужно. У нас ничего не получается. И не получится. Мне будет одному плохо, но я хочу быть один.

– Возвращайся домой, – сказала Наташа. – Здесь никого не будет. Зачем тебе где-то болтаться? Часов до шести я вполне успею.

– Вызови такси, грузовое, не таскай вещи сама, заплати грузчикам, я сам потом заплачу, или пусть мне позвонят, я съезжу в их фирму, оплачу авансом, – заботливо говорил Сторожев, не сразу сообразив, что эта заботливость может выглядеть издевательски.

– Не беспокойся, я сама все сделаю, – сказала Наташа.

Господи боже ты мой, разозлился и на себя, и на Наташу Сторожев. Чем добрее и душевнее относится к тебе нелюбимая женщина, тем больше ты ее ненавидишь!

Впрочем, нет, о ненависти речь не идет. Но раздражение нарастает и может выплеснуться. Надо заканчивать разговор.

– Ты совершенно ни при чем,– сказал Сторожев. – Ты идеальная женщина. Это я виноват во всем. Меня твоя идеальность угнетает.

– Не идеальность угнетает, я тебя угнетаю, – сказала Наташа. – Ты все правильно делаешь. Надо было раньше.

Она права. Надо было. А сама не могла догадаться?

– Раньше мне было хорошо. Мне и сейчас хорошо. Но... В общем...

– Валера, хватит, зачем ты меня мучаешь?

– Чем я тебя мучаю?

– Все, я вызываю машину. Извини.

Сторожев положил трубку, но потом его не раз подмывало позвонить еще раз. Что-то сказать. Но что? Около шести он представил, как загруженная машина отъезжает от дома и Наташа бросает последний взгляд на окна. Сторожев то ли взвыл, то ли коротко заплакал (был один в своем кабинете), сглотнул боль, сказал себе: терпи. Надо терпеть.

Приехав домой, осмотрелся. Надо же, она и в этом мучительно тактична: так собрала вещи, что отсутствия их даже незаметно (может, потому, что и раньше не высовывались, не напоминали лишний раз Сторожеву, что она тут живет), в холодильнике и на плите ничего приготовленного – чтобы он не грустил, ужиная тем, что она приготовила и невольно вспоминая ее.

Все как было, когда он жил один. Умница.

Сторожев разделся до трусов, включил телевизор, уселся перед ним, почесываясь во всех местах – а что? Теперь он вольный казак, глаза за ним нет, что хочет, то и делает. Может даже и перднуть во всю сласть, чего он себе при Наташе, конечно, не позволял, а это при его проблемном кишечнике и склонности к метеоризму было дополнительным неудобством. Сторожев поднатужился, но, как назло, ничего не вышло, только сфинктер зря растревожил, и тот заныл: предвестие геморроя. Еще не созревшего, но – не за горами.

Сторожев позвонил Коле и попросил телефон Даши.

– Я тут для клиники хочу портреты своих передовиков сделать, она возьмется?

– Она за все возьмется, записывай, – сказал ничего не подозревающий Иванчук.

Сторожев записал телефон, хотел сразу же позвонить и назначить встречу насчет этих самых портретов клинических передовиков, но передумал: слишком много событий на сегодня. Надо поспать.

Володя Марфин не понимал, что происходит. Даша, которую он не видел несколько дней, явилась вечером веселая, возбужденная, как всегда, когда у нее было много интересной работы, но почему-то рассказывать о ней не стала (обычно рассказывала), потащила его ласкаться. Что ж, он очень даже не прочь.

А потом вдруг сама завела речь о том, от чего раньше отмахивалась, – о возможности открыть свое дело, свой фотографический салон, снять, действительно, помещение. Ей настолько не терпелось, что вскочила голышом с постели, начала искать на сайтах сарынской недвижимости объявления о сдаче помещений в аренду. Сокрушалась, что маловато предложений или всё окраины, глухие места. А доступность в наше время – первое дело. Вот, пожалуйста, в торговом центре «Спектр» бери хоть двести метров за умеренную плату, но где этот центр? За нефтебазой. А где нефтебаза? А там, где Сарынск фактически уже даже не город, там вокруг поля какие-то, совхоз какой-то пригородный. Построили сдуру, никто туда торговать не идет, вот и мыкаются теперь, кому бы сдать.

– У Павла Витальевича, что ли, помещение попросить? – размышляла она вслух.

– Это кто?

– Отец режиссера.

– А. Игоря?

– Егор его зовут. Ты имен совсем не запоминаешь.

– Это да. У меня зрительная память хорошая, а такая... как она называется?

– Наверно, умственная.

– Да иди ты. В общем, на имена, на тексты всякие. Книги не запоминаю. В школе какую-ни-

будь фигню типа «У Лукоморья дуб зеленый» не мог запомнить. Между прочим, картинку в книге помню до сих пор. И дуб, и сундук какой-то там, и башню с царевной. Витязи из воды выходят. До деталей, могу нарисовать. А текст – ни фига. «У Лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том...» Вот, и сейчас не помню. Что там дальше?

Даша встала и, голая, размахивая руками, смеясь, продекламировала, что там дальше. Изобразила, как кот, выгибаясь, ходит по цепи кругом, как леший бродит, как русалка на ветвях сидит, как выходят тридцать витязей прекрасных во главе с дядькой. Царевну, которая в темнице тужит, тоже изобразила. И бурого волка, и Бабу Ягу, и как злой Кащей над златом чахнет.

Там русский дух, там Русью пахнет! –

закричала она, показывая в сторону комнат, где пахуче ужинали полуночные трудовые таджики, а потом бросилась на Володю, начала дурачиться.

Успокоилась, сказала:

– Видел бы ты, как ты на меня смотрел!

– А как?

– С огромной и большой любовью.

– С огромной или большой?

– С огромной и большой. Может, в самом деле, поженимся? Или давай так: мы поженимся, поживем счастливо года три, а потом разведемся. Другой вариант: я выхожу замуж, например, за Костякова, обираю его до нитки и выхожу опять замуж за тебя, но позже.

Володе эти разговоры не понравились.

– А с чего, кстати, он тебе помещение выдаст? – спросил он. – А у вас, что ли, уже такие отношения?

– Дружеские. Он захотел со мной дружить с первого взгляда. И заказал свои портреты. На память потомкам.

– Ты не говорила.

– Вот, говорю. Нет, я лучше за его сына замуж выйду. Тоже не бедный, но моложе. План такой же – обираю до нитки, а потом развод, выхожу замуж за тебя.

– А если нам сразу пожениться?

– Если сразу, я тебя быстро брошу.

Володя, подумав, сказал:

– Знаешь что, давай не шутить на эти темы, ладно? Сидит тут, рассуждает. Выйду, брошу. У меня тоже есть мнение вообще-то. Я жениться на тебе не собираюсь.

– Разве? А предлагал?

– Из вежливости.

Как он хочет быть взрослым, ироничным, опытным. Как *эти*, подумала Даша. И какой он, если подумать, хороший. Да и без всяких если – хороший. А я сволочь, мне нравятся не хорошие люди, а крупные, крепкие – как Егор, как Павел Витальевич. Хотя Егор человек ненадежный, это ясно. Влюбиться может, но семья не для него. А Павел Витальевич хочет семью, детей. И если уж кого полюбит и возьмет в жены, это навсегда...

И ведь иногда надоедает, если честно, быть взрослой, взрослее всех сверстников и многих, которые старше. Браться за любую работу, ухаживать за Лилей, вести хозяйство. Хочется, чтобы на руки взяли. Не как Володя берет или, было когда-то, другие брали, а – по-отцовски. На ручки это называется.

Даша представила себя на ручках Павла Витальевича и рассмеялась своей минутной глупости.

– Ты чего? – спросил обиженно Володя, уверенный, что смех – в его адрес.

– Да так. Мне бы мужиком родиться. Я поняла, что больше всего люблю что-то делать.

– И я люблю фотографию, но...

– Ты только фотографию. А я могу сменить. Главное, чтобы получалось, чтобы лучше всех, чтобы хвалили.

– Всем женщинам нравятся, когда хвалят.

– За внешность, за макияж, за ноги длинные, за грудь большую, а я хочу, чтобы за дело, есть разница?

– Ты женщин не любишь?

– Они меня не любят. Разве не заметил – у меня подруг нет. Кроме тебя. Ты моя лучшая подруга.

– А по морде за такие слова?

– А дай! Слушай, в самом деле, ты вот получал по морде?

– Было. В школе и потом. Мало ли что случалось. И сам давал.

– А меня никто никогда не бил.

– Ты девушка.

– Ну и что? Девушки по морде сейчас получают запросто! В классе у нас всех били, хотя бы в шутку, а меня никто. Никто ни разу не ударил по морде, это плохо. В жизни все надо знать. Володя, дай мне по морде, пожалуйста! Только кулаком! Не так, чтобы лицо разбить, но чтобы синяк остался. Очень прошу! Народ говорит: бьет, значит любит. Ты меня не любишь?

Она приставала, Володя отшучивался, отнекивался, потом все-таки дотронулся легонько кулаком до щеки, Даша рассердилась. И вдруг сказала:

– Ты дерьмо и глист ползучий. Ты детсад, младшая группа. Ты не мужик, ты абсолютно не понимаешь, когда надо женщину слушать, а когда не надо. Сейчас надо, а ты слюни пускаешь. Думаешь, умеешь в меня писю свою запихивать – и мужчина? Да ни фига! Это сейчас в пятом классе мальчики умеют. Поэтому я тебя брошу, понял? Не обязательно сейчас, но брошу, а ты потом думай, почему. И ты еще обрадуешься, что тебя такая тварь бросила, ты еще найдешь себе блондинку с голубыми глазами, и она...

Володя ударил Дашу. Больно и сильно.

Она схватилась за щеку.

Володя объяснил:

– Это тебе – за тебя.

Сплюнув на ладошку кровь (щеку изнутри рассекло зубами), Даша сказала:

– Опять ты оказываешься умней, чем я думала.

– А ты дура. Дай посмотреть, что у тебя там?

Даша вместо этого стала целовать его, по их подбородкам струилась кровь, Даша подумала, что, если бы это снять, вышло бы ужасно фальшиво.

29. СИ КАНЬ. Повторная опасность

⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊
⚊⚊⚊⚊⚊
⚊⚊ ⚊⚊

В настоящее время для вашей жизни характерны потери и поражения.

Один бьет его, скрюченного, по ребрам, второй склонился и рычит:

– Отдай.

Рычит Максим Костяков, а бьет брат его Петр.

Немчинов закрывается руками. Он хочет достать телефон, отдать его, но боится отцепить руки.

– Отдай!

– Не могу! – кричит Немчинов.

Он хочет сказать, что готов отдать телефон, но не может залезть в карман: руки заняты.

– Отдай!

– Берите!

– Сам отдай!

Немчинов пытается одной рукой быстро нырнуть в карман и тут же получает удар в незащищенное место, в живот.

Наконец он откатывается куда-то в угол, вырывает из кармана телефон. Бросает, как гранату:

– Нате!

Но телефон почему-то не взрывается, он в руках у Максима. Максим рассматривает его и со всей силы шарахает об стену.

Конец мукам.

Нет, не конец.

– Убить его, дурака, – говорит Петр.

– Согласен, – говорит Максим.

Они хватают Немчинова, высовывают в окно и держат на страшной высоте. Хохочут.

Не может этого быть, думает Немчинов. Они этого не сделают. Меня нельзя убить. Не потому что невозможно, все возможно, но – нельзя.

Но они отпускают его, он летит, асфальт приближается...

Немчинов проснулся весь в поту, с колотящимся сердцем. Сначала убедился, что жив, и обрадовался. Потом вспомнил сон. Удивительно реальный, обычно сны у Ильи бывают мутными, сумбурными, с какими-то незнакомыми людьми и местами. Но иногда бывает и как сейчас – конкретно снится какой-то человек, правда, часто в фантастической ситуации. Помнится, был смешной сон очень давно: он зачем-то добивался взаимности Маргарет Тэтчер. Ничего удивительного, насмотришься телевизор, вот и пожалуйста. И на приеме в Кремле он побывал в ельцинскую эпоху, у самого именно Ельцина, и очень долго (так показалось во сне) говорил ему чистую правду, тот слушал внимательно и обещал все немедленно исправить. А из сорта привязчивых снов, какие есть у каждого человека, был регулярно повторявшийся кошмар: его должны принимать в пионеры, он бежит, он опаздывает, но успевает, встает в строй, бьет барабан, звучит горн, подходит вожатая, у каждого в руках алые галстуки, и тут Илья с ужасом понимает, что забыл свой галстук. Кончалось по-разному, но обязательно позором. Несколько раз его расстреливали, кровь красиво выступала на белой рубашке, Илья успевал крикнуть: «Умираю, но не сдаюсь!» На самом деле ничего похожего в жизни не было, галстук у него имелся, просто он почему-то боялся, что его не примут. Никакой не было на то причины, а он все равно боялся. Мало ли за что могут не принять. Учительницу на перемене случайно толкнул, она чуть не упала. Тетрадь порвал, вырывая ее у хулигана и дебила Мухина. Получил неожиданную двойку по рисованию за то, что разлил пузыречек гуаши, учительница страшно сердилась, заставила после уроков отмывать парту и пол. Но нет, приняли, как и всех, включая Мухина, которого вскоре после этого перевели в так называемую вспомогательную школу, то есть для умственно отсталых. Илью почему-то интересовал вопрос, как Мухин там будет пионером, разве умственно отсталым можно быть пионерами? Он задал этот вопрос очкастой пожилой вожатой (лет около тридцати, как теперь предполагается), она похмыкала, поперхала, покхекала и сказала:

– Можно, Немчинов. Всем можно. А вот тебя, если будешь задавать глупые вопросы, исключим. Больше никого про это не спрашивай, ладно?

– Ладно...

На этот раз повод у сна был тоже вполне реальный. Позавчера позвонил Шмитов и сказал:

– Илья Васильевич, режьте меня, но я вас подставил.

И рассказал, что именно он сделал, и как прошла встреча с Максимом.

– Я ему все объяснил, – оправдывался Леонард Петрович. – Что я тайком скопировал у вас

файл и решил использовать. Идиот, что с меня взять? А я вам советую, Илья Васильевич, если он потребует объяснений – еще не звонил?

– Нет.

– Я вам советую, вы скажите, что вы просто выпили, гуляли, снимали, что придется, случайно сняли это – и все! Я ему так объяснил.

– Снял спьяну?

– Ну да.

– И принес вам тоже спьяну?

– Нет, но... Просто вам любопытно стало, что говорят, опять же без всякой задней мысли. Зашли ко мне, мы знакомы, я посмотрел и коварно решил воспользоваться.

– Значит, там все-таки что-то такое было? Было чем воспользоваться?

– Да мелочи, пустяки.

– Не совсем мелочи, если вы решили его шантажировать.

– Илья Васильевич, я вас прошу, не надо лезть в подробности. И сотрите эту запись. Уверяю вас, там никакого компромата. Просто косвенная обмолвка о том, что могло быть, но неизвестно, было ли.

– Касается брата Леонида?

– Не обязательно. Честное слово, вам это ничего не даст, кроме неприятностей. А материала для журналистского расследования, вы ведь, наверно, этим хотели заняться, профессиональная привычка, понимаю, никакого материала там тоже нет. Кстати, то, что я вам звоню, это нарушение слова, я обещал больше на эту тему... Но я не мог промолчать.

– Спасибо.

– Извините! И больше об этом не говорим, хорошо?

Немчинов понимал Шмитова: тому часть греха хотелось снять с души.

А на записи, наверное, все-таки что-то было. И черт с ней, с записью. У Немчинова дочь, жена. Они важнее, чем вывести на чистую воду подозреваемого. Причем подозреваемого в том, чему в обед сто лет. Да и само выражение «на чистую воду» устарело – где взять эту чистую воду в окружающем болоте? Из одной тины в другую перетащить, вот и все, что можно сделать, но зачем?

Немчинов ждал звонка Максима. Три дня ждал.

На третий день, под вечер, Максим позвонил и вежливейшим голосом просил зайти завтра к нему в здание областного правительства. Он сейчас с утра до вечера занят, сидит там, поэтому извините, что в официальной обстановке.

– С утра можете? Часов в девять?

– Да, конечно.

С утра обычно казнят, неожиданно подумал Немчинов. Интересно, почему? Чтобы человек весь день не мучился. Но сообщают обычно заранее, все равно мучается... Или: сделал дело – гуляй смело?

О предмете разговора Максим не сказал, но и так ясно.

Поэтому полночи у Ильи была бессонница, потом короткое забытье, вот этот вот кошмарный сон и просыпанье в половине шестого утра. Поворочавшись и не сумев заснуть, он встал, принял душ. Время еще есть. В Интернете посмотрел заголовки новостей. Как всегда, выстроился ряд важнейших событий (важнейших с точки зрения, быть может, робота, который ориентируется на количество упоминаний):

1. Футбол. Уругвай и Мексика вышли в 1/8 финала чемпионата мира
2. Медведев дал «Газпрому» указания в связи с решением Белоруссии
3. Пенсионерка Ирина Антонова вернулась из Финляндии в Россию
4. Пассажир разбившегося на Алтае вертолета обвинен в незаконной охоте
5. Христенко не знал о хищении миллионов тонн нефти руководителями ЮКОСа

Сами новости Илья читать не стал, его не интересовал сейчас ни футбол (да и никогда во-

обще), ни разборки «Газпрома», требующего чего-то от братской Белоруссии, ни пенсионерка Антонова, ни пассажир разбившегося вертолета (неясно, как обвинен – посмертно? Или остался жив?), ни Христенко, который не знал о хищениях миллионах тонн нефти...

И вот без пятнадцати девять Немчинов был возле здания областного правительства. Обычно учрежденцы любят размещать себя в исторических постройках: и красиво, и солидно, и чувствуется связь времён, ибо, как ни крути, при любом строе власть остается властью, чиновники остаются чиновниками. Но для огромного аппарата облправительства подходящего здания не нашлось, поэтому они использовали построенные в семидесятые годы два корпуса богатого НИИ прямого государственного подчинения, занимавшегося чем-то очень сложным, возможно, космическим, что теперь, впрочем, уже неважно: НИИ сначала перестало заниматься этим важным, потом сократили штаты, а потом и вовсе освободили помещение.

Выглядит, конечно, убого: никакой архитектуры, одни окна.

Чтобы хоть как-то украсить, над входом недавно смастерили мозаичное (из кусочков цветного кафеля) панно. Местный Сикейрос изобразил то же, что он намалякал бы (и наверняка малякал) тридцать лет назад: веселую группу людей, одетых по профессии: космонавта в скафандре, рабочего в спецовке, колхозницу в фартуке, со снопом, интеллигента в костюме, с логарифмической линейкой – на фоне каких-то стропил, подъемных кранов, труб и знаменитого сарынского моста, который был длиннейшим в Европе на момент постройки, и, хоть прошло уже сорок лет и появилось в Европе не меньше ста мостов длиннее его, он все равно остается графическим символом города и обязательно присутствует на любой открытке, на любом значке, где значится имя города. В композиции сквозили ощутимые пустоты, заполненные чем придется. Угадывалось, что художник использовал свой старый советский эскиз и на месте пустот были знамена и транспаранты с лозунгами. Но, поскольку лозунгов сейчас никаких нет (или они явно временные), пришлось добавить лишних труб и подъемных кранов.

В просторном прохладном холле Немчинов, естественно, сразу же уткнулся в турникет, возле которого стояли с одной стороны милиционер, а с другой охранник, одетый в черную робу с нашивкой, что делало его походим на арестанта. Милиционер взял у Немчинова паспорт, выписал пропуск, дал ему эту длинную бумажку и сказал:

– Не забудьте отметиться, когда будете уходить.

– У кого?

– Вам скажут.

– А где Максим Витальевич сидит?

Милиционер удивленно приподнял брови:

– На втором этаже.

Видимо, не часто он видит людей, которые, приходя к Максиму Витальевичу, не знают, где сидит Максим Витальевич.

Пока милиционер выписывал пропуск, охранник молча взял у Ильи наплечную сумочку с ремешком, открыл, осмотрел. Телефон, бумажник, блокнот, ручки. Потом Немчинова пропустили через арку металлоискателя и вдобавок обвели какой-то широкой и короткой палкой, идеально подходящей для игры в лапту.

И вот Немчинов в приемной. Там сидела молодая симпатичная женщина, Илья представился, она нажала на кнопку и сказала:

– Максим Витальевич, Немчинов пришел.

– Пусть входит, – послышался голос.

Хорошо уже, что второй этаж, невысоко, подумал, входя, Немчинов. Причем подумать постарался с иронией, и почти получилось.

Но тут же ему стало не очень хорошо: в кабинете, кроме Максима, находился Петр Чуксин. Он сидел в углу у окна, рядом со шкафом, где теснились какие-то подарочные фолианты. Одну из книг Петр листал – чтобы занять руки.

Максим Витальевич вышел из-за своего широкого стола, приветливо поздоровался, усадил Немчинова в кресло перед столом и вернулся на свое место.

В кабинете было свежо, работал кондиционер, но Илье казалось, что все-таки жарко – ему с утра так казалось.

– Ну как, Илья Васильевич? – спросил Костяков.

– Что?

– Книга, что же еще? Двигается?

– Книга? Да, в общем-то... Понемногу.

– Что узнали о наших предках? Это же интересно!

Растерявшийся Немчинов с пятое на десятое рассказал то немногое, что он узнал.

– Да, – покачал головой Максим. – Ничего не храним, ничего не бережем. Обрезали свое прошлое, как ножиком. Но что-то уже написали?

– Так, какие-то наброски.

– Можно посмотреть? Не пришлете?

– Там все не систематизировано.

– Пару страниц хотя бы, – подал голос Петр.

– Да, – сказал Максим. – Хотя бы пару страниц.

– Извините, журналистская привычка – пока материал не готов, я его не показываю. Все еще будет десять раз переделываться.

– Прямо уж десять? – спросил из угла Петр.

– Ну, не десять, но...

– Вы что же, хотите всю книгу написать, а потом показать?

Вот тут бы и сказать: не будет книги. А аванс верну в ближайшие два месяца. Максимум три.

Но вместо этого Немчинов тяжело вымолвил:

– В принципе да...

– Долго ждать, – сказал Максим. – Я думал, вы главы три-четыре написали. Но, если далеко не зашли, это даже лучше. Художественную книгу давайте не будем писать. Все-таки к дню рождения. Давайте в таком духе, – Максим взял со стола толстую книгу, подобную тем, что громоздились в шкафу, подал ее Немчинову.

Тот ощутил вескую тяжесть – такими бывают альбомы по искусству, с репродукциями на веленевой бумаге. Книга называлась «Сын Волги» – об одном из бывших губернаторов Сарынска. Фотографии – подписи, фотографии – подписи. Между ними совсем немного текста дифирамбического характера.

– Фотографии у вас есть, – сказал Максим. – Вы их просто берите и пришивайте к ним какой-нибудь текст. Павел в школе, Павел на производстве, семья Павла. О нас совсем немного, я знаю, что он хотел, чтобы про всех, но мы посоветовались и решили, что это в другой раз. А пока – вот так. Задача облегчается, правда ведь? И придумывать ничего не надо. Я попросил свою помощницу собрать биографические факты, она вам их буквально через два дня пришлет. То есть чисто такая будет стилистическая обработка.

– За те же деньги, – уточнил Петр с интонацией попрека.

– За те же деньги, – подтвердил Максим, но без этой интонации, а даже наоборот, как бы успокаивая щепетильность Немчинова.

Илья сидел и молчал.

– Какие-то вопросы?

– Да нет...

– Тогда всего доброго. Не забудьте у Лизы пропуск отметить.

Максим нажал на кнопку:

– Лизочка, есть кто-то еще?

– До десяти никого нее будет.

– Вот и славно. Вас подвезти? – Максим посмотрел на Петра, тот отложил книгу и пригото-

вился встать.

– Нет, мне тут пешком недолго.

– До свидания.

– До свидания. Книгу с собой возьмите. Для образца.

Немчинов встал и потащился к двери, зажав под мышкой книгу, тяжелую, как кирпич.

Вышел.

Секретарша Лиза приветливо глянула на него.

– Давайте пропуск.

Он положил перед нею пропуск. Лиза расписалась и поставила печать.

Но Немчинов медлил, не брал бумажку. Лучше бы они меня избили, подумал он. Лучше бы, как во сне, отняли телефон, выкинули из окна. Но нет, Максим оказался умнее. Иди, дескать, и гадай, почему я не стал говорить о какой-то там записи. Мучайся. Бойся. И пиши книгу. Подписи пиши. Хвалебные. Я тебя опустил. Ты будешь делать теперь то, что я скажу – уже потому, что чувствуешь себя виноватым.

Примерно так он думает, размышлял Илья. А я так не хочу. И не буду.

Он резко повернулся и пошел обратно в кабинет.

Петр и Максим о чем-то говорили, посмеиваясь.

Надо мной смеются, подумал Немчинов.

Быстрыми шагами, будто боясь опоздать, он подошел к столу, положил фолиант и сказал:

– Я не буду писать эту книгу. А аванс верну. В ближайшее время.

– Когда? – спросил Петр.

– Нет, аванс возвращать нее нужно! – недовольно глянул на него Максим. – Нужно написать книгу. Что вам мешает?

– Мешает то, Максим Витальевич, что вы из меня дурачка тут делаете. Я же знаю, зачем вы меня позвали. Запись вас интересует и почему я снимал, вот что вас интересует! Так спрашивайте!

Максим обернулся к Петру:

– Говорил я тебе!

Тот развел руками, подтверждая: да, говорил, да, умен ты, братец!

– Так и думал, что не выдержите, – сказал Максим. – А откуда вам известно, что я про это знаю? Шмитов звонил? Я ведь ему не велел. Ладно, позвонил, герой. Но вы-то зачем друга сдали?

Немчинов растерялся. В самом деле, он не должен был... А почему не должен? Мы в благородство играем, а они этим пользуются!

– Никого я не сдавал. И запись меня не интересует. Сделал и сделал. Мимо шел, увидел, снял.

– Для чего? – спросил Петр. – Компромат, что ли, нарыть хочешь? Я тебе говорю, – обратился он к брату, – он под видом книги роет, как крот. К Едвельской ходил, к дуре этой сумасшедшей, к Дортману ходил, а этот жидяра нас с детства всех не любит, всю нашу семью. Зачем ходил?

– Это мое дело, – сказал Немчинов. – Если не лень время тратить, можете еще последить, по каким я улицам хожу и спросить, почему именно по этим, а не по другим. Не хочу я нарыть компромат, вообще не хочу про вас ни писать, ни думать. Вы у меня как кость в горле, хорошо сказал Миша Кулькин. За что, возможно, и поплатился.

Максим улыбнулся:

– Считаете, что это мы его задавили?

– По крайней мере, не исключаю.

– Не исключает он, – проворчал Петр. – За такие обвинения...

– Постой, Петя, – Максим приподнял руку. – Мне просто интересно, а за что нам убивать этого Кулькина? Он же ведь не сказал ничего серьезного.

– Мало ли. Для острастки.

– Логично. Как пишут в газетах: вину за теракт взяла на себя такая-то организация. Чтобы все ее уважали и боялись. Петя, возьмем вину на себя?

– Легко! – отозвался Петр.

– Берем. Наш грех, убили мы Кулькина, загубили человека.

– Чего ты ерничаешь? – закричал Немчинов. – Сидит тут, наел рожу на ворованные деньги, и еще смеется над смертью!

– Дать ему по уху? – спросил Петр брата.

– Не надо. Ты вот злишься, Илья Васильевич, а даже не понимаешь, почему. Не потому, что мы могли кого-то убить. Не потому, что живем на ворованные деньги, а они и вправду ворованные, вернее, взятые у дураков.

– У нас?

– Конечно. И дело не в том, что у нас власть, а у вас ее нет, у нас деньги, а у вас нет. Это ерунда, это на поверхности. Ты барахтаешься, чувствуешь, что истина где-то рядом, а где, не знаешь. И никогда не узнаешь. Информации у тебя нет. И вот сейчас я тебе объясню раз и навсегда: право на информацию – право на жизнь. И у нас права на жизнь больше, потому что информации больше. Время – деньги, слышал поговорку? Устарела. Инфа, как пишут в Интернете, вот что деньги. Инфа – деньги. Мы знаем, что происходит, а вы нет. Нет бога, кроме информации, а Интернет пророк его. То есть ее. Хотя нет, это не пророк, там трендят о том, что и так все знают. Ну, или раскопают какую-то мелочь. А главное знают очень немногие. Главное, например, о том, что у нас в области по-настоящему происходит, кто придет, кто уйдет, кто чем по-настоящему распоряжается. В Москве то же самое. Только десятка два людей, максимум три понимают, что происходит. На каждом ключевом месте сидит знающий человек. А ты, мокрица, даже и краем мозгов не соображаешь, кто тобой на самом деле правит, куда мы идем и чего мы хотим.

– Грабить! – отрезал Немчинов.

– Ну и дурак. Да я награбил уже столько, что всем потомкам хватит. В смысле – заработал. Работать мы хотим – и работаем. На основе информации. Но если ее узнают все, будет бардак. Смотрю на вас, читаю газеты, Интернет тот же самый – обхохочешься. То на президента валят, то на премьера, то на партию и правительство. Фигня это, понял? Есть настоящие люди, владеющие настоящей информацией, вот от них все и зависит. Кто понимает, что происходит, тот на коне. Это я к тому, что ты можешь копать, если хочешь, разрешаю. Но ничего не накопаешь, а если и вытащишь, то, будь уверен, кому надо, об этом давно знают. А кому не надо, тому не надо. Убили мы действительно Кулькина или не убили, ты никогда не узнаешь. И никто не узнает.

– Да не трогали мы его, – лениво произнес Петр.

– Неважно! Пусть думает, что тронули. Пусть думает, что брата Леню утопили. Ведь думаешь?

– Думаю, – ответил Немчинов.

– Ну и думай. Только молчи. Я же объяснил вам всем: думайте, что хотите, а болтать не надо. Это вредит нашей деловой репутации, а репутация – тоже деньги. А деньги нам нужны, чтобы делать большие, хорошие дела. Кормить детей и пенсионеров. Повторяю: ты никогда не узнаешь, что было и что будет. А мы знаем, я знаю. Ты думаешь, вот эти вот всякие разоблачительные книги о прошлом, передачи по телевизору о теперешних безобразиях, это кто-то куда-то прокрался и что-то узнал? Нет, это ему настоящие люди позволили узнать. Учти навсегда: как только что-то случается, через час об этом настоящую правду уже никто не знает. Ну, к примеру, сказал я тебе, что я утопил брата своими руками. Можешь записать это диктофон. Что дальше?

Немчинов промолчал. Он уже догадался, что дальше.

– Вот именно! – одобрил его молчание Максим. – Ничего дальше. Мало получить какой-то кусок информации, надо еще, чтобы этому куску дали ход. А кто даст? Кто в этом городе попрет на меня, на Костяковых вообще? А? Вот если бы на меня полез человек такой, как я, такой же,

извини за откровенность, умный и сильный, я бы слегка задумался. А ты кто? Ты сейчас только и мечтаешь выйти отсюда – и к жене, к семье. Или в газету свою. Чай пить, статейки писать.

Попал, подлец. Именно этого хотел Немчинов больше всего: оказаться дома или в редакции. И именно выпить чаю. И отбросить, забыть этот дурман, невнятный, но имеющий свою поганую логику, которым опутал его Максим Костяков.

– Поэтому, – продолжил Максим, – терпеть не могу, когда вы лезете во взрослые дела. Право надо иметь, а у вас его нет. Не дают? Не берете! Вот и все. Кровь мы сосем, видите ли. Мы работаем, а вы работать не хотите – если не врать. Вот сел бы ты на мое место?

– Нет. Но по другим причинам.

– Да ладно, по другим. Тут у тебя не будет времени чай пить и о каких-то купцах писать в свое удовольствие. Короче, книгу пишем?

– Да.

– Тогда забирай и иди, мне уже некогда с тобой.

Максим пододвинул Немчинову фолиант.

– Нет. Я другую книгу буду писать. Не о вас, не беспокойтесь. И не про вашего брата.

– А о чем? – насторожился Петр.

– Выдуманную книгу, – ответил ему Немчинов, чтобы он успокоился. – То есть художественную.

– А аванс? – не понял Петр.

– Пусть остается, – великодушно сказал Максим. – Должны же мы помогать творческим писателям писать художественные книги. О времени и о себе, правильно я понимаю?

– Да.

– Я так и думал. Мы его, Петя, наверно, вдохновили. Он хочет написать эпопею о том, как злые люди типа нас погубили Россию. Только не забудь написать, как вы нам помогли. А я потом, найду время, напишу книгу, как злые люди Россию спасли. Потому что злые они были на тех лохов, которые тыкаются из угла в угол и не понимают, что делать. О чем ты будешь писать, Илья Васильевич? Повторяю разницу: мы знаем все, вы не знаете ничего! Вот навскидку назови мне хотя бы одного из главных людей в Сарынске.

Немчинов назвал фамилию губернатора.

– Нет!

Он назвал другую фамилию – крупного чиновника.

– Нет!

– Илья назвал третью.

– Нет!

И четвертую.

– Нет.

– Тогда ты, что ли?

– Угадал. Не самый главный, но из главных. Видишь, что получается. А там, – показал Максим пальцем вверх и в сторону в северо-западном направлении, – думаешь, там яснее? Тот же эксперимент, назови хотя бы пять фамилий, кто всем рулит.

Немчинов, невольно увлекшись, назвал.

– Из трех двое, уже неплохо. А о ком ты подумал, они как раз ничего и не решает.

– А мне такое знание и не нужно, – сказал Илья. – Мне нужно знание о людях вообще, а не о том, кто чем рулит.

– Да ты и людей не знаешь, могу доказать. Хочешь?

Но тут послышался щелчок, раздался голос Лизы:

– Максим Витальевич, Зулин пришел.

– Жду, пусть зайдет. До свидания, Илья Васильевич. А книжку нам Дубков напишет. Будет

счастлив. Успехов на ниве литературного творчества!

Выходя из кабинета, Немчинов столкнулся с лысоватым коренастым человеком, которого он знал – Зулин учился с параллельной группе, ничем не блистал, ходил особняком, а потом, натыкаясь на его фамилию в газетах, в том числе своей, Немчинов удивлялся разнообразию его деятельности: то он директор кинотеатра, то вдруг работает в областном отделе народного образования, то неожиданно становится владельцем кафе на набережной, то выныривает в комиссии санитарного надзора при мэрии, а потом сплошь то начальник какого-нибудь департамента, то замминистра, то руководитель какой-то секции при каком-то отделе какой-то комиссии общественной палаты при губернаторе – и т.п.

Зулин очень удивился, увидев Немчинова, словно его нахождение здесь было чем-то из ряда вон выходящим. Но тут же умело прогнал из глаз удивление и поздоровался с Немчиновым весьма искусно. Не зная, в качестве кого тут был Илья, он придал интонации неопределенное звучание. Если Немчинов тут был как друг, со стороны послышатся обертона приветливости. Если как враг, будут заметны призвуки неприязни.

Жук навозный, невежливо подумал о нем Немчинов.

И тут же добавил: как и я.

(Окончание следует)

Олег ДОЗМОРОВ

***

Кофе, бисквит, пирожок европейский – три пятьдесят.
Трое пернатых с улыбкой злодейской глазом косят.
Ждут продолжения жрачки, банкета. Все его ждем.
Там, на Урале. На краешке света. Здесь, под дождем.
Чем тут заняться, сразу не знаешь. Марш на губе?
Что-то такое тут понимаешь вдруг о себе.
В этой дыре, где повсюду штакетины, розы, кусты,
дождь заживляет от ножниц отметины, вьются цветы.
Что-то улавливаешь в отупении, словно рыбак –
в мартовской проруби в обморожении рыбий косяк.
Что в нем – так, мелочь, не стоит и времени? Окунь, лещ, сом?
Воспоминание гладит по темени, всё об одном.
В ад приглашение, роз подношение? Ямб да хорей.
Видно, элегия не утешение. Лей, дождик, лей.

***

Где жажду лечат сидром, а не квасом,
где грязный мол к ударам волн привык,
где чайка со своим боезапасом,
визжа, пикирует, как штурмовик,
где автомат в полиции устало
захлопывает дверь от сквозняка,
где облака над городом, как сало,
наструганы к дождю наверняка,
где я не знаю утром, пробуждаясь,
куда меня безделье заведет,
и в словаре, как в чемодане, шарюсь
и рифмы подбираю наперед,
где климат предопределил погоду
бездарную на много дней подряд,
благодарю тебя, хоть за свободу,
как за лекарство, не благодарят.

***

Бесчинствуют чайки. Воняет отлив.

Олег Дозморов родился в 1974 году в Свердловске. Окончил филологический факультет Уральского университета и аспирантуру. В настоящее время живет в г. Аберистуит (Великобритания). Публиковался в журналах «Арион», «Воздух», «Волга», «Звезда», «Знамя», «Новая юность», «Таллинн», «Урал». Автор книг «Пробел» (1999), «Стихи» (2002), «Восьмистишия» (2004). Стихи переведены на английский, голландский и итальянский языки.

Проносятся байкеры. Жарятся стейки.
Транслирует радио модный мотив.
С улыбкой слепая сидит на скамейке,
свой сэндвич и колу доев и допив.

Я знаю ее – в восемь сорок утра
она забирается в школьный автобус,
с расправленной тростью, похожа на глобус
в очках голова, предъявляет свой пропуск,
и татуирована змейкой икра.

Идешь, извлекаешь печаль из всего.
Задернуты шторы на третьем в квартире.
Два семьдесят брекфаст и ланч за четыре.
Звук, запах и трость раскладная – о мире
ну что она знает? Почти ничего.

Что чайки голодные громко орут,
что справа трындят мужики по-валлийски,
что путь до автобуса очень неблизкий,
что лист можжевельника пахнет не виски,
а джином, что триста шагов – пять минут?

А я? Что я знаю? Что катер идет,
что море пылает, сетчатку сжигая,
что, дико и страшно открыв детский рот,
с улыбкой встает со скамейки слепая,
что эти стихи никогда не прочтет.

***

Пойдем, пусть второсортная погода,
в пол-окоема взбухшая гроза,
пусть половинка облака-урода
холмам, как кепка, лезет на глаза.

Дойдем вдвоем до моря – глаз успеет
увидеть, как там выключают свет,
как напоследок солнце пламенеет,
за две минуты чтоб сойти на нет.

Как на пустой веранде ресторана
худой британец жадно пиво пьет.
На белых брюках кровенеет рана
и горизонт разрезан, как живот.

За окнами своя драматургия –
тень игрока отклячивает кий.
Я говорю: морская хирургия
кровопролитней прочих хирургий,

хоть все заканчивается без «скорой»
при безучастном свете фонаря
на влажной набережной, над которой
срастаются багровые края.

***

Мармелад в круглосуточном магазине –
вот и брешь у студента в потребкорзине.
Но какая разница, дурачок,
если утренний стоячок,

если ручкой синей абракадабра
на страничке в клеточку расцвела,
поэтические приоткрылись жабры,
волочатся по улице два крыла?

Чудо-юдо – от древнего грека
до семнадцатилетнего человека
гордо тянется ДНК.
Вы – из конторы. Мы – от поэтического станка.

Физиологически все прекрасно,
но зато лирически все напрасно.
Станешь старше – будет наоборот?
Не накаркай, чур тебя, идиот.

Муза русская в зеркале в изголовье
обрывает ромашку – дала-не дала-дала.
Сердце бедное злой типографской кровью
наполняет строф пещеристые тела.

***

В Москве гроза. Здесь – дождь такой домашний,
такой домашний и такой унылый,
сегодняшний такой же, как вчерашний,
позавчерашний, нудный и постылый.

Валяй, гроза, шуми, ломай деревья,
беги, переворачивай рекламы.
Здесь – среди гор забытая деревня,
там – геополитические драмы,

нечеловеческие там пространства.
Здесь – в море перевернутые горы,
тысячелетний быт и постоянство
совсем без счастья и совсем без горя.

О, если бы я мог, я бы бескровно,
не расплескав, предельно осторожно
переместил бы ливень подмосковный
сюда, что абсолютно невозможно.

***

Еще есть час. С дрянным британским кофе
посмотрим, как прилив съедает мол,
как птицам пережаренный картофель
швыряет с пирса местный комсомол.
Идем смотреть, как Гана с Уругваем
гоняют южноафриканский мяч.
В пустой кофейне попереживаем
из-за дурных голов и передач.
На поле не футбол, а пантомима.
Звук выключен – хоть там играй Пеле.
Но в тот момент, когда он мажет мимо
и долго прижимается к земле,
вдруг с грустью понимаю, что напрасно,
наверное, я с музами дружу.
Кто говорил: прекрасное – опасно?
Свисток. Штрафной. Плачу и выхожу.

***

Он нажимает кнопку светофора
и, крылья пряча, робко ждет сигнал.
Ну, подними глаза. Зелёный скоро.
Скажи, мой милый: что ты там узнал?

Что будет там, за гранью разговоров,
после врачей, милиции и слёз?
Не так, как здесь, в ограде, у собора?
Не так, как там, среди крестов и звёзд?

***

Мир несется к пропасти – это ясно, ясно.
Кризис, извержения, нефть хлобыщет в море.
Никакой иронии. Гибельно, ужасно.
Террористы, засуха, человечье горе.

Друг ты мой единственный, будем веселиться:
есть стихотворения, есть кино и книги.
В миг всеобщей гибели горько насладиться
тем, что не предаст тебя. Так намой клубники,

выброси неспелую, нет в ней услажденья.
Модных виноградарей брезгуем бурдою:
только приснопамятных мастеров творенья,
только старой выдержки пьем вино с тобою.

С ним сильней забвение, в нем блаженство гуще.
Время так завистливо – будем с ним играться.
Не тоскуй. У вечности день мимобегущий
вырывай. Так учит нас дезертир Гораций.

***

В пустыне с пальмами, отелями, где дюны поросли травой,
где плесень, плющ и мох густой, и мелкий дождь идет неделями,
где наблюденье за дельфинами, и описание холмов,
которые со всех боков, как ни зайди, друг к другу спинами,
где одинокую симфонию играет бомж у входа в банк,
асошиэл энд вери дранк, где принимают за Эстонию
тебя, моя страна-громадина, «Тайфун» кастрирует простор,
и нежный смог сползает с гор, отдавшихся потомкам Одина.
Он был хитер, как сообщается, но мед немного расплескал.
Я поискал чуть-чуть меж скал, но ничего не получается.
Стою как столб на берегу, слежу за грамотными чайками,
что ходят рядом попрошайками, ни по-каковски ни гу-гу.

***

Лети, мотылек, лети, мотылек,
на новую лампу.
Чтоб ты опалить свои крылышки мог,
стоваттную блямбу

перпендикулярно к окну обращу,
а скорбную требу
сейчас отслужить по тебе попрошу
старушку-Евтерпу.

Она не заплачет, что ей мотыльки?
Ей, в общем-то, пофиг,
что люди, что птички, что в речке мальки.
Подумаешь, подвиг.

Упейся блаженством, коль близится срок,
от гибели млея.
Лети, мотылек, лети, мотылек,
на лампу «Икея».

Феликс ЧЕЧИК

***

В чистом виде поэзия – без
филологии и украшений:
поздней осенью смешанный лес, –
строгость линий и стилей смешенье.

Елью выпито небо на треть
и берёзы озябли нагие,
лишь сорока не может не петь, –
чёрно-белая филологиня.

Два, а может быть больше, часа:
сердце – колокол, время как вата.
Среднерусская полоса
в океане Леванта.

***

Наступила весна со среды
на четверг, – и февраль не у дел,
графомания мутной воды, –
недержание и беспредел.

Но не вздумай читать её – плюнь,
на весенний забей балаган,
а читай тополиный июнь
с выражением и по слогам.

И запомни его навсегда,
как он таял и брал на испуг,
как искрился осколками льда
под-над речкою мартовский пух.

Однокласснице

ты в облегающем трико
после урока физкультуры

Феликс Чечик родился в 1961 году в городе Пинске (Беларусь). Закончил Литературный институт им. А. М. Горького, стажировался в институте славистики Кёльнского университета (проф. В. Казак). С 1997 года живет в Израиле. Публиковался в журналах «Арион», «Волга», «Дети Ра», «Знамя», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Новая Юность» и др. Автор поэтических книг «Мерцающий звук» (1996), «Прозаизмы» (2001), «Муравейник» (2008), «Алтын» (2009).

разводишь «химика» легко
на тройку в четверти амуры
кружат по кабинету и
один из них залётный кстати
бубнит о неземной любви
и неминуемой расплате

***

Запомни меня молодым
и память свою узаконь,
как помнит отчества дым
давно отгоревший огонь.

Дымили сырые дрова,
коптили чужой окоём,
и ты оказалась права,
запомнив меня стариком.

***

Моя расстроенная лира, –
три заржавевшие струны,
не сотвори себе кумира
из очарованной страны.

Как добровольное изгнанье
из райского небытия, –
моих очей очарованье,
глухая музыка моя.

Осень

Теперь она – никто
и звать её – никак:
в задрипанном пальто
и в старых башмаках.

Занюханный прикид
в начале декабря.
Прекрасна, как иврит,
невыученный зря.

***

Измученный правдой,
болезненно точный,
склонился над картой
картограф полночный.

В конце, как в начале:
и слово и ясли.
И карты совпали,
да звёзды погасли.

***

В согласии с самим
собой, который день,
состарившийся мим
изображает тень.

Но, боже сохрани
прожить ещё одну:
у времени в тени
у вечности в плену.

Марина ПАЛЕЙ

Из цикла «Слова исключения»

БРЕМЯ

в юности прыщи
в старости морщины

между тем и этим

поцелуи
пощёчины
слёзы
кислотное чувство собственного достоинства
много косметики

после сезона морщин
обнажается череп
как в самый отлив обнажается берег
становятся зримы
скалы
впадины
скулы
отростки
выросты и наросты
какие-то, боже, бугры и провалы
ухабы и рытвины
и много ещё чего
известного только узким специалистам

она купила на рынке
африканскую маску
поносить перед самым концом вместо кожи лица
маска знает волшебное слово «cheeeeese»
только очень уж чёрная

Родилась в Петербурге. Там же закончила медицинский институт, затем, с отличием, Литературный институт в Москве. Как прозаик дебютировала повестью «Евгеша и Аннушка» («Знамя», № 7 за 1990). С этого момента по настоящее время – множественные публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Волга», «Урал», «Нева» и др. Вышло пять книг прозы в России и шесть – за рубежом. Участие в многочисленных российских и зарубежных антологиях. Проза переведена на английский, финский, немецкий, шведский, японский, итальянский, французский, нидерландский, норвежский, словацкий, словенский, эстонский, латышский языки. Сама она переводила поэзию с итальянского, нидерландского, новогреческого, английского и словенского языков, а также фламандскую прозу. Финалист премий Букер, Большая книга, им. И. П. Белкина. С 1995 года живет в Нидерландах.

ИМЯ

Громадный,
чёрно-венозный,
словно его душили,
с базедовыми глазищами,
дракон огнедышащий,
сын Уганды,

в ноздре –
кольцо племенного быка;
нос дополнительно раскурочен
кокаином и боксом;
в плечах воплотился мощный размах генокода;
мошонка:
табачный кисет слоновьего стада Мбарары
и два бильярдных шара в замшевых лузах.

Сын Уганды,
с нежной татуировкой
на боеголовке члена: шипы и розы;
насмерть стоящий,
размером с полено,
член
с выправкой лейтенанта из Légion étrangère.

Сын Уганды,
задрюченный пасынок
факсово-пипифаксовой,
обдолбанной,
sorry,
объединённой
Европы.

Сын Уганды,
бык и кровавая тряпка в едином тандеме.

Ну, мне бы так и подумалось, именно про корриду, если
была бы я каталонкою – или же астурийкой,
или там андалузкою – или, как её там, кантабрийкой.

Но мне не дано вспоминать о корриде, ведь я –
дочь Соломона и внучка царя Давида, однако
не матерью, но тульскою крестьянкой
я вскормлена
в тех (определенье опустим) пенатах,
где морошки не может никак допроситься
их лучший поэт,
хоть морошки – греби там себе невозбранно лопатой.
Вернёмся однако к событиям той one-night-stand.
Короче,

поэтому,
то есть
по причине моей прошлой жизни,
я вижу,
во время корриды,
совсем не корриду,
а чёткий
вид ветра,
что, в переводе с японского, кажется,
значит
ландшафт:

захезанное,
хотя и застиранное беззаветно
знамя:
дырявую простыню
над осевшим
бревенчатым остовом сельсовета –
и вот,
уже крупным планом,
я вижу древко. Да, древко –
то самое –
в три мужицкие пальца обхватом –
то самое

(нет, там было не древко,
там был черенок
лопаты –
лопаты-копалки, лопаты-долбилки и ковырялки,
тот черенок лопаты,
которым
так глубоко, так подробно, так долго –
словно это проктологическое исследование, то есть
колонофиброскопия с ретроградной илеоскопией –
короче, тот самый как есть черенок,
которым
долбили-долбили-долбили, всем скопом, долбили-долбили-долбили
красивого генерала
в лирико-философском фильме «Хрусталёв, машину!»)...

Но не генерал я, а просто солдат,
хотя в той же самой незавидной позиции,
точнее – в разнообразных позициях, одна незавидней другой,
то есть, если вываливать начистоту,
я есть дезертир,
старлей медицинской службы запаса,
короче, лепило
(кстати, как и тот генерал) –
в силу чего
анатомия, равно как и физиология человека –

нормальная ли, патологическая –
мне быстро надоедают.

По этой же самой причине,
в смысле, от смертной скуки,
к тому же – от жесточайшей бессонницы на фоне отсутствия барбитуратов,
а именно, в 5:17 утра,
я спрашиваю у нелегального негра, как его имя,
хотя бы фиктивное –
или там, nick-name, user-name,

а он, этот mother fucker,
отвечает мне внятно «Idi Amin» – и стреляет себе в живот.

Наверное,
он очень любил Бертолуччи.
Короче,
я не успеваю оказать ему медицинскую помощь,
а, самое главное,
я так и не успеваю ему сообщить,
что меня
зовут
Anabella.

ПЛАМЯ
(МОРОЗКО, римейк)

сказка

Что, девчушка,
яблочко-погремушка,
ладно ли будет,
коли отца засудят?
Отчим тебя – ну лупить-колотить!
Не заступятся люди!
Да и мама тебя перестанет любить.
Тепло ль тебе будет?

– Тепло, Господь-батюшка.

Что, молодица,
до пят косица-пшеница,
плат голубой до бровей,
что будет, коль молодец въяве приснится
цыганских кровей,
иль хуже того взблазнится –
куда уже хуже! – еврей.
А ты и помыслить о нём не смей.
Тепло ль тебе будет?

– Тепло, Господь-батюшка.

Что, молодайка,
кофта – бархатная размахайка,

пышная юбка – сплошь маки-цветы:
в тяжести ты.
Ох, горе позорное: семя не мужа –
муж-то бледен, смертельно недужен –
а бровастого борова-свёкра –
от слёз твоих горьких в горнице мокро,
всяк мозгляк зубоскалит,
всяк, подъелдыкнув по-крысьему, судит...
Тепло ль тебе будет?

– Тепло, Господь-батюшка.

Что, вдовица,
как жива ты? – есть чему удивиться.
Отрада-сынок угодил в аты-баты,
в эти, как их, в стройбаты,
а дочурка-оторва под мужиками уже побывала –
даже допреж того, как девицею стала,
да не задаром, ещё похлеще, – за баксы,
накупила себе макияжу-ваксы –
насандалила очи – что чёрные кляксы –
и рванула к брату, к «стройбату» –
раздвигать ноги в казармах за плату –
а то и за так – небось, не убудет.
Тепло ль тебе будет?

– Тепло, Господь-батюшка.

Что, старуха,
мохом поросшее ухо,
в ямах глазниц – считанные денёчки,
в пещере рта – чёрные черви-пенёчки,
слизисто-серый синюшный язык
от пищи домашней давно отвык,
в черепе, под платочком, – одни лишь тире да точки.
Страшны твои дни!
Страшнее дней – твои ночки.
А я – ещё холоду тебе наддам да прибавлю!
А ну как бездвижной тебя оставлю!
А ну как ходить под себя мочой-калом заставлю!
И такой уж смрад пойдёт от тебя, иссохлой,
и такой уж дух истерзает тебя заклёклый,
что могила тебе покажется тёплой.
Ну что, тепло ли тебе *теперь*, красна девица?!

– Тепло, Господь-батюшка.

ТЕМЯ
(и чем на него капают)

Группа учёных из Мичиганского университета (США)
открыла,
что процесс дыхания
наносит здоровью человека непоправимый ущерб.

Имеется в виду не загрязнённый воздух,
то есть не air pollution,
а процесс дыхания как таковой,
запущенный с первым ветхозаветным вдохом:

регулярное сокращенье дыхательных мышц;
набуханье гроздей винограда
в тайниках прозрачной под лучами рентгена
грудной клетки;
щедрое кислородное насыщение артериального кровотока,
механизм аэробного окисления тканевых клеток.

Каждый вдох ведёт нас, –
заключили учёные в своём научном отчёте, –
на шаг ближе к смерти;
каждый выдох –
это ещё один шаг в том же самом направлении.
Если бы человек отказался от вредной привычки дышать,
он был бы вечен.

Такого же мнения придерживаются их коллеги
из Утрехтского университета (Нидерланды):

Het leven brengt u
en anderen
rondom u ernstige
schade toe.
Het leven is dodelijk.

Uw arts of uw
apotheker
kan u helpen
te stoppen
met leven.*

СЕМЯ

Родители?
Но, в сумраке старея,
Горбаты, узловаты и дики,
В меня кидают ржавые евреи
Обросшие щетиной кулаки.

(Э. Багрицкий. «Происхождение»)

** Жизнь приводит вас и окружающих к серьёзным повреждениям. Жизнь смертельна. Ваш домашний врач или аптекарь могут помочь вам освободиться от этой вредной привычки. (Чуть изменённая надпись на сигаретной пачке. – Автор.)*

Точка старта была в пустоте,
в темноте, в глухоте, в похабени –
словом, были условия те,
при каких пробуждается гений.
Вон Спаситель: родился в яслях,
где лишь иней махрился в щелях.
да ослицы дрожали в соплях.

То есть – слёзы, и свары, и срам,
и морковки плешивая грядка –
катапультой сработали там
в пустоту, но иного порядка.
Прикасаясь *устами к устам,*
отвратил меня кровный бедлам,
чтобы впредь – неповадно ногам.

Долго я согревалась во льду,
словно устрица перед банкетом,
добавляя для понта звезду
кабакам с негритянским балетом,
здравый смысл поправ на корню.
И кипела сисястая ню:
моё имя синело в меню.

После – звёзды голландских глициний
забивал сорняками Рунет,
и я буквы крала из латыни,
на замок заперев кабинет.
И с кувшином (долблёною дыней)
за водой отправлялась в пустыню,
где мне в кайф миражи и поныне.

А на старте – лишь пар от помоев,
вечер, кладбище старческих лиц,
но зато я в затёртых обоях
зрила лики невиданных птиц.
И олени брели к водопою,
прячась в коврике, что надо мною
их спасал домотканой ценою.

Но, сначала, девчонкой в Сезаме,
погибала зазря красота,
льнули к дауну финские сани,

и в нокдаун вела немота.
Дифтерит, синяки под глазам...
Цыц, Багрицкий! Мы сами с усами –
идиш, вши, нищета.

ПУТЬ
(Я ВЕРНУЛАСЬ В МОЙ ГОРОД)

питерская песенка

Плывёт хозяйкой чайка-пташечка
на отшвартованном борту.
На мне тельняшечка-рубашечка
и зубы белые во рту.

Ох, паруса мои, обновочки!
Бурлит шампанское в реке.
На сердце сплошь татуировочки –
Все на нерусском языке.

– К чему – музычка подзаборная,
блатняцкий лагерный стилёк?
– Так ведь загробье забугорное –
за Стиксом, чуть наискосок...

Ох, паруса мои, обновочки!
Бурлит шампанское в реке.
На сердце сплошь татуировочки –
Все на нерусском языке.

Подельнички, мир праху вашему!
Кому *спасибо* ввек должна,
свой лоб рассаживая заживо? –
За всех вернулась я одна.

Ох, паруса мои, обновочки!
Бурлит шампанское в реке.
На сердце сплошь татуировочки –
Все на нерусском языке.

А триколорную полосочку
полощет по ветру флагшток...
Невы свинцовую причёсочку
целую в каждый завиток...

Ох, паруса мои, обновочки!
Бурлит шампанское в реке.
На сердце сплошь татуировочки –
Все на нерусском языке.

October, 2009

Александр ТИТОВ

КОТ МАРС

Повесть

Барские замашки

Соседка Грепа, хлопотливая бабка, не дает покоя Пал Иванычу, часто приходит к нему с разными пустяками. И часто в главные минуты его раздумий, направленных на смысл всей его жизни – освобождение человечества.

Вот и сегодня явилась с утра часов в семь, когда ветеран по своей пролетарской привычке еще спал, и говорит, не поздоровавшись:

– Возьми, Павлик, сабе котика, а то он издыхая.

– Зачем мне твой дохлый кот?

– Он не мой, от дачников остался.

– Ну и хитра ты, Агреппина: хочешь, чтобы я на исходе своих революционных лет возился с кошками и прочими шерстяными тунеядцами? Тебе-то чем не хорош этот брошенный кот?

– Всем хорош, только болея, издыхая мой котик...

– Прочь с моих глаз, глупая старуха! Чтобы я, полный прогрессивных замыслов, а также читатель газет, занимался лечением каких-то деклассированных котов?

– Возьми яво, Пал Иванов, ведь ты у нас вечный дедушка, у тебя усё получаетца!

– Я не кошачий доктор, лечить животных не умею.

– Зато человек ученай, больших начальников вживую видал, от тебя вешшая сила исходить!

– Никакой нечистой силы во мне нет, ты, баба, в этом вопросе не заговаривайся, во мне есть один только материализьм! Ты бы, лучше, старуха, чекушечку для меня организовала, а то я со вчерашнего больной.

– А вот табе и чякушечькя, как же... тово самое... приготовила... – Грепа с загадочным выражением лица извлекла из фартука маленькую бутылку, наполненную мутной жидкостью, заткнутую пивной пробкой.

Пал Иваныч подтянул ремень на тощем гимнастерочном животе, взял мутноватую чекушку, откупорил ее о край стола. Разговор про кота переменился, теперь бабка была уверена, что старик «примя меры» и кот выздоровеет.

– Где существо? – осведомился старик, наливая себе порцию самогона в алюминиевую кружку.

– Тама, в сенцах, в кошелке ляжить. Он хоть и больной, но чижолый, насилу доташшила – ох и здоров!..

Грепа сходила в сени и, постанывая, причитая, принесла кошелку с котом.

Александр Титов родился и живет в селе Красное Липецкой области. Автор шести сборников рассказов и повестей, выходивших в разные годы в Воронеже и Липецке. Публикации в журналах «Подъем», «Север», «Новый мир», «Новый берег», «День и ночь», «Зарубежные записки». С 1990-х годов постоянный автор журнала «Волга»

Пал Иваныч тем временем выпил самогонки, крякнул и уже закусывал каким-то странным остаточным сухарем, похожим более на кусок засохшей глины, нежели на съедобное вещество.

Грепа, заметив это, вздохнула. Она поняла, что прокормить кота старику будет непросто, придется ему помогать. Не жалко ни творога, ни молока, ни покупной колбасы – лишь бы котик поправился в полуголодном режиме Пал Ивачевой хаты.

Кот – тощий, длинный, желтый – лежал на дне корзины и большими синими глазами вопрошающе смотрел на два морщинистых старческих лица, склонившихся над ним.

– Ну что, рыжая контра, худо тебе? – спросил старик.

Кот печально моргнул.

– Ты с им поласковей! – попросила старуха. – Я и табе и яму каши и молока принесу – обои покушаете!

– Тащи! – разрешил старик.

Но бабка Грепа уходить не торопилась, все рассказывала историю кота, с такими взмахами рук и улыбчивым интересом лица, как если бы это был человек. Ведь как всё необыкновенно получилось: к Грепе на лето приехала из Москвы племянница с детьми: две девочки и один мальчик, который очень шебутной, вот вырастет и будет таким же колготным, как и Пал Иваныч. А привезли они с собой толстенького, круглого, как мячик, рыжего «загранишного» котенка – вот этого самого, который вырос... Котенок не простой, на кошачьем базаре купленный, с паспортом и родословной.

– Получается так: дети уехали, и барские замашки кота кончились, стал он безымянным кошачьим пролетарием! – хохотнул Пал Иваныч, довольный тем, что хоть кто-то в этом обуржуазившемся мире разделил его полунищую судьбу.

Но он-то Пал Иваныч, жизнь пытался переделать на справедливых основах, а кот так и остался существом бесполезным даже в мышином отношении, потому что коты плохо ловят мышей, и вообще они ленивые паразиты на свете. Одна от них польза, но существенная – можно погладить по гладкой шерсти в минуту задумчивости, потеребить тонкие мягкие уши, почесать забавный кошачий подбородок, поднятый в позе минутной преданности хозяину (коты ведь они сами по себе!), помять круглый пуховый живот...

– Такой он был харошенькай, ну прямо светяшшийся котик, красивай, будто прынц! И пачпорт при ём с медалями нарисованными, до сих пор у шкапе ляжить!

– «С медалями», «ляжить»... – вновь разгневался ветеран. – Ты мне еще про генеральские погоны расскажи... Все эти «прынцы» – контра и враги народа!

– Остынь, батюшка, не ругайси почем зря, послухай сюды-то... У котов другая жизня, не человеческая, а простая... – Теперь уже бабка на Пал Иваныча прикрикнула и даже притопнула ногой, обутой в широкую галошу на шерстяной носок.

Старик от такой смелой ее выходки притих и начал вновь усиленно жевать неподдающуюся хлебную корку.

– Дети баловали котика, кормили какими-то специяльными кубиками и шариками, на базаре колбасу дорогую покупали, и чем они яво толькя не потчевали...

– Ах, вот оно что! – Старик яростно топает старым хромовым сапогом по немытому полу. Медная проволочка, с помощью которой подметка крепилась к сапогу тихо дрынкнула, подметка опять отвалилась и стала хлябать по доскам пола при малейшем движении – вот сколько хлопот

и раздражения из-за котовской хари! Даже дети обуржазились в процессе игры с дорогим рыночным животным под старинным дешевым названием «кот»! Ветеран припоминал: бродил по соседской крыше рыжий лохматый шар размером с собаку, поглядывал презрительно на бедно одетого старика, и такие высокомерные круглые глаза были у этого кота, будто он и был главным представителем мирового капитала...

Наклонившись над корзиной, старик добавил уже более миролюбиво:

– Что, хреново тебе, лохматая мордуленция?

– Ты, старый идол, не ворчи, слухай, что я тебе скажу!.. – опять приставала с разговором бабка. – Котик рос, бегал где попало, и от деревенской грязи завелися у ём глисты, племянница взялась яво лечить, накупила разных таблеткав, стала ими котика беспрестанно пичкать. И так залечила, что от етих таблеткав усё кошачье нутро задеревенело, кишки перестали работать. И ничего он, беднай, ни кушая, даже колбасу по сто пятьдесят рублей за килограмм, сметану домашнюю отвергая, ни разочку не лижа, и совсемочки не нюхая... Таперича гости уехали, а котика мине оставили, и даже не поплакали по ём, хоть он и помирая.

– Как это «помирая»? – хмыкнул старик, наливая себе в кружку вторую порцию. – Кто произнес это глупое слово – «помирая»? Коты – предметы живучие! И ты, товарищ бабка, должна вполне это знать.

– Коты живучие, но этот городской, загранишнай, считай прынц по пачпорту!.. – всхлипнула Грепа. – Ничаво не жрёть, хоть ты пропади совсем! Я ему из пипетки молоком в рот капаю – тем и живёть пока...

– А я что буду делать с ним? – Пал Иваныч морщился от выпитой самогонки, снова припоминая насчет закуски, которой в доме совершенно не было. – Неси, старая, кашу и молоко, а то я тоже начну умирать в качестве голодного субъекта.

Старуха принесла ему каши в алюминиевой небьющейся миске и молока в старинной глиняной махотке.

Ради пробы бабка налила молока в пустую консервную банку, валявшуюся на полу, но кот даже не пошевелился, и равнодушно моргая, лежал возле порога, собирая остатками пуха живота натоптанную домашнюю пыль.

Пал Иваныч взял кота за шкирку, потыкал мордой в молоко. Но кот даже не открыл пасть, а только фыркал.

Поохав, бабка собралась уходить по своим домашним делам, а ветеран решил вызвать на помощь своего друга, старого фельдшера Николая Августовича Келлера. Сама Грепа была с семейством Келлеров в неважнецких отношениях с тех пор, как поругалась с его женой из-за кур. Ради будущего приглашения Келлера Грепа вынула из большого кармана фартука еще одну чекушку – для угощения «дохтура».

– Николай Августович не доктор, а фельдшер, он давно уже пенсионер, и, хотя животных он не лечит, я его уговорю! – пообещал старик.

– Пушшай хоть осмотрит котика и лекарству ему выпишет! – вздыхала Грепа. – Иди к яму быстрее!

Она ушла, а Пал Иваныч, разморенный чекушкой и закусивший хорошей, хотя и холодной рисовой кашей, а также съев коляску колбасы, принесенной Грепой специально для кота, прилег на топчан и проспал до обеда.

Кот в это время дрожал от болезни в кошелке, поставленной на лавку.

Келлер

Спустя два часа старик встал, подвязал отвалившуюся подошву на сапоге новой и очень даже красивой медной проволочкой, отпил немного молока, поморщился и пошел к фельдшеру.

Идет ветеран по тропинке, опирается на палочку, оглядывается по сторонам: в поселке всё по-старому, только вместо паровоза так же заунывно и протяжно гудит за лесом тепловоз. Вот мальчишки бегают с мобильными телефонами, которые на самом деле есть простые коробочки – эти коробочки кукарекают, в них надо говорить разную ерунду, как по настоящему телефону.

Дом бывшего фельдшера неподалеку, Николай Августович в тот день и сам болел, и, когда Пал Иваныч зашел в дом, то увидел, как хозяин растирает свои белые тощие бока какой-то вонючей дрянью.

Пал Иваныч приветствовал его с хмурым видом, для вежливости придержал козырек полувоенного тряпичного картуза:

– Ты, товарищ Келлер, оказывается, тоже хвораешь, чем роняешь свой авторитет советского целителя.

– Доктора имеют возможность также болеть, я более тем простой фельдшер! – обернулся из-под собственной процедуры Николай Августович. Он всегда говорил немного в нос и как бы с акцентом, переставляя в предложениях слова, хотя родился и всегда жил уже в России, а его отец был пленным обрусевшим австрийцем первой мировой. – Я учился быстро на курсах, людей в деревне лечил, почти самоучка.

– Не скромничай, Николай Августович, ты прекрасный доктор, к тебе до сих пор народ обращается!

Келлер, довольный похвалой, как-то забавно шамкнул ртом, надел на растертое блестящее тело синюю рубашку в складках, начал медленно, на ощупь, застегивать пуговицы. Затем взял с вешалки серый двубортный пиджак, медленно водрузил на голову фетровую шляпу и напомнил жене, что-то делавшей в чулане за занавеской, чтобы она покормила поросенка, потому как он уходит к больному.

Из-за печки вышла Келлерова старуха, как две капли воды похожая на Грепу, в таком же неряшливо повязанном платке, молча кивнула: ей хотелось расспросить Пал Иваныча, кто там у него заболел, но муж в течение долгой жизни отучил ее от лишних слов.

– Лечить будем кого? – спросил Келлер.

– На месте узнаешь... – загадочно ответил Пал Иваныч.

Оба старика не спеша идут домой к Пал Иванычу.

Келлер обходится пока без трости, ветеран опирается при ходьбе на самодельную ореховую палку. Он, как всегда, вышагивает с гордым видом, вскинув голову и оглядывая всё вокруг. Келлер задумчив, голова его по привычке наклонена, взгляд рассеян.

Пал Иваныч пытается разговорить Николая Августовича на мировые революционно-политические темы, но фельдшер угрюм, в его лице нет никаких мыслей.

Пришли в дом к Пал Иванычу, и фельдшер, сняв пиджак и закатав рукава рубашки, по привычке помыл руки под звякающим рукомойником, прибитым разболтанными ржавыми гвоздями к стене, хотел попросить полотенце, но, взглянув на Пал Иваныча, передумал и вытер руки о влажную тряпку, висящую возле рукомойника на ржавом гвозде.

Затем Николай Августович приступил к осмотру кота, которого Пал Иваныч вынул из корзины и разложил для удобства процедуры на расстеленную газету. Пощупав коту живот, Келлер

вздохнул, обнаружив твердые комки неработающих внутренностей. Он открыл животному пасть, осмотрел слизистую оболочку – она была не розовая, но болезненно-фиолетовая, в белесых пятнах.

– М-да... – многозначительно произнес Келлер.

Пал Иваныч с выжидательным прищуром смотрел на него.

Фельдшер строгим голосом, чуть покачивая пальцем, округляя яркие синие глаза, произнес заключение:

– Животное совершенно отравлено лекарствами происхождения непонятного, в результате не представляется возможность лечения медикаментами... Обращайтесь к народным средствам, уважаемый!

– К каким же таким средствам? Я теперь ни во что «народное» не верю!

– Почему же такое?

– Да потому что народ перестал производить революционные действия после гражданской войны и впал в «идологическую» спячку.

– А-а-а... – дипломатично протянул Келлер, напуская на лицо вид человека, совсем не разбирающегося в отвлеченных проблемах. – Народного лечения смысл и вещества вам, дорогой Пал Иваныч, подскажут знахари, вы с ними поддерживаете, мне насколько известно, отношения дружеские.

Действительно, был еще в поселке знахарь – дядя Михай, но тот пользовал в основном пожилой народ, а тут кот – животное!..

В голосе фельдшера прозвучали ревнивые нотки. Пал Иваным между тем напряженно думал: кто сможет вылечить кота? Тем не менее, Келлер прописал настойку из трав – надо сходить в аптеку и заказать ее.

Появилась вечно хлопотливая Грепа, принесла старикам добавочную чекушку. А еще яичницу на горячей сковороде, придерживаемой фартуком, а также отварила кусок вчерашней колбасы, предназначенной для подкрепления кота.

Обед прошел скучно, потому что Келлер на политические темы разговаривать не любил, а все местные новости были озвучены Грепой, наблюдавшей с лавки за трапезой стариков.

Лечение

За лечебной микстурой в аптеку старик забыл сходить, к тому же деньги, выделенные Грепой на лечение, он потратил на пиво.

В этот и последующие дни он решил лечить кота голодом. Дает ему с утра пшенную кашу с кислым молоком:

– Не хочешь? А под трибунал за уклонение от пищи не желаешь ли пойти? – И вновь кладет животное в угол хаты на коврик.

– Ты его совсем заморил...– Грепа тихо плачет, присела на лавку. – Сходи что ли, к знахарю Михаю, он травками да приговорами лечит.

– Ну вот еще, буду я по лесам бродить, колдунов искать... Вдруг я уйду, а мне почтальонка пенсию принесет?

Довод резонный, Грепа молчит.

Пал Иваныч почесывает в тощем пуховом затылке удлиненной дынеобразной головы: кота все-таки лечить надо. И так уж за него магарыча выпито порядочно. Ворчит:

– Из-за тебя и твоего кота, бабка, я совсем забросил чтение газет...

Старик в прежние дни любил ходить в библиотеку, где читал все газеты подряд, и, начальственно щуря глаза за толстыми стеклами очков, ругал как мировую, так и современную российскую буржуазию. Оставшись без чтения и ощущая болезненную пустоту в голове, ветеран жалуется больному коту на разнообразные мировые проблемы.

Кот смотрит на старика печальными глазами, от голода и требовательных речей старика он начинает понемногу есть. Солидную роль в лечение кота играет валерьянка, за которой Грепа была специально командирована в аптеку. Животное постепенно выздоравливает, спустя неделю уже довольно резво прыгает на тощую грудь лежащего на топчане Пал Иваныча, заглядывает ему в глаза.

– Колбасы у меня, усатый товарищ, не получишь ее за отсутствием таковой!

Старик понемногу привыкает к коту, иногда гладит его темными, изломанными в давних пытках пальцами.

– Не подлизывайся ко мне, представитель домашней живности! Прынцем тебя все равно не назову из прынцыпа! – шутливым тоном произносит ветеран. – Но ты мне объясни: в чем же твоя кошачья ничтожность и одновременно незаменимость малого существа? Почему народ в целом любит и одобряет кошек?

Кот молчит.

– А назову-ка я тебя Марсом! – говорит задумчиво старик. – Ты такой же молчаливый, как эта загадочная планета!

Иногда Пал Иванычу казалось, что кот умнеет от простого сочувствия к старому человеку, особенно когда ласкается, скользя по дряблой стариковской коже пухом прислоненной шарообразной головы с мягкими ушами, его мурлыканье почти как слова.

«Обязую тебя организовать речь!»

– Коты все должны быть говорящие! – назидательно произносит Пал Иваныч и поднимает вверх кривой указательный палец – Как в сказке. Я ведь знаю, что при коммунизме все люди и животные будут равны в общественном положении!

Грепа сидит на лавочке, она раздобыла свежего творогу. И старуха, и Марс, сидящий на лавочке, настороженно смотрят на усохший командирский палец Пал Иваныча.

Старик с загадочным видом достает из шкафчика круглую коробку из-под дореволюционного монпансье, съеденного неизвестно кем. Коробочка почернела от ржавчины, но все еще хранит рисунок трактирных розочек и диковинных зверей, вставших на задние лапы.

– А вы знаете, что в этой коробочке? – спросил старик, поворачивая голову то Грепе, то к Марсу.

Те переглянулись: откуда им чего знать?

Ветеран объяснил, что этот «научный» порошок, хранящийся в коробке, приготовил по его заказу в 19-м году пленный питерский ученый, который занимался разными опытами в сарае под замком, там же он изготовил из подсобных материалов данный порошок, благодаря которому звери смогут понимать человеческий язык. Таким образом, еще в те времена Пал Иваныч собирался привлечь звериный и прочий окружающий мир на большевистскую сторону и отстоять в классовых битвах интересы российского, а затем уже и мирового пролетариата.

Старик осуждающе взглянул на кота:

– Ты, братец, выглядишь как шерстяной буржуй, я научу тебя с помощью порошка говорить политическим языком! Выпишу с пенсии нужные газеты, и ты будешь мне их вслух читать.

Зеркало

В похмельные минуты, когда нет сил сходить за самогонкой к Паучихе, в старом зеркале, если в него долго смотреть, возникает темное, в колючках серебристой щетины удлиненное морщинистое лицо. Это означает, что в данный момент количество зла в зеркале превышает норму, и оно, это таинственное зло, черпается из глубин зазеркалья.

Откуда же взялось желтое, в трещинах, зеркало в бедной и приземистой деревянной хате? Овальная резная рама с завитушками сделана старинным дорогим мастером. С рамы за минувшие десятилетия осыпалась чешуйками краска, на голой древесине обнажились крохотные, размером с маковое зернышко, ходы жучков-древоточцев.

Пал Иваныч помнит отчетливо: зеркало еще в позапрошлом веке висело в доме барина Тужилова, дворовый мальчик Павлушка каждый день протирал его замшевой тряпкой, разглядывая свое отражение, раскрывал от удивления рот. Он мог часами смотреть в это зеркало, как нынешние дети засматриваются на экраны компьютеров, но старший слуга метелкой прогонял Павлика на кухню.

Тогдашний ученый-самоучка по фамилии Очаяев, друг Тужилова, провел над зеркалом эксперимент: удалил прежнюю серебряную амальгаму и залил стекло с обратной стороны другим зеркальным составом, сваренным в реторте на медленном огне из сплава ртути и загадочных порошков, присланных ему из Германии алхимиком Стопариусом.

После этой операции зеркало самым утопическим образом стало выдавать пейзажи далекой справедливой жизни, показывать колонии счастливых поселенцев, занимающихся общественным трудом и поровну распределяющих прибыль. В зеркале стояли красивые ажурные башни, посредством которых люди зазеркального коммунизма обменивались правильными мыслями.

Усадьба барская в восемнадцатом году была сообща разгромлена здешними крестьянами, а зеркало неведомым образом очутилось в хате активиста Павла. Спустя десятилетия зеркало ему надоело, много раз Пал Иваныч собирался выкинуть его на помойку... Но не выкидывает, и по утрам, особенно с похмелья, он встает и по привычке заглядывает в зеркальную шевелящуюся пучину, потемневшую до штормовой синевы, как в сказке про золотую рыбку.

Кот Марс трется о подрагивающие босые ноги старика, торчащие из кальсон, словно желтые куриные лапы, затем вскакивает на табуретку и тоже смотрится в зеркало – отражение потолстевшего кота оживляет потусторонний хмурый пейзаж, радужным уголком зеркало захватывает башню связи, видную из окна хаты.

Вот опять старика овевает прохладный ветер, летящего из зеркала.

Марс топорщит шерсть, раздувает хвост, шипит, раскрывая алую пасть с белыми зубами.

Летят вместе с ветром холодные, колкие, как снежинки, невидимые частички зла. Оттуда то и дело высовываются острые акульи морды и откусывают своими желтыми зубами сочные куски

материалистического мира, который не в силах сопротивляться им даже диалектически. И как ни колдуй, как ни проводи дрожащим пальцам по пыльным трещинам желтого стекла – возврата к прошлому нет. Кто же вернет зеркалу его коммунистические свойства? Жив ли за границей алхимик Стопариус?

Грепа заходит в хату, ругает Пал Иваныча, уставившегося в зеркало:

– Что же ты идол старорежимнай, никак не поймешь, что жизнь обратный поворот сделала? Мы люди простыя, нам надо жить сабе поживать, и про большие дела не рассуждать, а ты все чевой-то ворчишь. Заладил: «Башня, башня...» А што твоя башня? Она тоже, ведь, другая, не тогдашня, а сегодняшняя...

Кот спрыгивает с табурета, бежит, шлепая лапами, к Грепе.

– Ах ты, умный Марсик, я табе куриных косточкав принесла... – ласково приговаривает старушка, кладет в кошачью миску припасенный гостинец.

Старик отворачивается от зеркала и садится за стол. Он уверен, что Грепа принесла ему гузку от вареной курицы – самое мягкое мясо для его беззубого рта. А вот и мясо! И не только гузка, но и куриная шея, которую старик любит обсасывать, косточки он плюет прямо на пол – Марсу.

– В зеркале я оппортунистом выгляжу по сравнению с башней... – вздыхает он, после того как обглодана последняя косточка, теперь уже хрустящая в крепких зубах Марса. – Но я, товарищ Грепа, оппортунист вынужденный, по старости. И я вовсе не уклонист, потому что рассуждаю вполне общественно!

Грепа ушла, а старик сходил к Паучихе, купил на последние пенсионные поллитру, заткнутую газетной пробкой, поставил на стол, отдышался.

Зеркало зависло в простенке хаты неспокойным штормовым морем, ветеран торопливо наполнил толстостенную рюмку, сохранившееся также с барских времен. Рюмка похожа на лампадку, и это немного смущает материалистического старика, однако другой посудины под рукой нет, и он торопливо выпивает ее содержимое.

Затем не выдерживает и снова встает, подходит к болотистой желтизне зеркала. Там качается какой-то смысл, он постепенно становится светлее, на фоне каких-то зданий проступает отвратительное лицо, на котором Пал Иваныч угадывает философические оттенки зла. Пенсионера овевает зеркальный холодок противной истинности.

Время в зеркале то ускоряется, то замедляется. Радуга, рожденная в уголках зеркала, медленно ползет по бедной комнате.

«Откуда она берется, эта волшебная и вечная молодость зла?» – размышляет старик.

Доглядевшись до полностью самого себя после пяти стопок, старик малость свихивается с ума.

– Проклятая Паучиха, опять подсунула вместо хорошей самогонки какую-то «Максимку»! – ворчит старик, но, тем не менее выпивает еще одну стопку. – Зато дешево, как при социализме! Почему со мной в данный момент происходит невероятное? Или само по себе бывшее барское зеркало дурит?

Пал Иваныч будто поневоле разглядывает свое отражение, которое ему не нравится, он таким себя не признает.

Глубины зеркальности колышатся, темнея и густея вдали, будто волны из киселя.

Второе «Я» смотрит на Пал Иваныча и словно бы издевается над ним. Да это же он, дворовый мальчик Пашка, одетый в залатанный армячок и обутый в лапти.

«Нет, это не я, а бесенок какой-то... Ведь я уже в детстве учился социалистическим идеям у нашего учителя по фамилии Отчаев!»

Старику хотелось выковырнуть свое отражение и надавать ему тумаков.

– Не смейте называть меня оскорбительными словами! – запротестовало отражение. – Я требую, чтобы меня называли «господином»!

– Ишь ты какой!.. – злорадно хмыкнул старик. – Расплодились после перестройки типы, которые хотят, чтобы их называли «господами»!

– Дело не в слове «господин» а в том, что оно означает признак современной цивилизованности! – пискнуло отражение.

– Знай же, бесовская рожа, что, пока жив я, старый потомок русских крепостных крестьян, подобное обращение в корне недопустимо! Тени Бакунина и Отчаева еще долго будут бродить по России! Вот помру, тогда делитесь себе на рабов и господ, как хотите!

Рама скрипит, пучится, дышит деревянными цветами, тленным духом мельчайших насекомых, проточивших в ней едва заметные, с игольное ушко, ходы, умерших по окончании века в своих достигнутых пещерках.

Бес не один раз уговаривал старика войти в зеркало и таким образом вступить в партию зазеркальности, сделаться другим человеком.

– Ваше бесовское мнимое царство мне ни к чему? И ты мне призрачные идеалы не разводи, я в тебя, идола отраженного, не верю!

Легче войти в чужие сени, чем в собственное зеркало, к тому же ветерану надо идти на собрание ветеранов райцентра. Бес зеркала исчез, а само зеркало потемнело, в нем будто зеленая вода дрожит.

Кот Марс тоже смотрится в зеркало, трется о босые куринообразные ноги Пал Иваныча. Улыбающееся пуховое существо словно бы готово заговорить человеческим голосом.

Голод вернулся

– Дяхволт объявили, слыхал? – бабка Грепа опять объявилась, в хороший теплый денек без привычного «зрастья вам, суседушко» перевалилась через порог в своем мешковатом платье, трясущаяся и бледная, словно принесла весть о войне.

Старик в это время дремал на топчане, на груди его вздымалась раскрытая толстая книга Маркса – любимое чтение ветерана. В «Капитале» он не понимал ни строчки, но в доме его держал, точно так же как Грепа держала в своей хате Евангелие, которое она иногда нараспев читала, не

вникая в смысл слов.

В ногах ветерана дремал кот, и тепло от накормленного животного шло к желтым ороговевшим пяткам старика. Было такое ощущение, что ветеран не дышит, и Грепа долго и с обычным испугом долго вглядывалась в его морщинистое, как у мумии, лицо: неужто преставился?

Кот шевельнулся первым, открыл светящиеся круглые глаза, уставился на Грепу. Старик вслед за котом вопросительно взглянул на старуху.

– Дяхволт объявили! – повторила Грепа. – Уставай...

– Пошла ты к энтой матери со своим «хволтом»? – осерчал ветеран. – Не мешай обдумывать крушенье матерьялизьма.

– Дурак ты, Пал Иваныч, хоть и толстые книжки читаешь.

– Какой еще «хволт», чего ты опять выдумала?

– Вот табе и чаво... – старуха горестно села на лавку у двери. – Голод будя, аль конец света. Вот табе чаво – башка твоя упёртая, жалезная!..

Кот продолжал лежать в ногах Пал Иваныча, зевал.

Грепа приветливо кивнула Марсу, она все еще по привычке считала его своим. В доме старухи теперь жили две кошки, Даня и Маня, из-за которых Марс воевал с другими котами. Когда Марс с воплями гнал чужих котов, Пал Иваныч одобрительно кричал снизу: «Гони, марсианин, кошачью анархию! Долой рыжих и лохматых оппортунистов! Да здравствует Марс – кот космического масштаба, животное революционных кровей!»

Однако кот как был индивидуалистом, так и остался! Только бы ему лопать пищу да спать на коврике.

– Ну я пошла, что ли?.. – Грепа, держась ладонью за спину, встала с лавки, огорченная тем, что весть о «дяхволте» на ветерана никоим образом не подействовала. Да и что мелочные «дяхволты» человеку, участвовавшему в конных сабельных боях с классовым врагом!

Грепа подошла к топчану, наклонилась над пахучими ногами старика, взяла кота на руки, с трудом разгибаясь от тяжести, перенесла животное на сундук.

– Посиди тут, милок, а я твой коврик вытрясу.

Коврик был очень пыльный, в рыжей шерсти, бабка с удовольствием вышла из затхлой непроветриваемой хаты во двор, вытрясла кошачью подстилку. Такие самодельные коврики, сплетенные из разноцветных лоскутков, клали в старину в крестьянских хатах на земляные полы, эти коврики называли в народе «махрятками». Бабка трясла коврик, а сама думала про Пал Иваныча: «Пенсию старый дурачок пропил, на чево ему таперя жить, – вот и уся политика такейная! Картошка, слава богу, подросла, огурцов на грядках вдоволь, помидоры краснеют. Удобное для дехволта время выбрали, без картошек было бы совсем голодно».

Вернувшись в дом, Грепа постелила коврик на место, переложила на него тяжелого Марса, разглядывающего ее своими сонными глазами.

К вечеру ветеран решил перекусить. Взял ржавую лопату, пошел на огород, начал копать картошку.

Прицелившись под куст лопатой, надавил на вихляющуюся рукоятку, пожелтевшая картофельная ботва качнулась, завалилась набок, на почве, как на черном бархате, лежали белые мо-

лодые картофелины. Старик наклонялся и, задерживая дыхание, собирал клубни в ведро. К концу работы лезвие лопаты заблестело, в ней появилась зеркальность, и этот факт старика почему-то обрадовал.

Коту было скучно сидеть дома, и он вслед за хозяином приплелся на огород, большие лапы утопали в во вскопанном черноземе. Марсу нравилось лежать на свежей подсыхающей земле, которая чистила ему шерсть. Кот молча смотрел на Пал Иваныча, копающегося в земле.

– Не любишь ты, Марс картошку! – с упреком произнес Пал Иваныч. – Да и кто ее сухую любит – без мяса и подливки?.. Не горюй, лохматый товарищ, если пенсию не будут приносить, Грепа тебя чем-нибудь подкормит, у нее коза в наличии имеется. По старинным понятиям Грепа – подкулачница!

Пал Иванычу тоже доставался каждый вечер стакан козьего молока. Ему хватало. Однако Марс не наедался, похудел, шерсть на нем свалялась комками, он бродил по двору, озираясь на порхающих воробьев, прислушивался к писку мышей в сарае. К сожалению, ловить воробьев и мышей Марс не умел.

Теоретические будни

Сварив чугунок картошки, Пал Иваныч садится в свой «красный» угол – обычно в таких углах вешают иконы с лампадкой, а ветеран прибил к стенам портреты пролетарских вождей всех времен и народов, от теоретика Маркса до генсека Горбачева.

Старик накладывает вареные картофелины в мятую алюминиевую миску, толчет их обгрызенной деревянной ложкой, подливает молока для смягчения крахмальной жесткости пищи.

Тут и Грепа вовремя появляется: вот вам, ребята, хлеб – сама пекла!

Оказывается, у нее в запасе мешок белой муки! Хлеб рыхлый, пресный, прилипает к голым деснам.

Посмотрев на ходики, Пал Иваныч ахает, встает с лавки, едва не опрокидывая картошку, кидается к тумбочке, втыкает дрожащими руками шнур в розетку – начинает гудеть старинный ламповый телевизор – сейчас будут передавать новости. Аппарат гудит, медленно прогревается, внутри его щелкают искры. Спустя минуту на стеклянном заляпанном экране начинает плавать тусклое изображение. Фигурки людей дергаются, складываются пополам, говорят правильные общенациональные слова. Показывают очереди в банках, старушек, которые не смогли получить пенсии, и прочие безобразия. Повторяется страшное слово: дефолт! В старину с таким же страхом народ произносил более привычное слово – голод!

– Поморють они людей!.. – Грепа подслеповато вглядывалась в экран.

– Хрен нас возьмешь! – Пал Иваныч стучит ложкой по столу, крупинки картофеля разлетаются во все стороны.

Кот, лакающий молоко из миски вздрагивает, с испугом смотрит на людей.

А еще Марс, как ни странно, начал есть вареную красную свеклу, и мог наперегонки с Пал Иванычем съесть два куска подряд. Старик же любил бурак не только за сладкую мякоть, но и за алый цвет справедливости!

Башня

Воздвиглась вдруг на окраине поселка, в ста метрах от дома старика башня сотовой связи. Оставшиеся на всю улицу три коровы с удивлением поглядывали на это невесть откуда взявшееся сооружение.

Бабке Грепе хоть бы что: не удивляется! Ее ничего на свете не касается!

Старика это русское безразличие ко всему на свете до предела возмущает, потому что он сам интересуется, и в этом видит свою прогрессивность.

– Чудо техники! – объясняет он Грепе, показывая на башню костылем.

– Нам-то какая забота? – вздыхает старушка, ведущая козу привязывать к колышку. – Стоит башня сабе в сторонке, никому до ей дела нетути.

– Глупая ты бабка! – негодует старик. И рассказывает ей, что есть на свете еще и такой город Париж, столица мировой буржуазии, о котором он читал в петроградской газете в восемнадцатом году. В той газете была нарисована такая же башня.

– Мужики говорят, что в нашей башне семьдесят метров роста, она огромная для сельского масштаба! – Ветеран задирает голову, чтобы взглянуть еще разок на башню, которая ночью светилась красными завлекательными огоньками, становясь совсем загадочной, растворяясь железными ребрами в сизой полутьме.

Старику иногда мерещилось, что это марсиане спустились на луг возле бывшего свиноводческого комплекса. Вот было бы славно познакомиться с передовым марсианским учением о благоденствии и процветании всех народов космоса!

Башня светит во тьме огоньками, словно украшенная елка. Огоньки не мерцают, но все равно как бы живые, будто хотят что-то сказать. Сквозь дремоту Пал Иванычу мерещится, как башня подходит к нему, и обнимает его своими ажурными руками.

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

***

Как нас накрыло летом и повело
Тайной дорожкой, сломанным переулком –
Пело и стружкой отплевывалось сверло,
Дятел без умолку бил молоточком гулким
В самую рань, а когда растекался зной,
В рваные дыры обугленные вороны
Падали по траектории навесной
Где-то за краем облачной обороны.

Там полыхало, и будто в большом кино
Жарило солнце, и доносило ветром
Шепот, уже растаявший за спиной,
Платья из непродувного фетра,
Желтый сквозь щели забора струился свет,
Плавали в нем и вспыхивали пылинки...
И отпустило, и до сих пор нас нет
Там, где свернули мы, там, где сошли с тропинки.

***

Переходишь на зеленый свет
Мост над пересохшею рекой,
Родины шершавый леденец,
Ветерок, скользнувший по щеке.
Долго тает холодок внутри,
Разгадали городской кроссворд –
Ключевые улицы в огнях,
Песенки на рыбьем языке.

***

Городок, испорченный жарой –
Жабры зацвели, покрылись слизью,
Диспансер опасный под горой
Языком нащупывает лисью
Или то, что кажется норой.

Боль зубная, яблоко с червем,
Коготок увяз наполовину.
Обернешься, вызовешь лавину
Или что окажется в твоем
Длинном сне, как в очереди в винный –

Алексей Александров родился в 1968 году в г. Александров Владимирской области. Публикации в журналах «Волга», «Дети Ра», «Новый берег», «Урал», альманахах «Улов», «Дирижабль». Участие в антологиях «Время «Ч». Стихи о Чечне и не только», «Нестоличная литература» и др. Живет и работает в Саратове.

Возмущенье вялое и птичий
Быстрый взгляд из-под густых бровей.
Вопреки неписанным приличьям,
Сам себя стыдясь, побагровей...

В глубине – секретное жилье,
Но не обнаружили раскопки.
Наготове бинт, зеленка, йод,
Может быть, к полудню дождь польет,
Вздрогнет дверь, захлопывая скобки.

***

Зазеркалье прямо за этой дверью,
Офицер над шахматною доской
Начинает беглый огонь по цели –
Серой птичке будничной городской.
Что споешь, когда говорить устала,
Что поймешь, уверенно замолчав?
И тогда отчалившее от причала
Судно воет, как сто голодных волчат.

Вот и выпей, чтоб оказаться выше,
И печеньем «съешь меня» закуси,
Посмотри, где волнами небо дышит,
Белый парус делается курсив
И похож на кролика перед бездной.
Карты спутаны, дверца тебе мала,
Там, на облаке, садик цветет чудесный,
И сидит компания у стола.

***

Кажется, всё устаканивается и обзаводится тарою,
Нежно скрипит на крутых поворотах, постанывает слегонца.
Из под закрытых век бежит несолёная, талая
И повторяет контуры твоего лица.

Это катарсис, который ни с чем не рифмуется,
Словно северная Пальмира, не было и вот уже есть
Форма и содержание, секретная кухня и улица
В чешуе, похожей на кровельную жесть.

***

Начищенный до рези луковой,
Что даже ощущаешь запах,
С канатоходцами под куполом,
Где музыку в когтистых лапах,
Как шарик, держат львы крылатые
Под монотонное молчанье,
Где в нищих сумерках накатами
Вползает холодок вечерний –
Там свалены поленья трупами,

Туристы проплывают группами,
Безвольные, как по теченью...

Нарезанный большими кольцами,
Как мегаполис аметистовый,
Он давится огромной порцией,
И ты скорей его пролистывай,
Пока он не покрылся звездами.

***

С таможней проще по бумажке,
А с тамошнею – по слогам,
На вялом языке ромашки
Склоняющую к сапогам...
О том и речь, что незаконно,
И под коробкой черепной
Опять всю ночь идут вагоны,
А твой – последний, прицепной.

***

Вот грохочущий транспортер
В сортировочной суете
Там, где демон крыла простер,
Чтобы ангел не пролетел.

Вот рокочущий командир,
Добавляющий уголек
Там, где вертится волонтер,
Строя очередь из калек.

Так, вращаясь, поют валы,
Закольцован последний путь –
Продевает в ушко иглы,
И осталось совсем чуть-чуть.

Выйдут пламенные полки,
В дымном облаке потолки
Прободая, плюясь смолой,
И посыплют полы золой.

***

Воздух, словно труба, молчит,
В этом зеркале втянет внутрь,
Выпуская блаженный дым
Всеми дырочками от пуль,
Зачерпнет, проливая свет,
И, едва донесет до нас,
С потрохами продаст во сне
За простые хлеб и вино.

Анастасия УСАЧЕВА

***

...и теперь только вниз босиком
императив

Там хороший ветер, там бережно обдувает;
и акульи зубы можно искать по склонам.
Если сказать что-нибудь, будет звучать как «данет
наверное», но голос ещё не сломан.

Можно доехать, ежели ноги слабы.
Там не неволят точно припарковаться.
Там ни бесчестья нет, ни всемирной славы,
ни последнего земляка, ни первого иностранца.

Город внизу тихо уходит в трубы.
Стая колючек держится вожака.
Серые клубы в виде бетонной клумбы
лезут к солнцу; действенней – полшага.

Так и закурим: пятки горе-алтыну.
Новый виток опробуем, интуит.
Там сигарета погасну, замру, остыну
говорит и долго ещё горит.

про реку, дубль n

Вчерашний снег лежит на льдинах выдвижных,
и не притронуться, не сделать шага
в задумчивости – впрочем, соль на них
еще крупна, бела, шершава –

и снег просел. И циферблат рябит,
о безупречности своей наслышан.
На дне расшарив город, рыба-кит
готова молвить – валенкам и лыжам –

куда им торопиться. Мост гремит
костями, будто в поисках вольера;
и миг уходит миг уходит миг,
как вовремя не принятая мера.

Анастасия Усачёва родилась в 1982 году. Закончила Саратовский государственный университет, кандидат филологических наук. Работает переводчиком, живёт в Саратове. Публиковалась в журналах «Волга», «Воздух». Автор книги стихов «Преувеличение слуха» (2008).

нытие

Печь холодна и снаружи бела.
Зев изумлённый с больной пустотой.
Вот и немеет кривая скула,
будто поранилась запятой.

Слову не можется на кочерге:
надо ль румянца, когда негасим?
Сажа да сажа в почерке,
и выгорел керосин.

Разве за окнами дурно кладут
правое – к правому, левое – к?
Стены, раз стены, и, в общем-то, шут
с тем, что не стены. Brick

in the brick, как тире, но дефис.
Печь направляется прочь тчк:
смысл ли, тесто – но чтоб не обвис
с открытого личика.

***

Замечаешь, до чего неподвижно? Это где-то встряхивает пассажиров,
иль боль перемещается, точно по чашке гуща, –
просто: поведать без поводов, выложить без нажимов,
как одухотворяет несчастье, как радость всесуща.

Поступки, отрицающие поступки,
путаются только с мудростью: перестать;
стремленья тоже втирались в землю и ползали по-пластунски,
не оставляя для упадка стадий.

В чужом дому, может, черешня, и даже свечи на вкус фруктовы;
в другом дорого бы дали за восковой бульон.
Зато нет нужды, чтобы услышать, кто вы,
стучать хотя бы в один; но свой уголок быльём
убери, не ожидая милости от двери.

***

Луна ослабла, и к тебе вся земля спешит
под ноги, и тебе преподносит ветер
багульник и мох, ладанник и самшит –
и сложнее сейчас не превратиться в эти
растения, – и найдено ни с чего
место – а у тьмы оно переменно –
проницаемости; но ты стоишь с ночевой
у подъезда, упирающийся в колено
домом. Однако, если твоё окно
внутри, значит, за правым краем

вздрагивает звезда – и воздушное полотно
всё же надёжнее той, что обычно мы выбираем,
материи. И пусть у тебя поверх
мокрый ли шёлк, выветренная ли роба –
пусть, хорошо; свет проходил, поверь,
через покровы – преграды – любого рода.

чардымский отрывок-n

Пень, поляна, паслён, половина
лета. Воланчик неумолимо
недосягаем, мудро гнездясь повыше.
Зелено, ало, лазорево, смугло, рыже.

Следом летит ракетка, по курсу ветка.
Вторая тоже внедряется, как разведка
без сети. Рост означает промах.
Да. Инвентарь может чирикать в кронах.

Вдруг – облако цвета воды от мытья веранды.
Но солнце всё же ударило, как куранты,
в полдень с кукурузой на карауле.
Время ждёт себя самоё в июле.

И, пока мы мечемся возле вяза,
не попадая в волан ни с какого раза,
полчища гроз дремлют над солнцепёком
и пчёлы врачуют тучу с пробитым боком.

Илья БЫКОВ

РАЗГОВОР НАД ПОКОЙНИКОМ

– Это что-то декадентское.
– Мама!

Чехов. «Чайка»

Эта история произошла в те времена, когда на человека, владеющего более или менее дорогим автомобилем, смотрели как на потенциального вора, бандита и убийцу.

Дело было прекрасным весенним днем, солнце отражалось в лужах, в сугробах, покрытых хрусталем, в бесконечном множестве капель. Когда солнышко уже стало отдавать оранжевыми оттенками, Максим Васильевич Киров, счастливый обладатель иномарки, выпал из окна. Он не кричал, только беспомощно размахивал руками. Казалось, что летел он целую вечность. Вот промелькнул засыпанный мокрым снегом балкон Лапшина, а вот окна доктора Фадеева, откуда уже второй день доносились пьяные голоса и громкая музыка. Мужчина даже уловил одну строчку:

– ...ты возьми меня в полет, мой единственный пилот...

«Сколько не летай, а земля неизбежна!»– любят говаривать пилоты.

С сочным шлепком тело Максима Васильевича врезалось в ледяную кашу. Он упал навзничь, широко раскинув руки; длинные светлые волосы разметало в разные стороны, как нимб. Вода в ручьях медленно окрасилась в мутно-бордовый оттенок.

Кто-то пронзительно закричал. Послышались встревоженные голоса, шаги десятков ног. Вскоре над распластанным телом образовалась целая толпа зевак. Поднялись со скамейки Серафим Кузьмич и Митрофан Ильич. Первый был примечателен тем, что ежеминутно настукивал своей палкой какие-то ритмы. Кричала, кажется, Настя, юная внучка Митрофана Ильича. Приковыляла толстуха тетя Маша и, увидев тело, протяжно завыла. Из подъездов, спешно закутываясь в платки и шали высыпали хозяйки. Несколько мужчин, заслышав крики, вышли с сигаретами на балконы и с любопытством уставились вниз.

– Ой, мамочки!

– Вот это да...

– Господи, помилуй!

– Беда... беда...

Тяжело ступая кирзовыми сапогами, прибежали местные сантехники Иван и Гришка. Даже на улице от них исходил тяжелый запах сырого подвала. Грубый бас первого со знанием дела предупредил:

– Ничего нельзя трогать!

– Поднять бы его, Ваня...– предложил Серафим Кузьмич.

– Нельзя! А вдруг тут улики какие.

– Что еще за улики?

– Ох, что творится...

– Самые обыкновенные, которые милиция ищет.

– Так ведь он же того... из окна вывалился.

Быков Илья, 22 года, родился в семье военного под Оренбургом, в Кургане закончил школу, в 2010-м исторический факультет КГУ. Работает звукооператором на радиостанции и инженером техподдержки по интернет-услугам. Публикуется впервые.

– Старый ты, Серафим Кузьмич, а дурак! Кто же в наше время просто так из окна вываливается? Может, его выбросил кто.

– Вы-ыбросил?! Бог с тобой, Ванютка!

– Конечно, выбросили.

– Ой-ей-ей-ей-ей...– заливалась тетя Маша.

– А мы с Митрофаном Ильичом выстрел слышали!

– Да ну? Что вы, что вы...

– Да!..

– И я слышала-а...– протянула Настя и шмыгнула носом.

– Ох, Настя, болтунья ты!– сплюнул Митрофан Ильич.– Ну, чего ты жути нагоняешь-то, а? Дураку же понятно, что это у Фадеевых шампанское хлопнуло.

– Ох уж эти Фадеевы! Второй день гуляют. Меру надо знать, всех уже замучили.

– И не говорите.

– Да кто ж шампанское на второй день пьет, а? Нет, нет, может быть и выстрел.

– И ты туда же, Серафим Кузьмич. От дурак старый!

– А вдруг живой еще? Глянуть бы,– сказал кто-то.

– Не-е...– мотнул головой Ваня.– Шестой этаж все-таки. Где уж тут выживешь.

– Любой бы в лепешку разбился.

– Глянуть бы.

– Нельзя.

– Да ты сам погляди: лежит, не движется. Мертвый он. Что уж тут рассуждать...

– Мертвый!

– Конечно, мертвый!

– В лепешку.

Зачарованные страхом смерти, заинтригованные тайной гибели, собравшиеся будто бы опасались, что разбившийся Максим Васильевич вдруг окажется живым.

– Эх...

– А кровушка-то так и течет! Ой, Господи, что же это такое! – не унималась тетя Маша.

– А в скорую позвонил кто?– перебила ее Анна Ивановна, одна из хозяек.

– Батюшки, а ведь и правда!– всплеснул руками Митрофан Ильич.– Настя, беги домой скорее!

– И в милицию, в милицию позвони!

– Ох-ох-ох!..

А солнце, как ни в чем не бывало, светило себе ярко и по-вечернему грустно, и многоголосье птичьего хора ни на секунду не останавливало своей весенней песни. Откуда-то доносился громкий, размеренный звон: «Бом-м! Бом-м! Бом-м!» Словно бы кто-то бил железным прутом по подвешенной рельсине. Каждый из местных жителей время от времени слышал этот звук, но никто не знал, откуда и зачем он.

Неверной походкой к толпе подошел худощавый пьянчужка, с жиденькими, выцветшими волосами. Все звали его просто – Лапшин и почему-то на «вы». Так уж повелось. Увидев своего соседа, он охнул и выпучил глаза. Покурил, послушал, а потом решительно двинулся вперед. Ваня и Гриша перегородили ему дорогу и отстранили назад:

– Назад, ничего нельзя трогать.

– А ну! А ну! А если живой? Ну, чего уставились! А если живой?

– Да мертвый он, мертвый.

– Лапшин, успокойтесь, пожалуйста,– нахмурилась Анна Ивановна.– Держите себя в руках.

– А ну! А если живой?– не унимался тот.– Дайте-ка я погляжу. Я знаю, я в армии служил. Я знаю. А ну!

– Отойди, сказал!– рыкнул Ваня и пихнул несчастного в грудь.

Тот послушно отступил, уселся прямо в мокрый сугроб и заплакал.

– В сторону!.. В сторону!..– раздался вдруг пьяный голос. – Я врач... хык!.. расступитесь все! В сторону!

Все обернулись и увидели, как двое молодых, красивых мужчин (они почему-то широко улыбались) вели под руки пьяного доктора Фадеева. Его штормило из стороны в сторону; он едва держался на ногах.

– Разошлись все! Хык!..

Он плюхнулся на колени рядом с телом, и если б Серафим Ильич не подставил вовремя трость, непременно бы завалился на бок. На огромном красном носу дрожала капля. Трясущейся рукой Фадеев пощупал шею Максима Васильевича, запястье, неловко приподнял веко. Он окинул толпу мутным взором, рыгнул, и заплетающимся языком, наконец, изрек:

– Вот, что я вам скажу... хык!.. покойничек он...

С новой силой завыла тетя Маша. Максима Васильевича она и знать не знала, но сама родом была из глубинки, из деревни, а там принято оплакивать умерших громко и в голос.

– Жалко-то как!

– Да, молодой еще совсем.

– А! – с безразличием махнул рукой Фадеев.– Все они воры. Год другой поездят на своих мерседесах, а потом в земельку. Потому что воры. Вот...– он кивнул на тело,– ...пуля не покарала, так Бог наказал.

– Как так можно?!

– Да ну...– снова махнул рукой доктор.

Он самостоятельно поднялся на ноги, но домой все же отправился в сопровождении улыбающихся мужчин. Из другого подъезда выскочила возбужденная Настя и сообщила, что скорая и милиция скоро будут.

– Жалко, жалко...– то и дело слышалось из толпы.

– Да. Он, конечно, может, и вором был, да все равно как-то... эх-х...– Митрофан Ильич пожал плечами.

– Воровал, должно быть,– согласился кто-то.

– Да разве ж честно такие деньги заработаешь?

– Честные трудяги на таких машинах не ездят, нет.

Помолчали. Потом кто-то сказал:

– Вот, значит, как получается: будь ты хоть трижды богат, а из окна всяка выпасть можешь!

Кто-то даже коротко засмеялся.

– Спокойнее надо жить. Скромнее, – Ваня закурил и сунул грязные руки в карманы. – А этот... что ни день, то все в новых костюмах. Золота нацепил, куда можно. Все ездил. Вот доездился.

«Бом-м! Бом-м! Бом-м!»

– А тот раз,– заговорил Серафим Кузьмич,– ремонт делали в доме. Ага. Подхожу я, говорю: «Что же это, говорю, Максим Васильевич, во всех подъездах двери новые поставили, а у нас только покрасили?» А он мне: «У вас и так новая стоит. В прошлом году только меняли». Нет, ну разве это дело?

– Не дело, не дело...

– Коли уж взялся за ремонт, так ты доводи до ума,– старик постучал тростью по слякоти.– Так и не заменили двери. Ну разве это дело?

– Не дело, не дело...

Снова помолчали. Всё так же не утихали птицы. По небу медленно полз самолет, оставляя четкий, белый шлейф. Шумно продували трубы местной ТЭЦ. Где-то шел пустой товарняк. С влажным треском мчались по шоссе автомобили. Убаюкивающе поскрипывали детские качели; слышались беззаботные голоса ребятни. Кто-то хлопал ковер. Все звуки смешались. Звонко, четко; казалось, что каждый из них совсем где-то рядом, почти над ухом. Такая удивительная слышимость бывает лишь в трескучие морозы да зрелой весной, пожалуй.

– Новости сейчас пойдут, – вздохнул еще один пенсионер, зачем-то подходя к Серафиму

Кузьмичу.– Как думаешь, дед, что решат-то там? Поживем еще?

– Поживе-ем! И без них поживем... Да-а-а...

– А вот, говорят, налог хотят какой-то новый ввести. Этот, как его... М-м-м...

– Прогрессивный что ль?

– Ну да, его.

– Кто его знает. Может и хорошо, а может, и нет,– пожал плечами Серафим Кузьмич и несколько раз стукнул палкой.– Вот, говорят, в Америке...

Поговорили о политике. Сошлись на том, что прогрессивное налогообложение это хорошо, потому что в Америке и на Западе богатые отдают половину доходов. Говорили о воровстве, о коррупции, да всё смотрели, как из Максима Васильевича кровь в снег вытекает.

– А женщина у него была?– спросила Настя. Разговоры о политике ей были чужды и скучны.

– Ходит одна. Светленькая.

– Да не, это племянница его, Ксюша.

– Не было у него женщины,– уверенно заявил Гриша.

– Отчего ж?

– Так он жешь...– сантехник сплюнул, – ...этим, говорят, был. Гомиком...

– Что за бред?!

– Тьфу, срамота какая!– сморщилась Наташа, что стояла рядом с Анной Ивановной. – У меня аж во рту неприятно стало.

– Как же так? Здоровый, казалось бы, мужик.

– Точно говорю,– не отступался Гриша.

– Никак свечку держал?

Послышался смех.

– Да нет. Просто видели мы его постоянно с типами какими-то. Скажи же Ваня.

– Ага.

– Ой, горе-то какое! Ой, несчастье!– снова взвыла тетя Маша.

– Вот. Да все рожи неприятные такие: волосы прилизанные, ручки с маникюром, костюмчики такие. Ну гомики, как есть.

– Всё ликерчики покупали,– подтвердила Наташа, работавшая продавцом.

– Во дела!

– Кто бы мог подумать...

– Да уж...

– Как вы можете, нелюди?! Как вы можете?!– все обернулись на пронзительный крик. Кричал Лапшин.– Ироды, иуды, совсем Бога не боитесь! Человек умереть не успел, а вы и рады кости поперемывать! А, чтоб вас!..

Он зарылся лицом в ладонях и снова зарыдал. Вскоре толпа про него забыла, продолжив разговор. В какой-то момент от нее отделился человек. С виду он тоже походил на алкоголика, но был при жене, а потому выглядел несколько ухоженнее Лапшина. Звали его Павлом.

– Ну-ну-ну, поднимайтесь... Ну-ну-ну...– он похлопал Лапшина по плечу и помог встать.

Тот закурил, постоял немного и опять уселся в сугроб. Слезы неудержимо текли по его обветренным щекам, небритым скулам. Он что-то говорил и говорил, то и дело всхлипывая и утирая нос, а Павел лишь кивал головой, произнося при этом:

– Ну-ну-ну... Ну-ну-ну...

– ...качели вот поставил, песочницу соорудил. О детишках заботился. Он и дом весь отремонтировал, фонари поставил, да все на свои деньги. Хоть бы копейку с кого взял! А эти все: «Двери выкрасил! Вор!» Гос-по-ди!.. Почему так? Да лучше б ты этих всех забрал! На черта, ну скажи мне, на черта они нужны?

– Ну-ну-ну...

– И человеком, я тебе скажу, он был отличнейшим. Стою, бывает, трясусь на лестнице. Он спускается. Хлопнет по плечу, за руку поздоровается. «Что, говорит, Лапшин, болеете?» – «Бо-

лею, говорю, ох, как болею!» – «Ну, на, говорит, лечитесь! Доброго здоровья!» И сто рублей даст! Ой-й-й...

Лапшин снова заплакал.

– Ну-ну-ну...– успокоил его Павел.

– Да и не в деньгах дело, Паша. Не в деньгах дело. Разговорились мы с ним как-то. Крепко разговорились. Не поверишь, Паша, больше пачки сигарет враз выкурили! Ну так вот, спрашивает он меня: «О чем вы, Лапшин, мечтаете?» Я так и сел. Ну... не нашелся, что ответить. А он мне: «Знаешь, а я вот хочу скопить денег побольше и выстроить большой такой приют для бездомных животных. Для кошек, для собак, для птиц кормушки с зерном». Я тогда, еще помню, спросил его, почему бы не построить приют для детей-беспризорников. Он подумал и ответил: «А потому, Лапшин, что о детях все-таки худо-бедно заботятся. Благотворительные фонды и прочее. А о животных никто не вспомнит. Их пинают только да гонят отовсюду. Разве ж это хорошо? Нет. Жалко мне их. Не понимают они, за что страдают».

И снова Лапшин не сдержался и зарыдал. И снова Паша похлопал его по спине и проговорил «Ну-ну-ну».

– Вот так вот, Паша. Таким он был, Максим Васильевич. А эти!.. Одно слово – стадо!

«Бом-м! Бом-м! Бом-м!»

Когда на другом конце дома появилась карета скорой помощи, в толпе как раз шел спор. Одни пытались убедить других, что квартира, машина и все имущество погибшего достанутся его отцу, так как он ближайший родственник. Другие настаивали на том, что с отцом он в последние годы находился в ссоре и завещание скорее всего написал на свою племянницу.

Когда машина с красным крестом остановилась, зеваки образовали вокруг нее и разбившегося широкий круг. С пассажирского сиденья торопливо вышел врач в белом халате. Это был мужчина с маленькими, умными глазами, впалыми щеками и реденькими черными усиками.

– Что произошло?– спросил он.

Объяснять принялись сразу несколько человек. В результате он махнул рукой и осторожно склонился над телом. Санитары не спешили с носилками, ожидая прибытия милиции. Врач тем временем прощупал пульс и тоже заглянул под веки. Лицо его переменилось.

– Носилки сюда! Он жив!

В ту же секунду по толпе прокатилось ошарашенное «Жы-ы-ы-ы-в!...». Доктор снова склонился над Максимом Васильевичем.

– Вы слышите меня? Слышите? Сглотните, если слышите... Он в сознании. Давайте носилки!

– Жив?.. Жив? Жив! Жив, Максим Васильевич!– сквозь слезы засмеялся Лапшин и крепко обнял Павла.

Всё то время, что понадобилось санитарам для погрузки пострадавшего в машину, толпа напряженно молчала, жадно проглатывая каждый момент происходящего, не желая упустить ни единой детали зрелища. Но вот карета отъехала. И кто-то заговорил первым, а кто-то поддержал. И говор разгорался все сильнее и сильнее набирал обороты, словно его бильярдным шаром пустили по огромной спирали.

Потом приезжали журналисты и милиция. И тех и других долго не отпускали – каждый взахлеб рассказывал, что видел и чего не видел. Один только Лапшин ничего не рассказывал, а все ходил вокруг и улыбался. Внимательный взор, помимо радости, непременно отметил бы в этой улыбке гнилых зубов нотки торжества.

А поздно вечером, когда все уже немного утихло, начался гул...

Все эти чиновнички и домохозяечки, милиционерчики и врачочечки, мальчики и девочки, студентики, пенсионерчики, богатенькие и бедненькие, сытенькие и голодненькие, все эти человечечки прибежали друг к другу в гости, уселись на диванчиках, зазвонили по телефончикам. И терли, терли, терли... как зерно меж двух шероховатых жерновов.

Эпилог

К февралю следующего года Максима Васильевича выписали из больницы. Несколько недель он провел в лучшем санатории, где окончательно пришел в себя. Все это время за его квартирой следила Ксюша, не забывая регулярно навещать дядю.

В середине марта он стоял на крыльце своего подъезда и задумчиво курил.

«Бом-м! Бом-м! Бом-м!»

Память неожиданно вбросила в голову новый лоскут информации. Тот день, те люди, те разговоры...

К первому числу все было готово. Он крепко обнял Ксюшу, обещал писать и вышел из квартиры. По пути он зашел к Лапшину, чтобы проститься. В последний раз дал ему на водку и посоветовал бросать пить. Наконец, он оказался за рулем своей машины.

«Что ж, книги я могу писать и в другом месте»,– подумал он и навсегда покинул тот город.

Вячеслав ЛОПАТИН

БОРИСОВ-МУСАТОВ–2010: СТУПЕНЧАТЫЙ КОЛОРИТ

Странная вещь: когда я перестану
делать в Мусатове открытия?
Н. Д. Россов

Областной дом народного творчества (ОДНТ), где я работаю методистом по изобразительному искусству, собирает экспонаты на Областную выставку самодеятельных художников 1967 года. Старик приносит три картины в мой обеденный перерыв; не дождавшись меня, оставляет картины и уходит. Спрашиваю других сотрудников, почему оставили картины: сразу видно, что картины старые, не к нам их надо – в музей. А он как раз из Радищевского музея – там картины смотрели, одну признали работой художника-самоучки и послали в ОДНТ. На выставке картины не могли быть показаны – по условиям отбора давно написанные и копии не принимаются. А этим картинам, сразу видно, много лет. Одну, натюрморт, исполнил художник-профессионал – его присутствие неуместно на выставке любителей. Так же профессионально сделана копия с картины Башкирцевой «Жены-мироносицы» из экспозиции Радищевского музея. Третью картину – изображена женщина в синем платье – «явно» самоучка рисовал, ей бы самое место на выставке самодеятельных художников, но – давно написана. Проходит выставка, раздаю участникам картины – эти три отдавать некому, остаются у меня. Разглядываю их, и на натюрморте под загрязнением мерещится, угадывается, а когда прочитывается надпись – со всеми тремя картинами – бегу в Радищевский музей: нашелся Борисов-Мусатов – буквы и цифры «М В 96»: «М(усатов) В(иктор) (18) 96 год». Тамара Викторовна Петрова (Гродскова), заведующая отделом экспозиции Радищевского музея (в порядке шефства помогает ОДНТ проводить выставки самодеятельных художников) – натюрморт ей нравится, но одних букв и цифр недостаточно для атрибуции. Огарева Нонна Валерьевна: из искусствоведческой литературы известно – в 1896 году, первом году пребывания в Париже, Мусатов только рисовал, не писал. Реставраторы Михаил Аржанов и Владимир Солянов меня подняли на смех: – *Что же ты только трех Мусатовых принес? Мы в Москве месяц были на стажировке, ходили по адресам, работы художников смотрели. Однажды пришли – вся комната завешена работами Мусатова, с сестры Елены рисунок, который хранится в Радищевском музее – там тоже был. Хозяева говорят, если надо, еще принесем – выносят из соседней комнаты, а ты... только три Мусатова принес!*

Наталия Ивановна Оболенская, Главный хранитель Радищевского музея, утешает меня – трудное дело атрибуция. Два пейзажа зубриловских в нашем музее, якобы Мусатов писал, а почему не Георгий Мельников? Тонкий живописец Гора Мельников бредил Мусатовым, писал в его духе. Чтобы лучше получалось, даже спал «в мусатовских местах». Легко разбрасываемся авторством: вот «Натюрморт с арбузом» принесли – Уткин, говорят... В экспозиции Радищевского музея бессменный экспонат – «Тондо»: надпись «Алиппи» в центре картины – итальянская ху-

---

Живописец, график, литератор. Родился в 1936 году в селе Баклаково Орловской области. Учился в Елецком и Саратовском художественном училищах. Работал методистом а Саратовском областном Доме народного творчества. С 1968 года – реставратор темперной живописи Саратовского Радищевского музея. Настоящая публикация продолжает серию работ, опубликованных в журнале «Волга» (2008, №1; 2009, №11-12).

дожница Квирина Алиппи Фабретти работала во второй половине XIX века, а эксперты считают «Тондо» XV веком.

И мои сомнения усилились. Такой художник! В крупнейших музеях! На него дышать страшно, а тут подлинник Мусатова в собственных руках? Если натюрморт в 1896 году писал Мусатов, почему сирень поставил в такой знакомый мне стеклянный кувшинчик: после первого курса Елецкого художественного училища, летом 1956 года, в родном моем городе Орле поставил я на стул в такой кувшинчик полевые цветы – акварель моя и теперь цела. А кувшинчик мой разве не советского производства? Маловероятно, чтобы стекло хранилось с дореволюционных времен. И почему в Париже и в Орле оказались одинаковые кувшинчики?

Общее мнение – оно и стало моим на первые пять лет: три картины – три разных художника. Энтузиазм мой по поводу авторства Мусатова угас: попавшие ко мне работы – едва ли не той же веревочкой связаны – сохранились случайно, не разрознились. Однажды просил отдать ему копию с Башкирцевой Саша Никитин, саратовский скульптор – «собирает все о ней»: как не отдал?

«Женщина в синем платье»

Только Мусатов! Да никто в целом мире так синее не возьмет!
Дмитрий Капитонович Севастьянов, ученик Петра Уткина, школьный учитель,1980 год.

...Синий благородный, сложный – но в самом рисунке...душа сопротивляется. Мне будет грустно, если эти три картины окажутся работами Борисова-Мусатова... почему, не знаю. Ощущение – не хочется думать, что это Мусатов, что он может быть другой, чем я его знаю.
Ира Пятницына, 2002 год.

Крайняя степень отрицания авторства Мусатова – Санников: *Как смеешь порочить светлое имя Борисова-Мусатова? Ты кому приписываешь безграмотную мазню дилетанта?*

Оборачиваюсь к Солянову – что молчишь? – а он! – согласен с Санниковым. Солянов окончил Саратовское художественное училище и художественный институт в Тарту (Эстония): – *Не мог Борисов-Мусатов себе позволить руки так нарисовать.*

«Натюрморт: сирень и ирисы в стеклянной посуде»

...женская рука... – и смотрит хитро: «догадался» – живопись Людмилы Перерезовой. – у Санникова тонкое восприятие, почувствовал женскую «подноготную» мусатовского натюрморта, написанного под впечатлением выставки Берты Моризо.

Чудин: *не подпись («М В 96»), а цифры, не буква «М», а «№»: –*

Да мы на втором курсе натюрморты лучше писали! Ко мне смотреть все училище приходило – потом украли...

Что ты вталкиваешь? Какой это Мусатов?

Слушай анекдот!

Продает баба поросенка. Два мужика сговариваются: – Давай пошутим. – Один подходит: – Петух сколько стоит? – Какой петух? Поросенок это! – Другой подходит: – Баба! За сколько петуха продаешь? – Ослепли все! Это поросенок! – Покупатель подходит: – Почем поросенок? – Она: – Какой поросенок? Петух это!

Так и ты со своим Мусатовым!

Солянов – 1990 год: «*Натюрморт: сирень и ирисы...» можно было бы рассматривать в ряду других картин Мусатова.*

1990 ГОД

Кормакулина Галина Михайловна в бытность директором Радищевского музея хотела послать «моего» Мусатова в Москву на экспертизу вместе с музейными картинами.

Обрадовался зря – из трех работ посылают на экспертизу только натюрморт. – *Почему не все три? – Это же очевидно!* – Галина Михайловна сердится – неужели я не понимаю, что Радищевский музей дорожит своей репутацией: – *Что в Москве про нас подумают, если пошлем на экспертизу «Женщину в синем платье»? Мы примитивную работу недоучившегося самодеятельного любителя приписываем Борисову-Мусатову. А копия с Башкирцевой – работа ученика Художественного училища: дали тему, учебное задание!*

Понимаю Галину Михайловну – сам так думал двадцать лет тому назад, но теперь вижу – все три работы одной руки, подписавшей «Натюрморт с цветами» инициалами «М В» «М(усатов) В(иктор)»: разрознить вещи для экспертизы невозможно – не хочу посылать на экспертизу одну вещь из трех. Не соглашается со мной Галина Михайловна.

2000 ГОД

Боголюбовские чтения, Саратов.

Приехали столичные, зарубежные искусствоведы.

– *Есть здесь специалисты по Борисову-Мусатову?* – Какой вопрос, такой ответ: Ида Гофман (ГТГ) встает, шутливо в грудь стучит: – *Я лучший в мире специалист по Мусатову!*

Ю. Я. Герчук, московский искусствовед, пошел смотреть с нами.

Висят три работы Борисова-Мусатова в реставрационной мастерской, возле двери. Герчук: – *Кто же так смотрит? Снимайте со стены, обороты показывайте!* – Оборотные стороны смотрели дольше, чем лицевые. Хорошо смотрели: мне пять лет понадобилось, чтобы увидеть столько, сколько они за десять минут увидели; решили – три разных художника.

Герчук сразу увидел на обороте натюрморта печать «И А Х».

Сказал (интонация – я ее не понял): – *Слабая постановка первокурсника Императорской Академии художеств. – А подпись с лицевой стороны? – В последнюю очередь: завершающее свидетельство при атрибуции.*

Молчит Гофман. Зато хвалит Герчук – на глаза попалась! – мою графику: монотипию разглядывает, обращает мое же внимание, как удачно получились в наброске портрета губы Лены Шмановой, хранителя наших икон.

Припомнил я ему 1970 год: в Москве выставка художников не самодеятельных, а «наивных», «примитивов». Организовали Центральный дом народного творчества им. Н.К. Крупской (ЦДНТ) и Заочный народный университет искусств (ЗНУИ). На основе выставки конференция двухдневная: созвали методистов по ИЗО-искусству из всех Домов народного творчества СССР. Волновались искусствоведы: хотят издавать журнал «Народное творчество» – такие журналы издают ГДР, Польша, Венгрия, Чехословакия – и нам теперь нужен.

Герчук был Председателем секции критики Союза художников СССР: по его тогдашним словам так поразили «примитивы» искусствоведов, что последний год статьи секции писались только по материалам художников-любителей. Вот и спрашиваю Герчука – *Что ж развития не получило такое замечательное начинание. И журнал не вышел... – Не поддержало начальство...*

В 1983 году вышла книга «Примитив и его место...» – сборник статей: Герчук отзывом поучаствовал.

Перед глазами «Женщина в синем платье» – намека не принял.

2002 ГОД

Ольга Бельская (научный сотрудник Радищевского музея): – О «Натюрморте...» – *очень хороший, очень красивый, мне приятно на него смотреть. Легкий, дышащий, светящийся. Он весь состоит из частичек света... человек, который написал такое свечение – божественное состояние природы.*

«Женщина в синем...» – *это необычный эффект платья. Ощущение – грубо написаны волосы, рука другая провела...*

Ошибка, что не отдали на атрибуцию, как предлагала Кормакулина... категорически не согласились отделять от двух других...– это была бы ниточка, по которой можно придти к другим вещам.

Наташа Сидорова (научный сотрудник Радищевского музея): – О «Натюрморте...» – *«зеленка»: Мусатов уводил либо в голубой – или в золотистый облагороженный – грубовата вещь для Мусатова.* О «Женщине...» *...черное тупо положено. По пятнам вещь красивая. Овал лица найден, уверенный, не детский. Кем-то набросок профессионально сделан... синий, розовый – и выявляют белокожую женщину. Тонкая, гладкая кожа – белокожая.*

Мое сомнения: неужели такие подробности можно на эскизе увидеть? – опровергнуты с горячностью.

РЕСТАВРАЦИЯ

«Натюрморт: сирень и ирисы в стеклянной посуде»

ОПИСАНИЕ: Холст, 59,5х40,3 (без подрамника), масляная живопись, подпись – правый нижний угол, кистью по сырой, непросохшей краске – «М В 96». «Фабричный» грунтованный холст с красной печатью на обороте в прямоугольном картуше «ИАХ» (Императорская Академия Художеств), в правом нижнем углу – синим цветом печатные цифры – 806; левый нижний угол – синим карандашом цифры 10368 или 10869. На обороте холста карандашные пометки: левый нижний угол – синим карандашом цифры 10368 или 10869.

Поздние утраты холста с авторской живописью: слева утрата – ширина 2,6 см на всю высоту; снизу утрата высотой 3,7 см на всю ширину. В дальнейшем холст набит на подрамник: все четыре стороны с оставшейся авторской живописью завернуты на кромки – размер подрамника 55,8х37,7 см.

Следы водных потеков. Отдельные мелкие выкроши красочного слоя по всему холсту. Местами выкроши целыми осыпями. Потертости, шелушение красочного слоя. Сильное поверхностное загрязнение. Продавливание холста с лицевой и оборотной сторон. Слева вверху холст морщит.

РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: Укреплен красочный слой. При удалении папиросной бумаги частично ушло загрязнение. Живопись снята с подрамника; холст растянут на кальковых полях; подведены холстяные кромки; пресс; старый подрамник увеличен рейками на первоначальной размер холста без утрат – 59,5х40,3 см; на подрамник набит холст (общая плавная деформация ушла не полностью – слева вверху холст морщит).

Тонировки: пришлось учитывать особенности живописи, свойственные Борисову-Мусатову (О «Водоеме» (1902): «*Сквозь тонкий слой краски проступает фактура холста, видны переплетения нитей, узелки, и это делает картину похожей на тканый ковер*». – Энциклопедия для детей. Том 7. Искусство. Часть вторая. – М.: Аванта+, 2007. С. 486.). Эта характеристика живописи просматривается в «Натюрморте». Холст имеет клее-меловой грунт. Белый цвет грунта, фактура холста активно обыграны художником при письме. В плохих условиях хранения наиболее стойкими оказались корпусные участки живописи. Потеки воды оставили проплешины точечных выкрошей масляной краски, разрыхлили клее-меловой грунт, не прикрытый слоем краски. В дальнейшем на потертостях узелки холста, утратившие белый грунт, забились грязью. После укрепления красочного слоя ушли обширные поверхностные загрязнения. Общий холодный колорит живописи оказался искажен теплыми по цвету точками, появившимися на месте потерявших белый грунт, загрязнившихся узелках холста.

Казалось естественным перекрыть теплые точки (грязные узелки холста) белилами, потер-

тости тонировать. Результат неблагоприятен: автора «убавилось» – ощущение «муляжа». Тонировки казеиново-масляной темперой смыты «на бычью желчь».

Утраты и потертости красочного слоя беспокоят, но больше искажают холодный колорит живописи теплые точки – потертости белого загрязнившегося грунта на возвышающихся узелках холста. Повторная тонировка на всей поверхности, включая выкроши живописи – опять результат неудачен: (*Живопись стала более фрагментарной. Художественный центр сдвинут влево. Подлиннее была. Товарнее стала:* Солянов. 2002 г. 18 ноября.). Пришлось смывать «на желчь» повторную тонировку казеиново-масляной темперой.

Третьим разом тонировка минимальная: казеиново-масляная темпера по гвоздевым отверстиям, утратам красочного слоя с грунтом на сгибах холста по периметру; потертости красочного слоя не тонируются. По всей поверхности, в результате двукратно смытых тонировок, узелки холста изменили теплый оттенок на более приемлемый холодный.

Живопись притерта акрил-фисташковым лаком с пиненом 1:1.

Копия картины Башкирцевой «Жены-мироносицы»

ОПИСАНИЕ: Холст, 48х39 (без подрамника), масляная живопись. Холст предварительно загрунтован и прописан теплой масляной краской-подмалевком (так у Башкирцевой). Подмалевок оказался неподходящим – слишком темным: копия исполнена на обороте этого холста – новый грунт, новый подмалевок.

Позднее холст натянут на подрамник, авторская живопись завернута на кромки со всех сторон, кроме нижней. В четырех углах, при натягивании на подрамник, вырезаны квадратики холста с авторской живописью – размер с подрамником 45х39 см. (?)

РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: Вся поверхность укреплена. При удалении папиросной бумаги уходят сильные поверхностные загрязнения – живописные качества только теперь стало возможно оценить.

«Женщина в синем платье»

ОПИСАНИЕ: двойной красочный слой: нижележащий красочный слой этюд к картине Борисова-Мусатова «ГОБЕЛЕН» (1901–1902).

Холст, 60х40 (с подрамником, масляная живопись завернута на подрамник). Тонкослойный подмалевок водно-клеевого красочного слоя поверх нижележащего красочного слоя масляной живописи. При боковом свете рельеф фактуры нижележащего красочного слоя обнаруживает изображение женщины в длинном платье, склонившейся над кадкой с фикусом. В утратах записи – справа красное кирпичное здание, слева – листва дерева (этюд к картине «Гобелен» 1901 года). Этюдов к «Гобелену» не сохранилось: «*Никто не видел этюдов для «Гобелена», да их и не было».* (Владимир Станюкович. Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов. Монография. 1930. Машинопись, 141 стр. Саратовский областной краеведческий музей. С. 86.)

«Этюд к «Гобелену» натурный, одноразовый, написан масляной краской на тонком грунтованном холсте без подрамника (выезжая на этюды, Мусатов берет грунтованные холсты, свернутые трубочкой). Позднее холст, на котором исполнен этюд к «Гобелену», натянут на подрамник – авторская живопись завернута на кромки и записана сюжетом «Женщина в синем платье». Подрамник большего размера, отчего разошедшиеся нити в отдельных местах «проредили» холст. Красочный слой масляной живописи обезжирен, проклеен и записан водно-клеевой краской (краска натирается на сырую марлю). На обороте сквозь разошедшиеся нити холста проступают пятна краски, которой написана «Женщина в синем платье». Имеющийся жесткий с приподнятыми краями кракелюр – тянет избыток клея на поверхности масляного красочного слоя – (угроза осыпи при механическом придавливании) двухслойной живописи с грунтом производит впечатление аварийного состояния.

РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ и некоторые аналогии:

– «Женщина в синем платье» (этюд к «Гобелену»);

– пейзажный этюд Борисова-Мусатова 1901–1903 гг. «Дом в Зубриловке» (Холст, темпера. 49,5х40,5. Пост. 1932 из ГТГ. Инв. Ж–132. К картине 1903 г. «Прогулка при закате», находящейся в собр. ГРМ).

Передвижная выставка Радищевского музея в 1988 году готовилась к отправке в Пензу. Солянов, реставратор масляной живописи, в отпуске, и Альбина Трофимовна, Главный хранитель Радищевского музея поручила мне, реставратору станковой темперной живописи (иконы), перед отправкой просмотреть экспонаты «на сохранность красочного слоя». «Сказочный лес» Гущина – разбилось стекло (к сожалению – поверх стекла авторские правки масляной краской), но холст не поврежден. Решили в Пензу посылать «Сказочный лес» без стекла.

Пяти картинам оказалось необходимым провести стандартные реставрационные процессы укрепления красочного слоя масляной живописи: «больной» участок пропитывается предварительно спиртом, разведенным водой до состояния водки, после «проветривания» – теплым раствором 5-6% рыбьего клея; плессиметром укладываются чешуйки красочного слоя – иногда пропитка одноразовая, в некоторых случаях неоднократная; на укрепляемое место накладывается папиросная бумага на том же клее; проглаживание теплым утюжком через фильтровальную бумагу – «до высыхания»; пресс – дня три.

Вдруг на этюде Мусатова при проглаживании теплым утюжком, из-под края папиросной бумаги показалось белильное пятно – этюд, казавшийся написанным масляной краской, оказался с меловым авторским (мало клея?) грунтом. Размокший мел и выступил на поверхность красочного слоя.

Аналогичный пример: у меня при укреплении жесткого шелушения двойного красочного слоя с грунтом на «Женщине в синем платье» – при проглаживании теплым утюжком из-под края папиросной бумаги выступило белое пятно – мел на слабом клее (грунт).

«Прогулка при закате»

Характеристика живописи Борисова-Мусатова и способ ее укрепления:

Эскиз написан на холсте, внешне живопись похожа на масляную. Мазки в основном пастозные, густые, поверхность во многих местах блестящая. В нескольких местах утрачен красочный слой. Пропитка 2%-ным ВА 2ЭГА с последующим подведением под наиболее пастозные места 5% раствора дала очень хорошие результаты. Красочный слой очень легко пропитался, стал эластичным и быстро приклеился. Блеска на поверхности не было, фактура живописи не изменилась, тональные отношения тоже. Эскиз укреплялся не весь, а только в местах отставаний (в основном на пастозных участках живописи). Тональная разница между укрепленными участками и неукрепленными незаметна.

Г.З. Быкова, А.В. Иванова. Об укреплении современной темперно-клеевой живописи полимерными материалами. // Сообщения Всесоюзной Центральной научно- исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР). – М. 1973. Вып. 28. С. 110.

Из Леонтьевых, архив СГХРМ: *Мусатов не сказал рецепт своего грунта.*

АТРИБУЦИЯ: «почерк художника»

Масляная живопись:

Фотофиксация (при боковом свете) фрагментов масляной живописи на трех живописных работах: «Натюрморт: сирень и ирисы в стеклянной посуде; копия с картины Башкирцевой «Жены-мироносицы»; «Женская фигура, склонившаяся над кадкой с фикусом» (Этюд к картине «Гобе-

лен»).

Увеличенные фотографии фрагментов трех картин идентичны – впечатление фрагментов одной картины.

Водно-клеевая живопись:

«Женщина в синем платье». Исполнена краской на водной основе поверх этюда масляной живописи к картине «Гобелен»: живописное письмо тонкослойное, полностью не перекрывающее нижележащий красочный слой, использующее его цветовой эффект.

Искать аналогию работ краской на водной основе.

Завершить атрибуцию – сопоставить фотофиксацию фрагментов живописи этих трех картин с работами Борисова-Мусатова, не вызывающими сомнения в своей подлинности

ВЕРСИЯ

Судьба картин Борисова-Мусатова «Натюрморт: сирень и ирисы в стеклянной посуде», копия картины Башкирцевой «Жены-мироносицы», «Женщина в синем платье».

1900 ГОД. САРАТОВ

Добошинские, владельцы магазина фотографических принадлежностей, знакомятся в 1900 году с увлекавшимся фотографией Борисовым-Мусатовым, становятся его близкими друзьями. *Я их вижу по-прежнему каждый день и душой отдыхаю у них. Такие они сердечные люди (*Мусатов, письмо сестре Лене, 1901, июнь). Добошинские Аполлинарий Иванович и Варвара Васильевна, родная сестра художника Сергея Васильевича Иванова: семья хранит живописные работы и альбомы с рисунками русских художников, в том числе Репина.

Разуверившись к 1903 году в саратовских надеждах, Виктор Эльпидифорович покидает город, не дожидаясь продажи своего дома. По доверенности продают дом Мусатова друзья художника супруги Добошинские. *Варвара Васильевна Добошинская, овдовев, после революции будет изгнана из своей квартиры. Будет голодать. Умрет в 1931 году в каком-то полуподвале* (Константин Шилов. Борисов-Мусатов. – М.: Молодая гвардия, 2000. С. 402).

1904 ГОД

В Дворянском собрании выставка «Алая роза». В каталоге, к сожалению, без указания размера представлены работы Борисова-Мусатова: *№ 5. «Сирень» (собственность г-жи Добашинской), № 6. «Эскиз» (собственность г. Букиника)*. Под этими названиями на выставке «Алая Роза» экспонировались живописные работы Борисова-Мусатова «Натюрморт: сирень и ирисы в стеклянной посуде» и «Женщина в синем платье».

1920–1930 ГОДЫ

В архиве Радищевского музея отыскивается в 2000-х годах фотография части экспозиции выставки «Саратовская школа живописи». На фотографии в центре стены «Натюрморт: сирень и ирисы в стеклянной посуде», экспонируется без подрамника, не имеет утрат холста. На обороте холста «Натюрморт: сирень и ирисы...» карандашные пометки: левый нижний угол – синим карандашом цифры 10368 или 10869 – инвентарные номера Радищевского музея, бравшего холст на несколько выставок, объединенных темой «Саратовская художественная школа», проводившихся Радищевским музеем в двадцатые–тридцатые годы XX века. Холст оставался в Радищевском музее до 1953 года (списывали «формалистов» и «голуборозовцев»).

1953 ГОД

Три работы Борисова-Мусатова, занесенные в Акт списания 1953 года, бывшие на временном хранении и не принадлежащие музею, возвращены по адресу – на Соборную улицу, в дом, снесенный в 1968 году: в этом доме на рубеже XIX–XX веков живут супруги Добошинские...

1967 ГОД

Сносят дома №25 и №27 по Соборной улице – освобождают место под пристройку к Высшей Партийной Школе (ВПШ). Некий старик из сносимых домов приносит в Радищевский музей (улица Радищева, 39) три картины. Радищевский музей не оставляет у себя работы – советуют отнести их в Саратовский областной дом народного творчества (ОДНТ, Проспект Кирова, 5), где готовится очередная выставка самодеятельных художников (одна из трех работ исполнена якобы художником-любителем).

ВЕРСИЯ

Происхождение картин «Натюрморт: сирень и ирисы в стеклянной посуде» (1896); Копия картины Башкирцевой «Жены-мироносицы» (1899–1900); «Женщина в синем платье» (1901–1902).

1885 ГОД

Детские впечатления Борисова-Мусатова:

– дворцовый фасад строящегося в центре города Радищевского музея в основе будущих впечатлений художника от дворянских усадеб;

– музей – храм муз;

– Саратов – столица искусства.

1889 ГОД

Гектор Павлович Баракки-Сальвини (Эттории Паоло) – заезжий итальянец, художник – один из учителей Мусатова.

Радуясь открытию в Саратове чудесного музея... убежденно повторял, что каждый город... должен иметь собственную живописную школу. «Какую свою «школу» может создать Саратов?»... «Какую школу?.. Благословенная природа этих мест сама подсказывает нам ответ. Цвет неба, прозрачность далей. И чистые звонкие тона, их контраст...Нужно – смелость. Много!...

О, это будет «Школа Солнечного Города!

Константин Шилов... С. 67.

1893 ГОД

Москва. Училище живописи, ваяния и зодчества.

Профессор Савицкий открыто заявил, что в Мусатове он видит опасного ученика, который не только ничего не делает сам, как нужно, но своим примером увлекает на ложный путь товарищей по классу.

Владимир Станюкович.

Мусатов в Париже

1895 ГОД

Октябрь.

...В ателье Кормона я начал работать действительно на другой же день, как приехал. Этюдов я ему своих не показывал, а начал прямо рисовать....

Письмо Е.Г. и Е.Э. Борисовым-Мусатовым. Зима 1895–96 г. – Мастера искусства об искусстве. – М.: Искусство, 1970. Т.7. С. 306.

Работаю от восьми до двенадцати. Остальное время работаю дома или брожу по картинным галереям и по Парижу.

Владимир Станюкович... С. 38.

1896 ГОД
Весна.
В галерее Дюран-Рюэл – посмертная выставка Берты Моризо. Через полтора года, в Саратове Мусатов держит в руках каталог выставки – запишет: «Передо мной каталог Берты Моризо... дорогой Моризо, я о ней вспоминаю, как о своей давно прошедшей любви...».
Константин Шилов... С. 163.

1896 ГОД
Письмо неизвестному.
...Я сделал большую ошибку... на шесть месяцев забросил живопись – и в результате я теперь потерял приобретенные в ней тропы. Я ее почти забыл... не хотел поддаться влиянию патрона, но я мог работать после двенадцати, т. е. гарантировать себя от его советов. Я теперь решил сделать так на будущий сезон.
«Мастера...». Т. 7. С. 307.

1896 ГОД. 4 МАЯ
Л. П. Захаровой.
...Я чувствую, что я возродился... – теперь весна. Масса цветов. Масса ландышей. Теперь здесь их сезон. И каждое утро, торопясь в ателье, на бульваре мимоходом покупаю на два су ландышей и держу их в кармане. Их запах напоминает мне наши русские простенькие рощицы с прохладными тенистыми прогалинами, где эти ландыши растут...
29 мая будет конкурс рисунков в ателье Cormon. И до 29 мая, значит, нужно работать... Не чувствую усталости и не мечтаю о энергии. Она нашлась. И мне хочется ею воспользоваться, чтобы последние дни до отъезда поработать вовсю. Мне кажется сейчас, что только теперь я начинаю понимать, в чем дело, и не хочется ограничиться только одним успехом, а яснее выяснить то, что я понял. Хочется воспользоваться этим оставшимся временем, чтобы смутные представления опять не испарились, а выразились сознательнее, реальнее... Весна. Солнце блестит во всю мочь.
«Мастера...». Т. 7. С. 308.

1896 ГОД
...Сделать опыт над женской головой на воздухе, не стесняясь яркости красок. Все лицо будет голубое, ярко лиловое, зеленое.
Борисов-Мусатов. Записная книжка.

...В Париже у Мусатова прозвище «Гога и Магога», из за пристрастия к Гогену и Ван Гогу.

«Натюрморт: сирень и ирисы в стеклянной посуде»: Принято считать, что первым годом пребывания в Париже Мусатов не писал, только рисовал. Однако привез с собой в Париж свернутые трубочкой грунтованные холсты. Письмо – «на шесть месяцев забросил живопись» – свидетельствует: в октябре 1895 года приехал в Париж – в апреле 1896 года Мусатов возобновил занятия живописью.

В начале мая 1896 года Мусатов пишет еще письмо: вспоминает саратовскую весну, поляны с ландышами; утром идет на занятия, покупает за два су букетик ландышей, весь день носит в кармане; скучает, хочет в Саратов, но уезжать нельзя – на 29 мая назначен у Кормона просмотр рисунков. Весенняя 1896 года посмертная выставка Берты Моризо разбередила: в Париже сирень расцвела – когда в Саратов приедет, сирень отцветет...

Поставил в стеклянную посуду цветы – сирень и ирисы, набил гвоздиками на подвернувшуюся дощечку грунтованный холст и написал натюрморт – счел необходимым подписаться кистью по сырой, непросохшей краске – «М В 96». Живопись исполнена на «фабричном» грунтованном холсте с красной печатью на обороте в прямоугольном картуше «ИАХ» (Императорская Акаде-

мия Художеств), в правом нижнем углу синим цветом печатные цифры – 806.

Мусатов в Саратове

...После долгих лет учения, жизни в Москве, Петербурге и Париже, общения с художниками, поэтами и музыкантами, – Мусатов вернулся...

Одетый франтом, летом в белую, а зимою в серую сюртучную пару, с ярким галстуком, с большим перстнем – печатью и серебряным китайским браслетом на руке, маленький, казалось бы несчастный, а на самом деле веселый и энергичный, не считающийся с мнениями окружающих, занятый непонятным и странным искусством, он производит на саратовцев впечатление «белой вороны» или чудака.

Владимир Станюкович... С. 46.

Дружит Мусатов с семьей Федора Корнеева. Федор окончил вольнослушателем Академию художеств, старше на год, но Виктор ездил, видел больше – рассказать, поговорить об искусстве – с кем? Только не с другом Корнеевым и не со своими учителями Баракки и Коноваловым – взгляды на искусство не совпадают. Вот Мусатов с Коноваловым пишут в мусатовском дворике: «Татарчонок» Коновалова в экспозиции Радищевского музея едва ли не с момента написания; у Мусатова этот же натурщик –

«...на зеленой траве, на коленях, спиной к зрителю сидит голый мальчик с красной феской на голове. На спине его пятна желтой краски и бело-голубые полосы. Все это загадочно и привлекательно» – так пишет Михаил Букиник, виолончелист, преподаватель музыки в Саратовском Мариинском институте... человек, ставший для Мусатова одним из самых близких и преданнейших друзей.

...Молодой музыкант признавался, что живопись он в те годы вообще понимать не умел, но был возмущен развязной веселостью местной прессы, которая писала о работах, остановивших его внимание: «Девушка с агавой» похожа на прокаженную, у «Мальчика в феске» – яичница на спине и т. п.

Букиник спросил директора Радищевского музея о Мусатове, и Рупини рассеянно ответил: «Большой чудак, Бог знает что пишет...»... Видя, как бьется Мусатов в бесконечной нужде, Букиник помогал ему деньгами, доставал их взаймы, добывал для него бесплатные билеты в концерты и оперу, старался и в разговорах, и в печати внушить веселящимся при имени Мусатова землякам, что среди них живет будущий знаменитый художник. «Ты всех самоотверженнее ко мне относился», – с радостью вспомнит Букиник фразу из одного мусатовского письма к нему.

Константин Шилов... С. 266–267, 268.

...летом в 1896 г. ...Мусатов проводил очень много времени с Кузнецовым, Уткиным и их друзьями. Молодые студенты собирались в саду около дома Мусатова на Вольской улице и писали пейзажи или моделей, например, татарчонка, которого Кузнецов приводил из бед-ного района, в котором он жил. Молодые люди жадно вслушивались в рассказы о Москве, Санкт-Петербурге, прежде всего, о Париже, о последних идеях в мире искусства. Мусатов мог поделиться с ними некоторыми техническими знаниями, что способствовало увеличению объема знаний, полученных от Коновалова и Баракки. И, действительно, к концу 1896 г. молодые художники поняли, что в Саратовской Школе им больше нечему учиться.

Peter Stuppes. Pavel Kuznetsov. – Cambridge University Press, 1989. С. 12–13. Перевод: Марина Сергеевна Савенкова, Валентина Сергеевна Палькова.

Просто и крепко рассказывал он (Мусатов – **В.Л.**) *о работе в Париже, где делают живопись, где «фантазии» в кавычках – грош цена: как каменщику при кладке дома некогда грезить, так и живописцу там не до этого.*

...нашу пустую, декоративную поэзию он наполнит большим человеческим содержанием и, глав-

ное, даст ей прочную живописную форму.

К. Петров-Водкин. «Пространство Эвклида».

1899 ГОД. ИЮЛЬ

Л. П. Захаровой.

Передо мной широкие горизонты, и мне хочется унестись в эту даль. Чувствую себя так же бодро, как в те времена, (когда) был в Академии, в Школе. И так же готов идти наперекор общему течению, так же готов возмущать этот застой и презирать всю рутину, с которой приходиться сталкиваться. Пусть не нравится, пусть не соглашаются, пусть ругаются. Мне все это смешно и мелко.

«Мастера искусства...». Т. 7. С. 309.

***

Спокойствие душу объемлет.
И я никуда не иду.

Здесь концерты, вечера, спектакли, скандалы,
Саратовцы, судя по газетам, мятутся.
Мятутся мои бедные односельчане.

А я сижу дома и задаю концерты себе одному.
В них вместо звуков – все краски.
А инструменты – кружева, и шелк, и цветы.
Я импровизирую на фоне фантазии,
А романтизм – мой всесильный капельмейстер...

Мечты мои всегда впереди.
Иногда они ближе меня окружают толпой,
Они мне создают целые симфонии.
Тоска меня мучит.
Музыкальная тоска по палитре, быть может.

И мне кажется иногда,
Что я на каком-то необитаемом острове,
И действительность как будто не существует.
Чьи женские лица и руки
Жизнь дадут моим мечтам.

И я никуда не иду,
Спокойствие душу объемлет.

Борисов-Мусатов. Цит. По: Владимир Станюкович... С. 92.

Истоки образности «мусатовских» женщин восходят к фотографиям Башкирцевой – подарку Боголюбову от ее матери. Положение руки со сплетенными пальцами, ритм рук, значимость жеста – одно из средств, используемых Борисовым-Мусатовым: «...через касания рук от одной фигуры к другой возникает непрерывное перетекание движения» – итоговое 1960 года высказывание А.Т. Матвеева универсально: характер воздействия работ Матвеева, пластика композиции Павла Кузнецова – обязательная принадлежность только ли картин Мусатова?

Образ рук... начинает «играть», когда руки или рука совершают движение... Особо отмеченны-

ми оказываются, конечно, не рядовые, обычные, профанически-бытовые, но семантически богатые, «ритуализованные» движения, за которыми стоят наиболее глубокие и ключевые смыслы, – мольба, клятва, проклятие, встреча и расставание, приветствие и прощание; приглашение, призыв и отсылка, отталкивание, изгнание; согласие и несогласие, отказ; радость и горе; указание, направление и подтверждение, отождествление. И в этой области «разрешающая» сила движения рук, как и выразительность их образа, несравненно богаче, чем образы головы, глаз, губ и т.п. «Жестовый» язык держится более всего прочего движениями рук: В.Н. Топоров. Миф о Тантале (об одной поздней версии – трагедия Вячеслава Иванова) // Палеобалканистика и античность. – М.: Наука, 1989. С. 86.

Из дневника Башкирцевой:

Я люблю, уединившись перед зеркалом, любоваться своими руками, такими белыми, тонкими и только слегка розоватыми в середине.

Это, может быть, глупо так хвастаться, но люди, которые пишут, всегда описывают свою героиню, а я сама своя героиня. Да и было бы странно унижать себя из ложной скромности. Ведь унижают себя на словах только тогда, когда в сущности, вполне уверены в своей высоте. А в моих писаниях всякий увидит, что я говорю только правду, и еще подумают, что я безобразна и глупа; это было бы нелепо.

Дневник Марии Башкирцевой. Избранные страницы. – М.: Молодая гвардия, 1991. С. 39–40.

При такой кипучей идеями голове она, конечно, пошла бы гораздо дальше своего ментора Бастьена (Лепажа). Тот был хороший мастер, но посредственный живописец.

И.Е. Репин, письмо В.В. Веревкиной 26 июля 1894 г. // Журнал «Искусство». 1961. № 2. С. 64.

Дневник Башкирцевой – *«...это одна из тех вопиющих исповедей, которые когда-либо были читаны»:* приведены слова парижского журналиста.

Е. Нагаевская. Мария Башкирцева. // Журнал «Искусство». 1987. № 3.

Искусство, взгляд на себя только под его углом, всегда олицетворяло Башкирцеву: в пять лет танцы – как идеал человеческой пластики, в двенадцать – преклонение перед своими же собственными руками «за красоту их линии», затем – пение как высший смысл звука, наконец – литература и живопись как постижение бытия «в доступных творчеству пределах».

Александр Басманов. «Тлеющий разряд». Памяти Марии Башкирцевой. Предисловие. – Дневник Марии Башкирцевой... С.10.

Виктор Эльпидифорович, много болевший, примерял на себя судьбу Башкирцевой – под впечатлением ее короткой жизни (умерла в 24 года), ее посмертной славы (картины в Лувре, в музеях Италии), ее знаменитых дневников, опубликованных на всех европейских языках.

Письма Мусатова – интонация дневников Марии Башкирцевой:

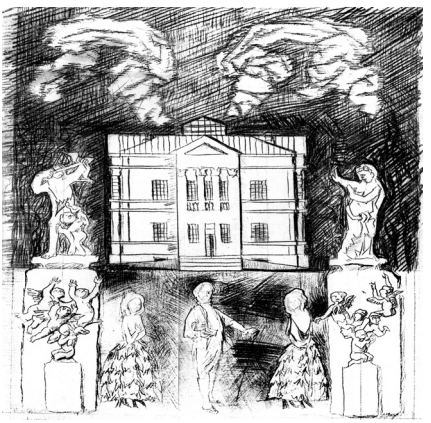
...Я отыскивала заданный урок, когда малютка Хедер, моя гувернантка, англичанка, сказала мне: «Знаете, герцог женится на герцогине М.». Я приблизила книгу к лицу, почувствовав, что покраснела, как огонь. Я чувствовала, как будто острый нож вонзился мне в грудь. Я начала дрожать так сильно, что едва держала книгу. Я боялась потерять сознание; но книга спасла меня. Чтобы успокоиться, я несколько минут делала вид, что ищу...Урок свой я отвечала прерывающимся от неровного дыхания голосом. Я собрала все свое мужество, как бывало бросаясь в воду с мостика купальни, и сказала себе, что надо преодолеть себя. Я попросила диктовать мне, чтобы хоть несколько времени иметь возможность не говорить.

С наслаждением ушла я наконец к роялю – попробовала играть, но пальцы были холодны и не-

Вяч. Лопатин. Мусатовская дорога из дома в школу. Бум, карандаш. 1958 г.

Вяч. Лопатин. Бал-маскарад в честь Радищевского
музея. Бум, монотипия. 1993 г.

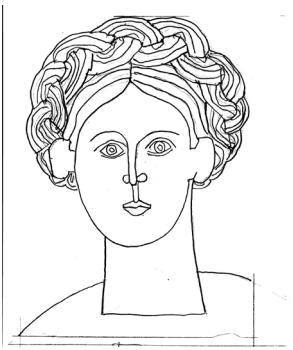

Вяч. Лопатин. Мусатов.
Рис. для монотипии. Бум, карандаш. 1993 г.

Т.В. Гродскова. Графья к портрету. Образное
решение Л.И. Суворовой-Алфёровой.
Бум, карандаш. 1980 г.

Графья к центральному персонажу. (Прототип – Светлина Васильева)

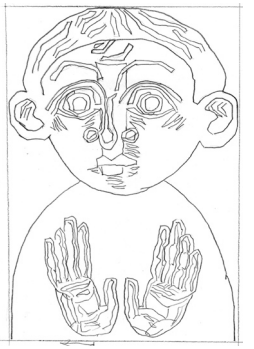

Графья к персонажу. (Прототи –бабушка художника)

Вяч. Лопатин. «И мы тоже были...» Мебельный картон, красящий пигмент на кварцевой основе. Энкаустика. 1960-1986 гг.

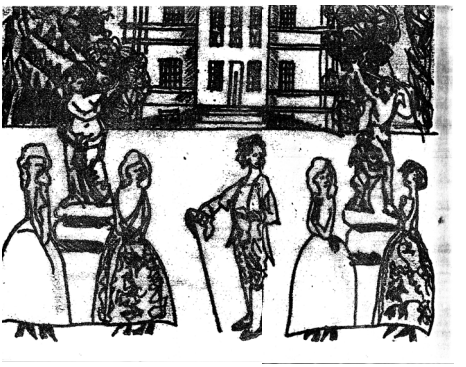

Графья к мальчику с котом. (Прототипы – брат художника Александр, кот Яшка)

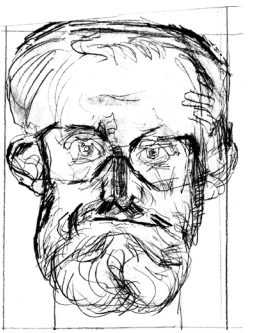
Вяч. Лопатин. Вариации на тему «Бал-маскарад в честь Радищевского музея». 1990-2000 гг.

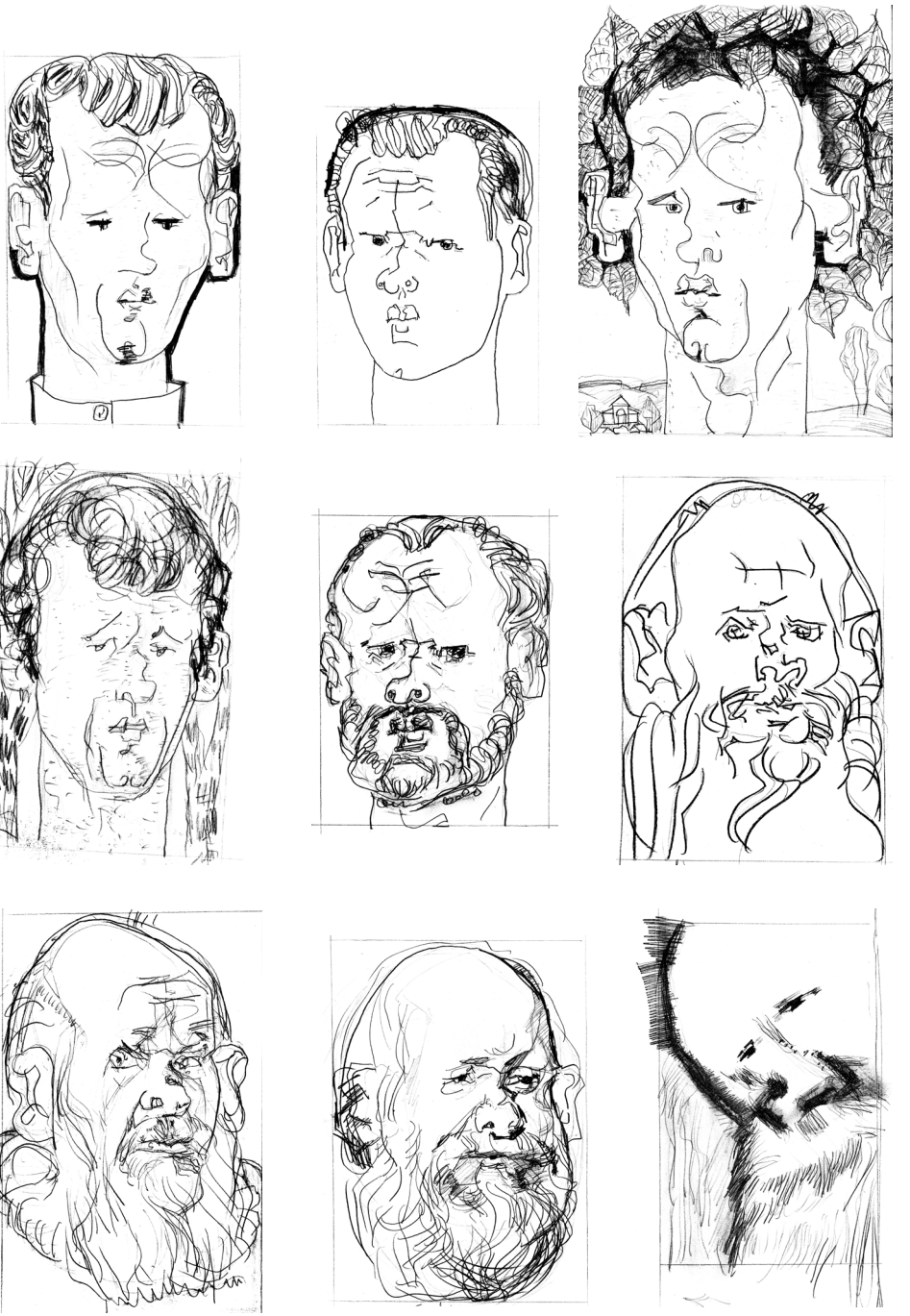

Вяч. Лопатин. Мусатов и Муза.
Рис. к монотипии. Бум, карандаш.

Вяч. Лопатин. Автопортрет.
Рис. к монотипии. Бум, карандаш, 1994 г.

Вяч. Лопатин. Рисунки разных лет к серии монотипий (120 л.). «Виктор Чудин: 1952-2103»

послушны...

Все время я думаю: он женится! Возможно ли? Я несчастна, несчастна не по прежнему – из-за обой или мебели, – но действительно несчастна.

С того несчастного момента, как эта болтушка сообщила мне этот ужас, я вся как будто запыхалась, точно я пробежала целую версту, – то же ощущение: сердце бьется до боли.

Я играла на рояле с каким-то бешенством, но посреди фуги пальцы мои ослабли и я должна была прислониться к спинке стула. Я начинала снова – та же история; в течении пяти минут я начинала и бросала... У меня в горле образуется что-то такое, что мешает дышать. Раз десять я вскакивала из-за фортепиано и выбегала на балкон. О, Господи, что за состояние!

Дневник Марии Башкирцевой... С. 34.

Борисов-Мусатов – Л. П. Захаровой

1901 год. 22 января

Простите друг мой что я Вам не ответил тотчас на Ваше письмо. Я был должен сделать это тотчас. Но у меня «в зобу дыханье сперло и от похвал вскружилась голова» когда прочел Ваше письмо. За утренним чаем прочел первую страницу Вашего письма и должен был моментально схватить газету чтобы скрыть свою физиономию от своих домашних. И чего они так на меня смотрят упорно? Узоры чтоль на мне какия? Этими несколькими строками Вы так живо перенесли меня в те счастливыя минуты, что я пережил там. Да истинно счастливыя. Вы может быть сомневаетесь какое же тут счастье. Но за подобныя минуты счастья я готов теперь после страдать долго, насколько хватит сил моих. Нет. Эгоистом я быть не согласен. Знаете ли Вы какое это счастье, наслаждение – молча любить. Я мучусь. Но я сознаю что через это я становлюсь лучше. Да – это моя броня от всяких зол. И я молча, но с гордостью взираю на прочих эгоистов. И что я был за дурак – отказывался от своей любви, отрекался от своей веры. Ведь это мое знамя – которое издали дает мне силы быть стойким. Ведь я сам себя обманывал и других тоже. Я теперь только это понял. И теперь я только понял что я и не перестовал ее любить. И потому Вы пожалуйста не смейте обвинять себя в каком то эгоизме и в том что Вы причиною тому что ко мне вернулось позабытое прошлое. И не думайте что это Ваша гостиная. И не разговоры праздные когда я только молчал. Все это не есть причина того что случилось. Может быть я хотел этого. Искал сам хотя и бессознательно. Не ужели Вы думаете что в мире мертвое воскресает вновь. Что забытое старое вновь возвращается. Никогда. В мире никогда ничто не умирает. Все вечно движется вперед и только принимает другия формы. Самая суть то вечно одна и та же. В жизни мы влюбляемся несколько раз – но любим только один. Но этот один единственный раз необходим для нас, как живому телу душа. Ибо любовь есть душа нашей души. Вы меня понимаете? Ведь без любви наша душа засохнет, замрет. Не правда ли? В жизни мы не переставая ищем эту душу, которая вместе с нашей составляет одну гармонию. Как составляют гармонию в музыке два звука в красках два тона. Найденная гармония дает покой искавшему и наслаждение. В противном случае мы только страдаем, тоскуем, мятемся. Когда мы находим эту душу гармонирующую с нашей мы вместе осуществляем полную гармонию. И это создает нам полное блаженство. Ибо гармония в мире никогда не пропадает. Эта гармония составляет часть одного аккорда, который называется вообще миром в широком смысле слова. Все же одинокие звуки – в мире ничего не значат, исчезают, умирают бесследно, как бы сильно они не звучали. Так неужели же я принадлежу к ним и мне не найти своего созвучия, пока не замру. Не ужели же мне не составить части одной гармонии. И не имея возможности находить в ней сил – не идти вперед, не расти в мировом оркестре. Ведь я же хочу звучать (хотя бы в мире искусства)...

Вы простите меня. Я вам так много пишу. Может быть Вам это все очень скучно. Когда мне бывает слишком тяжело – я сажусь и пишу, все что у меня есть на сердце. И мне становится легче. Какое то спокойствие и примирение сходит на душу. Я в такие минуты писал всегда и раньше. У меня целы и сейчас все те листы, только я их не посылал никому. У меня не было раньше такого друга как Вы. С такой тонкой, деликатной душой которой отзываешься. Вы может быть не знаете

как ужасно одиночество. И я Вам очень благодарен за все. Вы видите как я с Вами откровенен как ни с кем. Но все то что я не стесняясь пишу к Вам я может быть не сказал бы на словах...

Душечька, это напрасный вопрос что не разочаровался ли я в вас? Я очарован Вашей добротой и не настолько уж наивен, чтобы принять в серъез все слова и шутки. Ведь это напускное. И чем бы Вы не увлекались, все таки кажется что Вы ни на какую мне пошлость не способны. Я в этом уверен. И в знак моего к Вам уважения целую Ваши ручки.

Письма В.Э. Борисова-Мусатова. СГХРМ. Архив. Орфография письма сохранена.

Копия картины Башкирцевой «Жены-мироносицы»: Мать Башкирцевой, после смерти дочери в 1884 году, дарит Боголюбову картину «Жены-мироносицы», изданные за границей книги о дочери, семейные фотографии. С материалами о Башкирцевой, храня-щимися Радищевским музеем, жаждет познакомиться Борисов-Мусатов. И поэтому (за пределы музея «выдавать на руки» инвентарный учет не положено) Мусатов просит на время летних каникул (при музее художественное училище) поработать над своей небольшого размера картиной «Гармония» в здании музея (практической необходимости нет – гораздо большую размером картину «У водоема» Мусатов писал в своем доме). В 1899–1900-х. годах Мусатову выделили мастерскую в Радищевском музее – комнату второго этажа («Зеленый зал»: СГХРМ, архив, фонд А. и В. Леонтьевых). При музейном скверике, в сумерках (вечером) исполнен этюд кавалера в старинном костюме – позировал Федор Корнеев, на заднем плане фигура музейной сторожихи, жившей при музее.

В Радищевском музее Мусатов сделал копию «Жены-мироносицы». Живопись масляная. Холст (48х39 см., без подрамника) предварительно загрунтован и прописан теплой масляной краской – подмалевком (так у Башкирцевой). Подмалевок оказался неподходящим – слишком темным: копия исполнена на обороте этого холста – новый грунт, новый подмалевок.

«Жены-мироносицы» Башкирцевой десятилетием ранее предвосхитили характеристики персонажей Врубеля. Мусатов в копии сохранил образные представления Башкирцевой – сам он приверженец другого типа монументальности. Уступая Башкирцевой тщательностью разделки, копия превосходит оригинал живописными качествами: ясностью цветовых отношений, энергией письма.

***

...Я создал себе мир грез и мечтаний и идеалы этого мира нахожу выше жизненных идеалов. Нахожу их выше идеалов окружающего общества и тех кого я любил, ибо и они меня не понимают.
Мусатов

...все более и более удаляясь от жизненности первоначальных этюдов ради жизненности нового гармонизированного организма-картины.
В. Станюкович

...Незадолго до 1903 года Общество Изящных Искусств было закрыто администрацией как одно из «очень вредных» учреждений, и кружок саратовской интеллигенции вынужден был искать нового пристанища. Было в Саратове Санитарное общество, основанное врачами, назначение которого состояло в заботах о санитарных условиях жизни горожан, но по мере того, как сгущалась реакция, деятельность Санитарного общества расширялась... (Санитарное общество - В.Л.) *решает порадовать Саратов картинною выставкою... Споры были страстны. Радикально мыслящие интеллигенты настаивали на передвижной, вновь вошедшие (в их числе был и Мусатов), ссылаясь на полное банкротство эпигонов передвижничества, рекомендовали Московское Товарищество Художников.*

После долгих споров решено было в 1903 году пригласить Московское Товарищество, а в 1904

– Передвижников. Фактическим устроителем выставки явился Мусатов... единолично распоряжался ее устройством в аудитории Народных Чтений.

На выставке были хорошо представлены все члены Московского Товарищества и, особенно, Мусатов, давший все свои работы периода «Гармонии»: «Весну», «За вышиваньем», «Guand les lilas» и «Встречу у колонны». Особенно полно была представлена работа художника над «Гармонией»: все подготовительные этюды, начиная с «Вечера в усадьбе» и кончая эскизом и вторым вариантом «Гармонии» были выставлены.

Выставка возбудила всеобщий интерес, в газетах поднялась полемика.

...Тщетно общепризнанный в Саратове знаток искусства Н.Д. Россов доказывал в Саратовском Дневнике всю законность опытов Мусатова и его единомышленников по Товариществу, плененных красотой мира, радостно изучающих игру солнца, общественное мнение было смущено и явно предпочитало Коноваловские «Трупы» ярким картинам новой школы. «Серьезно» относящихся к искусству провинциалов возмущала «беспринципность» служителей нового искусства, их «кривлянье». Слово «декадент» не сходило с газетных столбцов, не смолкало в устах многочисленных хулителей выставки.

Мусатов привык к хуле и глумлению. Не ждал он восторгов и здесь, в родном городе, но, когда раздался согласный хор осуждения, порвалась последняя связь его с Саратовом – он стал противен художнику.

Как только выставка была закрыта и картины отправлены в Москву, он уезжает на дачу в Хвалынск с набросанной на большом холсте новой работой. Как бы черпая в осуждении подтверждение правильности избранного пути, он пишет новую картину (С. 104–107).

«Изумрудное ожерелье» сплошной нигилизм с точки зрения программной живописи и критики. Ни один элемент картины не выпадает из круга чистой живописи.

...он рвет последние нити, которые могли бы примирить с ним не только саратовцев, но и многих из соратников – художников.

Глядите на живопись, на линии, на краски, на тона картины, на ее построенность и радуйтесь краскам, линиям и мажорному звону ее (С.104–107).

...Оглянувшись вокруг, художник заметил, что он в пустыне: в городе у него не было ни товарищей, ни единомышленников; искусством интересовались немногие: кое-как тлела музыкальная жизнь, литература ценилась как проводник либеральных идей, живопись была представлена Коноваловым и его школой (С. 46).

...Решение бросить Саратов окрепло и требовало немедленного исполнения. Никаких связей с родным городом у него не осталось. Мало того, – он стал невыносим для художника. Добрые знакомые теперь, после выставки, на которой были осуждены все его стремления, стали ему совершенно чужды. Небольшой кружок молодых художников, иногда навещавший его уединенный домик, жил всецело интересами Москвы (С. 104).

Он готов продать дом невыгодно, лишь бы вырваться из кольца чужих ему людей, которые стоят вокруг равнодушной массой (С. 73).

...– он пришел в отчаяние. Да и было от чего! Как ни играло солнце в этюдах, как ни сверкало оно на белом капоте дамы, в седых волосах старика, – действительность, тривиальная и постылая, – не могла переродиться.

Художник стремился преобразить окружающее в красоту: наблюдения над природой давали ему возможность превращать скромный кустик в горящую красками драгоценность, но изображать окружающих людей в их повседневной обстановке, преображать тот быт, который он ненавидел, от которого стремился уйти, – было ему не под силу (С. 131).

...Бежать, во что бы то ни стало бежать от этой обыденщины, от этого узкого мира! Но куда? (С. 53).

Владимир Станюкович.

1903 ГОД

Виктор Эльпидифорович расстался с иллюзией – отказал Саратову в возможности стать одним из центров современного искусства: молодые друзья Борисова-Мусатова еще не разочарованы – полны энтузиазма.

1902 ГОД

Павел Кузнецов вместе с Уткиным и Петровом-Водкиным исполнили роспись летнего придела Саратовской церкви Казанской божьей матери.

...Переломными, определившими дальнейший путь были 1902–1903 годы не только для Павла Кузнецова, но и для его друзей-единомышленников.

...Казалось, что новые формы, в которые должны отлиться их мысли, чувства, ощущения, могут быть найдены именно в сфере монументально-декоративной живописи... живописцы были счастливы сознанием, что могут наконец насладиться «свободой», не сдерживаемой холстами, «не знать предела своей энергии, своей фантазии, широким потокам краски». В результате были созданы, по словам Мусатова, «вещи страшно талантливые и художественно оригинальные...», а вся роспись в целом оказалась первой неканонической церковной росписью в России.

...в композиции Павла Кузнецова впервые в истории русской живописи XX века проявляется почти инстинктивное пока (слишком мало еще он видел) обращение художника к искусству примитивов, к «варварским» художественным идеалам, к «детскости» и народности. Эта тенденция, характерная для западного искусства конца XIX – начала XX столетия, в русском искусстве выступит отчетливо лишь через несколько лет, в частности в творчестве самого Кузнецова....

Этих картин, названных Кузнецовым «Гобеленами», было, очевидно, шесть или семь. Они не сохранились.

...Свидетельством увлечения Кузнецова гобеленами... служат вышивки, созданные им собственноручно, очевидно, уже в 1904 году...

А. Русакова. Павел Кузнецов. – Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1977. С. 39-45.

1957 ГОД

Чудин рассказал: Радищевский музей и Саратовское художественное училище празднуют 70-летие Боголюбовского рисовального училища (БРУ). Выступает приехавший на празднование Павел Кузнецов.

Присутствующему на выступлении Чудину запомнилось постоянно повторяющееся в речи Кузнецова слово *«ГоблЕн»*.

1904 ГОД, 24 ЯНВАРЯ

«Вечер нового искусства» состоялся в залах Саратовского музыкального училища.

...Панно Кузнецова вместе с аналогичными работами Уткина были впервые показаны публике на «Вечере нового искусства»...

...Организованный М. Букиником... этот вечер-концерт должен был познакомить местную интеллигенцию с созданными под знаком символизма произведениями современной поэзии, музыки, живописи. Специально приехавший в Саратов К. Бальмонт выступил с чтением своих стихов, А. Гольденвейзер и Букиник исполняли новую музыку, артистка Московского Художественного театра А. Адурская читала стихотворения Эдгара По. Вечер вызвал ожесточенные нападки с одной стороны и искренний интерес – с другой.

А. Русакова... С. 43.

1904 ГОД. 27 АПРЕЛЯ – КОНЕЦ ИЮНЯ

Выставка «Алая Роза».

...участвовали все члены содружества, за исключением Петрова-Водкина. Организаторами – Кузнецовым и Уткиным – были приглашены и три художника старшего поколения – Врубель, Му-

сатов и Е.В. Александрова (жена Мусатова). Привлечение на выставку Врубеля и Мусатова еще раз доказывает, как ясно видели свою связь с ними Кузнецов и его друзья.

...Газетная травля в сочетании с проигрышем дела о росписях церкви Казанской божьей матери (в апреле 1904 года) и последующим их уничтожением заставила Кузнецова навсегда отказаться от мысли сделать Саратов «плацдармом боев за новое искусство».

А. Русакова.

«Женщина в синем платье»: необходимые уточнения

О «примитиве» Борисова-Мусатова, Павла Кузнецова:

...1896 год, Париж, видит (?) Мусатов картины Анри Руссо.

Среди откликов на выставку Салона Независимых 1896 г. один анонимный критик сравнил Руссо с «примитивами каменного века».

М. Бессонова. Анри Руссо и французские наивы // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. – М: Наука, 1983. С. 156.

...интеллектуализм был не в чести, Руссо представлялся своего рода эталоном Ощущения в его первозданном виде. Таможенник воплощал то, на что был способен чистый инстинкт. Он сам был этим чистым Инстинктом – великим примитивом, чудом, возникшим посреди современной цивилизации...

Анри Перрюшо. Таможенник Руссо. – М.: Радуга, 2001. С.63.

1904 ГОД. САРАТОВ, Выставка «Алая роза»

...экспонировались живописные работы Борисова-Мусатова «Натюрморт (сирень и ирисы в стеклянной посуде») и «Женщина в синем платье» («Мусатовский» сюжет – «Девушка на балконе»).

«Женщина в синем платье» – тонкослойный подмалевок поверх красочного слоя масляной живописи. При боковом свете фактура нижележащего красочного слоя обнаруживает рельефное изображение женщины в длинном платье, склонившейся над кадкой с фикусом. В утратах записи – справа красное кирпичное здание, слева – листва дерева (этюд к картине «Гобелен» 1901 года).

Этюд к «Гобелену» натурный, одноразовый, написан масляной краской на тонком грунтованном холсте без подрамника. Красочный слой масляной живописи обезжирен, проклеен и записан краской на водно-клеевой (краска натирается на сырую марлю) основе. (Кончается темпера, присланная в 1998 году друзьями из Мюнхена, и Виктор Эльпидифорович собственноручно изготавливает из сухих пигментов краску – «поздний» Борисов-Мусатов не работает масляной краской.) На обороте сквозь разошедшиеся нити холста проступают пятна краски, которой написана «Женщина в синем платье».

«Женщина в синем платье» отличается среди работ Мусатова провокативно «примитивным» стилем исполнения – следствие общения с единомышленниками. Петр Уткин, Павел Кузнецов, Козьма Петров-Водкин работали преимущественно масляными красками вплоть до церковной росписи, исполненной красками на водной основе. Опыт работы темперой был у Борисова-Мусатова, и общение с молодежью одними разговорами не ограничилось. Взял Виктор Эльпидифорович холст с натурным этюдом к «Гобелену», натянул его на подвернувшийся под руку подрамник, оказавшийся больше размером, и наглядно показал приемы работы водяной краской – обезжирил масляную поверхность для связи с последующим красочным слоем, проклеил, тут же и написал – повторил («вольная копия» – западный способ копирования) свой сюжет «Женщина на балконе».

Живопись производит впечатление «раскрышки» – на первый взгляд, начала работы: взяты общие отношения, лицо и пальцы рук не прописаны. На обороте же подрамника карандашная

надпись «окончен(Ъ)», «окончено» (рука Борисова-Мусатова? нужна графологическая экспертиза). Надпись утвердительного характера («считать законченной»).

1994 ГОД. САРАТОВ,

Выставка «Русский живописный символизм. К 90-летию выставки «Алая Роза». Из собраний музея им. А. Н. Радищева, Государственного Русского музея, Государственного музея-запасника «Петергоф», частных собраний Москвы, из Санкт-Петербурга.

Рубеж XIX–XX веков: музеи Европы и России экспонируют средневековое искусство в отделе «Примитив». Фонвизин А.В. (1883–1973) – его «примитивные» акварели «Мюнхен. В парке» (1905), «На прогулке» (1909) из Государственного Русского музея. «Наивный» пейзаж маслом Петрова-Водкина (1904? 1909?) из Хвалынской картинной галереи его имени (филиал Радищевского музея).

«Наивное» искусство в кругу интересов мюнхенских, саратовских друзей Мусатова. И в похвалу, и в укор пристрастие к иконе приписывается Петрову-Водкину – оно и очевидно, в отличие от «примитива» Павла Кузнецова:

...Павел Кузнецов всегда был провинциалом. Его рождение и воспитание в Саратове в конце 19 в., вдали от культурных центров Российской империи дало ему свободу стоять в стороне от принятых понятий об искусстве, не принимая общепринятых мнений интеллектуалов-космополитов столицы – Санкт-Петербурга или более сознающих себя «россиянами» москвичей. Его провинциальное происхождение обычно выдвигается в качестве источника (причины) его причудливой, порой эксцентричной наивности, его привлекательной мальчишеской натуры, или же, в ранние годы творчества, его дерзкой, недисциплинированной оригинальности. С другой стороны, он всегда будет представляться стоящим в стороне аутсайдером, которому не доставало особых привилегий и покровительства, которыми могут пользоваться представители интеллектуальных кругов обеих столиц. Кузнецов никогда не был среди этих интеллектуалов.

...С тем же энтузиазмом, что так привлекало британцев к Индии и французов к Северной Африке, также и русские были очарованы «Востоком», от дикого и романтичного Кавказа Лермонтова и молодого Толстого, от простой мудрости Дальнего Востока, описанного Владимиром Арсеньевым, до кочевой идиллии Киргизских степей и шумных и многоцветных базаров Средне–Азиатских Эмиратов, изображенных уже самим Кузнецовым. Восток виделся восхитительной, необыкновенной, таинственной и ко всему прочему, неиспорченной «хранительницей» древних мудростей, из которых индустриализованный, сверхцивилизованный Запад мог научиться их преимуществам. Там художник и мастер прикладного искусства могли освежить свое визуальное восприятие не только благодаря разнице культур, но и потому, что Восточные искусства не подверглись уничтожающему индивидуальность влиянию Западного академического учения. Здесь чувствовалась и осознанная стихийность, непосредственность, и благородство жестов, и беззастенчивая экспрессия цвета, движения, образов и структуры. Русский неопримитивизм также признавал Восток источником, из которого проистекает собственное родное искусство, в котором законная струя была изнурена, превращена в критический реализм 19 века, – рекой, искупавшись в которой, можно было освежить зримую образность.

Peter Stuppes... С. 1, 132-133.

...предельно актуальной проблему примитива делают характерные особенности художественного развития XX века, когда обращение к опыту и ценностям «наивного» творчества стало программным для ряда крупнейших мастеров и для целых направлений современного искусства. Именно с этой особой ролью «нижних» слоев художественной культуры в формировании целого ряда художественных течений сперва 1910–1920-х., а затем и 1970-х. годов в отечественном искусстве были связаны открытия в области примитива, осознание его художественной полноценности, начало собирательства.

...Составители... считают свой сборник экспериментальным и видят его задачу в том, чтобы «хотя бы в первом приближении определить «зону примитива» в художественной культуре нового и новейшего времени, размежевав ее и с учено-артистическим профессионализмом, и с классическим фольклором и наметив пути ее дальнейшего изучения» (С. 3–4). Речь идет... об утверждении самого понятия примитива в его современном научном значении, о выяснении границ и связей изучаемого явления, установлении терминологии и выявлении круга вопросов, подлежащих дальнейшей разработке.

...первый небольшой сборник, посвященный изобразительному примитиву, не может исчерпать сформулированную в его заглавии тему... в области теории статьи семи авторов делают лишь первые (важнейшие) шаги к новым обобщениям, к современному и более широкому пониманию проблемы примитива в целом.

Ю.Я. Герчук. Рецензия на: «Примитив и его место в художественной культуре нового и новейшего времени». – М.:Наука, 1983 // В сб.: Советское искусствознание. 1985. Вып. 19. С. 363-367.

Мечтать не возбраняется

«Женщина в синем платье»: кроме владения техникой, Мусатов на холсте дал наглядный урок оригинального («примитив») образного решения темы – *«...в композиции (церковной росписи) Павла Кузнецова впервые в истории русской живописи XX века проявляется почти инстинктивное... обращение художника к искусству примитивов, к «варварским» художественным идеалам, к «детскости и народности»* – А. Русакова.

При подготовке каталога выставки «Париж–Москва. Москва–Париж» Сарабьянов, говоря о вкладе России в искусство XX века, употребил термин «неопримитив» (вклад Франции – «фовизм», Германии – «экспрессионизм»).

Мечтать не возбраняется: «Русский неопримитив» – исследование. Суперобложка – репродукция картины «Женщина в синем платье» Борисова-Мусатова 1902 года. Автор Питер Стапельс – Новая Зеландия (издал монографию о Павле Кузнецове в 1989).

Основоположниками русского неопримитива числились Ларионов («Венера», ок. 1910, ГРМ; «Отдыхающий солдат», ок. 1910, ГТГ), Гончарова («Жатва», 1910, частное собрание, Париж; «Сбор плодов», «Стирка белья», обе в ГРМ). Завидное первородство – восхождение русского неопримитива к Борисову-Мусатову.

Как же было Павлу Кузнецов не экспонировать в 1904 году работу Борисова-Мусатова «Женщину в синем платье» на выставке «Алая роза»? Когда-нибудь в архиве отыщутся фотографии, сделанные Мусатовым на экспозиции выставки «Алая роза»: тогда атрибуция будет доказана «окончательно», а пока...

...По приезде в Саратов застал здесь выставку «Алой розы», которую организовали Кузнецов и Уткин, знакомые вам по Мамонтову. Ради любопытства посылаю Вам фотографии с их выставки картин и газету с критикой на эту выставку. Вот какие бывают теперь в провинции выставки и вот как их критикуют.

Борисов-Мусатов – С.П. Дягилеву. 1904 год. Июнь. Саратов

Мечтать не возбраняется - 2

«Саратовская школа» в общественном сознании: исток русского авангарда, завершающий этап современного изобразительного искусства, переход к «новейшему» (изобразительному ли?) искусству.

Уроки Борисова-Мусатова «на уровне красочного слоя», построенная им образная характеристика, его философские принципы «породили» Павла Кузнецова и Петра Уткина («Петра и

Павла» – дружеское прозвание), Петрова-Водкина, Александра Матвеева.

Новые свойства красочного слоя наделяют изобразительное искусство Кузнецова, Уткина (в первую очередь Врубеля, Мусатова и Серова) качествами перехода традиционной русской живописи XIX века к «современному» этапу ее развития.

Марксистская искусствоведческая наука назначила дату Великой октябрьской социалистической революции рубежом этого перехода – таким отсчетом времени начиналась экспозиция отдела «Современное искусство» в Радищевском музее. И теперь, после окончания ремонта обеих корпусов музея, предстоит воссоздание отдела с неизбежным пересмотром понятия «современное искусство» – предмета, его границ. «Наглядный материал» – картины, хранящиеся Радищевским музеем, дают возможность уточнить значение художников Саратова в искусстве России. Работы именно хранятся: изредка выставляются, изучаются разрозненно, не в комплексе. Подготовка целевой выставки за пределами «провинциальной» возможности: совместная, дополненная работами других музеев, показанная Москвой и Ленинградом, ожидаема пересмотром сложившихся представлений.

Счастливое стечение обстоятельств позволило Радищевскому музею собрать цельную группу живописных работ – предметное свидетельство изменения отношения художников к красочному слою в этот переходный период. Восторженны этюды 1890-х начинающего работать Петра Уткина – он их ценил и берег, не разрознил, увез с собой в Ленинград, когда его вынудили в 1932 году покинуть Саратов. Радищевскому музею повезло: этюды сохранились, возвратившись 1970-м годом в Саратов стараниями Т. В. Петровой (Гродсковой) – не утеряно центральное звено преемственности русской живописи рубежа XIX–XX веков.

Петр Уткин – ведущий (*Да я за одного Уткина всего Кузнецова отдам:* Михаил Аржанов) начального этапа работы художников группы Павла Кузнецова. Большая – сравнительно прежним этюдам – работа 1901 года «На Волге» (холст, масло, 49x65. Поступление 1939 года в Радищевский музей от Государственной закупочной комиссии – ГЗК. Инв. Ж–1131), исполненная Уткиным в период весеннего разлива Волги, особенно поразила Павла Кузнецова, когда он увидел в Москве, в мастерской Серова его осеннюю 1901 года работу «Стог сена» (холст, масло, 71x135. Инв. Ж–841. Поступление в Радищевский музей 1927 г. – Государственный музейный фонд – ГМФ).

Поразило Кузнецова, что Уткин – ученик Серова, весной 1901 года предвосхитил техническими качествами, в манере пастозного красочного слоя масляной живописи осеннюю 1901 года работу учителя «Стог сена» – ориентир критерия достоверности искусству. Интуиция ученическая – аванс исторической репутации художника и учителя: Серов «видел» – *«Только благодаря его настойчивости было приобретено в Третьяковскую галерею «Утро»* Павла Кузнецова *1905 года»* (А. Русакова... С. 23.); Серов «делал» – преждевременная смерть прервала, в отличие от современников, развитие его живописи – так Константин Коровин, переживший Борисова-Мусатова и своего ученика Петра Уткина, учивший почти всех художников «саратовской школы», остался своей живописью в XIX веке.

Под совместным влиянием Уткина и Серова, их восторгом исполнен Кузнецовым цикл картин из поездки на север в первой половине 1902 года: в Радищевский музей «по наводке» А. Русаковой поступил «Северный пейзаж с оленями» (1902, холст, масло, 62x100. Поступление 1969 г. от О.И. Кузнецовой, Саратов. Инв. Ж–2331).

Идентичны качества красочного слоя масляной живописи 1901 года Уткина «На Волге» и Серова «Стог сена», 1902 года «Северного пейзажа с оленями» Кузнецова и 1902(?) года «Автопортрета в берете на фоне Волги» Петрова-Водкина. Мое осознанное увлечение характеристикой красочного слоя началось с «Автопортрета...», находящегося в Хвалынской картинной галерее им. Петрова-Водкина – я его реставрировал в 1970 году в Хвалынске: укреплял красочный слой, дублировал (живопись исполнена на холсте без подрамника), удалял стойкие поверхностные загрязнения, подводил на утратах по периметру реставрационные вставки холста, грунтовал, тонировал. Когда Солянов проводил аналогичные реставрационные процессы на «Северном пейзаже с оленями», характер красочного слоя, по аналогии «Автопортрету в берете...», мог быть приписан

Петрову-Водкину. «Решающие» аргументы атрибуции вторичны: документальные свидетельства о северной поездке Кузнецова, поступление этого холста из родительского дома, изображение оленя на «Северном пейзаже с оленем».

Технические признаки гораздо определеннее, нежели стилистические и формальные, в оценке которых всегда много субъективизма: В.А. Щавинский. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. – М.–Л.: ОГИЗ, 1935. С. 61.

Без практики реставратора опрометчиво говорить об «идентичности красочного слоя» (в своих руках держать картину – совсем не то, что видеть ее на музейной стене, где ее не узнать), но мне везет – через мои руки проходят и два десятка этюдов Уткина 1890-х годов – готовил их к выставке: укреплял живопись, исполненную на холстах или картоне «без подрамника», удалял стойкие поверхностные загрязнения, наносил защитное покрытие.

Работа 1902 года в технике масляной живописи Уткина, Кузнецова, Петрова-Водкина не завершила учебу – природу живописи этих художников изменила состоявшаяся в тот год церковная роспись. Натурные волжские этюды Петрова-Водкина 1903–1904 годов, его хвалынский пейзаж 1904 (1909?) года в «наивной манере» (работы находятся в Хвалынской картинной галерее) – отказ от традиционной корпусной живописи (у Петрова-Водкина традиция иконописная, но масляная, не темперная). Водно-клеевая живопись Борисова-Мусатова и церковная роспись 1902 года переключила внимание художников...

Одним из первых русских художников, семантически обогативших материал искусства, заставив заговорить собственным языком грунт, мазок, краску, был Борисов-Мусатов. Вслед за ним пошли и художники «Голубой розы». ...Особенности изобразительного языка мусатовской школы легли в основу изобразительного языка авангарда: Флорковская А.К. Творческий метод художников «Голубой Розы». К вопросу о школе Борисова-Мусатова. // Сб.: В.Э. Борисов-Мусатов и «саратовская школа». Материалы седьмых Боголюбовских чтений, посвященных 130-летию со дня рождения В.Э. Борисова-Мусатова. Саратов.11-14 апреля 2000 года. – Саратов, 2001. С. 114, 120.

Явление, зародившееся на рубеже XIX–XX века в Саратове и назвавшееся в 1907 году «Голубой Розой»... явилось первым шагом русского искусства за пределы XIX века. Освободив живопись психологически и в большей мере пластически от задач изобразительности, оно открыло путь, по которому вслед за тем пошло развитие русского авангарда: Гофман И.М. «Голубая Роза» как воплощение понятия «саратовская школа» в русском искусстве. // Сб.: «В.Э. Борисов-Мусатов и «саратовская школа»... С. 30.

***

Борисов-Мусатов: все известные, «знаменитые» его картины создаются в Саратове, но при жизни Виктора Эльпидифоровича Радищевский музей не интересует его живопись – единственная его работа поступает в музей спустя пять лет после смерти художника в дар от вдовы Е. В. Борисовой-Мусатовой («Осенний мотив». 1899, холст, темпера, 143x98,5, Ж–309). По словам Е. Водоноса, в 1912 году предлагались Радищевскому музею три этюда Мусатова – остались в музее, но брать не хотели.

В 1919 году сторонники «революции искусства» хотели организовать в Саратове музей «Нового искусства» имени художника В.Э. Борисова-Мусатова. «Лирический модерн» Мусатова (слова Тугенхольда), практика Павла Кузнецова, Петрова-Водкина, Александра Матвеева – они не отражают, а преображают действительность – программное содержание саратовского музея «Нового искусства»: исток русского авангарда, завершающего этап «современного» искусства – ориентир иной практики, другого значения, поиск смысла «неизобразительного» – искусства ли?

«Советская» ситуация – содержательная суть памятника культуры «ниже планки» его существования; источниковедение замещено идеологическим комментарием – состояние общественного сознания «пульсирует».

14 августа 1938 г. Доклад Бурмистрова (Директор РМ – В.Л.)
Полит просвет работа (сектор).
«Голубая роза». У нас выплывает как положительное а так как самое отрицательное (явление). К праздникам Революции. Люди готовятся по настоящему к этим дням. Музей поставлен на службу Советской власти. а мы с таким отделом Советского искусства далеко уедем?
СГХРМ. Архив А. и В. Леонтьевых. Опись №1 ед. хр. 49, лист 309. Орфография документов здесь и далее сохранена.

23 августа 1938 г.
Не выставлять (в экспозиции Радищевского музея – В.Л.) *Вебера, Корнеева, Юстицкого.*
СГХРМ. Архив... Опись №1 ед. хр. 29, лист 165-оборот.

1939 год, собрание коллектива Радищевского музея.
...политическая ошибка показать Врубеля, Мусатова.
СГХРМ. Архив ... ед. хр. 23.

1943 год. 28 июня
Художник А.В.? Шиганов говорил нам, что ему передавали сказанные кому-то в беседе слова М.В. Нестерова, что у нас есть только два живописца, это Мусатов и Врубель.
СГХРМ. Архив... №42. 111. Лист 95.

1945 ГОД
В Радищевском музее персональная выставка В.Э. Борисова-Мусатова к 50-летию со дня смерти.

1947 ГОД
Я хочу остановиться на одном очень важном вопросе. Это вопрос о повышении политико-воспитательной работы в училище, о постановке политической учёбы. К сожалению, среди саратовских художников политическая учеба организована слабо. Для того, чтобы правильно разрешить тему, художник должен быть подкован политически и идеологически: Павлов Николай Александрович. Профессор АХ СССР. «За высокую идейность советского искусства». К 50-летию Саратовского художественного училища. Газета «Коммунист». 9 июля 1947 год.

...В Саратов, ставший глухой провинцией, приезжает французский репатриант Гущин (назначен на работу реставратором в Радищевский музей), возвращается Юстицкий (отсидел десять лет лагерей). Друзья дореволюционной поры Гущин и Юстицкий хранят традиции Боголюбова: критерий качества, связь с европейским искусством, укорененность российскую.

...надо отметить, что Щеглов все больше и больше отказывается от беспредметных этюдов, но вдруг он снова о них вспоминает и обязательно среди трех–четырех вещей дает этюд в чистых принципах импрессионизма или сезанизма: В. Завьялова. «Саратовские художники за годы Советской власти». 1947 г. СГХРМ. Архив: фонд Завьяловой. 369 (1). № описи 4. ед. хр. 22.

1947 ГОД, 17 февраля

О Щеглове:
...Для него всё равно, что писать, главное для него музыка цвета: Бобров Б.П. Председатель Правления товарищества «Художник».
...Надо... забывать уже гнилое прошлое. У нас должна быть элегия, лирика, но на полезной ос-

нове, не на такой, как в голубой розе «Мира искусства», как было у рафинированных художников, которые сидели и мечтали: Гуров В.Ф. Художник, преподаватель СХУ.

...не поёт новых песен. Он живет старыми песнями. Он поёт всё ещё про покосившиеся хатки, кривые заборы, захолустные местечки: Мощенко В.Ф. Художник.

... Когда я писал, у нас не было в наличии разрешения писать, я сел, меня берут под ручку и ведут куда надо... Я пишу то, что можно писать: Щеглов И.Н. Художник. Преподаватель СХУ.

Стенографический отчет: Собрание саратовских художников, посвященное обсуждению выставки в свете решений ЦК ВКП/б/от 14 и 26 августа 1946 года. Ответственный за выпуск В.Ф. Мощенко. Архив СГХМ. Опись 4, ед. хр. 19.

1947 ГОД

«...художник – боец передовой линии идеологического фронта».

Все эти «Голубые розы», «Бубновые валеты», «Ослиные хвосты» и прочие порождения декадентской и формалистической эстетики несли в себе реакционное содержание, утрачивали национальную независимость в области художественного творчества, одурманивали и духовно растлевали народ: «Искусство победившего социализма». Редакционная статья. – Журнал «Искусство» 1947 г. № 6. ноябрь-декабрь.

1948 ГОД, 25 февраля

Серьезный упрек райкому за забвение политической работы среди художников: Газета «Коммунист».

1948 ГОД. 29 мая

В Московском художественном институте воспитанием молодежи занимаются... А. Осмеркин, А. Матвеев и др. ...педагоги прививают молодежи вредные, антинародные влияния..

...В Ленинградском институте создалось такое же положение, как и в Московском. ...Там господствует группа последователей и учеников Матвеева, ставших уже педагогами: Газета «Правда».

1948 ГОД. Май-июнь

...Своим знаменем в живописи декаденты сделали М. Врубеля.

...направил свои творческие усилия к тому, чтобы возродить не только внешние формы, но и самый дух монументального искусства прошлого. ...не сознавал... что церковное искусство уже со времен средневековья потеряло значение для развития русской художественной культуры. ...Ясные, гармоничные по своему духу человеческие образы недоступны искусству Врубеля. Неприятие мира, отрицание гармонии и красоты мироздания, внутренняя опустошенность и тоска Демона выражают у Врубеля существенные черты миросозерцания и морали декадентства. ...оглядываясь на свой жизненный путь, увидел безвыходность этого пути... болезнь привела его к душевной катастрофе.

...Декаденты «Мира искусства»... Их идеалом было прошлое.

– старая, патриархальная дворянская Россия. В произведениях В. Э. Борисова-Мусатова нашли своё выражение романтика старого, уходящего мира, настроения упадка и увядания, столь характерные для декадентского искусства. ...художник в последний раз воскресил тени минувшего. От его грустных, мечтательных женщин в кринолинах и локонах веет холодом могилы. Начав с импрессионизма, художник перешел затем к мистике, к символизму. Блеклые, приглушенные краски, мягкие, тающие формы и такие же мягкие плывущие ритмы обескровливают у него человека и природу... живой мир совсем исчезает. На полотне остаются лишь некоторые намеки на растительность и фигуры. Его искусство приходит к болезненности, нервической утонченности.

...Реакционные упадочные настроения буржуазной интеллигенции 1907–1910 годов особенно ясно отразились в произведениях художников-декадентов, выступавших на выставках «Голубая роза», «Венок», «Салон Золотого руна». Мастера «Голубой розы» хотели изгнать из искусства

«проклятые вопросы» жизни, все, чем жило и дышало предшествующее искусство. ...Излюбленные их мотивы – сновидения, мистика и эротика, причудливые вымыслы и грезы.

Престарелый В.Стасов продолжал клеймить новое течение в декадентстве... «...смысл и жизненная правда не обязательны... ещё важнее... для декадента забота о красках. Картина служит у декадента всё более для проявления именно каких бы то ни было сочетаний и сопоставлений их... Ларионов, Сапунов, Ульянов, Фалилеев, Феофилактов – всё это богатые обещания значительного уродливого будущего. Но, кажется, всех обогнал Павел Кузнецов, этот из декадентов, кажется самый безнадежный. Сквозь его ужасные холсты не пробъётся уже ни единый самомалейший луч смысла света...

...Прекратившие издание «Мир искусства» и «Золотое руно» нашли своё продолжение в декадентских журналах «Аполлон» и «Старые годы». Освещая творчество русских декадентов, «Аполлон» вместе с тем пропагандировал новейшее французское искусство – К. Моне, К. Писсаро, Э. Дега, О. Ренуара, П. Сезанна, Ван-Гога, П. Гогена, А. Матисса, П. Пикассо. ...В эти же годы начала выходить многотомная «История русского искусства» под редакцией И.Э. Грабаря... Передвижники, разрушив основы академизма, растеряли, по мнению И. Грабаря, основы мастерства.

...Характерной фигурой позднего «Мира искусства» был Н. Рерих... Воскрешая отжившие представления, Рерих поднимает в своих произведениях мистические сюжеты и темы средневековых церковных песнопений, житий, древних поверий и преданий. ...Представляя древнерусские средневековые сюжеты и темы, он обращается к иконописи; изображая картины каменного века, он прибегает к приемам примитивного детского рисунка.

...Творческие стремления «Голубой розы» и позднего «Мира искусства» имели ближайшее соприкосновение с течением акмеизма, с декадентской лирикой Н. Гумилева, М. Кузьмина, А. Ахматовой, с поэзией затишья, после первой грозы революции.

...русские художники – декаденты пришли в конце концов на поклон к новейшей французской живописи, наиболее последовательно осуществившей лозунг «Искусство для искусства». Сезанн, Матисс, Пикассо становятся богами в глазах нового поколения декадентов.

...формалистическое искусство явилось апофеозом буржуазного маразма. Отрицая образное начало художественного творчества, вступив на путь «беспредметничества», «конструктивизма», «сюрреализма» и т. п., они не останавливались и перед тем, чтобы ликвидировать самоё искусство...

...Великая Октябрьская социалистическая революция принесла обновление искусству. Она поставила его на службу народу. ...Центральный комитет партии указал: «Под видом «пролетарской культуры» рабочим преподнесли буржуазные взгляды философии (махизм). А в области искусства рабочим навязали нелепые извращенные вкусы (футуризм)». /«Правда», 1920. 1 декабря/.

А. Зотов. Борьба двух направлений в русском искусстве (конец XIX – начало XX века). – Журнал «Искусство». 1948. № 3.

1948 ГОД. 27 ноября

В среде художников города живучи ещё ложные понятия о «свободе» творческого развития личности художника, стремление отгородить искусство от политики. Эти противоречащие марксистско-ленинскому мировоззрению положения насаждались в Саратове на протяжении десятков лет несколькими поколениями формалистов и «голуборозовцев» – представителей реакционных течений в искусстве.

До сих пор ещё такие художники, как Б.В. Миловидов, И.Н. Щеглов, В.К. Данилов только снисходительно признают «некоторые» достижения в творчестве идейно-реалистического направления «передвижников», но преклоняются перед Борисовым-Мусатовым и с большим удовольствием смакуют «живописные достоинства» произведений Сезанна, Матисса, Ван-Гога и других «левых» художников Запада: Г. Кожевников. О саратовских художниках. – Газета «Коммунист». 27 ноября 1948 г.

1949 ГОД

Советский Союз стал оплотом мировой цивилизации. Его культура и искусство – самые передовые и прогрессивные во всем мире: В. Завьялова. «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». 1949 г. Архив СГХМ. 361(1). № описи 4. ед. хр. 25.

1949 ГОД, 25 января

Валентина Федоровна Завьялова назначена директором Радищевского музея.

1949 ГОД (не ранее 25 января – В.Л.)

В Областной комитет ВКП /б/. Отдел агитации и пропаганды.

Тов. Ключникову.

...В творчестве художника Щеглова И.Н., Миловидова Б.В., Севастьянова, Грицкова, Мощенко, Жукова и др. продолжает ещё жить импрессионистическая трактовка цвета, давно уже осужденная советской художественной общественностью и сейчас окончательно разоблаченная как проявление буржуазного эстетства в советском искусстве.

...Подавляющее большинство членов Союза... учились в Саратовском училище в те дни, когда там подвязались формалисты во главе с ныне живущим в Саратове художником Юстицким...

Подписали: *Боровиков, Точилкина, Селькин, Завьялова, Бородин, Шуйский, Миловидов (с замеч.).*

Докладная записка в ОБКОМ ВКП/б/»/. Архив СГХРМ. Фонд Завьяловой № 361 (1), № описи 4, ед. хр. 24.

1949 ГОД, 26 декабря

...Все работы художника Щеглова отличаются незаконченностью, сырой манерой письма, этюдным подходом к решению темы; это чувствуется даже в картине «Выходной день на Волге».

Выписка из письма Председателя правления «Всекохудожник» Суслова Д.С. Председателю правления Саратовского товарищества «Художник» Замятину А.К. от 29 ноября 1949 г. В. Завьялова. В ОБКОМ ВКП/б/. 26 декабря 1949 г. СГХРМ. Архив. № 361(1). № описи 4. ед. хр. 24.

1950 ГОД, 25 мая

...Ивана Никитича (Щеглова) на этой выставке не принимают ...с точки зрения идейного плана. Всех удивляет его «Волга в выходной день» в таком дореволюционном антураже. И вот этот забор... – у нас набережная появилась, а мы все старое вытаскиваем...Что же люди так написаны? Это не люди. ...Как много художник употребляет краски. Почему не получается реальной формы при таком обилии краски? ...Пейзажи Щеглова весьма общи и космополитичны... Это пейзажи «Над», а не от «конкретной действительности»...

...давайте, поставим перед собой очень определенную задачу во всей ее остроте. ...В какой степени художник организует сознание трудящихся нашего Союза на борьбу за быстрейшее построение социализма и коммунизма?

...Художник Серов замечательный живописец. У художника Серова есть замечательные вещи: «Девушка, освещенная солнцем» и «Девушка с персиками». Но если мы поставим перед собой вопрос – должны ли мы так высоко ценить эти вещи? Не должны. В этих вещах, при всем своем замечательном мастерстве, художник Серов вставал на путь безидейного искусства. Это то, после чего легко было уйти в мир искусства...

Тов. Фиников – Почему Кузнецова спрятали? (из экспозиции Радищевского музея вывели картины Павла Кузнецова – В.Л.).

Тов. Завьялова – Здесь происходит одна очень серьезная ошибка в представлении о вещах у ряда товарищей. Товарищи думают, что жизнь переоценивается. Пройдет двадцать пять – тридцать лет и Матисса вытащат. Нет. ...Произведения искусства, извращающие действительность не являются произведениями...

В. Завьялова. «Обсуждение выставки работ саратовских художников за 1950 год». 25 мая1950 г. Архив СГХМ. Опись № 4, ед. хр. 31.

1951 ГОД

Приговор: *...преступление, совершенное ЩЕГЛОВЫМ доказано и квалифицировано правильно. ...на основании ст. 58–10 ч. 1 УПК РСФСР подвергнуть лишению свободы сроком на 10 лет.*

1953 ГОД

Если я напишу что и не так, напишу увлекшись, резко, меня не вызовут в 3 часа ночи в МГБ, как это было в 1947 году.

Меня поправит партия.

...За работу!

Дневник Г.И. Коновалова: архив семьи.

Саратовцы Борисов-Мусатов, Павел Кузнецов, Матвеев, Петров-Водкин первыми упоминаются в погромных партийных инструкциях. Добавляются новые имена – Корнеев, Вебер: их картины изымаются из экспозиции, «списываются» из государственных хранилищ. Гущин – из Франции приехал; Юстицкий – вернулся, отсидев десять лет лагерей; Щеглов – осужден на десять лет.

Укрепить партийную прослойку художественной интеллигенции идеологически неблагополучного региона предназначено – *Весь Саратов мне отдали!* (Михаил Иванович Просянкин).

...1950 год. В этом году Просянкин закончил 3 со звездочками: зашифрованная Леонтьевыми информация воинского звания Просянкина: разве не по линии КГБ? Просянкин, окончив «троечником» Художественный институт, получает назначение директором Саратовского художественного училища.

1952 ГОД, 22 февраля

Другая близкая нам тема Саратовские впечатления В.Э. Борисова–Мусатова. Но и на эту тему пытаться написать сейчас для печати едва ли имеет смысл, поскольку отношение сейчас к Мусатову отрицательное. Напишем, если удастся дожить до изменения отношения к нему.

СГХРМ. Архив: фонд А. и В. Леонтьевых. опись № 1. ед. хр. 133. «Письмо К.А. Федину (вариант)».

1954 ГОД

«Очерки по истории русского искусства». Издание Академии Художеств СССР. 1954 г. В главе «Искусство на рубеже XIX и XX веков» Н.И. Соколовой на стр. 346–347-ой о Мусатове. Непременно сделать выписку (из) этой не умной, недоброжелательной, без понимания и любви сделанной оценки. Противопоставить ей оценку М.Федоровым-Давыдовым в книге – альбоме «Русская пейзажная живопись».

СГХРМ. Архив: фонд А. и В. Леонтьевых. № 43. 1951–1964 г.г. на 438 листах. Лист 410.

Списание картин

1985 ГОД

...По всем правилам: печать, подписи, – старик-бухгалтер зачитывает Акт списания 1953 года (фамилия Борисов-Мусатов среди имен, названных Актом списания) – *в вашем музее не должна быть в наличии списанная картина Белоусова «Ударники крекинг-завода» 1936 года. А она у вас в музее сейчас висит: выйдете из этого кабинета по коридору, налево в дверь – справа на стене.* – Проходит выставка «Художники Саратова. 1885–1985 годы», подготовленная Радищевским музеем к своему столетнему юбилею. По мнению разбирающего бумаги сведущего человека Ради-

щевский музей нарушает правила...

2005 ГОД

Рассказ Огаревой Нонны Валерьевны: В 1953 году сотрудники Радищевского музея, с ведома Завьяловой, *«прикрепили»* ее, *«молодую, красивую»* – показывать Саратов, водить по театрам, на концерты: *«отваживать от музея»* – к приехавшему из Москвы художнику Голованову Н.И., прибывшему в Радищевский музей с инспекционной целью проследить списание «формалистов», «голуборозовцев»... *«Нонна, надо спасать вещи!»* – Наталья Ивановна Оболенская, Главный хранитель Радищевского музея: подцепили аккуратно древнюю печать подвальной комнаты – сносили туда...

Просянкин и другие

1957–1958 ГОДЫ. Зима

Просянкин – директор СХУ. Преподаватель СХУ Елизавета Ивановна Макарова раньше Просянкина закончила институт, с отличием – иллюстрациями к «Белой березе» Бубенного. Макарова ведет третий курс: сложный предмет – «голова человека»: привела свой третий курс в Радищевский музей. Пытается задержать студентов у стены с работами Борисова-Мусатова. Куда там – нам «до лампочки»! А Елизавете Ивановне – разве не санкции? – сорок рублей зарплаты: так составлено расписание уроков. Она одинокая, 1913 года рождения. Война застала ее в Ленинграде – блокадница. Худая, болеет – не выздороветь, с ее нищенской зарплатой концы с концами не сведешь. Живет в художественном училище, ее квартира – комната на втором этаже. Забирает больную Елизавету Ивановну сестра к себе, в Ртищево. Доживает свою жизнь Макарова в Доме престарелых.

1960-1961 ГОДЫ. Зима

Борис Васильевич Миловидов ведет разбор рисунков учебной постановки... Появляется Просянкин и, проходя мимо, не останавливаясь, угрожающе: – *Все учишь? А сам голуборозовский, в музее висишь!* –

Студентам понятно: «Голубая роза» – это нехорошо, плохие Кузнецов, Уткин, Петров-Водкин, Борисов-Мусатов. И Миловидов тоже – единственный преподаватель СХУ, чья картина «Волга» висит в постоянной экспозиции «советского отдела» Радищевского музея («Волга». 1926 г. Холст, масло, 51х61. Поступление 1935 г. Ж–179). И кому из студентов не хочется быть представленным в постоянной экспозиции Радищевского музея?

...Умершая раньше времени Макарова.

...«Дотюканный» Миловидов

...Спившийся Успенский

...Уехавший (на свое счастье – стал художником) Богдеско.

...Несправедливо уволенный училищный библиотекарь Дмитрий Антонович Поляков (заведено судебное дело, следствие вины Полякова не обнаруживает) – специалист не нужен: Просянкин списывает книги училищной библиотеки 20–30-х годов, чтоб «формалистов» духа не осталось.

...«Подражавшие» Борисову-Мусатову студенты Саратовского художественного училища караются угрозой исключения. Перерезову Людмилу все же перевел директор на четвертый курс: пересдача весенней на берегу Волги (много голубого в этюдах) практики осенью; летние этюды писала в Лесном поселке Энгельса (зеленого больше в лесу, чем голубого на Волге) – стипендии больше не видала.

***

Боголюбовское рисовальное училище (БРУ) – Саратовское художественное училище (СХУ) пятидесятыми-шестидесятыми годами сходит на уровень директора. После расформирования (1957 год: «Закрытое письмо» ЦК ВКП/Б/) Елецкого художественного училища группа студентов

доучивается в Саратовском художественном училище; на всех курсах «чужие» студенты – считается, *«привнесли живописное начало»* – в Саратов, на родину Борисова-Мусатова, Уткина, Павла Кузнецова, Вебера, Щеглова!

1962 ГОД

Бузулуков считается моим лучшим учеником, а я с ним не могу поговорить о Борисове-Мусатове»: Щеглов.

(Сергей Александрович Бузулуков. Р. 1925 г. Окончил СХУ в 1947 г. В дальнейшем аспирант Академии художеств. Известны картины: «Пугачев в Саратове». Х.м. 147х97. «Степан Разин в Саратове». «Саратов – Сталинграду в 1942 году». «Портрет Ивана Никитича Щеглова». Бузулуков спился, умер в безвестности в Саратовской областной психиатрической больнице «на Алтынке», ориентировочно в 1960-е годы.)

Дочь Миловидова Ирина Борисовна рассказывала – приходили братья Леонтьевы к отцу в гости, а про Мусатова разговаривали *«шепотом»*.

***

1959 ГОД

Джон Ревалд. История импрессионизма. (1855–1886 гг. Моне и Буден. Мане и Дега. Писсаро. Кайбот. Ренуар. Сислей. Сера. Синьяк.) – М.–Л.: ГИ «Искусство»,1959.

1961 ГОД

Зотов А. И. «Народные основы русского искусства». Том 1. – М.: Издательство Академии художеств СССР, 1961. – 238 с., илл.

1960–1961 ГОДЫ

Саратовское отделение Союза художников СССР пишет в Обком КПСС коллективный донос: директор Радищевского музея Завьялова держит на работе под видом реставратора идеологического диверсанта Гущина. А тот, под ее покровительством, группирует вокруг себя формалистов, разлагает молодежь в художественном воспитании. Безнадежно испорчен Михаил Аржанов, а вот за молодого художника Виктора Чудина еще можно побороться.

Обком КПСС обязал Завьялову сделать закрытую выставку Гущина, Аржанова, Чудина: разбираться будет обкомовская комиссия.

1962 ГОД

...Пора расширить наши представления о наследии.

...пресечение живописно-пластических поисков лучших художников 20-х годов было пресечением глубоких, исторически складывавшихся традиций искусства – национального и мирового. Пора восстановить в полном значении имена художников, чье творчество было продолжением этих больших традиций: Петрова-Водкина, П. Кузнецова, Лентулова, Фалька, Татлина, Матвеева. Нужно восстановить искусственно прерванное развитие большого пластического стиля, культуры материала, чем, собственно и было замечательно творчество перечисленных художников, составляющих золотое ядро классики советского изобразительного искусства: Н. Андронов. Живые традиции. // Журнал «Искусство». 1962. № 9.

1962 ГОД

Джон Ревалд. Постимпрессионизм. От Ван-Гога до Гогена. (1886 – 1906 гг. Первый полутом) – М.–Л.: Искусство, 1962.

...данная монография Ревалда является только первым томом истории постимпрессионизма. О таких больших явлениях, как творчество Сезанна, Анри Руссо, Тулуз-Лотрека, об искусстве ху-

дожников группы «Набидов» будет говориться в следующем томе исследования: А. Н. Изергина. Из предисловия.

1963 ГОД

Академия художеств СССР и книга Ревалда «Постимпрессионизм»

Огромное значение в свете решений июньского Пленума ЦККПСС по идеологическим вопросам имеют труды, освещающие истинный смысл исторического процесса развития мировой культуры и разоблачающие путаные «теории» мирного сосуществования в области идеологии....Перед нашими учеными стоит настоятельная задача тщательно разобраться в материалах, где осуществлены попытки анализировать истоки и корни формализма в европейском искусстве. ...– все требует тщательного и зоркого исследования эпохи и тех явлений, которые принесли в дальнейшем столь чудовищные плоды.

Именно этому сложнейшему переходному периоду посвящена книга американского искусствоведа Джона Ревалда «Постимпрессионизм», вышедшая в издательстве «Искусство» (Ленинград – Москва, 1962. Перевод П.В. Мелковой, под общей редакцией А.Н. Изергиной). Чрезвычайно важно с марксистско-ленинских позиций оценить период в развитии искусства, который наступает с 80-х годов прошлого столетия и знаменуется отказом многих художников от принципов реализма, от жизненной правды, больших социальных тем попыткой сосредоточить внимание на самодовлеюще- формальной стороне искусства.

...совершенно неприемлемой с точки зрения марксистско-ленинской эстетики представляется основная концепция труда. Безоговорочно принимая искусство постимпрессионистов, Ревалд, стоящий на позициях буржуазного объективизма, характеризует это искусство как высочайшее достижение мировой живописи, а началом новой эры, рождением современного искусства для него является кубизм, непосредственный предшественник печально известного в наши дни абстракционизма.

Естественно, что, предпринимая издание такого труда, советское издательство должно было снабдить его соответствующей вступительной статьей, комментирующей с марксистско-ленинских позиций работу американского искусствоведа. В настоящем виде вступительная статья редактора русского издания А. Изергиной способствует лишь дезориентации читателя... не заняв последовательно критической позиции по отношению к концепции и методологии буржуазного американского искусствоведа, А. Изергина, по существу, вслед за ним утверждает, что этап постимпрессионизма знаменует поступательное движение в развитии искусства....

Не подвергая критике высказывания апологетов постимпрессионизма ...автор введения тем самым солидаризируется с этими высказываниями. Ни одного критического замечания не вызвал у А. Изергиной и сам научный метод Ревалда... его эмпиризм, который превозносится... как «соединение научной достоверности» с «на редкость увлекательной и доходчивой формой изложения».

С точки зрения А. Изергиной, «...Ревалд... его великолепное знание эпохи, свободное владение обширным фактическим материалом, умение «окружить» искусство современной художественной атмосферой дают ему возможность правдиво и полно обрисовать художественную жизнь Франции в один из интереснейших периодов ее истории». ***Так наш советский искусствовед вольно или невольно снимает все основополагающее значение марксистской методологии для искусствоведческой науки*** (Выделено мной. – ***В.Л.***).

В числе иллюстрирующих книгу репродукций встречаются произведения постимпрессионистов, для которых характерен полный разрыв с принципами реализма. Эти вещи тоже никак не прокомментированы и не оценены в статье.

Предполагаемый к изданию 2-й том исследования Ревалда о постимпрессионизме должен будет включать творчество таких сложных художников, как Сезанн, Руссо, Тулуз–Лотрек и др. Настоятельная необходимость требует предпослать ему критическую статью, правильно ориентирующую советского читателя и раскрывающую ему всю противоречивость, а порой и ошибочность взглядов американского ученого, для которого каждый новый шаг в сторону от реалистического

искусства по пути к абстракционизму и сюрреализму – поступательное движение искусства, что прямо противоположно истине, ибо уход от жизни, от реализма – это движение в сторону безвыходного тупика, к разложению и гибели искусства.

Дезориентация читателя. Коллективный корреспондент «Советской культуры» – Сектор истории зарубежного искусства НИИ теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР. // Газета «Советская культура» – дата оторвана (после июньского пленума ЦК КПСС 1963 года).

1963 ГОД. Апрель

Глубоко сознавая свой гражданский долг и ответственность перед народом, мы решительно выступаем против бесчеловечного абстракционизма и формализма. Только метод социалистического реализма открывает простор для подлинно свободного творчества, неразрывно связанного с народом, зовущего на подвиг во имя коммунизма...

Делегаты съезда (Второй Всесоюзный съезд художников) заверяют в письме Коммунистическую партию и ее Центральный Комитет, что будут свято хранить и развивать великие ленинские принципы партийности и народности искусства, принципы социалистического реализма.

ТАСС. «Закончился форум художников». // Газета «Советская Россия». 1963. 14 апреля.

После доноса Академии художеств СССР не выходит подготовленный к печати второй полутом книги Ревалда «Постимпрессионизм». В «перестройку» вышло переиздание «Истории импрессионизма» и «Постимпрессионизм» (опять без второго полутома, плохого качества цветные репродукции).

Так и не издана по 2010 год полностью книга Ревалда: «советскому» искусствознанию, затем и «перестроечной» науке искусствоведческой не понадобился материал по теме «Постимпрессионизм».

1962 ГОД. Декабрь. «МАНЕЖ»

В чем – в чем, а в отношении искусства и культуры Сталин был абсолютно прав! Слышите? Прав безо всяких оговорок!

Хрущев. // Цит. по: Нина Молева. Эта долгая дорога через XX век. Жизнь и творчество Элия Белютина. – М.: Книжная находка, 2003. С. 201.

1962 ГОД. Декабрь

...нельзя не признать, что «новаторство» в какой-то мере проникло и в среду саратовских художников. Такие художники, как Чудин, например, своими поисками тоже хотели бы «сдвинуть» искусство, но не вперед, а в сторону от столбовой дороги. Не этим ли объясняется и то, что в советском отделе музея имени А.Н. Радищева показываются слабые, чисто формальные опыты художника Аржанова и других.

И. Новосельцев, член Союза художников СССР. «Жизнь – источник вдохновения». // Газета «Коммунист». 1962. 6 декабря.

1963 ГОД. Январь

Кое-кто из этой братии хотел прикрыться поисками новых форм в искусстве, способных выразить новое содержание, но их быстро разоблачили. Именно они отрицают форму, как таковую, отрицают сюжет, композицию, натуру, свет, все художественное наследие предыдущих поколений: А. Кибальников.

Встреча Кибальникова А.П. с молодыми скульпторами. // Газета «Коммунист». 1963. 13 января.

1963 ГОД. 26 февраля.

Собрание актива творческой интеллигенции города Саратова (записал В.Л.)

Токарев (директивное выступление): *...проблема партийности, народности в искусстве.17 декабря 1962 года, встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства... ЦК в общем удовлетворен положением дел в области искусства... В семье не без урода. Одиночки – отщепенцы оторвались от народа... Нет, и не может быть свободы для извращения. «Обуздать сумасшедших от искусства... даже при коммунизме!» (Хрущев). Формализм – попытка уйти из-под влияния Союза художников.*

...официальные документы: «Художественное училище растеряло опытные кадры преподавателей... преподавание рисунка и композиции носит ремесленный характер...»

...«Надо закрыть все каналы, по которым проникает буржуазная гниль!» (Хрущев).

Бобров, председатель Саратовского отделения Союза художников СССР: *...Очень плохо, что у нас в художественном училище молодежь оберегают, не знакомят... целый промежуток времени выпадал: Корин, Нестеров – одна ветвь; Юон, С. Герасимов – другая. Различные индивидуальности...*

Из президиума: *«О ДЕЛЕ, ПОЖАЛУЙСТА!»*

Дубинский, директор цирка: *...портреты и покосившиеся сельские хаты на наших выставках. Потому и не ходят...*

Ольховский, главный режиссер театра имени К. Маркса: *Реализм не значит серость, традиции иногда не очень хорошие... Мы должны быть очень мудрыми и очень горячими, иначе искусство умирает и превращается в службу.*

Вязовова, актриса ТЮЗа: *Культ у нас уничтожен, но служители его остались. ...мозги абстракционистов не повернем. Надо допустить абстракционизм в музеи. О принципиальности в споре... не надо заниматься избиением. Как будет наше искусство развиваться, исходя из этого антиправдивого и античеловеческого принципа?*

Просянкин, директор СХУ: *...Демократизм стал широк. Недооцениваем школу – показать правильный путь... Буржуазная мода – появились кафе – столовых мало? Очередь в кафе – на полквартала! – наши студенты штоль? Был Горохов, так мы его исключили! Чудин попал под влияние... Для чего был выставлен в Радищевском музее Аржанов, Павел Кузнецов?*

Завьялова, директор музея им. А.Н. Радищева: *...Исключительное значение... события. Преодолели однообразие живописного языка художника... Сражения творческого порядка. Удивительное разъединение отряда творческой интеллигенции в городе Саратове. Жизнь обывателя, а не интеллигента.*

***

Хроника (из жизни Завьяловой):

1947–1951 ГОДЫ

Характеристики Завьяловой обосновывают санкцию Обкома ВКП(б) на арест, последующее осуждение Щеглова.

1950 ГОД

Радищевский музей – из экспозиции удалены картины Павла Кузнецова – *...произведения искусства, извращающие действительность, не являются произведениями*: Завьялова. В дальнейшем картины Павла Кузнецова возвращены экспозиции Радищевского музея.

1953 ГОД

Завьялова способствует сохранению «списанных» формалистов.

1962 ГОД. Осень

Радищевский музей – краткий период: Завьялова отбилась от идеологических обвинений; Гущина велено не трогать. Гущину так понравилась свеженаписанная работа Солянова «Душанбе.

Осень», что он своими руками повесил ее в экспозиции «Советского отдела», хотя пейзаж еще даже не был закуплен музеем.

1963 – начало года

Прозрение: выступление В.Ф. Завьяловой на одном из собраний коллектива Радищевского музея.

...Для чего эта литература издается? ...Что такое выставка Леже? Нужна ли она? ...Что такое абстракционизм? Против чего выступают в Москве?... Зигзагообразный опыт Машкова...

...Что крамольного в этом портрете? Почему он несостоятелен, Михаил Поликарпович?

...«Реализм одряхлел?» – вопрос не имеет право на свою постановку. Академическая сторона – античное искусство ценится: многие стороны жизни им не отражены...

Литература об искусстве на недостаточном научном уровне... набор слов (Рублев, Перов, Врубель), штампованный характер реализма... известная ограниченность в развитии реалистического искусства заставляет обратить внимание на формальные стороны.

...Экстер, для сцены: 1) многообразие комбинации цвета... 2) многообразие комбинации рельефа... известный лабораторный интерес. ...не в плоскости абстракционизма Неизвестного. При помощи цвета... объем – Сезанн. Задача рабочего порядка: не в конструктивных решениях, а в тематических...

...относиться квалифицированно, поправлять умело... Куда пошел художник? Как пошел? За последнее время советская живопись очень посерела... палитра. А почему советские художники пишут хуже старых? В одной гамме глухих – коричневая, черно- синяя. Помпезный зал «Советская Россия»: публика слепла.

...Ткачевы: «Белье полощут» идут от Коровина, Серова. Глаза поставлены не как у мальчиков 17-ти лет... эпигонство.

...Живописное выражение степей – эту традицию не продолжают... «не выбросить с водой ребенка»... Эскизно намечен Павлом Кузнецовым... к этим вещам надо присматриваться. Была традиция, мы не поддержали.

...Стоит проблема: нет современного городского пейзажа. Алексеев... эти попытки не нашли своего продолжения.

Нисский – очень много нашего времени. Наряду с недостатками... непространственно, необъемно, непластично...Нехватает живописных силенок, легче под Левитана, Шишкина.

...«бурный разговор» только начался в искусстве... Надо рассмотреть, поднять и продолжить Павла Кузнецова.

...орнамент – прикладное искусство что такое? Не абстракция? Несколько лет назад тупик – нет современного орнамента. Новые мотивы, формы, принципы раскраски. Абстрактные произведения... от этих вещей, хотя и не в таком чистом виде...

Функциональные методы раскраски стен – принцип биологического подхода. 27–31 годы... расцветка зданий идет отчасти и по этому пути. Станки, стены цехов...«Жизнь должна быть красиво раскрашена». «Интересно, просто приятно»...Нельзя кувшин сделать так, чтобы из него нельзя было налить воду или пить... не к формотворчеству – моральная перестройка: нужно психологически переродиться... не терпят рухляди – чтобы жить: о стиле новых квартир. «Моральная реконструкция человеческого общества»... Курбе призы-вал художников...

«В чем наибольшая слабость местных художников?». Отсутствие настоящей культуры – живописной и всякой.

Не всегда умеем понять, что у нас находка или что потеря...

Вальков, Чечнев – за пределами искусства, отрицание искусства как такового... Рыбаков – стародавний, консервативный...

...Сапунов, Кустодиев, Юон – подозрительное отношение...

«О многообразии» – явления требуют своего языка...

1963 ГОД

Союз художников изымает из постоянной экспозиции советского отдела Павла Кузнецова, Юстицкого, Загоскина, Михаила Аржанова. Солянов, по совету Завьяловой, предварительно сам снял со стены свой пейзаж: – *Пример мрака – руками художников вынесли* (Солянов).

Следом – обсуждение экспозиции постоянного отдела «Современного искусства» Радищевского музея (записал В.Л.)

Гуров: *...абстракционисты – агентура врагов коммунизма... но народу такое новаторство не нужно... боевое революционное искусство, повышение его роли в коммунистическом воспитании трудящихся масс. ...требование к бойцам идеологического фронта – быть идейно теоретически грамотными и бдительными. У нас недооценка значения марксистско-ленинской теории... повышение уровня всей идейно-политической работы... непременный успех... ориентирует в обстановке и увидит перспективы*

Гуров – повторное выступление: *...«измы» – это капля в море советского искусства... не надо замалчивать наши достижения... Искусствоведы в формализме повинны, искусствоведы: не остановили ищущую молодежь... «искусство вне политики» – в головах теоретиков очень много путаницы. Пикассо, Матисс – крайне левые, а их не разоблачают... абстрактное искусство – что хочу, то и делаю... если рисовать то, что захочется нам, оставляя нашу прекрасную жизнь...*

Вот Фомичев – лучший живописец, а его «Цементник»? Глаза грустные – это рабочий не сегодняшнего дня, такими были люди до Советской власти... период дореволюционный. Натурализм не только в почерке, а в отношении художника к действительности. ...но ведь Левитан когда жил? Передовой художник должен показывать ...надо прекращать эти вещи писать. Главное – это механизация... через искусство показать главное, нарождающееся. А Фомичев – лошадки...

Докунин: *...В целом художественные организации являются подлинными помощниками партии. ...не те, которые бы хотелось видеть народу. В Саратове на этой выставке сняли картины не потому, что мы не уважаем этих художников, но потому, что они не соответствуют требованиям предъявляемым...*

Миловидов: *...1918 год – учился. Все становление советского искусства прошло на наших глазах... двери были широко открыты для всех, только работай, учись... перекрашенные гипсы: «Венера» красная, «Аполлон» синий – мастерская футуриста Константинова. Савинов – горшок, вобла, кусок черного хлеба, спички – те же предметы, прикрепленные проволокой – кубисты, то есть все превращали в кубистическую форму. ...Степашкин, Кравченко, Уткин, Белоусов – но многие творили так, как они хотели творить – в результате была потеряна школа. Появились произведения страшно уродливые, слабые по рисунку, по форме... достижения в советском искусстве очень большие, сравнительно с тем, что было после революции.*

Недостаточно понимаем значение своей школы... Ван Гог и Маковский – «На свидание к сыну» или «Неравный брак» Пукирева... приелась, надоела, а ведь это сильнейшая вещь по психологии. Идейная направленность ...хоть они нам надоели, но ведь мы их любим, весь народ их любит. У нас глубокое понимание, а там наслаждение жизни – Мане и сам аристократ... они не ценили народ, жизнь его, интересы... Дерен фашистам взялся прислуживать... У нас тоже: вот Соколов-Скаля видит войну – та же тема у саратовца: Неменский «Высота взята» – неправда о войне. И его же картина «Дыхание весны»...

...заставляет думать. Картина должна быть понятна всему человечеству. Солдаты нашей партии – художники!

Григорьев – участник съезда художников: *Встреча руководителей партии и правительства с творческими работниками имеет историческое, политическое и практическое значение.*

...выступали 30 человек. Первый день: Михалков – не воспитываем подрастающее поколение... плохие вкусы... книги для детей... эстетическое воспитание детей...; Андрей Малышко – ворота, обмазанные дегтем – прообраз нынешнего абстракционизма; Хренников –...либерализм. Большой Театр: «Ночной город» – вызов всем нашим принципам... увлечение джазом. Двенадцать джазов гастролировали за год...; Чухрай –...кино Югославии: «Но я против недоверия к творческим кадрам»; Иогансон –...неудовлетворительная постановка художественного образования... пафос отрицания, а нужен пафос утверждения; Пластов –...старшее поколение должно работать безукоризненно; Петрусь Бровка –«...я очень не люблю мух – все равно они в варенье залезут» – об абстракционизме... Эренбургу: «Тоска о потерянном, но нет радости о победах...»; Неизвестный – ...стремиться к простоте, к понятности широкого зрителя... «чтобы вскоре меня тоже считали помощником партии».

Второй день: Ванда Василевская –...свирепствует буржуазная идеология в польском журнале: о журнале «Польша»; Вознесенский – «Я, как и Маяковский, беспартийный, я сын народа!»: этого может спасти только одно – скромность... Журнал «Знамя» № 1 за 63 год: «Мы не думаем истреблять таких людей – помочь...» – Хрущев. Яшин – «Вологодская свадьба»...клевещет, выдумал...

Смирнов – писатель: критика положения дел и в Московской писательской организации – «Союз писателей работает плохо... воспитываем гнилые нравы, людей... творчество». Налбандян – либерализм... искаженные понятия о демократии: «Оттепель» вред нанесла... «широкое письмо» – неряшливо, небрежно... надо быть бдительными в отношении врагов.

Хрущев – заключительное... в Москве 1500 писателей: «Зачем вам Союз писателей? Одни пишут, другие кричат, демагоги...» Предложение: «Писателей прикрепить к заводам, фабрикам, а не в Союз писателей...». Коненков – «Меня пленило великодушие Никиты Сергеевича»:

И.П. Демидов, секретарь Саратовского Обкома:

...рост, рост молодых... и более зрелых... Ткаченко: «Чабан», Жуков: «Девушка с цветами»... плоты на Волге... Бородин: «Мы еще вернемся», Гришин: «На полевом стане», Фомичев: «Меловой берег»... Давыдов, Кучма, Романов – под единым псевдонимом, как Кукрыниксы – удачно работают... строительство моста Саратов – Энгельс... Вальков, Осипов, Медведкин...

Серость... скука и безразличие... журнал «Художник» – унылое впечатление. Главная беда не в увлечении абстракционизмом и формализмом – не отражаем злободневные темы, несовершенство мастерства, ремесленничество. Однообразие и мелкотемье – изображаем жизнь на задворках... «Пройденный этап?» – тогда не выставляйте их на выставку... герои труда, замечательное время... борьба за подъем сельского хозяйства.

...пропагандировать свое искусство: выставки почаще – поближе к народу, а то только в музее репродукции делать.

1963 ГОД

Зотов А.И. Народные основы русского искусства. Т.2. – М.: Изд. Акад. Худ. СССР? 1963.– 269 стр. с илл.

Переиздание: отрицательное отношение Зотова к «Саратовской школе»: см. А. Зотов. Борьба двух направлений в русском искусстве (конец XIX – начало XX века). // Журнал «Искусство». 1948. № 3.

Хватаю книгу Зотова – и к Леонтьеву: смотрите – опять начинается... надо возражать, нельзя медлить с изданием фотоальбома «Саратовские впечатления Борисова-Мусатова». Виктор Владимирович расстроился возобновлением несправедливых нападок...

Леонтьев Виктор Владимирович утверждает: если бы вышла, подобно книгам о Серове и Врубеле, подготовленная к печати тем же издательством Кнебеля монография о Борисове-Мусатове с текстом Тугендхольда – вся русская живопись пошла бы другим путем. В связи с началом Первой мировой войны, подобно еврейским, прошли немецкие погромы – типография Кнебеля была разгромлена.

Братья Леонтьевы – Александр и Виктор, саратовские краеведы: считают Борисова-Мусатова неоцененным крупнейшим художником XX века. «Саратовские впечатления В.Э. Борисова-Мусатова» – тема, в работе у братьев с тридцатых годов: цикл фотографий (черно-белых) в полемике о «нездешности» Мусатова документально утверждает «земную, саратовскую» природу творчества художника. Я присутствовал на нескольких разговорах на эту тему, неизменно горячо обсуждавшуюся. Запомнилось остроумное, саркастическое высказывание Эмилия Арбитмана, что Леонтьев Виктор Владимирович ищет тайну происхождения искусства Мусатова в сортах хвалынских яблок. Арбитман научный сотрудник, еще не зам. директора Радищевского музея по научной работе и – поэтому! – привлекательный персонаж, имеет превосходящий окружающих багаж знаний (окончил два института), но «оптическим зрением» пользоваться искусствоведу не считает первоочередно необходимым.

Виктор Владимирович показывает мне подборку фотографий «мусатовской» темы. Текст минимальный – под каждой фотографией двумя-тремя строчками. Узнав, что Константин Федин обещает Леонтьевым помочь с изданием фотоальбома «Саратовских впечатлений Мусатова», я удивляюсь, почему Леонтьевы медлят...

1965 ГОД

Внезапно умер Виктор Владимирович Леонтьев – сам не успел и после не издан «мусатовский» альбом: архив братьев Леонтьевых разрознился – разобрали по своим фондам Областной краеведческий музей, музей Чернышевского, Радищевский музей.

Искусствовед Алла Александровна Русакова «вернула» нам Мусатова после сорока лет его замалчивания – своей монографией 1966 года: К. Шилов

2001 ГОД

Первая Шиловская книга о художнике «Мои краски-напевы» (1979 г.), построенная на разысканных им документах, сыграла важную роль в спасении усадьбы Борисова-Мусатова. А недавно (1985 г.) в магазинах Москвы, Петербурга, Калининграда, Нижнего Новгорода, Самары и других городов появилось заново возрожденное издание книги К. Шилова о нашем земляке... в популярной серии «ЖЗЛ» ...новое издание книги о Борисове-Мусатове (2000 г.): Наталья Проскурякова. Константин Шилов. «Три моих Мусатова – это как три этапа судьбы». // Газета «Саратов СП». 2001 г. 20 апреля.

1973 ГОД

Именем Борисова-Мусатова названа улица (почему-то не та, на которой расположен дом Борисова-Мусатова, Братиславская, исторически – Вольская).

1991 ГОД

Улице имени художника В.Э. Борисова-Мусатова возвращено прежнее имя Белоглинская.

2000 ГОД. 14 апреля

Открылся Филиал Радищевского музея – Дом-музей Борисова-Мусатова.

2001 ГОД. 11 января

Открылся Филиал Радищевского музея – «Дом-музей Павла Кузнецова».

Филиал Радищевского музея «Художественная галерея им. Петрова-Водкина» города Хвалынска: основана – 1961 год, 1 мая; 1997 год – Галерея отделилась от Хвалынского краеведческого музея.

2010 ГОД

125-летие со дня открытия Радищевского музея – юбилей. Эрмитаж прислал «испанскую» выставку своих экспонатов – среди станковых работ мужской портрет кисти Веласкеса, в разделе «прикладном» редкое оружие XIII века. Разместили привозную выставку «на кольце» – второй этаж исторического здания (улица Радищева, 39). Для эрмитажной выставки пришлось готовить экспозиционную площадь – убрали на время в запасник собственные экспонаты, в том числе работы Мусатова (по слухам, Радищевский музей единственный в стране при советской власти всегда экспонировал Борисова-Мусатова).

Борисов-Мусатов. Живопись: интервал цветовой шкалы – составляющая конструкции «воздействие-восприятие».

Равномерно-темперированная цветовая шкала

1957–1965 ГОДЫ

Я два года (1956–1957) играю в студенческом струнном оркестре Елецкого художественного училища на домре-альт. В Саратовском художественном училище (1957–1961) радуюсь живописи моих товарищей, в первую очередь Чудина; постепенно «открывается» Борисов-Мусатов, моя жена Людмила Евгеньевна Перерезова обращает мое внимание на «родство» живописи и музыки. Ощущение себя «графиком в кругу живописцев» заставляет «ломать голову» над «устройством» обаяния живописи...

Пиши в наслаждение свое
и больше нет ничего.
Чудин

1965 ГОД: двумя словами манифест – «Формула цвета».

Автор идеи (конструкция абстрактного понятия «цвет») Григорьев Николай Андреевич. В условиях противостояния («Цветовых формул много!» – «Формула цвета одна!») решение идеи нашел Чудин Виктор Федорович (дар образно-понятийного мышления).

«Оранжевый» цвет – смесь «красного» (К) и «желтого» (Ж).

«Зеленый» (З) – смесь «желтого» (Ж)и «синего» (С).

«Фиолетовый» (Ф) – смесь «синего» (С) и «красного» (К).

Все мы умеем, смешивая краски, получить дополнительный цвет – Чудин задумался, из чего состоят основные цвета – «красный» (К), «желтый» (Ж), «синий» (С): основные цвета состоят из тех же, что и дополнительные, различаясь количеством цвета и местом расположения на цветовой шкале. Цветоряд («формула цвета») Чудин организовал равномерно интервалами-ступеньками; «радуга» – нет «белого» и «черного», эти понятия замещены тепло-холодными отношениями.

«Белому» и «черному» соответствуют цветные парные понятия:

Белое – Черное: Красное – Зеленое

Белое – Черное: Желтое – Фиолетовое

Белое – Черное: Синее – Оранжевое

Цвет: материальный носитель краска (природные пигменты, химические красители)

Сезанн считает абстракцией черное и белое.

Белый и черный цвет – византийская эстетика.

Белый – равноправный (в отличие от новоевропейской живописи) цвет. Он часто противосто-

ит красному, как символ божественного света... С античности белый цвет имел значение «чистоты» и святости, отрешенности от мирского (цветного), устремленности к духовной простоте и возвышенности. Черный цвет в противоположность белому воспринимался как знак конца, смерти. В иконописи только глубины пещеры – символа могилы, ада – закрашивались черной краской: В.В. Бычков. «Малая история византийской эстетики». – Киев: Путь к истине, 1991. С. 267–268.

«Белое» – живопись Борисова-Мусатова.

«Водоем» (1902 г.)...Фиолетовое пятно, включаясь в общую структуру, замыкает цикл цветов, участвующих в картине и образующих в совокупности полный подбор холодной части спектра: зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Колорит построен... как созвучие близких друг к другу холодных цветов. Большое фиолетовое пятно, естественно, вступает во взаимодействие с синим овалом на первом плане. Диалог этих двух самых крупных по величине пятен становится одной из основ цветового строя полотна.

Фиолетовый и синий – это ярко выраженные по своим хроматическим качествам цвета... В «Водоеме» мы... видим чистый освобожденный цвет... синева и фиолетовость остро выражены. В каждом пятне подчеркнуто, что оно явно другое, однако это «свое другое», близкое другое. Благодаря родственности двух цветов, лежащих рядом на хроматическом круге, между ними не возникает контраста. Выявленное различие цветов при их родовом органическом сходстве и создает созвучное соответствие пятен при интенсивности каждого из них. Необходимая связь фиолетового с остальными тонами устанавливается с помощью белого.

Разработка и распределение белого вырастает в самостоятельную тему. Он каждый раз соотнесен с каким-нибудь из основных хроматических цветов. «Накинут» на синий и фиолетовый в фигурах, рассеян внутри зеленого и голубого в воде. Имея определенную мотивировку в натуре (кружевная кофточка поверх платья, прозрачная накидка, просветы в листве), такая трактовка белого выполняет вместе с тем важную функцию в создании колористического единства полотна. Белый тон неразрывно сплетен с каждым из трех цветовых планов, и поэтому перекличка белых объединяет все цвета картины в целостное построение: О.Я. Кочик. Живописная система В.Э. Борисова-Мусатова. – М.: Искусство, 1980. С.80.

Практика живописца заставляет Чудина корректировать первоначально спектральную «Формулу цвета» – ввести «белое» и черное».

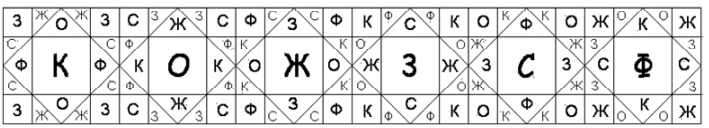
Аналогичная схема у Кандинского (как выяснилось в 2008 году, после издания книги В. В. Кандинский. Точка и линия на плоскости. – СПб.: Азбука-классика, 2008). С. 116: *«БЕЛЫЙ – ЖЕЛТЫЙ – КРАСНЫЙ – СИНИЙ – ЧЕРНЫЙ. Медленное, естественное скольжение сверху вниз (рис. 22)».*

Мечтать не возбраняется - 3

Выставка «Формула цвета – два».

Расширенный состав участников: дети и народное творчество, художники-любители и профессионалы; цветовые разработки, живопись Григорьева Николая Андреевича – автора идеи «формулы цвета» и членов его семьи (он, жена, дети: Лена, старшеклассница, написала этюд «Голова рыбы», едва ли не лучшая работа «круга Гущина») и Чудина Виктора Федоровича, осуществившего идею.

На выставке звучит музыка И. С. Баха и – «Хорошо темперированный клавир»: представлен

цветовой эквивалент.

Выставка дискуссионная, с обсуждениями, с предшествующим каталогом, последующим сборником статей по итогам темы.

Суворова-Алферова Лидия Ивановна и «Формула цвета» Чудина

Целого года мне, методисту по изобразительному искусству Саратовского областного дома народного творчества (ОДНТ) мало, чтобы увидеть отличие художника-любителя от самодеятельного художника. Меньше знаешь – легче работать: и вот я в 1965 году участник Всероссийской конференции по основным проблемам развития художественной самодеятельности с докладом «Роль районного дома культуры в эстетическом воспитании трудящихся средствами изобразительного искусства».

Какие картины «лучше», какие «хуже» – видеть качество «неграмотных» работ самодеятельных художников трудно – выручают меня при отборе работ на выставки Солянов, Аржанов, Чудин. Они и «показывают» мне Суворову-Алферову (рисовать начала шестидесяти лет) и вот – противостою отрицанию картин Суворовой-Алферовой самому Найхену Семену Ниссоновичу. «Побороть» Найхена невозможно (ученик Мейерхольда, методист по агитбригадам ОДНТ), не быть картинам Лидии Ивановны на выставках, если бы не Скорлупкин Александр Николаевич, директор ОДНТ (в спорах со мной на стороне Найхена, а на «выставкоме» – при отборе работ на выставку голосует на моей стороне) и позиция Радищевского музея (Петрова Тамара Викторовна).

Теперь для меня исходит творчество Суворовой-Алферовой из русской земледельческой общины – хранительнице традиций древнерусской иконописи. Качества старой иконы не востребованы «верхушечной» аристократической культурой и, соответственно, церковью – дошли до нас в виде поздней «крестьянской иконы». Эти «крестьянские» иконы перед глазами Лидии Ивановны до четырнадцати лет – «*пока не перестала верить в Бога*» (родное село Золотое – старообрядческая семья, Саратовская церковно-приходская школа, солистка церковного хора: – *Это за хороший голос рубль в день мне давали, мать-то за месяц восемь рублей получала. А потом голос я загубила)*. Народное творчество – «крестьянские иконы»: Суворова-Алферова так же чувствует ритм и смысл «жеста», пользуется «пробелами» и «оживками»

«Старый большевик» – в партии с 1919 года, атеист – Суворова-Алферова с негодованием отвергла бы при жизни мои теперешние представления об истоках ее творчества. Но тогда моего ума хватило только на то, чтобы спросить ее, каких художников она любит. Обескуражила меня своим ответом: Шишкин любимый художник (первая работа маслом Суворовой-Алферовой копия с репродукции картины Шишкина).

Суворова-Алферова не один год выписывает журнал «Художник», и вот перестает он ей нравится. И вдруг в журнале статья в помощь самодеятельному художнику: разметка пропорций человека. А мне упреки – почему раньше не сказал, что голова человека восемь раз укладывается на фигуре, а нос на лице занимает четвертую часть головы: я же методист, ее учить должен. Был у нее учитель – к «старому большевику» Обком КПСС в порядке шефской помощи прикрепил члена Союза художников Трусковского: – *Вы анатомию не знаете – людей искажаете. Рисуйте пейзажи – перспективу тоже вы не учили, но в пейзаже ошибки не страшны. Натюрморты рисуйте, цветы. Я, бабушка, ваши картинки с людьми и смотреть не буду.* – Лидия Ивановна воевала, строила – хочет рисовать события своей жизни, а только цветы и вид из окна рисовать ей недостаточно – насмотрелась (лежачая больная, рисует – картина стоит на груди, до верха дотягивается – ставит картину вверх ногами: Андрей Григорьевич – муж, без его участия никакого рисования и быть не может). Я, не зная о запрете, поддержал стремление рисовать людей – обрадовалась, о «запрете» рассказала много позже, ей аргументы Трусковского казались убедительными.

После упреков Лидии Ивановны я стал ее «учить» – живописи. Рассказывал о цветовой шкале, приносил схемы «устройства» каждого цвета – «Формулу цвета Чудина». Лучшие живо-

писные работы Суворовой-Алферовой исполнены после знакомства с «Формулой цвета Чудина» – особенно удалась автобиографическая серия «Старая и новая Волга». Живописные работы Чудина так и оставались у нее всю жизнь, я забрал их после ее смерти в 1981 году вместе с картинами, эскизами, набросками, учебными работами, оставшимися после отбора картин Суворовой-Алферовой Радищевским музеем и семьей. Ее работы у меня сохранились, вошли в экспозицию – 2008–2009 годах Московский музей наивного искусства провел персональную выставку Суворовой-Алферовой, издал о ней монографию в серии «Классики наивного искусства» с текстом – «изобразительный ряд» Суворовой-Алферовой дополняет рассказ о ее жизни. Этот рассказ я записал в 1968–1970 годах – ее хорошая память, манера говорить – захотелось точно записать прямую речь (рассказ Андрея Григорьевича – другой речевой стиль). Магнитофона нет, карандашные записи – когда «услышалось»; листочки приходилось иногда «расшифровывать» – в ОДНТ приохотился к печатной машинке. Жизнь Лидии Ивановне вспоминалась эпизодами – хронология «задним числом». Лидия Ивановна мою запись приняла за собственный рассказ (чем горжусь), варианты печатных текстов проверяла, отдельные эпизоды вычеркивала, чтобы не компрометировать ненароком советскую власть.

Живопись Лидии Ивановны – триумфальный успех «Формулы цвета Чудина». В отличие от нас, «причастных», у Суворовой-Алферовой и тени сомнения не возникает по поводу «цветовой грамоты». Сам Чудин может годами «забывать» собственную формулу (подсознательно ею работать никогда не перестает – родился с ней), дополняет, комментирует – «формуле» и себе самому иногда во вред. Солянов – рассказывает «с объективных» позиций, как много цветовых формул в истории искусства, и эта – «очередная» – не может быть универсальной, не может называться «формулой цвета», будучи «цветовой формулой». Аржанов углубляется в теорию, докапывается до «цветомузыки» Скрябина и энтузиастов из Казани и с таким же увлечением и с ними спорит. Почему-то живописные работы Аржанова и Солянова, исполненные в пылу полемики, прекрасно поддерживают оспариваемую ими идею на групповой выставке «Формула цвета» 1992 года (всего шесть участников).

Обидно слышать – Аржанов утверждает, что мы с Чудиным «испортили» Суворову-Алферову. Доказательства «истинности» «формулы цвета» – не на словах, а на деле – обнаруживаются: Лидия Ивановна вышивает. Спрашиваю, почему она делает вышивки цветными нитками, а картины рисует серенькими красками: – *А в журнале «Художник» такие картинки*.

Начала рисовать – Андрей Григорьевич пошел показывать ее работы в художественном училище. Я был на старшем курсе – нам по мастерским директор училища Просянкин носил картину маслом небольшого размера: четыре человека на палубе, кругом бушующее море – учил студентов, как надо откликаться на события; голодные советские моряки на неуправляемой шхуне месяц прожили в океане, и вот человек необученный сразу это нарисовал, а мы, четыре года учившиеся рисовать и компоновать, не хотим откликаться на злободневные события. К Лидии Ивановне Просянкин в порядке шефской помощи прикрепил Тамару Белозерову, мою сокурсницу и отличницу. До окончания училища в 1961 году Тамара консультировала Лидию Ивановну. В 1981 году, после смерти Суворовой-Алферовой среди ее работ оказались учебные рисунки и наброски училищных отличников, среди них исполненная карандашом учебная постановка тогдашнего первокурсника, теперь знаменитого саратовского художника Анатолия Учаева. Кроме меня и Трусковского у Лидии Ивановны были многие в учителях – ей было из чего выбирать. Успех Суворовой-Алферовой – талант «учиться», «незашоренная» восприимчивость, умение не «в половину силы», не в «четверть силы» – работать с полной отдачей во всю силу.

...ведь все москвичи без школы! Бредут, впотьмах. Бредут к искусству окольными путями и эти талантливые куриные следы называют русской школой, национальным искусством. А взять любого из вас да бросить в Эрмитаж или Дрезден, так вы только ругаться будете. Ничего не поймете: Борисов-Мусатов

Искусству учатся в музеях! Ренуар

***

Мне везет – общение с художниками и реставраторами Радищевского музея Гущиным, Соляновым, Аржановым...

Михаил Николаевич Аржанов – доброжелательный, открытый характер, новости узнаем от него. На стажировках по масляной живописи ВХНРЦ, в Москве Аржанов знакомится с сотрудниками Третьяковки и музея Рублева, «левыми» художниками и искусствоведами (Свешников, «лианозовцы», Голомшток). Аржанов участвует в экспедиции «по Северу» с Кишиловым (ГТГ) и Кириченко (музей Рублева). Музеев три, а экспедиция находит только две древние иконы, «достающиеся» Третьяковке и музею Рублева; за участие в экспедиции – ГТГ передает Радищевскому музею иконостас семнадцатого века из города Мурома Ярославской области.

Картины Аржанова перестали допускать на выставки, и прошел слух, что ему нельзя стажироваться по иконам – КГБ не дает рекомендации: находится «под влиянием» Гущина – «идеологического диверсанта» (коллективный донос художников в Обком КПСС). О Гущине мифы: приехал из Франции – участвовал на выставках вместе со знаменитыми на весь мир художниками и поэтому в Саратове его на выставки не берут – «идейно-художественные недостатки».

Радищевский музей возобновляет собирание икон: экспедиции Аржанова по сбору икон в Саратовской области полуофициальны – директор Радищевского музея Пугаев и зам. директора по научной работе Арбитман без предварительного согласия «начальства» опасаются в отчеты работы музея включать внеплановое собирание икон.

Сотрудники Радищевского музея (вместе с уборщицами, сторожами меньше тридцати человек в штате) сочувствуют Аржанову. Огарева Нонна Валерьевна через своих друзей в Ярославле добивается передачи Радищевскому музею и других – кроме иконостаса – старых местных икон. Спрашиваю Наталию Ивановну Оболенскую, главного хранителя Радищевского музея, почему в музее не выставлены иконы. Отвечает, были бы иконы работы Рублева – повесили бы. Радищевский музей восстанавливает третью ставку реставратора масляной живописи, на которую с 1968 года пригласили работать меня. Предполагается, что Аржанов теперь может сосредоточиться на реставрации икон. Аржанов и научный сотрудник музея Свищева – с энтузиазмом создают «древнерусский отдел» – инициатива, в ряду других, не поддержанная дирекцией музея. «Зачем создавать древнерусский отдел, если в музейной экспозиции нет икон?» – «Вот отдел и нужен, чтобы в музее повесить иконы!»

1970 год – десять сотрудников из-за несогласия с администрацией музея в знак протеста подают заявления об увольнении. Дирекция музея «юридически грамотно» превращает эмоциональный коллективный протест в «бунт», отягощенный «групповщиной». Дирекция музея рада изменить мотивы конфликта и заявления подписывает в надежде исчерпать ситуацию увольнением несогласных.

По событиям Радищевского музея работает комиссия из Москвы и Ленинграда. Администрация музея уцелела на «своих местах» с условием принятия рекомендаций комиссии. Среди рекомендаций «работа с местным материалом» – один из пунктов программы уволенных сотрудников. Радищевскому музею разрешено работать с «древнерусской живописью»: ВХНРЦ (Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. И.Э. Грабаря) обязан вне плана принять иконы Радищевского музея для приведения их в экспозиционное состояние; в самом музее утверждена штатная должность реставратора «станковой темперной живописи» (иконописи); планируются музейному реставратору стажировки по иконам в ВХНРЦ; командируются сотрудники ВХНРЦ в Радищевский музей для работы над музейным собранием икон (реставраторы высшей квалификации Дунаева и Пригородова более пятнадцати раз приезжают в Саратов). С 1976 года директором Радищевского музея назначена Гродскова Тамара Викторовна – одна из уволившихся в 1970 году.

2010 ГОД

Радищевский музей – постоянная экспозиция иконописи; организован древнерусский отдел – два человека; в штате музея два реставратора икон; количество экспонатов древнерусского отдела музея увеличилось до девятисот за счет музейных экспедиций и закупки икон у населения Саратовской области,

«Восхождение к первообразу»: «И мы тоже были...»

Более сорока лет я работаю реставратором Радищевского музея. Считается, что рисует реставратор в манере того художника, чья картина у него в работе. Так и я, свою очередную «военную тему» (яркие детские впечатления: три года моя семья жила на оккупированной территории Орловской области; мое село Бакланово – две тысячи дворов – сожгли немцы при отступлении; жители считались мобилизованными на работу в Германию и получали паек – помню вкус сладкого белого плесневого немецкого хлеба с маргарином; полмесяца, до середины августа, наша подвода с деревенским обозом двигалась в сторону Брянска – ребятишкам разве не праздник «такая» война?) исполняю с учетом сведений, полученных при реставрации икон.

Не делая «копию», иконописец уподобляется орудию в руках Бога (подобно кисточке в своих руках). Работа «по канону» имеет целью «восхождение к Первообразу». *Наряду с принципом каноничности идея «высшего вдохновения» (вдохновения свыше) составляла основу творческого метода византийских мастеров:* В.В. Бычков... С. 230.)

Иконописное понимание «авторства» привлекло мое внимание при работе над иконой Дмитрия Евгеньевича Хмелевского (архиепископ саратовский Пимен): под записью большая трехстрочная надпись и первое слово «Написася...», далее название иконы, год изготовления «в благополучное царствование императора...», место изготовления, «тщанием игумена... – ждал имени иконописца: «Написал такой-то», а на иконе грамматический оборот «написася» (сама собой икона «написалась»?). Встречаю у поэта: *Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель! / Вечно носились они над землею, незримые оку...* – А.К. Толстой.

С 1979 года делаю шесть «портретов» «устаревшей» технологией: «ступенчатый колорит» (особенность, отличающая иконопись от живописи); «графья» – прием поиска образной характеристики; краски «не тюбиковые» – «свои» пигменты на кварцевой основе («нужна зернистость»); разновидность энкаустики – завершающая стадия изготовления.

Задуманную композицию исполнял в материале два года: восемь утра – лист мебельного картона (поверхность обработана «волнисто», левкашена) лежит «в работе» на столе реставрационной мастерской до двенадцати часов дня. Шесть часов вечера – укладываю картон на стол до десяти часов и оставляю до утра. Доброжелательно относятся сотрудники Радищевского музея – иначе бы не сделал задуманного. Пытаюсь сосредоточиться иконописным приемом – «вход» в рабочее состояние, «выход».

1986 год – изготовил на тему войны «семейную» (бабушка, мать, младший брат) «картину» в жанре «панихиды» (эквивалент европейского понятия «реквием») под названием «И мы тоже были»: три человеческие фигуры вместе с котом вписаны в силуэт иконы «Богоматерь Одигитрия Смоленския». Беспокоюсь за уместность кота, но Дмитрий Евгеньевич пытается донести до моего сознания другое: – *Должен сказать, каким бы гениальным художником вы не были, главное для вас реставрация икон.*

«И мы тоже были» – участница нескольких выставок, не привлекла внимания общественного, не заинтересовала художников. Удивление мое – приемы работы, ориентированной иконописным принципом «восхождение к Первообразу», оказались применимы «сегодня» – разделить не с кем.

«Восхождение к первослову»: Интервал цветовой шкалы – составляющая конструкции «воздействие-восприятие»

Традиция ориентирует текст: участие единомышленников, «незавершенность» решения.

Живопись по природе своей не имеет дела с высшим духовным миром, хотя и может его иметь, если, подобно музыке, сосредоточит свои усилия на ритме и гармонии: Плотин.

Идея уподобления Бога художнику....

Бог творил мир с помощью своего «художественного» Логоса в соответствии с мерой, числом (ритмом), порядком, гармонией (Ириней Лионский, II в.). (В.В. Бычков... С. 16, 17). Человеческий коллектив успешно развивает науку и средства внеразумного познания – искусство, религию. «Открытие» светским искусствознанием иконы и эстетики Византии и Древней Руси насчитывает более века. Тысячелетний опыт работы темперой имеет теоретическое осмысление – не имеющее столь долговечного аналога в истории изобразительного искусства единство художественной теории и практики.

Иконопись: «Волнистая поверхность», «зернистость» – признаки древней иконы: «зерно» цветного камня – подсознательно воспринимаются микроскопические игольчатые «лучики света» кристаллического пигмента краски; «волнистость» – принцип мозаики, поставленная перед иконой свеча отражается не «зеркально» – множественными бликами света. Лучики света и блики свечения поверхности иконы внушают идею видимого, чувственно воспринимаемого света и «света духовного».

...Важнейший посредник между... уровнями бытия – световая информация – фотодосия (буквально: светодаяние)....: Ареопагит, рубеж V-VI вв. (В.В. Бычков... С. 78).

...Высшая ступень непонятийного познания осмысливается Симеоном Новым Богословом (949–1022) как слияние световых сущностей объекта и субъекта познания... Установив тесную связь между Богом и светом, византийцы констатировали подобное же отношение между светом и красотой. Василий Великий (IV–Vвв.) утверждал, что красота есть свет, по сравнению с которым свет солнца – тьма (Там же. С. 275).

...Важной и близкой к СВЕТУ модификацией и реализацией прекрасного в византийской эстетике выступал ЦВЕТ, воспринимавшийся византийцами как материализованный свет. ...цвет, благодаря синестезичности и ассоциативности его восприятия, являлся могучим возбудителем сферы внесознательного... Цветовые структуры живописи способствовали углубленному восприятию неформализуемого знания. Цвет... Наряду со словом он выступал важным выразителем духовных сущностей, обладая глубокой художественно-религиозной символикой (Там же. С. 267).

Живопись: Устарела для сегодняшней практики изобразительного искусства теория живописи Плотина (III в.н.э., основатель неоплатонизма): *«...его программа была реализована в феномене иконы»*. Не актуальна *«проблема непонятийного выражения духовных сущностей»; «познание ушло из сферы неформализуемых феноменов»»;* сузились *«возможности развития эстетики и художественной культуры»* (Бычков). Неформализуемо-непонятийное познание Византии и Древней Руси рациональной цивилизации Запада без надобности.

Что касается византийской живописи... природа и жизненность сошли здесь на нет... моделировка при помощи светотени, яркости и темноты и их переходов, а также перспектива и искусство живой группировки не получили никакого развития или достигли развития очень несовершенного.... Подобный тип живописи наводнил жалким искусством пришедший в упадок Запад... Георг Вильгельм Фридрих Гегель. «Эстетика». Том 3. – М.: Искусство, 1971. С. 261–262.

Иконописец, Борисов-Мусатов – аналогия

*...в последний период палитра Мусатова изменилась и он перестал видеть тени:*В. Станюкович.

...Но главное – Борисов-Мусатов компоновал и строил. Именно это качество и оказалось столь привлекательным для художников следующего поколения... Борисов-Мусатов преодолел импрессионизм, не отвергая его целиком: он воспринял от него артистическое отношение к фактуре, ее динамизм, сложность картинной поверхности, но отказался от случайных точек зрения, от игры света и теней и начал вырабатывать свой стиль: Д.В. Сарабьянов. Русская живопись конца 1900-х – начала 1910-х годов. – М.: Искусство, 1970.

...цветовые варианты четко определены и заранее приготовлены. Цветовые сочетания чрезвычайно разнообразны, но строго регламентированы. Мы не найдем здесь достаточно свободного отношения к цвету, который, находясь в рамках той или иной тональности, может слегка варьировать свою плотность, становясь то более прозрачным и светлым, то более плотным и насыщенным. Такая «импрессионистическая» колористическая система, предполагающая работу художника как бы с палитры, известна в ряде византийских и русских памятников XII столетия, в частности в церкви Св. Георгия в Старой Ладоге... В.Д. Сарабьянов. Мастера фресок Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря и методы их работы. // Хризограф: сборник статей к юбилею Г.З. Быковой. – М.: Сканрус, 2003. С. 59.

Борисов-Мусатов: *ВЕДЬ Я ЖЕ ХОЧУ ЗВУЧАТЬ!*

***

«Гармония» (1900). Картина производит музыкальное впечатление, именно то, на которое она рассчитана, как «гармония».С. 9. ...то есть, система, созданная творцом из переработанного материала (Владимир Станюкович... С. 70–71. Далее указывается только страница).

«Дафнис и Хлоя» (1901)...первоначально яркие этюды были путем гармонизации по воле художника сведены до ковра, старой вышивки, до гобелена. Дойдя до этого в картине «Дафнис и Хлоя», Мусатов решил, что ковер в сущности есть идеальное решение красочной композиции. ...взгляд на картину как на ковер развил в Мусатове крайнюю требовательность планирования. Все красочные композиции строго им выверяются, все кричащее, красочное, нарушающее гармонию холста, тщательно изгоняется. ...Сообщая своим вещам характер гобелена, Мусатов тем самым раз и навсегда отказывается от задачи дать в картине иллюзию действительности... (С. 84–85).

«Встреча у колонны» (1901)...увлечение ковром, в котором линия принимает магическую выразительность... представляет собой гармоническое произведение, в котором доминирует воля и темперамент нового творца (С. 90).

...закон ковра... Этот принцип спас «Водоем» (1900), привел в порядок сложную мозаику картины, дал ей нужное равновесие пятен и сообщил певучесть (С. 100).

«Призраки» (1900). Картина написана по старому, живописно дедуктивному методу Мусатова – методу ковра (С. 101–103).

«Изумрудное ожерелье» (1903–1904)...картина строго выдержана в принципе ковра, в ней нет ни одного слабого места, каждый квадрат (участок) холста написан с одинаковым вниманием и равнозначущ, как в ковре (С.107).

Мусатов скоро отверг дорогу ощущений и перешел от импрессионистического этюда к построению картины. ...своих созданий, которые строились сначала по академической указке («Гармония»), а начиная с «Guand les lilas» – и по принципу ковра (С.133).

Когда Мусатов сам говорил о своих работах, или когда нам приходится говорить о них, мы не можем обойтись без слов: «ритм», «гамма», «гармония», «симфония»... Искусство Мусатова, посвященное гармонизации явлений, близко по своей стихии к музыке. ...Музыка привела его к гобеленам, к ритмическим композиционным задачам и, наконец, наложила печать на психологию изображаемых образов. Они скорее музыкальны, чем психологически выразительны (С.134).

...образы принимают особую выразительность и оживают в новом мире, и чем дальше идет Мусатов, тем оторваннее, удаленнее от земли и в то же время выразительнее становятся его

создания... властвует воля и мечта художника. ***...Мир этот живет красочно-музыкальной логикой художника*** (Здесь и далее выделено мной. – В.Л.). *В достигнутых гармониях покоится смысл и философия искусства и жизни Мусатова... жизненно-психологическая выразительность заменяется в его видениях красочно-музыкальной...* (С. 135).

В создании его миров... картина... строилась по принципу гармонического ковра. ...Природа в картинах Мусатова является неизменно организованной. На фоне поющего ритма пейзажа возникают образы девушек. Их фигуры, расположенные одиноко или группами, усиливают впечатление организованного, одушевленного пейзажа... (С.135–138).

...владение в конце пути всеми средствами, «всеми напевами» искусства, завершение здания всей жизни ***созданием нового мира, в котором все красочно-музыкально и графически-логично****, – все это выделяет Мусатова и сообщает его фигуре особую выразительность и индивидуальность* (С.139).

***

Решающее влияние оказали на художника итальянские фрескисты Раннего Возрождения Фра Беато Анжелико, Сандро Боттичелли и др. А также маэстрисимо монументальной живописи – француз Пювис-де Шаванн... они завершили художественное воспитание Мусатова, помогли ему подвести итоги и нащупать свою собственную дорогу.

Они вплотную подвели его к проблеме стиля так называемого «Большого искусства» (Grand Art), к его заветной мечте, к монументальной живописи, к росписи стен фреской. Колориста Мусатова давно пленяла «характерная» матовость самой поверхности фрески, позволявшая наилучшим образом разыгрывать на ней задуманные художником ***цветовые мелодии и аккорды*** (Здесь и далее выделено мной. – В.Л.).

...Мусатов сумел создать в искусстве свой собственный мир красоты, гармонии и душевной тишины... Но погружаясь в старину и в свои грезы, художник никуда не убегает от действительности и как легендарный Антей, всегда крепко опирается «на землю». Придерживаясь метода больших мастеров, художник обычно подолгу «вынашивает», собирает и проверяет по натуре, необходимый для картины материал... Вот почему все его работы так убедительны и эмоциональны, и правдивы.

...Цвет являлся, для колориста Мусатова, основным стержнем для построения композиции картины и ее пространства (глубины). Он всегда, поэтому, тщательно обдуман, проштудирован и прочувствован художником, – вот причина какой-то исключительной «музыкальности» его произведений – ***его картины положительно звучат***: А.А. Лушников. 1945. Статья о В.Э. Борисове-Мусатове: машинопись. Саратовский областной краеведческий музей СМК 2590023. ед. хр. 13622. док.1.

***

Искусство Борисова-Мусатова оказывает свое воздействие на зрителя в большой мере собственно структурными средствами... Логика построения произведения не просто помогает выявить смысл изображенного, но становится равноправным самостоятельным носителем содержания. Образное значение заключено в построении картины и выявлено в нем, строй и смысл слиты. Это их новое соотношение приближается к музыкальному, где такой способ выражения содержания является основным. Именно музыке в большей мере, чем любому другому искусству, свойственны глубокая осмысленность структуры, неразрывный синкретизм строения и образа.

Борисов-Мусатов писал: «Бесконечная мелодия, которую нашел Вагнер в музыке, есть и в живописи...» Стремясь насытить свое искусство подлинно музыкальным мелодизмом, художник ищет разнообразных возможностей, чтобы пробудить в живописи способность «петь». Ее кантабильность – это, конечно, в первую очередь, плавное струение, пластичность, «мелодическая текучесть» (Б.Асафьев) линий и форм...«...Во фресках этот лейтмотив – бесконечная, монотонная, бесстрастная, без углов линия. Мне так чудится», писал художник. (Из письма Мусатова А.Н.

Бенуа. В кн.: «Мастера искусства об искусстве». Т.7. С. 322.)

Борисов-Мусатов использует не только мелодию с основным ее свойством напевности, но и некоторые специфические особенности организации музыкального материала... Возникает аналогия и с музыкальной фактурой... склад музыкальной ткани с ее сложным соподчинением основной мелодии и аккомпанемента. ...специфика ритмической драматургии в живописи Борисова-Мусатова. Ее сближает с музыкой... особый характер организации ритмики. (О.Я. Кочик. Живописная система В.Э. Борисова-Мусатова. – М.: Искусство, 1980. С.43–46. Далее – только указание страницы).

...различный характер наложения красок и разнообразные фактурные эффекты играют большую роль в достижении живой вибрации живописного слоя... Подвижность цвета... внутреннее движение, развитие цвета. ...хроматическое движение – не прямая фиксация видимых рефлексов и светового дрожания атмосферы, а инструмент цветового построения. Подвижная стихия организована в закономерной ритмической структуре. Чередование светлых и темных, теплых и холодных оттенков, ясные цветовые различия, логичная кладка валеров продуманно сбалансированы на каждом сантиметре холста. Следуя вдоль красочной поверхности картины, глаз повсюду соприкасается с расчлененным разумным строением цвета. Мертвых, живописно пустых участков нет, нигде не прекращается общий живой поток тончайших оттенков. Ритм повторений и последовательное распределение порождают музыку цвета, сплетают его в единую поющую живописную ткань (С.109).

...сложность заключена в самой организации живописной поверхности, в рациональном построении красочного слоя. «Гобелен» (1901 г.). Весь процесс работы от первого прикосновения кисти к холсту до последнего мазка развивается логично. В нем нет ничего случайного. Каждый последовательный слой краски учтен в конечном результате, каждый этап работы не преодолевается последующими, а участвует в создании целого. ...темп исполнения... быстрая кладка моментальных мазочков-бросков сменяется нежным и медленным, заранее обдуманным ведением кисти. Это сообщает живописи особую сосредоточенность и характерный протяжный ритм (С. 174).

Художник высокого гармонического дара, Мусатов выделяется среди своих собратьев как несравненный мастер живописной «музыки» (С.42. Выделено мной – В.Л.).

Цветоряд; звукоряд

Видимый свет – это только часть длинной шкалы, аналогичной музыкальному звукоряду... (Не следует быть ограниченными: то, что мы можем непосредственно обнаружить своими органами чувств, глазами, это далеко не все, что есть на свете).

Р. Фейнман. КЭД – странная теория света и вещества. – М.: Наука, 1988. С. 15.

Сезанн, применяя музыкальные понятия, распределял планы цветовых ощущений по свету на полутона и четверть тона. «*Писать – это значит ухватить гармонию между многочисленными цветовыми соотношениями и развивать их в новой оригинальной логике».*

Монтичелли «*Попробовал отойти от реальности и начал цветом создавать подобие музыки. ...Как Делакруа и Рихард Вагнер, Монтичелли логичный колорист, умевший произвести самые утончённые расчёты и уравновесить самую дифференцированную гамму нюансов»:* Из писем Ван-Гога. Ревалд. «Постимпрессионизм».

Хоан Миро. «*1931 год, серия триптихов: Голубое 1, Голубое 2 и Голубое 3. Миро реализует свою мечту: «поэзия и музыка, воплощенные в живописи». Между поэзией и живописью существовала своего рода алхимия»:* Хуан Пуньо-Миро и Глория Лолив-Раола. Хоан Миро художник со звезд. – М.: АСТ, Астрель, 2003. С. 100, 124.

Лентулов. «*...живопись подобна органной музыке: «Ты смотри, как я меняю регистры каждый раз. Вот видишь, начинаю с синего и тяну до желтого. Потом начинаю с красного и тяну до зеленого. Главное – разместить краски-цвета в пространстве твоей живописи. Тогда звуки станут возвращаться к тебе, и ты поймешь их величие и емкость».* Цит. по: Нина Молева... С. 140.

Музыкальный звукоряд; цветовая шкала

Равномерно-темперированный музыкальный строй – звук организован интервалом: *К 1700 году немецкий органист Андреас Веркмейстер (1645–1706) осуществил смелое и гениально простое решение... он отказался от совершенных и несовершенных консонансов – квинт, кварт и терций, оставив ...лишь одну октаву, и попросту разделил её (геометрически!) на 12 равных частей. Так в музыке восторжествовала темперация (лат. «соразмерность»), а новый двенадцатизвуковой строй был назван равномерно-темперированным... В простоте и математической строгости равномерной темперации Иоганн Себастьян Бах (1685–1750) гениально предвидел подлинный путь развития музыки. Предвидения Баха сбылись: равномерная темперация сегодня лежит в основе всей мировой музыки:* В.В. Волошинов. Математика и искусство. – М.:Просвещение, 2000. С. 155, 157, 264.

Равномерно-темперированная цветовая шкала – цвет организован интервалом: «Формула цвета» (конструкция абстрактного понятия «цвет») – решение идеи нашел Чудин Виктор Федорович.

Принципиальная основа «Формулы цвета Чудина»: цветоряд организован равномерными интервалами-ступеньками.

Интервал шкалы «Формулы цвета» аналог интервалу музыкальной темперированной октавы.

Красный – ДО
Оранжевый – РЕ
Желтый – МИ
Зеленый – ФА
Синий – СОЛЬ
Фиолетовый – ЛЯ

Музыка – ближайшая аналогия живописи

Теория музыки в подспорье интуиции разработала нотную грамоту; звукоряд преобразован в равномерно-темперированную октаву. Октава осмыслена интервалом: «мажор» – «больше», «минор» – «меньше» (прямой перевод с итальянского языка).

Ступенчатая тональность: «Хорошо темперированный клавир» И. С. Баха имеет программное, «немелодически», «неэмоционально» организованное содержание: используя звуковой интервал прямым значением, И.С. Бах выстраивает «воздействие-восприятие» «радости» (мажор), «грусти» (минор).

Ступенчатый колорит: Живопись Борисова-Мусатова имеет программную – «необразную», «несюжетную», «неэмоциональную» составляющую конструкции «воздействие-восприятие»: используя цветовой интервал прямым значением, Виктор Эльпидифорович выстраивает ощущения...

Изобразительное искусство: Не сюжет, не эмоция – точно найденный цветовой интервал (закономерности ступенчатого колорита) организует «воздействие-восприятие» картин Борисова-Мусатова, Уткина, Чудина, Суворовой-Алферовой, византийской, древнерусской иконы и старого гобелена, народного орнамента, радуги в небе и рисунка необученного ребенка.

Рубеж XX-XX1 век – авангардная культурная парадигма: Аналогично «авангарду» пер-

вобытного искусства («неизобразительный» этап наскальной живописи – предтеча, провозвестник, прообраз «буквы») и музыкального (натуральный «шум» преобразован абстрактным понятием «звук») существует потребность живописи в цветовой «письменности» («Формула цвета Чудина» – основа цветовой «грамоты»).

Цвет: нематериальный носитель – длина электромагнитной волны.

«Компьютерного века» художник: не природными пигментами, не химическими красителями живописец «пишет», не надо мрамора и бронзы скульптору – творят электромагнитной волной, нематериальным носителем цвета. Технические трудности решаемы. Скульптура? Голография. А живопись?

Живопись ошибочно считают
изобразительным искусством!
Гущин

Анна ГОЛУБКОВА

ОТЛОЖЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Георгий Оболдуев. Стихотворения 20-х годов / Сост. А.Д. Благинина. Подгот. текста и комментарии И.А. Ахметьева. – М.: Виртуальная галерея, 2009. – 304 с.

Литературная судьба Георгия Оболдуева вызывает у многих не вполне понятное сожаление. Владимир Губайловский, к примеру, с искренней горечью пишет об отсутствии у поэта «не только нормальной коммуникации со своими читателями – то есть публикации поэтических книг, – но и полноценной социализации в сообщество профессионалов».* В тех сложнейших исторических условиях Георгию Оболдуеву удалось не только выжить, но и сформировать свою собственную поэтику, и оставить потомкам вполне представительный корпус произведений. Требовать чего-то большего, на мой взгляд, в той ситуации было бы просто бессмысленным. Поэт родился в 1898 году, и период его литературного становления, естественно, пришелся на начало 1920-х годов. В силу причин идеологического характера эти годы так до сих пор толком и не изучены. Вернее, мы знаем достаточное количество фактов и некоторое количество текстов, однако что именно происходило в эти годы в русской литературе и как то, что происходило, вписалось в историю русской и мировой культуры – получить ответы на эти вопросы нам еще только предстоит. Один из вариантов ответа предлагает антология «Русский экспрессионизм», составленная В.Н. Терехиной.** Эта антология рассматривает литературу 20-х годов под углом экспрессионистской поэтики. В комментариях*** приведена ссылка на воспоминания Ольги Мочаловой, которые свидетельствуют о том, что Георгий Оболдуев был хорошо знаком со всем кругом московских литераторов, чьи произведения представлены в антологии, в том числе и с Борисом Лапиным, переводившим немецких экспрессионистов.

В достаточно многочисленных рецензиях на первый том произведений Оболдуева, где были опубликованы составленные им стихотворные сборники и поэма «Я видел»,**** среди предшественников Оболдуева указывались Хлебников, Маяковский, Пастернак, поэты-конструктивисты, отмечалась его близость обериутам.***** Сам Оболдуев, как рассказывает в своих воспоминаниях Николай Яновский, не исключал возможности того, что через его поэзию можно будет совершенно по-другому прочесть Маяковского.****** Кстати, Н.В. Пестова в книге «Случайный гость изготики»******* неоднократно отмечает, что русские футуристы по своей теории и практике были очень близки немецким экспрессионистам. Учитывая популярность этих идей в литературных кружках первой половины 1920-х гг. и прямые контакты Оболдуева с московскими экспрессионистами, было бы, наверное, небессмысленно рассмотреть его произведения именно через призму экспрессионистской поэтики. И тогда, например, совершенно по-другому будет выглядеть поэма «Я видел», дружно объявленная «неудачной» практически всеми критиками: «Поэма между тем не удалась...», – пишет Ирина Роднянская;******** «Задумана она с дантовским размахом, никак не меньше. Она должна была все сказать о времени и о поэте. И она, на мой взгляд, не удалась», – вторит ей Владимир

**В. Губайловский. Противостоящий хаосу. – Новый мир, 2006, № 11.*

*** Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / Сост. В.Н. Терехина. – М.: ИМЛМ РАН, 2005.*

**** Там же. С. 480.*

***** Георгий Оболдуев. Стихотворения. Поэма / Сост. А. Д. Благинина; подгот. текста И. А. Ахметьева; вступ. ст. В. Глоцера. – М.: Виртуальная галерея, 2005.*

****** См., например, статью Андрея Урицкого «Биография стиха» («Дружба народов», 2006, № 8).*

******* Н. Яновский. Забытый поэт. Памяти Г.Н. Оболдуева // Георгий Оболдуев. Стихотворения 20-х годов. С. 223.*

******** Н.В. Пестова. Случайный гость изготики: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм. –Екатеринбург, 2009.*

********* И. Роднянская. На натянутом канате (о поэзии Георгия Оболдуева). – Арион, 2006, № 4.*

Губайловский; «Да и если быть до конца объективным, роман получился тяжеловесным, перегруженным персонажами и каким-то путаным», – осторожно замечает Андрей Урицкий. Все эти вопросы как раз и с

нимаются в той системе ценностей, которую предлагает нам эстетика экспрессионизма.

Мне кажется, совершенно не случайно Георгий Оболдуев поставил эпиграфом к своей поэме пушкинское «*Тогда-то я начну писать / Поэму песен в двадцать пять*». Соотнесение с классическим «романом в стихах», до сих пор невольно обманывающее критиков, должно было подчеркнуть неизбежный и безвозвратный разрыв между двумя эпохами, невозможность в XX веке изъясняться тем же языком и в тех же формах, что и сто лет назад. Поэма «Я видел», на мой взгляд, представляет собой нечто вроде экспрессионистского варианта «Евгения Онегина». Строфа этой поэмы, производящая впечатление усеченной, куцей и как бы «объеденной», – это то, что осталось к середине XX века от пушкинской строфы:

Героев полон ком
Мы с явью сцепим,
Чем сразу возведём
В поэмы степень:
Тритоном резкой рифмы,
Любви трезвучьем,
Трезубцем жизни их мы
К себе приучим.

Для пробы – на ланцет
Возьмём надкус
Противников на цвет
И вкус.

Критики отмечают необыкновенное формальное мастерство автора, подчеркивая при этом несоответствие формы и содержания поэмы. «Особенно трудно укладывается в такую строфу самая обыкновенная история, которую можно рассказать (а значит, и нужно рассказывать) самыми простыми словами», – указывает в своей статье Владимир Губайловский. У нас, однако, нет никаких свидетельств того, что в своем произведении Георгий Оболдуев хотел рассказать именно историю. Здесь, вероятно, как раз и путает дело эпиграф из «Евгения Онегина», заставляя прямо соотносить то, что требует сопоставления исключительно опосредованного.

Строфа, разработанная Оболдуевым для поэмы «Я видел», действительно на редкость примечательна. Во-первых, потому что она снимает провозглашенное футуристами противопоставление авангарда и традиции. Оболдуев использует в своей поэме рифмованный ямб (что может быть более традиционным?!), и, тем не менее, этот размер работает у него совершенно по-другому, в результате чего строфа приобретает вполне авангардный облик. Во-вторых, эта строфа невероятно музыкальна. В условиях нарочито сжатой трех- и двустопной поэтической строки Оболдуев виртуозно пользуется возможностями русского рифмованного стиха, чтобы приблизить поэму «Я видел» к музыкальному произведению. Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что у этой поэмы есть своя собственная мелодия и свой музыкальный ритм, которые западают в память читателю даже быстрее, чем сами поэтические строчки. В-третьих, одной из важнейших художественных проблем немецкого экспрессионизма было воплощение на практике высказывания Фридриха Ницше: «Mein Stil ist ein Tanz; ein Spiel der Symmetrien aller Art und ein Űberspringen und Verspotten von diesen Symmetrien. Das geht bis in die Wahl der Vokale»* . Наилучшим воплощением этого высказывания в русской поэзии мне как раз и представляется поэма Георгия Оболдуева, для стиля которой невозможно подобрать более точного определения, чем «танцующий». В-четвертых, сама форма этой строфы работает на остранение, сохранение дистанции между текстом и читателем, не давая ему ни малейшей возможности отождествить себя с описываемыми в поэме событиями.

В том, что касается содержания – «обыкновенной истории», Георгий Оболдуев словно бы нарочно смеется над наивными читателями – как современниками, так и потомками, ка-

* *«Мой стиль – танец; игра симметрий всех сортов и перепрыгивание через эти симметрии и высмеивание их. Это распространяется и на выбор гласных» (цит. по: Н.В. Пестова. Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. Екатеринбург, 2002. С. 332).*

залось бы, точно знающими, как должно выглядеть эпическое произведение. В развитии нескольких сюжетных линий поэмы полностью отсутствует динамика – после обширной вводной части, описывающей происхождение и предысторию героев, действие движется как бы скачками, лишь ненадолго останавливаясь на отдельных моментах. В эпилоге Оболдуев дает краткие сведения о дальнейшей судьбе героев вплоть до их детей и внуков, и на этом – все. Читатель, ожидающий длинных подробных описаний и развесистого психологизма, не получает ничего, кроме вот этого пунктирного повествования, иногда расширяющегося в достаточно подробную, но все равно – фрагментарную картину. Все эти особенности (правда, со знаком минус) очень точно описал в своей статье Владимир Губайловский.* С точки зрения поэтики экспрессионизма все перечисленные им признаки являются высочайшей удачей Георгия Оболдуева, тем новым, чего до него вообще не было в русской литературе. Сюжет поэмы построен по принципу монтажа. Образы персонажей – деформированы, выстроены вообще без применения психологизма. Строфа самой своей структурой работает на принцип остранения. Все произведение целиком и полностью антимиметично. Учитывая поразительное формальное мастерство и способность Оболдуева работать на грани словесного и музыкального, логично предположить, что здесь мы видим не «неумение» и не «неудачу», а прямой замысел автора. Целью написания поэмы, как мне кажется, была вовсе не «обыкновенная история», а нечто иное. Определение что именно вывело бы нас далеко за рамки данной статьи, все-таки изначально посвященной раннему творчеству Георгия Оболдуева. Хотелось бы лишь отметить интересные стилистические переклички с «Доктором Живаго» Бориса Пастернака, явившимся, как известно, еще одним ответом человека начала XX века, т.е. совершенно другой эпохи, на изменения, произошедшие со страной и культурой.

Этот относительно подробный теоретический разбор поэмы «Я видел» помещен здесь не случайно. Поэма эта, безусловно, является для Георгия Оболдуева произведением итоговым и воплощающим результаты его многолетней поэтической работы. Не зная конечной точки, достаточно сложно судить о начале – то есть о произведениях, помещенных в вышедшую на четыре года позже вторую книгу «Стихотворения 20-х годов». Кроме того, именно на поэме очень хорошо виден творческий метод Оболдуева, который может несколько потеряться на фоне очевидных перекличек его раннего творчества с более известными поэтами того времени (например, с Маяковским и Пастернаком). Вот, к примеру, одно из стихотворений:

Н. Оболдуевой

Добрая половина герольдов
орёт о дикой неге.

Для меня, пожалуй, пароль да
тонкие перчатки для изящества
смело прикладывались «всей недолгой».

Это – исторический экскурс. Чудачка!
Настоящее – к сердцу. Милая!

Гремела горная вода. Горная
ночь: мохнатая, близкая. Горные
звезды. Это всё по дождику,
– горное-то, – «который, который перестань»;
по пейзажу на одной ножке: «что ж де?», как
пенящаяся морскими барашками береста.

Мне ясно видно отсюда,
как бегает береговая собака, мутными от
страха глазами
прискуливаясь к родимым вещам,
ещё так остро пахнущим
не трупом, о, нет:
хозяином,
в данный момент
жестикулирующим мёртвыми конечностями
в судорожной волне,

---

* *«Строфа имеет практически нулевую инерцию – она постоянно тормозит действие. Ритм не разгоняет повествование, оно тут же вязнет. <…> Невозможность уложить законченное высказывание в одну строфу буквально заставляет переносить продолжение в строфу следующую. Получается своего рода не инерция ритма, а инерция содержания. Возникает нехарактерная для крупных поэтических вещей форма связанности. Но необходимость писать назывными и безличными предложениями, опускать глаголы, постоянно использовать междометия, быть неразборчивым к любой практически лексике – иногда крайне разностильной, – вынужденное подчинение смысла прокрустову ложу строфы расшатывает движение текста, делает его неровным, дробным, качающимся».*

отрыгивающей труп на берег:
через по́лчаса
– к собачьим лапам.
25.VII.1924

Это стихотворение посвящено первой жене Георгия Оболдуева. Как видим, оно состоит из нескольких выделенных графически частей, сопоставленных по принципу монтажа. Смысловая связь между этими частями далеко не очевидна. С достаточной степенью вероятности можно предположить, что строчки «Это – исторический экскурс. Чудачка! / Настоящее – к сердцу. Милая!» разделяют две части – воспоминания поэта о прошлых встречах и описание какой-то недавней ситуации, скорее всего, совместного путешествия в горы. Белая с черными полосками кора березы напоминает поэту пенящуюся барашками морскую волну, причем, что особенно интересно, почти в негативном изображении. Отсюда – по смежной ассоциации или же по каким-то другим, более глубоким, причинам – Оболдуев переходит к натуралистической картинке: вещи на берегу, скулящая собака, волна, выбрасывающая на берег утопленника... В этом сопоставлении есть нечто угрожающее, обеспокоенное и даже – обреченное. Но для более точной интерпретации, конечно, нужно знать и бытовой контекст создания этого стихотворения, и написанные параллельно ему стихи других поэтов. Если же отрешиться от попыток расшифровать скрытый смысл, то нельзя не отметить, во-первых, сложную форму, сочетающую рифмованный акцентный стих и верлибр, во-вторых, поразительную работу с фонетикой, в-третьих, невероятную эмоциональную насыщенность этого на первый взгляд странного и непонятного стихотворения. Возможно, что вовсе и не нужно пытаться восстанавливать эти смыслы...

Публикация ранних стихотворений дополнена воспоминаниями Николая Яновского и Елены Благининой, а также юбилейным – приуроченным к столетней годовщине со дня смерти – очерком Оболдуева о Пушкине. Эти материалы помогают создать более полное впечатление о поэте, однако их все-таки недостаточно. Как уже отмечалось выше, крайне не хватает исследований контекста, а также адекватных теоретических работ о современниках Оболдуева, без чего невозможен полноценный анализ его поэтики. Именно на творчестве этого поэта особенно остро чувствуются недостатки современного состояния литературоведческой науки. Что ж, будем надеяться, что рано или поздно они будут преодолены, и Оболдуев займет свое безусловное место в истории русской литературы первой половины XX века. Пока же этот поэт остается известным лишь узкому кругу образованной интеллигенции, конечно, несколько большему, чем в годы его жизни, но вряд ли разница эта имеет принципиальный характер. Впрочем, я не думаю, что «нормальная коммуникация со своими читателями» или же «полноценная социализация в сообщество профессионалов» так уж необходимы для того, чтобы поэт состоялся как поэт. Не известно еще, что лучше – обширная прижизненная слава и полное немедленное забвение после смерти или же прорастание каждой своей строчкой в поэзию будущего. Ведь отзвуки стихотворений Георгия Оболдуева можно найти не только в неофициальной советской поэзии второй половины XX века, но и у многих молодых поэтов начала XXI века, возможно, даже и вовсе не знакомых с его творчеством. Это означает, что Оболдуеву удалось зацепить в русской поэзии нечто крайне существенное, до сих пор актуальное, причем настолько, что некоторые произведения из книги «Стихотворения 20-х годов» могли бы быть напечатаны в любой современной антологии – и не выбились бы по своей стилистике из общей картины. Ну, как бы там ни было, а критический срок – пятьдесят лет после смерти – поэзия Георгия Оболдуева уже преодолела. Теперь дело за нами – внимательными и благодарными читателями...

Андрей ПЕРМЯКОВ

СТИХИ НА АСФАЛЬТЕ

Адище города. Санкт-Петербург - Москва: Акт, 2010. – 64 с.

Это третья книга некогда тверского, а ныне московского автора Анны Голубковой. Две первые, «Школа жизни» и, в особенности, вышедшая в 2009 году «Типа о любви» создали Анне репутацию весьма интересного и многопланового прозаика. Появившийся вслед за

ними сборник стихов носит очевидный отпечаток первой литературной «специальности» своего создателя. Это, безусловно, сказано не в укор: поэзия не может подпитываться исключительно сама собой, нуждаясь в притоке идей и смыслов от других жанров искусства.

Довольно часто, если не в большинстве случаев, разделение поэтического сборника на главы носит искусственный характер, определенный исключительно волею автора. Здесь же одиннадцать разделов книги различаются один от другого столь же очевидно, сколь различались бы отдельные рассказы, что позволяет говорить о каждом из них как о самостоятельной литературной единице.

Начать хочется с добрых слов, благо поводы для них существуют. Третья глава, «Стихи для покойной бабушки», просто очень хороша. Плотные, лаконичные верлибры с неожиданным переключением смыслов, вмещающие в себя, как и положено настоящим стихам, гораздо больше того, что в них непосредственно сказано. Такое встречаешь не слишком часто, а в свободных стихах последнего времени – тем более:

С мешками под глазами от недосыпа
я еще больше похожа на свою бабку,
первую комсомолку города Ржева,
женщину с твердокаменным характером.
Мы никогда друг друга не любили,
временами же просто ненавидели,
но когда гроб стали медленно
опускать в могилу,
я внезапно поняла, что лишилась
какой-то своей очень важной части.
Мне от нее в наследство
достались – длинная шея и
низко нависающие веки,
из-под которых так удобно
отпускать презрительные взгляды...

Увы, начинается книга совсем другими текстами, например, такими:

с удовлетворением наблюдать
за своим пухнущим банковским счетом
следить за тем как увеличивается сумма
вклада
размышлять о том на что это можно
потратить
<...>
поколение сидящих по своим углам
открывающих утром глаза для того
чтобы зевнуть и с презрением отвернуться
от этого прекрасного благостно устроенного
мира
поколение уныло бредущих на работу
<...>
работай, сука!
и не смей жрать пиво на улицах
и не вздумай прятать доходы от государства
и главное – не будь пессимистом
ведь уныние – это смертный грех
так утверждает господь бог
который тоже
хочет
тебе
только
добра

Отрывки из трех разных стихотворений столь слабо различаются по своему пафосу и энергетике, что вполне могли бы стать одним текстом. Беда лишь в том, что текст этот уже неоднократно написан, например, Валерием Нугатовым. И уже когда Нугатов писал его в четвертый или пятый раз, было не интересно.

Чтоб не возвращаться больше к явным неудачам, упомянем еще цикл «Насилие и секс». В принципе, название указывает на явную ироничность представленных здесь стихов, но временами кажется, будто автор обращается к хроническим потребителям телевизионного юмора, способным воспринимать только совсем уж грубые гэги:

<...>
когда твоя кровь вытечет
на чистую мягкую землю
поцелую в еще теплый лоб
вскрою грудную клетку
достану твое лживое
остановившееся сердце
и съем
без соли и лука

Да, это вполне смешно и, если Анна хотела достичь комического эффекта, у нее получилось, но кроме такого эффекта, здесь, пожалуй, ничего и нет.

К счастью, оба наименее удачных раздела сборника довольно коротки, а в целом книга оказалась весьма интересной, и, повторюсь,

разнообразной. Даже относительно схожие друг с другом главы обладают вполне внятными оттенками смысла. Скажем, цикл «Невротическое» во многом повторяет мотивы из открывавшего книгу «Адища города», но стихи, представленные здесь, звучат совершенно по-иному. В первую очередь – за счет личного начала и парадоксального взгляда на мир блестящих стекол и тонких мониторов:

не хочу быть ни поэтом
ни прозаиком
ни даже литературоведом
хочу быть амебой –
расплыться
бесформенным пятном
по поверхности
воспринимать реальность
только через
слабое
подобие
осязания

По-моему, это гораздо убедительнее говорит об отношении к прожорливому городу, выбрасывающему отработанный материал на человеческие поля фильтрации, нежели прямое упоминание этих реалий в первой главе сборника.

А еще лучше получается, когда Анна забывает об этой самой нелюбви к офису (кстати, интересно было б почитать хорошие стихи человека, офисную работу обожающего: возможно ли такое?) и переходит на почти буддистскую позицию недеятельного созерцания. Например, цикл «Стихи, сочиненные по дороге к офису» состоит из сверхкратких зарисовок-наблюдений, дающих панорамную и, вместе с тем, обладающую резкостью и глубиной картинку:

девушки в метро
надменные
в сознании своей красоты
и высокой рыночной стоимости

Такой кивок Эзре Паунду: «Ну, мы ведь поняли друг друга, да?» Но в данном случае ирония спасает.

Или:

февраль
мокрая крыша
грибы спутниковых тарелок
в полдень поворачиваются
к солнцу

Можно, конечно, задавать риторические вопросы – что это? Стихи? Начало чудной прозы? Короткая проза как она есть? А можно просто с удовольствием читать. Второй вариант предпочтительнее, вероятно. Вообще, на вопрос: «Заслуживает ли книга времени, затраченного на ее прочтение?» ответ будет однозначно положительным. Более того, как это ни парадоксально, недавно вышедшая книга уже многими прочитана: цикл «Стихи о тяжелой жизни непопулярных поэтов» весьма популярен среди целевой аудитории – тех самых непопулярных авторов, ставших объектом насмешек:

***

большие беззубые поэты
бухают за счет маленьких девочек
тощеньких жалких девочек
некрасивых
но страстно
желающих
быть любимыми
поэты глотают коньяк
и делают вид
<...>

Останавливаться на всех главах книги бессмысленно: они действительно слишком разные и заслуживающие прочтения. Пожалуй, отдельно стоит упомянуть об Итальянском цикле – хотя бы за смелость попытки: все-таки Италия уже лет 200 как служит российским пиитам одним из главных источников вдохновения, отчего любое новое творение предстает на довольно ярком фоне предшественников. Повторов Анне, безусловно, удалось избежать – причем и в отношении формы, и в смысловом плане:

Между Portofino и San Fruttuoso
вверх и вверх
по бесконечной лестнице
вверх и вверх
по бесконечной лестнице
главное – не останавливаться
спокойным размеренным шагом
все вверх и вверх
по бесконечной лестнице
не обращая внимания на отстающих

вверх и вверх
по бесконечной лестнице
потому что такова
эта блядская жизнь

Вплоть до последних двух строк стихотворение это действительно шло вверх и вверх, и, очевидно, уже успело закончиться, а финал приземлил его, перевел на уровень интересной зарисовки. И текст этот для сборника в целом довольно характерен: здесь действительно много стихов, на поверку оказывающихся очень хорошей прозой. К счастью, иногда, и не слишком редко, случаются действительно серьезные поэтические удачи, и количество их серьезно превалирует над числом откровенно проходных текстов.

Сергей ТРУНЕВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДОСТОИНСТВ

Э. Радзинский. Железная маска и граф Сен-Жермен. – М.: ЭКСМО, 2010. – 400 с.

Не являясь историком по образованию, я, к сожалению, не способен оценить глубину, основательность и нетривиальность изысканий Э. Радзинского (а, кстати, кто из гипотетических читателей способен указанное оценить?). Поэтому ограничусь некоторыми формальными наблюдениями.

В аннотации к «Железной маске» сказано, что это «детективная история». Однако, по моему глубочайшему убеждению, это никакая не «детективная», а просто история. Просто история в интерпретации Э. Радзинского всегда выглядит детективной. А детективная история, как водится, вырастает из сексуальной. А сексуальная история ниоткуда не вырастает. Она является первичной и представляется автору следствием своеобразного грехопадения человечества, сказать точнее, следствием вкушения «животной пищи»: «Грязная животная пища, к которой пристрастился человек, порождает животные грязные помыслы. Веками количество избыточной половой энергии росло в нашем теле и возросло в тысячи раз. Тело сначала слилось с духом, потом его победило... Половой акт сделался главным двигателем человеческой истории... И возраст особей вырождающейся человеческой расы стал стремительно уменьшаться, и сейчас он похож на возраст мотыльков, бабочек-однодневок. Люди рождаются и ничего не успевают толком понять, и вот уже, как мусор, их выметает Время...»

Историю же Э. Радзинский понимает в прямом смысле, т.е. именно как story, рассказ от первого лица. Рассказ о сексуальной подоплеке «большой» истории, автором которого является не писатель, но именно рассказчик: некто, именуемый в (так и хочется сказать «романе») Антуан де Сен-Жермен. Антуан – следователь, переносящийся из эпохи в эпоху в поисках самых загадочных преступников. Его язык прост и доступен и... до боли напоминает язык самого Э. Радзинского, точнее, его речь со всеми характерными интонациями: «С месье Антуаном было невозможно беседовать. Он говорил бесконечными монологами, совершенно не слушая собеседника. И глаза его при этом смотрели куда-то вверх, выше вас». Узнаете? Однако те стилистические огрехи, что прощает нам речь, не прощает письмо. Или, лучше сказать, эмоциональные достоинства речи Э. Радзинского имеют продолжением стилистические недостатки письма-речи Радзинского де Сен-Жермена.

Письмо обманывает, а story, рассказанная от первого лица, подкупает. Но истина речи обеспечивается не только авторитетностью автора, но также и его видениями. Это довольно безыскусный ход: в атмосфере, созданной Антуаном, Э. Радзинский просто начинает «видеть» события так, как они происходили: «Я опять мог патетически прокричать: «Я вижу... я вижу!»» И подкрепленный видением рассказ уже воспринимается читателем как сама история (правда, в конце книги оказывается, что дар авторского видения необъясним, но кому в конце книги уже нужны объяснения?).

Впрочем, стилистические огрехи, а порой и фактические несуразности, встречаются настолько часто, что чтение вынужденно приобретает дискретный характер. Позволю себе привести и откомментировать некоторые, наиболее яркие из них:

«Но подраставший юный король увидел страшный конец сгнившего заживо несчастного рыцаря Любви. И преисполнился ужаса» (С. 19). Без комментариев.

«Ее божественные формы – пышные бедра, высокую грудь, стрелявшую без промаха из игривого корсажа, – обессмертили тогдашние скульпторы» (С. 21). Никогда не видел стреляющую грудь, но это прекрасный образ для американской комедии типа «Голого пистолета».

«Их неопытность, долгая возня с лишением девственности, слезы, боли и страхи раздражали монарха» (С. 30). Без комментариев.

И так далее...

Но куда как хуже, когда уважаемый историк застает (он же видит!) известных исторических персонажей непосредственно в постели, или за фривольными разговорами и даже мыслями. Нет, я немного представляю себе, что такое Галантный Век. Более того, я отнюдь не вышеуказанная девственница, которую долго лишали девственности, но так и не смогли. Но сладострастие автора, равно как и используемая им лексика, иногда заставляли задуматься: а не безнадежно ли я устарел?

«Похвалив ненасытный пыл Франсуа, герцогиня была вынуждена указать ему на некоторые упущения в позах «сзади». Она тут же наглядно продемонстрировала разработанные ею корректировки к указанной позе. Корректировки так увлекли Франсуа, что лишь под вечер Мария смогла перейти к главному» (С. 118). Впору закричать: «Я вижу, вижу!»

«Король по-прежнему редко посещал спальню жены. Когда-то знаменитая красавица Диана Пуатье, любовница его прапрадеда Генриха II, силой приводила Генриха в постылую спальню жены – брюхатить королеву» (С. 125). Без комментариев.

«В то утро во дворце Фонтенбло король проснулся в 7.30 утра. В 7.45 утра король сел на стул с круглой дыркой...» (С. 185) Вот она, точность настоящего историка.

«Экипаж был с дешевыми рессорами. Зверски подбрасывало на ухабах, и от этой варварской езды страдала несчастная задница забившегося в угол кареты Фуке» (С. 207).

«Принц не терпел поучений «куриц» (так он называл всех дам). Он предложил любовнице короля, говоря по-нынешнему, «заткнуться»...» (С. 240).

К концу книги создается устойчивое впечатление, что историю творят сексуально озабоченные подонки, что весь ее характер и вся ее специфика есть лишь продолжение их достоинств. Как знать... Хочется верить, что это повествование всего лишь волшебная story, предназначенная для мечтательных домохозяек и офисного планктона.

Алексей КОЛОБРОДОВ

БОЛЬШОЙ ДОВЛАТОВ В МАЛОЙ СЕРИИ

М.: Молодая гвардия, 2010. – 355с. – (Жизнь замечательных людей: Малая серия. Вып. 10).

Сергей Довлатов в серии ЖЗЛ «Молодой Гвардии». В «малой серии». Можно себе представить, как сам Сергей Донатович горько веселился бы по этому поводу, сколько выдал бы, импровизируя, новых расшифровок знаменитой аббревиатуры – не всегда цензурных, но неизменно остроумных...

Даже Довлатов, который, допустим, знаком с масштабами посмертного признания, оглушенный славой, разобранный на цитаты, «оэкраненный», как мечталось Игорю Северянину, и обмемуаренный «друзьями», подобно Владимиру Высоцкому.

1.

Беда, однако, в том, что поводов для веселья мало. Разве что в духе тех довлатовских баек, которые для печати не предназначались и вырывались у писателя, пораженного человеческой низостью, в моменты злости и отчаяния, в некоторых частных письмах.

Издателям и автору книжки Валерию Попову, питерскому прозаику (крепко читателями в этом качестве подзабытому), наверное, страсть как хочется сегодня, чтобы книжку обозвали «скандальной». Плюс эксклюзивность, некоторая даже детективность и нечаянная рифма к нелепостям и курьезам довлатовских жизненных обстоятельств.

Издатели в предуведомлении на такой оборот намекают: «Уважая права наследников писателя, мы приняли решение – впервые за 120 лет выпустить книгу из серии «ЖЗЛ» без всяких иллюстраций, даже без фотографии героя на переплете. Мы также исключили из книги многие письма Довлатова, в том числе его «запрещенную» переписку с И. Ефимовым».

(История судебной тяжбы вокруг книги «Сергей Довлатов. Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым» – М.: «Захаров», 2001– достаточно известна. Но, к сведенью иронизирующих по сему поводу «молодогвардейских» издателей, Валерий Попов ухитряется, тем не менее, контрабандой протаскивать куски из переписки Довлатова с Ефимовым – стр. 312–313. Равно как редактировать довлатовские письма – видимо, тоже «уважая права». Но об этом ниже.)

Те же издатели недоумевают – искренне или притворно (второе вероятней): «В адвокатской претензии ничего не говорится о первопричине недовольства наследников Довлатова готовящейся книгой Попова. Этой причиной не может быть нарушение авторских прав – ведь издательство сразу выразило желание оплатить все запрошенные правообладателями суммы и учесть все их поправки, для чего выслало рукопись вдове писателя. Автор уже вносил в текст поправки по замечаниям Елены Довлатовой, но эту конструктивную работу прервал уже упомянутый категорический запрет».

Тут много всего. Возникает естественный вопрос – а стоило ли вообще издавать кастрированную книжку, грубо нарушая волю наследников писателя? Кстати вспоминается сам Сергей Донатович, не раз говоривший, что иногда способен злословить по адресу собственных близких, но если это делает кто-то посторонний, он приходит в неистовство... Можно представить его реакцию на лукаво-корявые оправдания издателей, замаскированные банальностями вроде «Довлатов, изображенный Поповым – не икона», «трагикомические ситуации», «образ не полон»; отмазками по типу «не мы – так другие» и дурацкими угрозами-пророчествами «тот же Довлатов, вкупе с другими замечательными писателями XX века, перестанет вызывать сколько-нибудь широкий интерес у поглощенных телесериалами и «большими стирками» россиян».

И как бы не старались издатели предстать финансовыми рыцарями, по-довлатовски «без страха и укропа» – подоплека появления сей нелепой жэзээлины на поверхности и в духе времени. Издателям стало жаль аванса, а Валерий Попов решил, что эти несколько тысяч долларов давно и полностью отработаны, какие еще поправки... Схавают. Даже такую книгу-уродца.

На самом деле, здесь все очевидно, если сами издатели сообщают: Елена Довлатова ознакомилась с рукописью. И, надо полагать, нашла ее неряшливой, дурно написанной, халтурной. По сути никакой не биографией, но очерком «жизни и творчества» на уровне дипломника провинциального филфака.

Забавная деталь – Попов походя сообщает, что не успел заглянуть в тот или иной источник. Чукча, дескать, не дотошный биограф, а вольный художник. У меня, однако, устойчивое ощущение, что, приступая к работе, он и довлатовские-то сочинения просмотрел, в лучшем случае, по диагонали.

2.

Но главное – псевдобиографический опус Попова с какой-то убийственной точностью, самодовольно и жлобски, противоречит всему тому, что с болью, горечью, сарказмом утверждал Сергей Довлатов в своей жизни и литературе.

При всей малости и серии, и книжки – торжество рыхлого многословия, особо пикантного на фоне цитат из безупречного, до бесстилья, стилиста Сергея Донатовича. Непобедимые пионервожатские интонации: «Вот невезуха! – воскликнем мы»; «Нелегко, я гляжу, покорять Америку! Скорее она покорит тебя!»; «Но не таков Довлатов!» и т. д. и т. п.

Частокол вопросительных и восклицательных знаков и, конечно, опечатки, с которыми у педанта Довлатова были свои длинные счеты.

Перечисляя, в столбик, этапы большого пути Довлатова в издательстве «Эрмитаж» Игоря Ефимова, Попов регулярно забывает упомянуть одну из лучших книг СД – «Заповедник» («Эрмитаж», 1983), но на той же странице голосит: «Знаменитейший «Заповедник!».

Попов, сам того, похоже, не понимая, вообще тотально оппонирует довлатовской стилистической, синтаксической и фактологической скрупулезности. Вот он цитирует письмо СД Юлии Губаревой, причем, развлекаясь наблюдениями, сообщает, будто в раннеэмигрантский период писатель, мол, спасался письмами. Между тем, письмо датировано 24-м декабря 1982 года, Довлатов пятый год в эмиграции,

да и пишет приятельнице с легкой бравадой не «нового», а старого американца. Но это ладно. Вот фрагмент письма Юлии Губаревой в редакции Попова: «Я, например, дружу с Воннегутом, но когда у него было 60-летие, он позвонил и сказал: «Приходи в такой-то ночной клуб к одиннадцати, когда все будут уже пьяные...». Меня позвали как бы с черного хода».

А вот Довлатов – Губаревой в редакции Довлатова (цит. по книге «Сквозь джунгли безумной жизни». – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003): «Американской «друг» соответствует русскому «знакомый». Я, например, дружу с Воннегутом, он хорошо к нам относится, неоднократно и в разных формах выражал свою литературную симпатию, но когда у него было 60-летие (Воннегут похож на страшно истаскавшегося 20-летнего студента), он позвонил и сказал...» и т. д., далее у Попова почти верно.

Цитаты не то, чтобы отличаются, как Бродский от Кушнера – в иных обстоятельствах сказал бы сам СД. Нет, тут даже не вырывание из контекста, а какое-то абортирование с последующим вивисекторством. И эти люди учат нас любить Довлатова и, поджав губы, полемизируют с его наследниками?

Но почему пострадал ни в чем не повинный Курт Воннегут? У меня собственная версия: издатели-«молодогвардейцы» именуют Валерия Попова «другом» Сергея Донатовича; сам же Попов скромнее, он презентует себя в тексте эдаким «вечным спутником» героя. Созидает и малоудачный автопортрет – хорошо, если на довлатовском фоне, а то и просто пишет про себя страницами.

Занятно, но в этом самом варианте «Попова в кустах» жэзээлина «Довлатов» – не прямой наследник отечественного довлатоведения (Андрей Арьев и Ко), но римейк некогда известной повести писателя и радиоведущего Михаила Веллера «Ножик Сережи Довлатова» (которую сам автор объявил задним числом данью модным постмодерну и интертексту). Мотивации примерно одинаковы: «мы-то и умные, и красивые, и пьем поменьше, а читают почему-то не нас, а его»... Другое дело, что у Веллера живые чувства – злость и зависть, у Попова же – вялая имитация интереса к судьбе, которая приводит к столь потрясающим литературным результатам. Да и писал Веллер когда-то получше.

Впрочем, живое и комически трогательное иногда прорывается и у нашего псевдобиографа – когда он, позабыв о Довлатове, повествует нам о своем открытии Америки. Или сочувствует несчастью Василия Аксенова, претензию которого на «первого писателя» Бродский в эмиграции торпедировал. Или выговаривает плохому ученику Сергею Довлатову за нетерпение в издательских делах и раскладах при Советской власти. Не слушал, мол, редакторов, которые только добра хотели, не выучился ждать, не был спокойным и упрямым... А сидел бы Поповым ровно, глядишь, издавался бы еще в Союзе.

(Правда, в подобном варианте, возможно, Довлатов бы писал хорошую ЖЗЛ Валерия Попова, а не наоборот.)

Но – продолжим о «друге» Воннегуте из того же ряда. Автор, возможно, и бессознательно любые упоминая о дружбе в тексте проецирует на отношения в схеме «Валерий Попов – Сергей Довлатов», а потому длинных оговорок СД об «американской дружбе» справедливо опасается и старательно их вымарывает.

Вообще, простодушная фрейдуха Попову более чем свойственна. Рассказывая о довлатовском и своем, естественно, послевоенном детстве, не раз и не два с тихим ужасом пишет о «хулиганской толпе будущих урок, заполнявших тогда все дворы». Это кем надо быть, чтобы через шестьдесят лет вполне благополучной жизни пронести этот ужас!...

(Довлатов тут совершенно не при чем – без «растущей тяги к плебсу» и глубокого интереса к блатным писателя и представить немыслимо).

3.

Но вернемся к небрежности и халтуре. Впрочем, стоит ли дальше? Безобразия и паскудства Валерия Попова можно выписывать без конца, собственно, книга из них и состоит. Но все же несколько вопиющих примеров приведу.

Попов не только вымарывает из писем Сергея Донатовича, но и вписывает в них – Довлатов ненавидел подобное больше всего на свете. Выставляет Довлатова злорадствующим соседом: дескать, «Руслана» своего вы просра-

ли! – якобы пишет он Владимовым. Нетрудно догадаться, что ничего подобного Довлатов Георгию Владимову по поводу повести «Верный Руслан» не писал.

Попов посмеивается над Довлатовым – название таллиннского сборника (так и не вышедшего) банально, дескать, в обоих вариантах. Что «Пять углов», что «Городские рассказы». Между тем, книга должна была называться «Пять углов: записки горожанина»; и, воля ваша, ничего, кроме хорошего вкуса и довлатовской словесной дисциплины, тут не слышно.

Попов о тяготах и лишениях эмигрантской жизни на с. 250: «Ситуацию он осознает трезво», дальше абзац ни о чем с цитатой из СД о «безымянной жертве режима».

На с. 252: «Ситуацию он осознает трезво» и тот же бла-бла-бла-абзац с «безымянной жертвой режима»! А потом «жертва» появляется снова...

Да, это издатели-«молодогвардейцы», поучающие жизни наследников Довлатова и полагающие читателей идиотами.

Ну и в финальных титрах, в «Основных датах жизни и творчества С. Д. Довлатова» нас ждет главный сюрприз – перепутана дата рождения сына, указано 23 февраля, тогда как Николай Довлатов родился 21 декабря.

Могу утешить авторско-издательский коллектив – это тоже знаковая дата для Советской власти – день рождения И. В. Сталина. Но сам Николай Довлатов в этом случае сказал бы, я полагаю, знаменитое «Это хунья!».

Вообще все как-то дико и неправдоподобно. Последние писательские биографии в ЖЗЛ, которые я читал (а одну рецензировал) приятно поразили не просто качеством, но мощью исполнения. Литературная (как специально оговорил автор, Лев Лосев) биография Иосифа Бродского. Несколько в ином роде – биография писателя на фоне эпохи – «Игра его была огромна» Захара Прилепина о Леониде Леонове. Подробное исследование русского авангарда через судьбу Даниила Хармса в ЖЗЛ Александра Кобринского...

Здесь же, может, действительно впервые за 120 лет – столь крикливый пример невежества и бездарности.

4.

И все же, из соображений толерантности, отмечу немногие достоинства ЖЗЛ «Довлатов». (Понятно, в нормальной книге их «достоинствами» никто назвать не рискнул бы.)

Попов худо-бедно обозначает малоизвестный «курганский период» СД. Приводит письма Довлатова к Тамаре Зибуновой. Недурно компилирует тексты Вайля и Гениса – видимо, под влиянием рассуждений Сергея Донатовича об искусстве монтажа в прозе. Попадаются даже мускулистые, с участием тренеров Ильфа и Петрова, фразы: «И хотя хитрый Довлатов стремился в любой компании представиться непутевым Шурой Балагановым – «чеканный профиль командора» проступает все четче». Менее слаба, чем все остальное, глава «Смертью героя...» – но тут заслуга не автора, но фактуры.

5.

Теперь о том, чего в книжке нет. Точнее, чего нет в отечественном довлатоведении – ибо опус Попова, не имея ни единого достоинства, страдает теми же изъянами.

Потенциальные добросовестные биографы СД встретятся со многими проблемами. Главная из них – сам Довлатов был первым собственным биографом – он подробно зафиксировал свою жизнь в прозе и письмах. Он же ее и зашифровал. Разбирать этот шифр – сложное, но увлекательное занятие.

Вторая трудность – Андрей Арьев, друг, биограф, исследователь и комментатор Довлатова – задал довлатовским штудиям изначально очень высокий уровень. (Кстати, на фоне многолетней работы Арьева опус Попова в ЖЗЛ кажется особенно, вопиюще убогим). Но есть и обратная сторона – Довлатов монополизирован одной литературной компанией земляков-единомышленников. Отсюда изъяны, возможно, имеющие общее, географическое, питерско-нью-йоркское происхождение: ограниченный круг мемуаристов, единый биографический канон и общая стилистика, изысканная и строгая, но скучноватая, без увлекательности; наличие табу и белых пятен.

Кстати, Попов упоминает, что мальчик Сережа Мечик поменял фамилию, стал Довлатовым, но – как и когда – не дает ответа.

Вскользь, у него же – о публикациях

«мальчика Сережи» в «Костре», однако поднимать подшивки и архивы, Попов, разумеется, не будет.

Как ни странно, мало известно об армейской службе СД. Несмотря на «Зону» и опубликованную переписку с отцом. А ведь в Коми АССР, непосредственно в лагерной охране, Довлатов служил не больше года. Потом, хлопотами Доната Мечика, перевелся ближе к Ленинграду, и об этом периоде – везде глухо.

Довлатов и бокс – тема увлекательная, но совершенно неизвестная. Миф или реальность? Бокса в текстах СД немало; он не опубликовал, но написал роман (!) «Один на ринге», работал над повестью «Записки тренера».

Довлатов подрабатывал грузчиком, был учеником камнереза в конце 60-х – свидетельств ноль. Попов почему-то пишет, будто «камнерезный» период непосредственно предшествовал эмиграции.

Конечно, алкоголь, о котором говорить ханжески в случае Сергея Донатовича попросту бессмысленно. Довлатовский литературный педантизм, рационализм, аскетизм – обратная сторона его запойных излишеств и пьяного размаха.

Словом, как любил цитировать сам Довлатов из Зощенко, литература продолжается, а биография только начинается. Возможно, книжка Попова, ставшая уродливым, хотя, возможно, и закономерным финалом монопольного довлатоведения, в соответствии с принципом «как не нужно писать...», еще разбудит, как декабристы Герцена, нового, дотошного и талантливого биографа. Который будет достоин своего героя – великого писателя и большого во многих смыслах человека – Сергея Довлатова.

Виктор СЕЛЕЗНЕВ

«ВСЕ НАШЕ! ВСЮ РОССИЮ ПОТРЕБУЕМ!»

Алексей Тепляков. Опричники Сталина. – М.: Яуза, Эксмо, 2009. – 432 с. – (Государственная безопасность). Елена Колпикова. Мы из ГУЛАГа. – М.: РИПОЛ классик, 2009. – 639 с. : илл. – (Судьбы России).

... Появился новый тип русского человека – инициативного, подвижного, энергичного, быстро выходящего из любого затруднения, появился новый пламенный человек. Чекист – наиболее законченный тип такого человека!

Н. И. Бухарин. Из выступления в Моссовете в честь 10-й годовщины ВЧК-ОГПУ

Кто знает, не припомнилось ли десять лет спустя это восхваление щита и меча пролетарского государства Николаю Ивановичу, когда сам любимец партии попал в лапы лубянских костоломов?

Пламенный погромный клич Расплюева: «Все наше! Всю Россию потребуем... Я-а-а теперь такого мнения, что все наше отечество это целая стая волков, змей и зайцев, которые вдруг обратились в людей, и я всякого подозреваю; а потому следует постановить правилом: – всякого подвергать аресту», – из гениального трагического фарса А. В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» (1869) – превратился в повседневную кошмарную явь в большевистском логове.

Книга Алексея Теплякова «Опричники Сталина», подготовленная по архивным материалам, знакомит читателя с биографиями чекистов первого ранга 30-х годов, подробнейше рассказывает об их методе расправы над обреченными, о том, как заваривались на энкаведешной кухне фальсифицированные политические процессы.

Чекист, по мнению автора, «высшая и последняя стадия гомо советикуса, существо, в наибольшей степени «автоматизированное» и освобожденное от основополагающих признаков человечности» (С. 10).

А Елена Колпикова пишет о несчастных жертвах этих самых гомо советикусов. Ее отца, инженера Каширской электростанции Федора Алексеевича Калакуцкого арестовали 29 января 1933 года по «Делу об электростанциях № 59/2634». Замах чекистский был куда как велик: такие же процессы они инсценировали потом в Харькове, Ленинграде, Иваново-Вознесенске, Ростове-на-Дону.

Вместе с Калакуцким схватили еще 17 человек – техническую элиту электростанции, треть из них имела высшее образование. И обвинили в создании «контрреволюционной фашистской организации на Каширской ГРЭС»

(С. 48). Чекистским эрудитам просто контрреволюционной организации показалось маловато, для пущей важности они присочинили еще один страшный эпитет – «фашистская»! Всего же на электростанции загребли почти сотню человек.

А судили каширскую техническую интеллигенцию по большинству пунктов печально известной 58 статьи: 2 – вооруженное восстание, захват власти в центре и на местах; 4 – помощь мировой буржуазии; 6 – шпионаж; 7 – призыв к подрыву промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения; 9 – групповая диверсия; 10 – пропаганда или агитация, призыв к подрыву или ослаблению советской власти; 11 – организованная преступность.

«Тройка» приговорила восьмерых подсудимых к высшей мере наказания, то есть к расстрелу, остальных – к разным срокам исправительно-трудовых лагерей. Коллегия ОГПУ оказалась более милостивой: расстрелы заменила на те же лагеря. Федору Калакуцкому по этому приговору выдали вместо 10 лет ИТЛ – 8.

До реабилитации доживут только четверо из приговоренных. 31 мая 1956 года военный трибунал Московского военного округа пересмотрит дело Калакуцкого. Приговор «тройки» был отменен, «и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления» (С. 113). Разумеется, никакого извинения за загубленную человеческую жизнь: советская власть никогда не каялась и не раскаивалась в своих преступлениях.

Много лет спустя дочь Калакуцкого, читая тома 1933 года, пытается доискаться до истины, захочет «узнать, в чем же вина моего отца перед страной, народом, почему он двадцать три года носил ярлык “враг народа”» (С. 9). Однако никаких конкретных следов вредительства, саботажа, шпионажа или подготовки восстания против родной советской власти Елена Колпикова так и не обнаружила в следственных материалах: только одни убийственные обвинения, только одна оголтелая демагогия.

Автор, рассуждая, как нормальный человек, предполагает, что «властям и в голову не приходило, что они обворовывают самих себя. Убирают со станции специалистов высокого класса, сами не веря в фашистскую организацию» (С. 21). «И никто из них не задумался, что убрать в 1933 году с электростанции в разгар строительства второй очереди сразу девяносто восемь человек, из которых двадцать – специалисты с инженерно-техническим образованием, это и есть вредительство» (С. 72).

Однако в том мире, по ту сторону добра и зла, действовали по совсем иным принципам и мотивам. Книга Алексея Теплякова «Опричники Сталина» – это как бы ответ на размышления Елены Колпиковой.

Тепляков дает обстоятельные биографии нескольких высших руководителей ГПУ–НКВД 30-х годов, называя их сталинскими опричниками. Но куда там опричниками или инквизиторам – по масштабам и бессмысленности расправ – до питомцев железного Феликса!

В январе 1933 году, когда арестовали Федора Калакуцкого и его товарищей, Сталин дал отмашку на новый виток и без того никогда не стихавшего террора, приказав «развеять в прах последние остатки умирающих классов». Понятно, с каким рвением чекисты ринулись «развеивать в прах» всю контру, выполнять и перевыполнять указания кремлевского горца: в том году посадили по всем городам и весям совдепии как контрреволюционеров 283 тысячи. Как же тут было думать о каких-то там государственных интересах: не те мозги, не те генеральные установки!

Развернулось нечто вроде социалистического соревнования между энкаведешными начальниками: кто быстрее, ловчее перехватает и расстреляет как можно больше троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, вредителей, диверсантов, шпионов, заговорщиков и прочих врагов. Ушлые чекисты творили целые повстанческие армии, каких только заговоров они не сочиняли: не только контрреволюционно-фашистский, но и кулацкий, и белогвардейский, и эсеро-монархический, и кадетско-монархический, открывали неслыханный доселе уклон: право-левацкий! Полуграмотные, или вовсе безграмотные борцы видимого и невидимого фронта не могли даже понять всей дичи своих придумок.

Да и кто рвался в эти органы порядка: грабители, мародеры, насильники, садисты, пропойцы, мошенники, развратники. Началь-

нички нередко создавали гаремы из починенных сотрудниц. В одном из районов Сибири был даже «Райблядком» – для гэпеушников и партийных функционеров. Штаб этой своеобразной организации летом 1931 года открыто расклеивал «по улицам свои “приказы”, в которых объявлялось, кто из “Райблядкома” к какой женщине “прикреплен”» (С. 117). Позже этот «ком» превратится в «Жеребком».

А когда грянул Большой террор, тут уж хватали всех, кто только под руку подвернется: и бродяг, и бездомных, и безработных, и даже тех, кто просто пришел в милицию заявить о пропаже документов. В Саратове, рассказывают, когда забрали всех, кого только можно было и кого нельзя, вдруг приходит новое указание: даешь еще 300 человек! Думало, гадало местное начальство, и тут-то вспомнило об армянах – чистильщиках обуви на улицах. Их-то и замели, выполнив за одну ночь план посадок.

Карлик Ежов, коего в те года все советские газеты славили, как сталинского железного наркома, дал установку: «Если во время этой операции и будет расстреляна лишняя тысяча людей – беды в этом совсем нет. Поэтому... особо стесняться в арестах не следует» (С. 254). Ну уж в излишней стеснительность никак нельзя было упрекнуть большевистских карателей. Когда Фриновский, заместитель Ежова, посмел осторожненько спросить у Сталина, не слишком ли много крови, тот, усмехнувшись, велел не беспокоиться: «Партия все возьмет на себя!» (С. 271).

Разумеется, передовики расстрельного фронта усердствовали не зря: их награждали орденом за орденом, назначали депутатами всяких советов, двигали скоростными темпами верх по карьерной лестнице до самых ее вершин.

К 1930 году грудь Василия Карлуцкого, палача Средней Азии, украшали уже два ордена трудового красного знамени – туркменский и узбекский, а также только-только учрежденный боевой орден красной звезды – он хватанул «звездочку» номер четыре. А в 1937 году ему выдали еще и орден Ленина.

В том же этим орденом наградили и комиссара госбезопасности Сергея Миронова, сталинского пса, как он сам себя с гордостью называл, чемпиона по масштабам репрессий. К концу карьеры он стал фактически заместителем наркома иностранных дел, Сталин даже намечал его на пост наркома.

Некогда эсеровский нелегал, а в годы советской разбойщины большевистский шпион и гулаговский генерал Николай Алексеев в Воронежской области сам же создавал и сам же разоблачал повстанческие группы и даже целые повстанческие армии. А затем он – главарь западносибирских чекистов, грозный хозяин сибирского ГУЛАГа. Последняя его награда – звание старшего майора госбезопасности, что было равно воинскому званию командира дивизии.

Провокаторская деятельность советского резидента Александра Барковского, с 1935 года – куратора западносибирских особистов, угробившего многих командиров Сибирского военного округа, была вознаграждена орденом красной звезды и двумя золотыми часами.

Но запущенный большевиками в 1917 году маховик тотального террора продолжал раскручиваться, и настиг в конце концов и самих палачей. «В 1938 г. основные руководители советской разведки уже были либо расстреляны, либо арестованы» (С. 314). С поста руководителя госбезопасности, как сказал поэт, еще никто не уходил живым: Ягода, Ежов, Берия.

Так закончат свой путь и зловещие персонажи книги Алексея Теплякова. В 1937 году был арестован и расстрелян как японский шпион Николай Алексеев. Через несколько месяцев без всякого суда будет убит Александр Барковский. В 1940 году по обвинению в заговорщицкой деятельности чекисты прикончат Сергея Миронова. И только Василий Карлуцкий сам себе вынесет приговор, покончив самоубийством все счеты с жизнью и со своим преступным ведомством.

...До чего же все-таки дьявольски любопытен был это народец – с холодной головой, с горячим сердцем и, конечно же, с чистыми руками! В конце так называемой хрущевской оттепели после допроса на Лубянке великого филолога Юлиана Григорьевича Оксмана, узника сталинского ГУЛАГа, кагэбешники спросили у него: Юлиан Григорьевич, вы, наверное, должны нас ненавидеть? Ответ их изумил: нет, мне вас жалко. Превосходный знаток отечественной истории отлично знал, чем кончили их предшественники.

Иван КОЗЛОВ

ТРИ ПОПЫТКИ ВЛИТЬСЯ В МЭЙНСТРИМ

«Призрак»

Интерес к фильмам Романа Полански неизбежно включает в себя недавние события в жизни режиссера – его арест по давнему обвинению. Так что фильм Полански пришлось заканчивать на стадии пост-продакшн во время швейцарского заключения.

Критики, всегда дружно отмечавшие присутствие в его лентах изгоев, беглецов и других подобных персонажей, над которыми тяготеет злой рок («Пианист», «Оливер Твист»), не ошиблись в своих ожиданиях и по поводу нового фильма. В «Призраке» политик-на-покое (Пирс Броснан) вынужден бежать в Америку, опасаясь выдачи Гаагскому трибуналу по обвинению в военных преступлениях. Ирония состоит в том, что как раз в Америку Полански путь заказан, так что американские сцены пришлось снимать в Германии, маскируя немецкую реальность под Массачусетс.

Новый фильм Полански (экранизация бестселлера Роберта Харриса) вышел у нас под названием «Призрак», хотя его оригинальное название несет совсем другие обертоны: «The Ghost Writer», буквально «писатель-призрак», на деле же: «литературный негр» (заметим, что в Европе эта идиома уже не употребляется по соображениям политкорректности). Герою фильма (Эван МакГрегор) предлагается закончить работу над мемуарами бывшего премьер-министра Великобритании, поскольку человек, который «писал» эти мемуары, погиб. Как выясняется в дальнейшем, при очень странных обстоятельствах.

Полански щедро разбрасывает по фильму ссылки на реальные события, произошедшие с весьма реальными персонажами. Так, рукопись мемуаров британского премьера называется «Моя жизнь», что совпадает с названием мемуаров Билла Клинтона. В машинописи, которую листает герой «Призрака», 624 страницы, точь-в-точь как в книге воспоминаний Тони Блэра. Государственный секретарь США, мелькнувшая на телеэкране, очень похожа на Кондолизу Райс. А уж конспирологические теории насчет зловещей роли в мировой политике жен первых лиц государства (как тут не вспомнить ореол вокруг Раисы Горбачевой!) расцветают в фильме пышным цветом.

С цветом, кстати, в «Призраке» довольно скудно. Фильм снят в мрачных серо-коричневых тонах, в кадре все время пасмурно или идет дождь, что сгущает и без того мрачную атмосферу киноленты.

Полански уже не снимает фильмы вроде «Отвращения» или «Что?». Большинство его лент находятся во вполне жанровом потоке, выделяясь лишь неповторимым почерком мастера. Но вот парадокс, если не знать, что «Призрака» снял Полански, мы получим вполне занудный и вялый триллер. Выходит, что талант режиссера в данном случае лишь приправа к жанру. Вполне достойная позиция по нынешним временам...

«Милые кости»

Питер Джексон известен, прежде всего, как создатель киноварианта знаменитой трилогии Толкиена «Властелин колец». Но знатоки помнят, что он снимал до своего триумфа, когда обитал в далекой Новой Зеландии, Австралии. Это были милые трешевые фильмы с соответствующими названиями: «Живая мертвечина», например.

Экранизация бестселлера Эллис Сиболд – удачный проект именно для Питера Джексона. Сюжет фильма – рассказ от лица девочки-подростка, изнасилованной и убитой соседом-маньяком, которая наблюдает за земной жизнью с того света. Этот фильм можно было снять как трагедию или мелодраму, но у Джексона, хотел он того или нет, вышла черная комедия.

Режиссер работает сразу на два фронта. Одни зрители умиляются происходящему на экране, другие откровенно хохочут, справедливо принимая загробный гламур за откровенный стеб. Это тот же трэш, только со знаком плюс: вместо мочилова бензопилой на дискотеке – ангелоподобные девочки, резвящиеся в предельно утрированном потустороннем мире, декорированном в стиле клипов музыки нью-эйдж.

Возникает вопрос: а не издевается ли режиссер над зрителями? Иногда кажется, что «сироп», льющийся с экрана, достигает такой концентрации, что всерьез воспринимать происходящее невозможно. Какое там сочувствие, какой катарсис...

Подобный случай «раздвоения» – ироничное отношение режиссера к тому, что он творит (во всех смыслах), – не редкий случай в современном кинематографе. Иногда лучше ерничать, пробуя поэтику жанра на прочность, доводя какие-то приемы до предела, за которым они оказывается откровенной пошлостью.

«Робин Гуд»

Хочется назвать Ридли Скотта великим режиссером. Он снял такие замечательные фильмы, как «Чужой», «Бегущий по лезвию бритвы», «Тельма и Луиза», «1492. Завоевание рая». Какие-то ленты оказывались знаковыми, открывая новые пути кинематографа. Так, «Гладиатор» достойно возродил, казалось бы, навсегда ушедший в прошлое «пеплум».

Любой коммерческий проект Ридли Скотт превращал в высокое искусство. К сожалению, его последний фильм – откровенный провал. Его не спасают ни блестящие актеры, которые похожи на крейсер, буксующий в луже, ни динамичный монтаж, ни сюжетные находки (оказывается, папа Робин Гуда был автором Хартии вольностей). Фильм состоит из пронафталиненных штампов, Робин Гуд напоминает американского спецназовца, «спасающего мир» (поэтому нас не удивляет, когда он появляется в майке), герои изъясняются на языке боевиков, медленно летящие стрелы и падающие со звоном ножи мы видели уже раз сто в таких же плохих фильмах.

Ридли Скотт в этом фильме перешагнул ту черту, которая отделяет режиссерский подход от мэйнстримовской анонимности. Видимо, ему не удалось ни иронически отстраниться от материала, ни трансформировать его в нечто большее, чем стандартный экшн. Как это ни печально, лучшее в фильме – это титры: кадры фильма, трансформированные в мультяшный режим.

Редколлегия журнала:

Анна Сафронова
Алексей Александров
Алексей Голицын
Алексей Слаповский
Олег Рогов

Подписано в печать ___ октября 2010 г.
Журнал отпечатан в типографии
Адрес типографии:

Заказ №
Цена свободная

Рукописи принимаются по адресу:
E-mail: safronova-volga21@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://magazines.russ.ru/volga/

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.